

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2015. № 35 (1)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

- А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук
- С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
канд. ист. наук
- В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук
- Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны, Россия)
канд. ист. наук
- А. Н. Сорокин (г. Томск, Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Directory of Open Access Journals.

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ №ФС77-47157** от 03.11.2011

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- Е. П. Бажанов (г. Москва, Россия)
- Й. Бекман (г. Хельсинки, Финляндия)
- В. А. Исупов (г. Новосибирск, Россия)
- И. И. Колесник (г. Киев, Украина)
- Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)
- В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)
- А. Ю. Рожков (г. Краснодар, Россия)
- Г. М. Романова (г. Сочи, Россия)
- Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)
- М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)
- С. В. Януш (г. Ставрополь, Россия)

Подписано в печать 01.03.2015 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 39.

Редактор, корректор
Н.Ш. Сайфутдинова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
казак Кузьма Крючков, Император Николай II, генерал Брусилов
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и открытка «Объявление войны»

BYLYE GODY (FORETIME). 2015. VOL. 35. IS. 1
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
PhD (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

A. N. SOROKIN (TOMSK, RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Directory of Open
Access Journals.

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration **ПИ №ФС77-47157** 03 November
2011.

Founder

SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19

E-mail: Bylyegody@sutr.ru

Website: www.bg.sutr.ru

English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

E. P. BAZHANOV (MOSCOW, RUSSIA)

J. BÄCKMAN (HELSINKI, FINLAND)

V. A. ISUPOV (NOVOSIBIRSK, RUSSIA)

I. I. KOLESNIK (KIEV, UKRAINE)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

G. M. ROMANOVA (SOCHI, RUSSIA)

A. U. ROZHKOVA (KRASNODAR, RUSSIA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S. V. YANYSH (STAVROPOL, RUSSIA)

Approved for printing 1.03.2015

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. l. 8. Ysl. pech. l. 6, 3.

Circulation 500 copies. Order № 39.

Editor, Proofreader

N. SH. SIFUTDINOVA

Editor-translator A. V. ROZHKOVA

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Cossack Kuzma Kryuchkov, Emperor Nicholas II, General Brusilov.

At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card "Declaration of war"

CONTENTS

ARTICLES AND STATEMENTS

The Design Features of Complex Vessels of Malyshev Neolithic Culture of Lower Priamurye (case study: Malyshevo 1 Settlement) Inga V. Filatova	5
The Formation of a Reclamation Region around the Amur River Basin in the Late Neolithic Period Vyacheslav G. Shvedov, Elena V. Stelmah, Sergei A. Solovchenkov, Andrew B. Golub	14
The Eastern Turk Empire in Central Asia 620–630 years Rustam T. Ganiev	22
Bohai Suryongs: Who Were They? Alexander Kim	30
On Hungarian-Galician Marriage Politics in the 13th Century: The Wedding of Dynasties in Zvolen and its Reflections in Central European Historiography Pavol Maliniak	36
The Voivode Government's Genesis in Siberia: a Study of Key Aspects Yakov G. Solodkin	41
'Tryokhstennyi Gorodok' in the Context of the History of Lower Reaches of the Terek till XVIII Century Nina N. Garunova	48
Peter the Great and Alexander I: Double portrait in the European interior Dmitrii A. Redin, Marie-Pierre Rey	55
Russian and Foreign Authors of the late 18 th – 19 th Centuries on the North-West and Central Caucasus (the Historiographical and Historical Aspects) Part 1 Vladimir G. Ivantsov, Aleksandr A. Cherkasov, Vasily V. Tarakanov, Violetta S. Molchanova, Olga V. Natolochnaya	70
The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II Elena S. Ustinovich	81
The Elder With «Keys From Heaven»: the Image of a Skopets in the History Russian Mystical Sectarianism in XIX cent. Anastasia V. Chernysh, Alexander V. Apanasenok	87
History of Maternity and Infancy in Zemsky Period (Based on the Central Chernozem (Black Earth Region) Files) Anna S. Tretyak	94
South-east frontier of the Russian Empire and the processes on the division of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of the XIX century Alexey I. Kortunov	100
Features of the Russian Language Institutionalization in the Poly-ethnic Environment of Sochi District by Means of Education at the Turn of XIX–XX Centuries Jury S. Tynnikov, Valentina V. Krylova	107
National School of Udmurtia in the Beginning of the XX century (in the Context of the Russo-Japanese war and the First Russian Revolution) Lucia A. Volkova, Irina V. Rubanova	116

Rural Communities on the Outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the Example of Villages within the Black Sea Governorate) Konstantin V. Taran	124
Naval Assistance to Spain and the Triple Entente Nicholas W. Mitiukov	133
Kalmyk Steppe During the World War I: the Question of the Transition to the Cossack Estate Irina V. Lidzhieva, Valery V. Batyrov, Ludmila V. Okonova	137
The Economy of the Cities of Kursk Province in the Years of the First World War Elena S. Ustinovich, Fedor A. Gavrikov, Galina N. Sukhorukova, Oleg E. Chuikov	145
Prisoners of War of the Triple Alliance within Kazakhstan Gulzhaukhar K. Kokebayeva, Nurzipa K. Alpysbayeva, Shotbek T. Bulgauov	152
Research and protection of natural resources of the Southern Russia during the First World War Anna N. Eremeeva	159
The problem of recognition of the USSR in 1924 and the Soviet-Chinese relations are based on the regional press Vladimir G. Dazischen, Larisa A. Kutilova	167
Gathering Edible as a Survival Strategy and Life Support System of the Siberian Rearward Village in Wartime Daily Living 1941–1945 on the Oral Historical Sources Tatiana K. Shcheglova	174
Gender Aspect of Soviet Citizens' Labour use on the Territory of the Third Reich During the World War II Natalia A. Garazha	185
Contemporary European historiography of Stalinism: Tradition and new Research Strategies for Central and Eastern Europe (Statement of the Problem) Viachaslau Menkouski, Michal Smigel, Aleksandr A. Cherkasov	192
Old-Believers and Soviet Reality of the middle of XX century: materials of Tomsk State University Research Library Valeriya A. Esipova	197
Nation state building in Tajikistan in 1988–2000-s. Search for "the backbone of the construct" Abdullah K. Daudov, Artyom A. Andreev, Vladimir A. Shorohov, Denis G. Yanchenko	204
Book in the Sociocultural History of the East of the Russian Empire Timur A. Magsumov, Irina V. Kornilova	211

Copyright © 2015 by Sochi State University

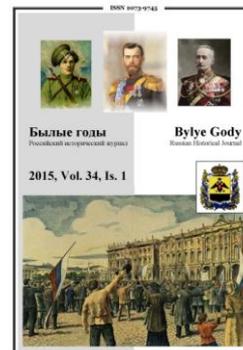
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 5-13, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 903.023

The Design Features of Complex Vessels of Malyshev Neolithic Culture of Lower Priamurye (case study: Malyshevo 1 Settlement)

Inga V. Filatova

Amur State University of Humanities and Pedagogy, Russian Federation

Kirova, 17/1, Komsomolsk-on-Amur, 681000

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
Russian Federation

Acad. Lavrentyeva, 17, Novosibirsk, 630090

PhD (History)

E-mail: inga-ph@mail.ru

Abstract

According to the author's opinion, the solution for cultural genesis issues can be tackled through the analysis of structural peculiarities of hollow bodies of vessels of different ceramic complexes. The ceramics of the Malyshev Culture of the Lower Amur is no exception. The article traces the evolution of researchers' views in regard to Neolithic culture in inner periodization of the region as well as cultural relevance of early complex ceramics by a well known Soviet archeologist academic A.P. Okladnykov – stage of Lower Amur Neolithic culture.

Case study: visualization of ceramic collection of one-layer Neolithic settlement Malyshevo-1 ("At the craftsmen"). Here we identify two vessel groups, which differ through their morphological and decorative features. On the ground of technological assessments of manufacturing techniques by I. G. Glushkov (1996), including methodological developments by A. A. Bobrinsky (1978), the program of hollow body design is researched. The manufacturing techniques are identified (methods of fixing, build-up, straps oiling, types of molding), filling program, cutting and bottom fixing. The mixed programs of hollow body vessels are identified and locations of two pottery traditions are found. A competitive analysis for identifying the peculiarities of Malyshev ceramics and Neolithic materials of the Lower Amur and bordering seaside territories. There are similarities are drawn out between ceramic complexes of Osipov culture of early Neolithic (Lower Amur) and Rudninsky culture (Rudninsky type, Sergeev type) of early Neolithic (seaside territories).

Keywords: Neolithic; the Lower Priamurye, Malyshev Culture; early complex; ceramics, designing.

Введение

Технологический процесс гончарства включает ряд операций, в числе которых – конструирование полого тела. Основными его составляющими являются: 1) начин; 2) формовка; 3) оформление обреза устья сосуда. Особенности выполнения этих процедур представляют собой культурно-значимые признаки, позволяющие установить динамику гончарства, а также определить степень потенциального родства между разными по культурной принадлежности гончарными

традициями, и, следовательно, проследить возможные истоки генезиса, а также этапы развития археологических культур [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

На сегодняшний день на территории Нижнего Приамурья выделено пять неолитических культур (осиповская, мариинская, малышевская, кондонская и вознесенская), общий хронологический диапазон которых определяется XII–IX – началом III – первой четвертью II тыс. до н.э. Указанные культуры соотносятся с начальным, ранним, средним и поздним периодами развития неолита.

В последнее десятилетие в археологии неолита Нижнего Амура предпринимаются попытки решения проблемы культуругенеза, а также выделения отдельных хронологических этапов внутри археологических культур [9; 10; 11]. На наш взгляд, анализ конструктивных особенностей керамических комплексов нижнеамурского неолита, в том числе малышевской культуры, поможет в решении указанных проблем.

Материалы и методы

Материалом для написания работы послужила керамика (обломки вылепленной из глины и обожженной посуды), полученная в результате археологических раскопок на однослойном памятнике Малышево-1 («У мастерских»), проводившихся в 1965 г. под руководством А.П. Окладникова [12]. Коллекция включает 710 фрагментов, из которых 110 венчиков, 569 стенок и 31 доньшко. В настоящее время эти материалы хранятся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Были также учтены опубликованные данные исследований осиповской керамики с памятника Гончарка-1 И.Я. Шевкомуда и О.В. Яншиной [13], ранней малышевской и кондонской керамики поселения Кондон-Почта Л.Н. Мыльниковой [14; 15], керамических комплексов руднинской культуры среднего неолита (Приморье) С.В. Батаршева [16].

Изучение программы конструирования сосудов ранней малышевской керамики поселения Малышево-1 («У мастерских») базировалось на системе технологических оценок формовочных операций И.Г. Глушкова [6], а также методических разработок А.А. Бобринского [3]. Разработанная сибирским археологом система оценок включает несколько категорий «следов-признаков»: 1) лентажгут; 2) излом; 3) течение глиняной массы; 4) макро- и микрорельеф поверхности сосуда; 5) толщина стенок сосуда; 6) трещины; 7) позитив-негатив спая; 8) рельеф крепления венчика и днища к стенкам. По мнению, И.Г. Глушкова, с их помощью «...можно диагностировать те или иные технические операции, связанные с конструированием сосуда» [6]. Для определения генезиса гончарных традиций поселения Малышево-1 в работе использовался метод сравнительного анализа керамики раннего комплекса малышевской культуры с неолитическими материалами Нижнего Приамурья и Приморья. Для выявления района локализации ранней малышевской керамики применялся картографический метод.

Обсуждение

Вопрос о культуругенезе и внутренней периодизации неолита Нижнего Амура впервые был поставлен А.П. Окладниковым в середине 1930-х гг. Изначально по материалам, полученным в ходе работ Нижнеамурской комплексной экспедиции 1935 г., ученым были выделены три стадии «амурского неолита» [17]. В последующей работе, сравнивая сибирскую (байкальскую) и нижнеамурскую культуры, А.П. Окладников акцентировал своеобразие последней, которое проявилось, в первую очередь, в керамике [18].

Вновь вопрос о выделении отдельных этапов нижнеамурского неолита стал актуальным в середине 1960-х – начале 1970-х гг., когда в результате работы Дальневосточной археологической экспедиции был накоплен значительный материал. Исследования у с. Вознесенского (1965, 1966) дали возможность А.П. Окладникову уточнить некоторые положения относительно хронологических этапов эпохи. Самый ранний этап ученый связал с однослойным поселением Малышево и поселением около Амурского Санатория; «по находкам в Малышеве этот культурно-хронологический этап можно назвать малышевским» [19]. В конце 1970-х гг. ранний этап неолита Нижнего Амура ученым вновь был обозначен как «малышевский» [20]. Оценивая в целом деятельность А.П. Окладникова по разработке проблемы периодизации неолита Нижнего Приамурья, заметим, что она осталась во многом незавершенной.

Работа была продолжена учениками А.П. Окладникова. В начале 1970-х гг. в статье, посвященной историографии каменного века Приамурья, А.П. Деревянко актуализировал вопрос об этапах развития неолита Нижнего Амура: выделенные А.П. Окладниковым в нижнеамурской культуре этапы, по его мнению, соответствовали культурам; самой ранней называлась малышевская [21]. Дальнейшая эволюция взглядов исследователей была обусловлена, главным образом, результатами раскопок поселений Гася и Сучу. Полученные данные дали возможность уточнить время и территорию существования малышевской культуры. Было высказано мнение, что начало ее формирования – вторая половина VII тыс. до н.э. Первоначально «малышевцы» расселялись на сравнительно ограниченной территории в пределах Среднеамурской равнины: с нижнего течения Уссури вниз по Амуру. Затем они, видимо, значительно расширили сферу своего воздействия, прежде всего в южном и северо-восточном направлениях [22].

Таким образом, в качестве вероятного центра формирования малышевской культуры был назван локальный район, включающий основные археологические памятники с находками ранней малышевской керамики: Шереметьево, Казакевичево, Бычиха, у Амурского санатория, Малышево-1. В начале 2000-х гг. малышевские памятники были разделены на две группы: юго-западную (раннюю) и северо-восточную (позднюю) [23]. Малышевская керамика, коррелирующаяся с ранними этапами неолита Нижнего Приамурья, в основном зафиксирована на памятниках юго-западной части региона, однако в небольшом количестве встречается она и на северо-востоке (рис. 1).

Рис. 1. Местонахождения с керамикой раннего комплекса малышевской культуры:
1 – Шереметьево, 2 – Казакевичево, 3 – Бычиха, 4 – Амурский Санаторий, 5 – Петропавловка-Остров,
6 – Гася, 7 – Малышево-1, 8 – Вознесенское, 9 – Кондон-Почта, 10 – Сучу

На сегодняшний день можно говорить о двух точках зрения относительно керамики, отнесенной А.П. Окладниковым к раннему – малышевскому – этапу нижнеамурской культуры. Первая высказана В.Е. Медведевым, связывающим ее с ранним малышевским комплексом [24]. Вторая точка зрения принадлежит И.Я. Шевкомуду, который считает, что это керамика раннего этапа кондонской культуры [25]. Расходятся мнения и относительно положения малышевской культуры в периодизации неолита региона: В.Е. Медведев относит ее к раннему и среднему [24], И.Я. Шевкомуд – к среднему этапу неолита [27; 11].

Результаты

Изучение керамической коллекции памятника Малышево-1 позволило по морфологическим и декоративным признакам выделить две группы сосудов (рис. 2).

Сосуды группы 1 (рис. 2, 1–8) открытых непрофилированных форм с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком, прямыми плечиками и прямыми или слегка сужающимися книзу стенками. Обрез устья уплощен или немного закруглен, внешний край может быть приострен. Предположительные значения диаметра изделий по венчику от 7,0–8,0 см до 19,0 см; средние показатели 11,0–12,0 – 14,0 см. Толщина венчиков и стенок от 0,4–0,5 см до 0,7–0,8 см. Орнамент: оттиски отступающей лопаточки разных форм.

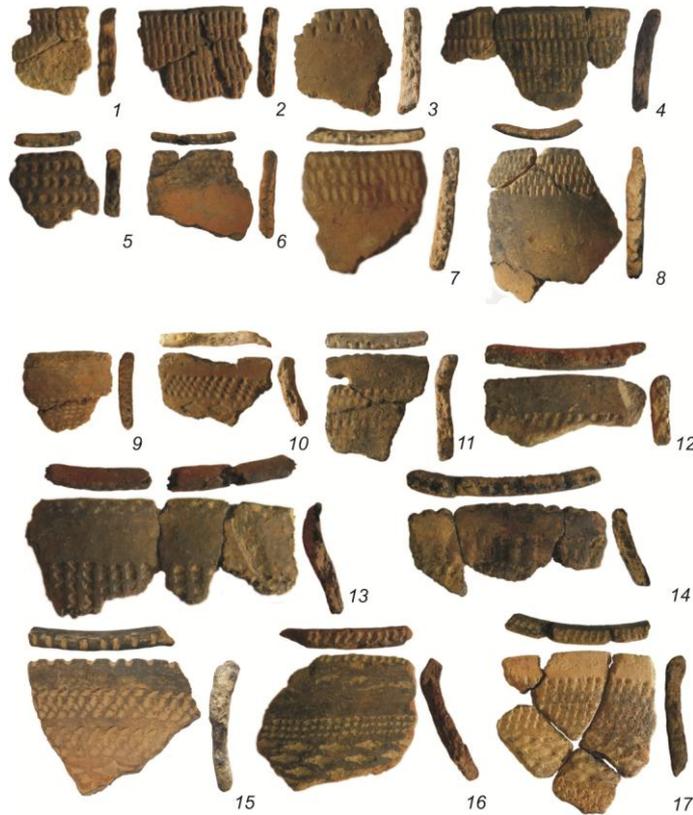

Рис. 2. Фрагменты сосудов групп 1 (1–8) и 2 (9–17) раннего комплекса малышевской культуры поселения Малышево-1. Масштаб разный.

Сосуды группы 2 (рис. 2, 9–17) открытых слабопрофилированных форм с отогнутым наружу венчиком, выделенными прямой или чуть покатой шейкой, пологими или округлыми плечиками. Обрез устья округлый или слегка уплощен. Внешний бортик может быть скошен наружу. Предположительные размеры диаметра сосудов по венчику от 15,0–17,0 см до 29,0–32,0 см; средние показатели 23,0–26,0 см. Толщина венчиков 0,7–1,1, шейки 0,6–0,9, стенок 0,7–0,8 см. Орнамент: оттиски гребенчатого и фигурного штампов.

Диаметр доннышек колеблется в предельных показателях от 5,0–6,0 см до 10,0–12,0 см, толщина – от 0,6 до 1,0 см. Толщина придонных стенок составляет от 0,5–0,6 до 0,7–0,8 см. Плохая сохранность сосудов, не поддающихся реконструкции в полном объеме, не позволяет определить точные размеры изделий по высоте.

Исследование программы конструирования керамики поселения Малышево-1 показало, что способом конструирования сосудов был жгутовой: в вертикальных изломах прослеживается волнообразное течение глиняной массы с упорядоченно расположенными уплотненными участками, которые образуют так называемый «шахматный» излом или излом с диагонально лежащими выступами и углублениями (рис. 3, 1).

Применялся способ крепления «в стык» (см. рис. 3, 2), а также дополнительное крепление в виде «желобов», «защипов» и «волн», которые хорошо видны в горизонтальных изломах черепков (см. рис. 3, 3). Характер примазывания жгутов упорядоченный. Диаметр жгутов сосудов группы 1 – от 1,0 до 1,5 см, средние показатели 1,1–1,2 см; сосудов группы 2 – от 1,0 до 2,0, средние значения 1,3–1,5 см. В процессе конструирования стенок жгуты лишь слегка утончались, сильной деформации не происходило. На это указывают интервалы отношения толщины стенки к изначальному диаметру жгута (у группы сосудов 1 0,3–0,35 – 0,43–0,45, у группы 2 – 0,3–0,35 – 0,4–0,46), а также то, что толщина стенок существенно не изменялась.

Рис. 3. Конструктивные признаки керамики раннего комплекса малышевской культуры поселения Малышево-1: 1–3 – горизонтальные и вертикальные изломы сосудов с «волнообразной» фактурой (1), характерными «стыками» (2) крепления жгутов; «шипами» (3); 4 – «ложбины» – следы крепления жгутов – на внутренней поверхности фрагментов; 5, 6 – верхние части сосудов (внутренняя поверхность) со следами жгутового налепа (5) и трещинами (6); 7, 8 – изломы венчиков (7) и кромки обреза устьев (8) со следами накладывания дополнительных жгутов; 9 – фрагменты донцев. Масштаб разный.

Наращивание жгутов происходило двумя способами: спиральным и кольцевым. В группе сосудов 1 доминирующим был спиральный налеп, в группе 2 оба вида налепа использовались примерно одинаково. Сосуды группы 1 формовались и сверху вниз (см. рис. 2, 1, 3, 4), и снизу вверх (см. рис. 2, 2, 5, 6), группы 2 – преимущественно сверху вниз (см. рис. 2, 10, 11, 17).

Сложной категорией признака, по мнению И.Г. Глушкова, являются трещины [6]. В ранней малышевской керамике наиболее показательными являются образцы сосудов группы 1, для значительной части которых характерен диагонально-горизонтальный излом (рис. 3, 5) и диагонально-горизонтальные трещины (рис. 3, 6) в верхней части, демонстрирующие распайку по жгутам. Часть фрагментов сосудов группы 2 также имеет сходный диагонально-горизонтальный излом, но трещины на них практически не фиксируются.

Наблюдение за макро- и микрорельефом поверхности черепков выявило еще ряд признаков, свойственных жгутовому налепу. Для микрорельефа внутренней поверхности керамики оказались характерны неровности, которые выглядят как горизонтально расположенные покатые «гребни», чередующиеся с «ложбинками» (см. рис. 3, 4).

Микрорельеф поверхности сосуда позволил определить особенности оформления среза устьев, а также крепления дниц изделий. Для венчиков сосудов группы 1 характерно накладывание дополнительного жгута толщиной в 0,1–0,2 на верхний жгут венечной части изделия. Этот прием использовался и для венчиков сосудов группы 2, но дополнительный жгут был толщиной от 0,3–0,5 до 0,8–1,0 см. В группе 2 фиксируются также венчики с дополнительно наклепанными жгутами толщиной 0,3–0,5 см (рис. 3, 7, 8).

При конструировании ранней малышевской керамики использовался донный начин. Первоначально изготавливалась «лепешка», вокруг которой оборачивался жгут. На это указывают не только концентрические трещины по периферии донца с внешней стороны, создающие эффект «выпадения» последнего из емкости, но и сохранившиеся донца-«лепешки» (см. рис. 3, 9). Наблюдается также плавный внутренний контур при переходе к придонной стенке, характерный для жгутового способа конструирования начина спиральным налепом (см. рис. 3, 9).

Интересным приемом, применявшимся при формовке донной части, было укрепление донца еще одной «лепешкой» толщиной в 0,5–0,6 см. Таким образом, изначальная толщина донной «лепешки» составляла 0,4 см и, соответственно, была тоньше придонной стенки. Последнее, в сочетании с плавным контуром перехода, указывает на еще один возможный способ крепления донца, когда оно вставлялось в готовую емкость.

Итак, основными признаками конструирования сосудов раннего комплекса малышевской культуры были:

- 1) жгутовой способ формовки при среднем диаметре жгутов в 1,1–1,2 и 1,3–1,5 см;

- 2) незначительная деформация последних при креплении «в стык» с использованием дополнительных элементов крепления;
- 3) упорядоченная примазка жгутов;
- 4) спиральный и кольцевой налеп;
- 5) разное направление формовки сосудов;
- 6) оформление среза венчиков дополнительным налепом;
- 7) донный начин с двумя способами крепления донца.

Таким образом, в керамическом комплексе поселения Малышево-1 следует констатировать наличие «двойных стандартов» конструирования изделий, коррелирующихся с разными по морфологии и декору группами сосудов.

Заключение

Объяснением выявленной ситуации может быть участие в технологическом процессе носителей разных гончарных традиций. Определить характер последних, думается, позволяет сравнение керамики поселения Малышево-1 с неолитическими материалами Нижнего Приамурья и сопредельных территорий.

Анализ осиповской керамики Гончарки-1, проведенный И.Я. Шевкомуда и О.В. Яншиной, показал, что в формовке осиповской и ранней малышевской керамики наблюдаются некоторые признаки сходства: жгутовой способ, крепление жгутов «встык», дополнительные элементы крепления жгутов типа «валиков» и «желобов», спиральный налеп [13].

Изучение Л.Н. Мыльниковой коллекции Кондон-Почты, имеющей в составе раннюю малышевскую и кондонскую керамику, также показало ряд сходных признаков [15; 14]. Однако полученные ею данные довольно трудно соотнести с какой-либо гончарной традицией, поскольку характеристика материалов памятника была дана автором без деления их по культурной принадлежности.

Из материалов сопредельных с Нижним Амуром территорий наиболее близким аналогом ранней малышевской является керамика руднинской культуры среднего неолита Приморья [28; 16]. На сходство обоих комплексов первоначально указал еще А.П. Окладников, назвав малышевскую керамику поселения Амурский Санаторий «типа Тетюхе» [29].

По результатам исследований С.В. Батаршева, в конструировании малышевских и руднинских изделий есть признаки сходства (жгутовой способ формовки, кольцевой налеп, донный начин с вставлением доньшка в готовую емкость) и различия (не использование дополнительных жгутов при оформлении среза устья и креплении днищ) [16]. Отметим также сходство декора и морфологии сосудов группы 1 поселения Малышево-1 с керамикой руднинского типа, группы 2 – с керамикой сергеевского типа.

Подводя итоги, необходимо отметить, что полученные результаты следует рассматривать как предварительные. Расширение источниковой базы – анализ керамики других местонахождений – позволит дополнить полученную информацию об особенностях конструирования сосудов раннего этапа малышевской культуры. Кроме того, необходимо также детальное изучение ранней кондонской керамики с целью их последующего сравнения.

Важность проведения технико-технологических исследований указанных комплексов определяется ответами, которые могут быть при этом получены. Среди них: преемственность осиповской и малышевской культур, соотношение ранних малышевского и кондонского комплексов, внутренняя периодизация малышевской и кондонской культур, возможные контакты неолитического населения нижнего Амура и сопредельных территорий российского (Приморье) и зарубежного (КНР) Дальнего Востока.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность руководству Института археологии и этнографии СО РАН в лице его директора академика А.П. Деревянко и зав. сектором неолита д. ист. н. В.Е. Медведева за представленную возможность ознакомиться с коллекциями, хранящимися в фондах института.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности, проект № 2242 «Гончарные традиции населения Нижнего Приамурья в эпоху неолита».

Примечания:

1. Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Монография. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 234-267.

2. Derevianko A.P. Neolithic of the Nizhnee Priamurye (Lower Amur River Basin) / A.P. Derevianko, V.E. Medvedev // Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / BAR International Series 1540. Oxford: Archaeopress, 2006. P. 123-150.

3. Шевкомуд И.Я. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) / И.Я. Шевкомуд, Я.В. Кузьмин // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии: Сб. ст. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей, 2009. С. 7-46.
4. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья / А.П. Окладников, А.П. Деревянко. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. С. 114-115.
5. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 35-51.
6. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 51.
7. Окладников А.П. К археологическим исследованиям в 1935 году на Амуре // СА. 1936. № 1. С. 276.
8. Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 9.
9. Окладников А.П. Поселение у с. Вознесенка вблизи устья р. Хунгари // АО 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 175-178.
10. Окладников А.П. Археологические коллекции Л.Я. Штернберга с Нижнего Амура // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук, 1979. № 6 (2). С. 70-76.
11. Деревянко А.П. Историография каменного века Приамурья // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. тр. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1972. Ч. 1. С. 45-47.
12. Медведев В.Е. К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 235.
13. Деревянко А.П. К тридцатилетию начала стационарных исследований на острове Сучу (некоторые итоги) / А.П. Деревянко, В.Е. Медведев // История и культура востока Азии: Мат-лы Междунар. науч. конф. к 70-летию В.Е. Ларичева. Новосибирск, 9-11 дек. 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Том II. С. 57, 58.
14. Медведев В.Е. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект) / В.Е. Медведев, И.В. Филатова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 57, 59.
15. Шевкомуд И.Я. Кондонская неолитическая культура на Нижнем Амуре: Общий обзор // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы междунар. конф. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 215-216.
16. Медведев В.Е. О современных тенденциях в исследовании неолита юга Дальнего Востока России. Нижнее Приамурье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.-М.-Великий Новгород: Изд-во ИИМК, 2011. С. 176.
17. Шевкомуд И.Я. Пластинчатые комплексы и культурные традиции в каменном веке Нижнего Приамурья (общий обзор) // Окно в неведомый мир: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. акад. Алексея Павловича Окладникова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 177.
18. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 44.
19. Мыльникова Л.Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 34-38.
20. Mylnikova L.N. Neolithic Eastern Ware the Kondon Site and the Issues of the Lower Amur Neolithic Studies // Korean Ancient Historical Society. Seoul, 1994. N 17. P. 287-323.
21. Zhushchikhovskaya I.S. Neolithic of the Primorye // Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / BAR International Series 1540. Oxford: Archaeopress, 2006. P. 102-107.
22. Окладников А.П. Археологические раскопки в районе Хабаровска // Вопросы географии Дальнего Востока: Сб. 6. Хабаровск: Изд-во Дальневост. фил. СО АН СССР, Приам. (хабар.) фил. ГО СССР, 1963. С. 257, 259.
23. Батаршев С.В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: ООО «Рея», 2009. С. 95, 100.

References:

1. Shepard A.O. Ceramics for the archaeologist. Washington: Carnegie Institute, 1965. 380 p.
2. Nordström H.-A. Cultural ecology and ceramic technology. Stockholm, 1972. 99 p.
3. Bobrinsky A.A. The art of pottery in Eastern Europe: Sources and methods for study. M.: Science, 1978. 272 p. (In Russian).
4. Rye O.S. Pottery Technology: principles and reconstruction. Washington: Taraxacum press, 1981. 150 p.
5. Arnold D.E. Ceramic theory and cultural process. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989. 286 p. (New studies in archaeology).
6. Glushkov I.G. Ceramics as archaeological source. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 1996. 328 p. (In Russian).
7. Zhushchikhovskaya I.S. Prehistoric Pottery-Making of Russian Far East // BAR International Series. N 1434. Oxford: Archaeopress, 2004. 191 p.

8. Zhushchikhovskaya I.S. Pottery-Making in Prehistoric Cultures of the Russian Far East // *Ceramics Before Farming*. L.: UCL Press, 2009. P. 121-148.
9. Medvedev V.E. Neolithic cultures of Lower Amur Basin // *Russian Far East in Remote and Middle Ages: Discoveries, problems, hypothesis*. Monograph. Vladivostok: Dalnauka, 2005. P. 234-267. (In Russian).
10. Derevianko A.P. Neolithic of the Nizhnee Priamurye (Lower Amur River Basin) / A.P. Derevianko, V.E. Medvedev // *Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / BAR International Series 1540*. Oxford: Archaeopress, 2006. P. 123-150.
11. Shevkomud I.Ya. Chronology of the Stone Age at Lower Amur region (Russian Far East) / I.Ya. Shevkomud, Ya.V. Kuzmin // *Cultural chronology and other problems in the field of research of East Asia antiquities: Collection of articles*. Khabarovsk: Khabarovsk Local History Museum, 2009. P. 7-46. (In Russian).
12. Okladnikov A.P. Remote past of Primorye and Amur Basin region / A.P. Okladnikov, A.P. Derevianko. Vladivostok: Far East publication, 1973. p. 440. (In Russian).
13. Shevkomud I.Ya. Beginning of Neolithic Age at Amur Basin: Goncharka-1 settlement / I.Ya. Shevkomud, O.V. Yanshyna. St.Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 2012. 270 p. (In Russian).
14. Mylnikova L.N. Neolithic Eastern Ware the Kondon Site and the Issues of the Lower Amur Neolithic Studies // *Korean Ancient Historical Society*. Seoul, 1994. N 17. P. 287-323.
15. Mylnikova L.N. The art of pottery of Neolithic settlements at Lower Amur (based on materials about Kondon-Pochta). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 1999. 159 p. (In Russian).
16. Batarshv S.V. Rudninskaya archaeological culture in Primorye. Vladivostok: LLC "Reia", 2009. 200 p. (In Russian).
17. Okladnikov A.P. Back on archaeological research of 1935 at Amur region // *Soviet archaeology*. 1936. N 1. P. 275-277. (In Russian).
18. Okladnikov A.P. Neolithic sites as sources for study of the origins of Siberia and Far East // *Brief messages of Institute for History of Material Culture*. 1941. Issue 9. P. 5-14. (In Russian).
19. Okladnikov A.P. Settlement at Voznesenovka village near to entry of Khungari River // *Archaeological Discoveries of 1966*. M.: Science, 1967. P. 175-178. (In Russian).
20. Okladnikov A.P. Archaeological collections of L.Ya. Sternberg from Lower Amur region // *Materials of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science of USSR*. Social studies, 1979. N 6(2). P. 70-76. (In Russian).
21. Derevianko A.P. Historiography of the Stone Age at Amur Basin // *Siberia and Far East archaeology materials: Collection of studies*. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of Siberian Branch of the Russian Academy of Science of USSR, 1972. P. 1. P. 38-66. (In Russian).
22. Medvedev V.E. Back on the issue of primordial and early Neolithic Era at Lower Amur // *Review of results of field and laboratory studies by archeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and Far East in 1993*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 1995. P. 228-237. (In Russian).
23. Derevianko A.P. On the occasion of 30th anniversary of the initiation of permanent research on the Isle Suchu (some results) / A.P. Derevianko, V.E. Medvedev // *History and culture of East Asia: Materials from International Scientific Conferences on the occasion of 70th birth anniversary of V.E. Larichev*. Novosibirsk, Dec. 9-11 2002. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2002. Volume II. P. 53-66. (In Russian).
24. Medvedev V.E. Neolithic Ceramics of Lower Amur Basin (ornamental aspect) / V.E. Medvedev, I.V. Filatova. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2014. 168 p. (In Russian).
25. Shevkomud I.Ya. Kondon Neolithic culture at Lower Amur: Overall review // *Problems of archaeology and paleoecology of northern, eastern and central Asia: International conference materials*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2003. P. 214-218. (In Russian).
26. Medvedev V.E. About modern tendencies in the study of Neolithic era in the south of Russian Far East. Lower Amur Basin // *Works III (XIX) of All-Russian Archaeological Congress*. V. 1. St.Petersburg-Moscow-Veliky Novgorod: Institute for History of Material Culture, 2011. P. 176-179. (In Russian).
27. Shevkomud I.Ya. Lamelliferous complexes and cultural traditions in the Stone Age of Lower Amur Basin (general review) // *Window to the unknown world: Collection of articles on the occasion of 100th birth anniversary of academician Aleksey Pavlovich Okladnikov*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2008. P. 174-182. (In Russian).
28. Zhushchikhovskaya I.S. Neolithic of the Primorye // *Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / BAR International Series 1540*. Oxford: Archaeopress, 2006. P. 101-122.
29. Okladnikov A.P. Archaeological excavations at Khabarovsk territory // *Far East geographical issues: Collection 6*. Khabarovsk: Far East Department of the Siberian Branch of the Russian Academy of

Science of USSR, Amur (Khabar.) department of Geographical Society of USSR, 1963. P. 255-282. (In Russian).

УДК 903.023

**Особенности конструирования сосудов раннего комплекса
мальшевской неолитической культуры Нижнего Приамурья
(по материалам поселения Малышево-1)**

Инга Владимировна Филатова

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН, Российская Федерация
681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, д. 17, корп. 2
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17
кандидат исторических наук
E-mail: inga-ph@mail.ru

Аннотация. По мнению автора, решению проблемы культурогенеза, а также выделения отдельных хронологических этапов внутри археологических культур может способствовать анализ конструктивных особенностей полого тела сосудов различных керамических комплексов. Не является исключением керамика мальшевской культуры Нижнего Приамурья эпохи неолита. В статье прослеживается эволюция взглядов исследователей относительно положения означенной неолитической культуры во внутренней периодизации эпохи региона, а также культурной принадлежности керамики раннего комплекса, отнесенной известным советским археологом академиком А.П. Окладниковым к раннему – мальшевскому – этапу нижеамурской неолитической культуры. На основе визуального анализа керамической коллекции однослойного неолитического поселения Малышево-1 («У мастерских») выявляется наличие двух групп сосудов, отличающихся по своим морфологическим и декоративным признакам. На основе системы технологических оценок формовочных операций И.Г. Глушкова (1996), а также методических разработок А.А. Бобринского (1978) исследуется программа конструирования полого тела сосудов раннего комплекса мальшевской культуры. Определяются особенности формовки (способы крепления, наращивания, характер и направление примазки жгутов, типы налепа), программа начина, оформление среза устьев и крепления днищ изделий. Выявляется смешанность программы конструирования полого тела сосудов и устанавливается наличие в керамической коллекции местонахождения двух гончарных традиций. Проводится сравнительный анализ выявленных особенностей мальшевской керамики с неолитическими материалами Нижнего Приамурья и сопредельной территории Приморья. Выявляются признаки сходства с керамическими комплексами осиповской культуры начального неолита (Нижний Амур) и руднинской культуры (руднинский тип, сергеевский тип) раннего неолита (Приморье).

Ключевые слова: неолит; Нижнее Приамурье; мальшевская культура; ранний комплекс; керамика; конструирование.

Copyright © 2015 by Sochi State University

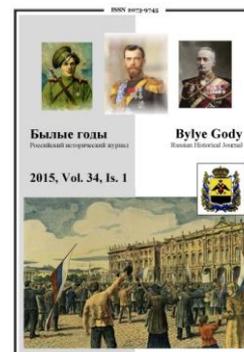
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 14-21, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.12; 903.13; 913.1

The Formation of a Reclamation Region around the Amur River Basin in the Late Neolithic Period

¹Vyacheslav G. Shvedov

²Elena V. Stelmah

³Sergei A. Solovchenkov

⁴Andrew B. Golub

¹Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russian Federation
69015 Jewish AR, Birobidzhan, Shirokaya street, 70-a
Dr (Geography), Associate Professor
E-mail: i-svg@yandex.ru

²Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russian Federation
69015 Jewish AR, Birobidzhan, Shirokaya street, 70-a
PhD (Geography), Associate Professor
E-mail: stelmahlena69@mail.ru

³Institute of complex analysis of regional problems FEB RAS, Russian Federation
679016, Jewish AR, Birobidzhan, Sholom-Aleichem street, 4
PhD (Sociology)
E-mail: solovchenkov@yandex.ru.

⁴Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russian Federation
69015 Jewish AR, Birobidzhan, Shirokaya street, 70-a
PhD (Pedagogical), Associate Professor
E-mail: andreygolub1981@mail.ru

Abstract

This publication addresses the issue of the formation of an autochthonous reclamation region around the Amur River basin in the Late Neolithic period.

In writing this article, the author employed materials from field research and issue-related publications by a number of major researchers in the area of the geography and archeology of the south of Russia's Far East. Based on an analysis of the geographic position and natural conditions of the area under examination, the author provides a comprehensive characterization of the significance of natural resources in the economic life of the local population.

This has made it possible to identify within the boundaries of the Amur River basin reclamation areas whose formation was associated with a particular economic specialization grounded in fishing as a prevalent economic activity.

The author has conducted an internal territorial differentiation of the reclamation region and singled out four areas each of which had its special characteristics based on the type of activity pursued by the aborigine communities.

The author draws a conclusion about a high economic effectiveness of the Amur reclamation region, which is based on thorough adaptation to local physical/geographic conditions of the environment, which is attested to by quite a lengthy period of its existence.

Keywords: Neolithic period; Amur; the geographical position; natural conditions; natural resources; aboriginal people; the type of farming.

Введение

За несколько последних тысячелетий географическая среда Земли подверглась возрастающему воздействию со стороны хозяйственной деятельности человечества, которая стала одним из ключевых факторов её трансформации. Поскольку этот процесс неразрывно развивается как в пространстве, так и во времени, наибольшим познавательным потенциалом для его изучения обладает историческая география – научная дисциплина, занятая изучением зарождения и развития пространственно-временных перемен самого различного свойства [1].

Материалы и методы

При написании данной публикации были использованы материалы полевых исследований, которые были проведены сотрудниками кафедры географии Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема на территории Среднего Приамурья, их публикации на соответствующую тематику в периодической печати и монографии, а также – труды видных российских географов и археологов. Сложившиеся на этой основе обобщающие выводы и заключения были упорядочены и систематизированы с помощью территориальной реконструкции. Её проведение базировалось на применении следующих методов: библиографического, исторического среза, хорологического, картографического и выборочно-статистического, которые были комплексно объединены в рамках системного анализа и создаваемых на его основе логических построений.

Обсуждение

Историко-географические исследования, вне зависимости от их тематической направленности, могут проводиться на разных уровнях территориального охвата. В данной связи особый интерес вызывает рассмотрение отдельных регионов. Это утверждение основано на следующих позициях:

- изучение последовательного развития форм хозяйствования на отдельных территориях позволяет утверждать, что современное состояние природопользования в пределах ряда конкретных регионов является преемственно-историческим (хотя нередко – и существенно видоизменённым) продолжением более ранних форм их освоения [2];

- выявление такой преемственности позволяет составить более чёткое представление об общей специфике развития региона, определить диапазон антропогенного воздействия на его природную среду, а с другой стороны – оценить особенности влияния этой среды на проживавшие (и ныне проживающие) здесь человеческие сообщества [3].

В настоящее время известны хорошо проработанные, основанные на богатом фактическом материале, реконструкции процесса хозяйственного освоения ряда территорий, которые были построены как зарубежными [4], так и отечественными авторами. Причём российские учёные по преимуществу сосредоточили своё внимание на европейской части страны и Южной Сибири [5; 6].

Полностью признавая познавательную и научную ценность таких трудов, следует заметить, что вне их поля зрения их создателей осталось часть немало иных частей территории России, где развивались крайне интересные, отличавшиеся ярко выраженным своеобразием, процессы хозяйственного освоения. В числе таковых находится и юг Дальнего Востока.

Результаты

История хозяйственного освоения этого региона непрерывно просматривается, от наших дней до, по крайней мере, эпохи мезолита [7]. Разумеется, что в течение этого огромного временного отрезка процесс природопользования здесь существенно видоизменился и диверсифицировался, а его масштаб многократно возрос. Тем не менее, данные изменения происходили достаточно плавно и на основе хорошо различимой преемственности от ранних форм к более поздним [8; 9; 10]. Объём излагаемой публикации не позволяет рассмотреть их в полном формате. Поэтому мы предлагаем остановиться на одном из важнейших освоенческих этапов, который соответствует переходу большей части древнего населения юга Дальнего Востока к земледелию.

Самые ранние следы его обнаружения относятся к VI тысячелетию до НЭ, когда на этой территории господствовали культуры позднего неолита. Начало их изучению было заложено Н.Я. Бичуриным в XIX веке [11]. В текущем столетии эта традиция была первоначально развита В.К. Арсеньевым [12] и А.П. Окладниковым [13], а затем продолжена такими отечественными учёными, как Ж.В. Андреева [14; 15], Д.Л. Бродянский [16], А.П. Деревянко [17], Н.А. Клюев [18], В.Е. Ларичев [19]. Обобщающий анализ результатов исследований этих авторов позволяет утверждать, что в неолите на юге Дальнего Востока сложился обладавший хорошо различимыми «индивидуальными» признаками Амурский освоенческий район (АОР).

Этим термином предлагается обозначать относительно устойчивую во времени крупную территорию, которая отличается от своего окружения преобладающим типом хозяйственного освоения, спецификой вовлечения в этот процесс различных природных ресурсов и социально-экономической организации проживающих (проживавших) в её пределах социумов.

Амурский освоенческий район сложился в нижней и средней частях бассейна реки Амур со всеми её притоками, а также – на Приханкайской равнине и в прибрежной полосе к западу от хребта

Сихотэ-Алинь вдоль Татарского пролива до устья Амура; то есть, в исторически восстановленных границах он вмещался в Амурскую, Еврейскую автономную области, Приморский и юг Хабаровского краёв, а так же – соседствующие с ними провинции КНР Хэйлунцзян и Гиринь.

В первую очередь следует отметить, что эта территория отличается ярко выраженным своеобразием природных условий [20]. Их рассмотрение является в данном случае необходимым постольку, поскольку нельзя игнорировать факт тесного и многостороннего взаимодействия общества и природы. Учёт этой объективной данности тем более актуален при исследовании ранних людских сообществ, которые зависели от окружающей среды в гораздо большей степени, чем современное человечество [21; 22; 23; 24].

Рассмотрению природных особенностей Амурского освоенческого района целесообразно начать с его рельефа, в котором отмечается своеобразное сочетание равнин и горных массивов. Крупнейшими равнинными образованиями являются Зейско-Буреинская, Амуро-Зейская, Среднеамурская, Приханкайская и Дунбэй. Горы в основном смещены на периферийные части АОР, охватывая его с севера (хребты Тукурингра, Джагды, Буреинский), запада (Большой Хинган), юго-востока (плато Чанбайшань) и востока (Сихотэ-Алинь). В целом, это – средневысотные орографические сооружения, максимальные отметки высот которых лишь единично достигают 2,5 тыс. м над уровнем моря. Но сложная внутренняя орография, крутизна склонов и сильная расчленённость делают их труднодоступными. Таким образом, Амурский освоенческий район представлял собой своеобразную природную «чашу» [25], сообщение которой с большинством соседних территорий – Северной и Центральной Азией, островом Сахалин и Корейским полуостровом, изначально было затруднено пограничным рельефом.

Лишь на юго-западе АОР был открыт в сторону всхолмлённой равнины Ляонин, однако здесь горный рубеж сменяется климатическим. В настоящее время по разные его стороны разница в среднегодовых амплитудах температур достигает 8°C, в количестве осадков – до 1000 мм, протяженности вегетационного периода – до одного месяца. Иными словами, равнина Ляонин по своим климатическим условиям более сходна с Великой Китайской равниной или югом Корейского полуострова, что объясняется влиянием на все эти территории тёплого и влажного воздуха, который приходят на них со стороны Жёлтого моря. Что касается Амурского бассейна, то над ним господствует неустойчивая атмосферная циркуляция, обусловленная взаимодействием сразу трех типов воздушных масс – континентальных умеренных, океанических муссонных и арктических. Следствием этого являются резкие сезонные контрасты в температурах, количестве выпадающих осадков, крайняя неустойчивость погодного режима, нестабильность условий прогревания и охлаждения почвы.

Благодаря такой, достаточно чёткой изолированности Амурского освоенческого района, ранние этапы его хозяйственного освоения приобрели собственную специфику, некоторые черты которой оказались уникальными.

Согласно археологическим данным и летописным свидетельствам, с VII по II тысячелетия до НЭ в бассейне Амура проживали сообщества, уровень социально-экономического развития которых, в целом, соответствовал позднему неолиту. Из древних китайских трактатов известно их позднее самоназвание – «сушень».

В VI тысячелетии до нашей эры в АОР появляются первые признаки земледелия. К III тысячелетию до н.э. оно получает широкое распространение, что позволяет говорить о формировании устойчивого автохтонного ареала мотыжной обработки почвы [26]. Относящийся к этому времени культурный слой насыщен обнаруженными мотыг, серпов, ступ, пестов, зернотерок, остатков зернохранилищ. Взятые из него пробы спор и пыльца содержат следы культурных злаков: гаоляна, чумизы, гречихи; из бобовых культур – сои. Следов возделывания иных культурных растений не выявлено. Возможно, что их отсутствие восполнялось сбором дикоросов.

Судя по составу остеомассы кухонных отходов, главным источником животного белка для сушеней являлась рыба, основная масса которой добывалась во время осенней путины.

С приходом осени на Амуре начинался нерестовый ход кеты (*Oncorhynchus keta*), поднимающейся вверх по его течению на две тысячи километров и заходившей во все его притоки. Вслед за тем, после короткого перерыва, начинался столь же мощный по масштабу нерест амурского осетра (*Acipenser schrenkii*). Это был особый период годового жизненного цикла древних обитателей АОР, связанный с заготовкой максимально больших запасов высококалорийного продукта на всю предстоящую зиму и раннюю весну. В местах проживания сушеней обнаружены остатки коптилен, крючки, грузила, гарпуны, палицы для убоя крупной рыбы, приспособления для прядения сетей и придонных тралов, ёмкости для хранения икры объёмом в несколько десятков литров. Можно предположить, что за один путинный сезон поздненеолитические промысловики добывали по несколько десятков тысяч тонн одной лишь кеты.

Согласно И.А. Витверу [27], хозяйственный уклад сушеней принадлежит к категории речных культур. Таковые представляют собой аональный тип освоения, основанный на использовании ресурсного потенциала как самой реки, так и непосредственно прилегающих к ней земель. Таким образом, в бассейне Амура в позднем неолите сложился уникальный, не имевший по своей структуре

мировых аналогов, тип земледельческо-рыболовецкого хозяйства, в котором земледелие и путинное рыболовство играли примерно равную роль в жизнеобеспечении местного населения.

В силу того, что Амурский освоенческий район занимал значительную площадь, в его пределах неизбежно проявлялись внутренние хозяйственно-географические вариации – субрайоны. Каждый из них обладал определёнными отклонениями от основного хозяйственного типажа АОР, что объяснялось локальной вариативностью природных условий и устоявшимися навыками в жизнеобеспечении населения той или иной территории.

Среднеамурский (Амуру-Зейский) субрайон был приурочен к междуречью Амура, Зеи и Буреи, распространяясь от него к юго-востоку до нижнего течения рек Сунгари и Уссури. Его можно считать «эталонным» для АОР, так как именно в его пределах наиболее отчётливо выражено характерное для рассматриваемого периода освоения АОР равновесное сочетание земледельческого и рыболовецкого инвентаря. Остеомасса кухонных отходов почти на 75% состоит из костей лососевых рыб, а почвенный слой сохранил следы долговременной обработки.

Иные виды хозяйственной деятельности в этом субрайоне имели лишь вспомогательное значение. Скудность находок охотничьего оружия и приспособлений, а также – относительно незначительная доля (около 15 %) костей диких млекопитающих и птиц в кухонных отбросах указывают, что охота в жизни здешних определяющей роли не играла. Животноводство было представлено разведением одних лишь свиней (10 % остеомассы), которых, судя по всему, зимой откармливали икрой и вяленой рыбой.

Сунгарийско-Уссурийский субрайон охватывал земли вокруг верхнего и среднего течения рек Сунгари и Уссури, будучи ограниченным с севера горами Малый Хинган, Ванданшань и рекой Бикином.

Более мягкие, чем на Среднем Амуре, климатические условия и более плодородные почвы способствовали перемещению здесь «центра тяжести» хозяйственной деятельности «в сторону» земледелия. Вдобавок, значительное летнее прогревание вод Сунгари и Уссури отрицательно сказывалось на объёме нерестового хода лососевых, который тяготел к более охлаждённым водам главного русла Амура и его северных притоков.

В Сунгарийско-Уссурийском субрайоне следы неолитического земледелия обнаружены не только в речных долинах, но и на склонах водоразделов, а в набор возделываемых культур входили садовые и огородные растения. Следствием более широкого развития аграрной специализации являлась большая численность населения в посёлках – до 800 человек против характерных 100–120 жителей стойбищ Амуру-Зейского района.

Большое значение для населения Сунгарийско-Уссурийского субрайона имели охота и собирательство дикоросов. Причём это объясняется отнюдь не недостатком пищевых ресурсов, а, скорее, видовым разнообразием и высокой совокупной биомассой местных горнолесных и лесостепных ландшафтов.

Обилие дубовых рощ способствовало содержанию крупного поголовья свиней. На роль их разведения указывает доля костей этих животных в кухонных отбросах местного неолитического населения – более 50 % всей остеомассы. Видимо, численность свиней у древних жителей этого района была столь велика, что они широко использовались во время ритуальных жертвоприношений. Так в захоронениях рядовых общинников обнаруживается до 10 свиных скелетов, а в могилах вождей – до сотни [28].

Наименьшим по площади, в составе Амурского освоенческого района являлся Южно-Приморский субрайон. В его состав входили южная часть Приханкайской долины, долина реки Туманной, и морское побережье от залива Петра Великого до Ольгинской бухты. Он отличался, пожалуй, наибольшим своеобразием типа хозяйственного освоения.

Хотя в позднем неолите возделывалось почти 70 % территории этого субрайона, его избыточное увлажнение придавало местному земледелию рискованный характер, который был связан с периодическим затоплением полей или вымоканием урожая на корню.

В силу того, что реки Южно-Приморского субрайона представлены небольшими, хорошо прогреваемыми летом водотоками, нерестовый ход лососевых здесь был скудным. Вместе с тем, близость акватории Японского моря открывала перспективы для развития морепромысла. Обитавшие в его акватории двустворчатые моллюски не только обеспечивали дополнительный источник белковой пищи, но и привели к образованию оригинальной для АОР хозяйственной специализации его древних жителей. Ряд свидетельств позволяет предположить, что суши Южного Приморья не только добывали моллюсков, но и разводили их. На это указывают находки каменных сооружений, схожих по устройству с современными морскими садками. Кроме того, если в нижних слоях кухонных отбросов местного неолитического населения встречаются раковины различных размеров, то в верхних – только крупных особей. Это говорит о том, что к потреблявшимся в пищу моллюскам стал применяться селективный отбор, а численность их стала возросла настолько, что необходимость в поедании мелких особей постепенно отпала [29]. Данные позиции служат доводами в пользу предположения об распространении среди древних жителей Южного Приморья навыков марикультуры.

Северно-Восточный субрайон сложился вокруг нижнего течения Амура – от современного Хабаровска до Амурского лимана. На север он простирался до хребта Тукурингра, а на юге продолжался вдоль основного водораздела Сихотэ-Алиня до его южных склонов.

Показатели природно-климатических условий этой территории наиболее суровые во всём АОР. Практически вся она покрыта горными сооружениями. Здесь круглогодично преобладают низкие температуры. Содержание гумуса в почвах невысокое; значительное распространение имеют участки многолетней мерзлоты.

Всё это не способствовало сколь-нибудь значительному распространению земледелия. Скорее всего, обнаруженные в древних стойбищах Северо-Восточного субрайона признаки хранения и употреблением в пищу зерна свидетельствует о наличии обмена с жителями Среднего Приамурья или Сунгарийско-Уссурийского междуречья.

В этой связи оказывается вполне закономерным, что жизнеобеспечение жителей данного субрайона было связано с сочетанием наиболее архаичных для АОР видов хозяйствования – путинным рыболовством и охотой.

В настоящее время путинный промысел на Нижнем Амуре, где вылавливается более 60 % добываемой нерестовой кеты, гораздо более продуктивен, чем на Среднем. И нет оснований предполагать, что связанная с ним ситуация была иной в неолите. Напротив, раскопы древних поселков Нижнего Приамурья переполнены рыболовецким инвентарем, следами заготовки и едва ли не избыточного потребления в пищу нерестовой рыбы [30].

Вместе с тем, древние жители северо-востока АОР разнообразили свой пищевой баланс за счёт охоты. До 30 % остеомаксы оставленных ими кухонных отходов составлено костями диких млекопитающих и птиц. Значимость их добычи особенно возрастала в те годы, когда заготовленные запасы рыбы и икры оказывались недостаточными из-за слабого нерестового хода или по каким-то причинам пропадали (портились, растаскивались хищниками, захватывались неприятелем и т.д.).

Однако в отличие от Сунгарийско-Уссурийского субрайона, где плотность поголовья и видовое разнообразие дичи в силу биогеографических условий были несравненно больше, охота на Нижнем Приамурье оказывалась весьма трудоёмким занятием. Численность тех видов животных, которые традиционно добывались ради мяса (бурый медведь *Ursus arctos*, лось *Alces alces*, косуля *Capreolus sibiricus*, северный олень *Rangifer tarandus*, куриные и гусеобразные птицы) была, в силу естественно-природных причин, невелика, а их выслеживание отнимало много сил и времени. Возможность для промысла тюленей, дельфинов и морских свинок имела лишь у небольшого числа тех сообществ, которые проживали непосредственно на морском побережье. В следствие указанных причин зафиксированы случаи поедания древними жителями Нижнего Приамурья рыси (*Lynx lynx*), волка (*Canis lupus*), выдры (*Lutra lutra*), белки (*Sciurus vulgaris*), то есть видов, которые традиционно не относились к категории «мясных», и употребление которых в пищу можно объяснить лишь периодически возникавшей нехваткой белков животного происхождения.

Животноводство неолитическим жителям Северо-Восточного субрайона не было известно. Из домашних животных у них имелись лишь собаки, которые, также, забивались на мясо в голодные годы.

Таким образом, тип хозяйственного освоения этой территории представлял собой ту реликтовую форму хозяйствования, которая была присуща более ранней, мезолитической эпохе.

Специфический «облик» Амурского освоённого района сохранялся на протяжении почти шести тысяч лет, что свидетельствовало в пользу его эффективности и максимальной приспособленности к условиям местной природной среды. За это длительное время он полностью сохранял основные черты своей хозяйственной специализации, углубляя и «достраивая» её новыми компонентами. К примеру, площадь обрабатываемых земель АОР к концу I тысячелетия до НЭ, по оценкам, возросла в 15 раз. Относящиеся к этому времени следы очагов возделывания почвы обнаружены на Нижнем Приамурье и западных склонах Сихотэ-Алиня. Археологические находки указывают на успешный опыт культивации жителями долины Сунгари и Приханкайской равнины риса, который был заимствован ими, скорее всего, из Кореи.

В обработке полей появляется новая для района технология – вспахивание земли плугом. Широкого распространения на исходе неолита она не получила, но, видимо, это объясняется первичностью опыта её внедрения.

Не вызывает сомнений, что с этой новацией связано проникновение в АОР тягловых животных – лошадей и крупного рогатого скота. Их единичные костяки обнаружены в самых поздних культурных слоях амурского неолита и раннего Железного века.

Но, не смотря на столь существенное усиление в хозяйственной специализации древних жителей Амурского района земледельческого компонента, рыболовецкая составляющая в нём, также, не ослабевала. Об этом свидетельствуют те приёмы обеспечения эффективности путинного промысла, которые сохранились у коренного населения этой территории вплоть до XX века. В их число входили: межпоселковые договорённости о нормировании добычи рыбы, регулярная чистка верховий нерестовых рек от растительного опада, перенос вручную части рыбного стада через сложные для его прохода речные перекаты, регулирование численности хищников, питающихся икрой и мальками кеты.

Иными словами, со временем рыбный промысел приамурских аборигенов трансформировался в своеобразную хозяйственную систему, которую ещё нельзя назвать производящей, но и которая ушла далеко вперёд по сравнению с простым изыманием определенного вида ресурса из природной среды без заботы о его воспроизводстве.

В конце I тысячелетия до НЭ в бассейн Амура вторглись центрально-азиатские племена, приведшие с собой многочисленные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота; некоторые из их кланов обладали развитыми навыками плужной пахоты на гужевой тяге. Это событие открыло новую, не менее своеобразную страницу в освоении этой территории. Однако её рассмотрение уже не входит в тему данной публикации.

Благодаря проведённому исследованию выделен Амурский освоенческий район (АОР), определены его географическое положение, конфигурация и границы. На основе особенностей природной среды и хозяйственной деятельности древнего населения дана комплексная характеристика этой территории и проведена её внутренняя дифференциация на субрайоны.

Заключение

Амурский освоенческий район сложился в бассейне одноимённой реки в позднем неолите. Его формирование стало результатом глубокой адаптации местного населения к природным условиям территории своего проживания и умелого использования её разнообразного ресурсного потенциала. Жизнеспособность данного района была продемонстрирована длительным периодом его существования, а также тем, что он прекратил своё существование лишь в результате разрушительного внешнего воздействия.

Примечания

1. Жекулин В.С. Историческая география. Предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
2. Стельмах Е.В., Шведов В.Г. Влияние экономического освоения на формирование антропогенных ландшафтов Еврейской автономной области // Наука и бизнес: перспективы развития. 2014. № 4 (34). С. 141-146.
3. Соловченко С.А., Стельмах Е.В. «Куда ушел крестьянин?» к вопросу занятости сельского населения юга Дальнего Востока России // Фундаментальные исследования. 2014. № 3, часть 3. С. 647-650.
4. Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд. им. Сабашниковых, 1994. Т. I. 406 с.
5. Жекулин В.С. История сельскохозяйственного освоения ландшафтов Новгородского края / История географии и историческая география. Отв. ред. В.А. Есаков, В.В. Покшишевский, А.В. Соколов. М.: изд. МФ ГО СССР, 1975. С. 12-157.
6. Рюмин В.В. Пространственно-временной анализ исторического ландшафтоведения в Южной Сибири / Историко-географические исследования Южной Сибири. Отв. ред. В.В. Воробьёв, В.В. Рюмин. Иркутск: изд. Института географии СО АН СССР, 1991. С. 4-27.
7. Окладников А.П. Керамика древнего поселения Кондон. Новосибирск: Наука, 1984. 123 с.
8. Гонтмахер П.Я. Нанайцы. Хабаровск: изд. ХГПУ, 1996. 297 с.
9. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. 246 с.
10. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
11. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: изд. АН СССР, 1950. Т. II. 333 с.
12. Арсеньев В.К. Избранное. Хабаровск: ХКИ, 1998. Т. II. 622 с.
13. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья. Владивосток: ПКИ, 1959. 292 с.
14. Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. М.: Наука, 1977. 240 с.
15. Андреева Ж.В. Проблемы периодизации / Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. Под ред. Ж.В. Андреевой. М.: Наука, 1994. С. 86-107.
16. Бродянский Д.Л. Введение в археологию. Владивосток: изд. ДВГУ, 1987. 274 с.
17. Деревянко А.П. Приамурье. I тысячелетие до нашей эры. Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
18. Ключев Н.А. Археология первобытного общества Приморья и Приамурья / Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. Под ред. Ж.В. Андреевой. М.: Наука, 1994. С. 55-85
19. Ларичев В.Е. Народы Дальнего Востока в древности и Средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии / Дальний Восток и соседние территории в Средние века. Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1980. С. 8-39.
20. Голубь А.Б. Географическая культура – образ территории – имидж региона // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2012. № 2 (11). С. 17-24.
21. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. 351 с.
22. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3-16.
23. Бромлей Ю.В., Бромлей Н.Я. Культура и природа // Вестник АН СССР. Серия историческая. 1980. №10. С. 84-91
24. Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

25. Шведов В.Г. Историческая политическая география Амурского района. Биробиджан: изд. ИКАРП ДВО РАН, 2000. 275 с.
26. Бродянский Д.Л. Два типа древних культур на западном побережье Тихого океана: преддверие цивилизаций / Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под. ред. Д.П. Болотина. Благовещенск: изд. АМГУ, 2001. Ч. I. С. 12-14.
27. Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М.: Географгиз, 1963. 366 с.
28. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.
29. Бродянский Д.Л. Введение в археологию. Владивосток: изд. ДВГУ, 1987. 274 с.
30. Окладников А.П. Древнее поселение Кондон. Новосибирск: Наука, 1983. 159 с.

References

1. Zekulin V.S. Historical geography. Subject and methods. Leningrad: Nauka, 1982. 224 p. (In Russian)
2. Stelmach E.V., Shvedov V.G. Influence of economic development on the formation of anthropogenic landscapes of the Jewish Autonomous region // Science and business: development prospects. 2014. No. 4 (34). p. 141-146. (In Russian)
3. Solovchenkov S.A., Stelmach E.V. "Where did the farmer?" to the question of employment of the rural population of the southern Far East of Russia // Fundamental research. 2014. No. 3, part 3. p. 647-650 (In Russian)
4. Brodel F. What is France? M.: Ed. n. Sabashnikovyh, 1994. T. I. 406 p. (In Russian)
5. Zekulin V.S. The history of agricultural development of the landscapes of the Novgorod region / History geography and historical geography. Resp. Ed. V.A. Esakov, V.V. Pokshishevskiy, A.V. Sokolov. M.: Ed. USSR, 1975. p. 12-157. (In Russian)
6. Ryumin V.V. Spatial-temporal analysis of the historic landscape in southern Siberia / Historical-geographical research in South Siberia. Resp. red. V. V. Vorobjev, V.V. Ryumin. Irkutsk: publishing house. Institute of geography of the USSR Academy of Sciences, 1991. p. 4-27. (In Russian)
7. Okladnikov A.P. Ceramics of ancient settlement Condon. Novosibirsk: Nauka, 1984. 123 p. (In Russian)
8. Gontmaher P.Y. Nanai. Khabarovsk: publishing house. KSPI, 1996. 297 p. (In Russian)
9. Smolyak A.V. Traditional economy and material culture of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin. M.: Nauka, 1984. 246 p. (In Russian)
10. Sternberg L.Y. Gilyaks, Orochi, Goldy, Negidals, the Ainu. Khabarovsk: Dalgis, 1933. 740 p. (In Russian)
11. Bichurin N.A. Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. M.-L.: ed. SSSR, 1950. T.II. 333 p. (In Russian)
12. Arsenyev V.K. Favorite. Khabarovsk: KCI, 1998. T. II. 622 p. (In Russian)
13. Okladnikov A.P. Distant past of Primorie. Vladivostok: CRP, 1959. 292 p. (In Russian)
14. Andreeva J.V. Primorie in the era of primitive society. M.: Nauka, 1977. 240 p. (In Russian)
15. Andreeva J.V. Problems of periodization / Essays prehistoric archaeology of the Far East. Edited J.V. Andreeva. M.: Nauka, 1994. p. 86-107. (In Russian)
16. Brodyansky D.L. Introduction to archaeology. Vladivostok: publishing house. FESU, 1987. 274 p. (In Russian)
17. Derevianko A.P. Priamurye. The I Millennium BC. Novosibirsk: Nauka, 1976. 384 C. (In Russian)
18. Klyuev N.A. Archaeology of the primitive society of Primorie and Priamurie / Essays prehistoric archaeology of the Far East. Edited J.V. Andreeva. M.: Nauka, 1994. p. 55-85 (In Russian)
19. Larichev V.E. People of the Far East in ancient times and the Middle ages, and their role in the cultural and political history of East Asia / far East and adjacent territories in the Middle ages. Resp. Ed. V.E. Larichev. Novosibirsk: Nauka, 1980. p. 8-39. (In Russian)
20. Golub A.B. Geographic culture – the way – the image of the region // Bulletin of Sholom-Aleichem Priamursky state university. 2012. No. 2 (11). p. 17-24. (In Russian)
21. Alekseev V.P., Pershin A.I. History of primitive society. M.: Higher school, 1990. 351 p. (In Russian)
22. Andrianov B.V., Cheboksarov N.N. Economic-cultural types and their mapping // Soviet Ethnography. 1972. No. 2. p. 3-16. (In Russian)
23. Bromley Y.V., Bromley N.Y. Culture and nature // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. The historical series. 1980. No. 10. p. 84-91 (In Russian)
24. Toynbee a study of history. M.: Progress, 1991. 736 p. (In Russian)
25. Shvedov V.G. Historical political geography of the Amur region. Birobidzhan: ed. ICARP FER RAS, 2000. 275 p. (In Russian)
26. Brodyansky D.L. Two types of ancient cultures on the West coast of the Pacific ocean: the eve of civilizations / Russia and China on the far Eastern borders / Edited. editor D.P. Bolotina. Blagoveshchensk: ed. ASU, 2001. Ch. I. p. 12-14. (In Russian)

27. Vitver I.A. Historical and geographical introduction to economic geography foreign world. M: Geographic, 1963. 366 p. (In Russian)
28. Derevianko A.P. Early iron age of the Amur region. Novosibirsk: Nauka, 1973. 354 p. (In Russian)
29. Brodyanskiy D.L. Introduction to archaeology. Vladivostok: publishing house. FESU, 1987. 274 p. (In Russian)
30. Okladnikov A.P. Ancient settlement Condon. Novosibirsk: Nauka, 1983. 159 p. (In Russian)

УДК 903.12; 903.13; 913.1

Формирование освоенческого района в амурском бассейне в позднем неолите

¹ Вячеслав Геннадьевич Шведов
² Елена Викторовна Стельмах
³ Сергей Александрович Соловченков
⁴ Андрей Борисович Голубь

¹ Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Российская Федерация
69015 Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а
доктор географических наук, доцент
E-mail: i-svg@yandex.ru

² Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Российская Федерация
69015 Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а
кандидат географических наук, доцент
E-mail: stelmahlena69@mail.ru

³ ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Российская Федерация
679016, Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4
кандидат социологических наук
E-mail: solovchenkov@yandex.ru

⁴ Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Российская Федерация
69015 Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-а
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: andreygolub1981@mail.ru

Аннотация. Данная публикация рассматривает вопрос о формировании в позднем неолите бассейна реки Амур автохтонного освоенческого района.

При написании статьи использовались материалы полевых исследований и тематических публикаций ряда крупнейших исследователей в области географии и археологии юга Дальнего Востока России. На основе анализа географического положения и природных условий рассматриваемой территории, дана комплексная характеристика значения природных ресурсов в хозяйственной жизни местного населения.

Это позволило выявить в пределах Амурского бассейна освоенческие области, формирование которых было обусловлено своеобразной хозяйственной специализацией, основу которой составляла рыбная ловля, как доминирующая хозяйственная деятельность.

Проведена внутренняя территориальная дифференциация освоенческого района и выделены четыре области, каждая из которых имела свои особые характеристики, исходя из типа хозяйственной деятельности аборигенных сообществ.

Сделан вывод о высокой экономической эффективности Амурского освоенческого района, основанный на глубокой адаптации к местным физико-географическим условиям окружающей среды, что подтверждается достаточно продолжительным периодом его существования.

Ключевые слова: Неолит; Амур; географическое положение; природные условия; природные ресурсы; аборигены; тип хозяйства.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 22-29, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94/57, 94/510, 94/5

The Eastern Turk Empire in Central Asia 620–630 years

Rustam T. Ganiev

Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Russian Federation
620000, Ekaterinburg, Lenin str., 51
PhD (History), Associate Professor
E-mail: rusthist@yandex.ru

Abstract

On the basis of Chinese written sources the author analyzes the internal and the external policies of Xieli Qaghan, the ruler of the Eastern Turkic Empire from 620 through 630. All throughout the history of the Empire the name of Xieli Qaghan is closely associated with the aggressive foreign policy of the Turks against China, as is the final defeat of the Eastern Turks and their troops by the Tang Emperor Taizong in 630. This article is the first attempt to see the events of the said period in a different light that is based on new information received from Chinese written sources, as well as the results of the modern climate research undertaken by Russian and foreign scientists. The article highlights the first stage of Xieli's rule (620–626) with its strong central government and its aggressive foreign policy towards its neighbors as a consequence, and the second period (627–630), when the Eastern Turkic Empire came under the rule of the Tang Emperor Taizong. The author analyzes the reasons of rising tension in the country of the Turks in 627–629, which led to the total collapse of the entire policy of Xieli Qaghan.

Keywords: Xieli Qaghan; Eastern Turk Empire; Dynasty Tang; Emperor Taizong; China; nomads; Turk Empire; Central Asia; ancient Turks; eastern Turks.

Введение

В результате политического переворота в начале VII в. к власти в Китае пришла династия Тан. Союзниками Ли Юаня, первого императора династии Тан, в осуществлении этих планов выступили восточные тюрки, во главе которых стоял Шиби каган. Однако оценить в полной мере результаты этого союза с Китаем Шиби кагану не удалось из-за его преждевременной смерти в 619 г.

Продолжить политику Шиби кагана суждено было его преемнику Чуло, но он также не оправдал надежды тюркского общества и скоропостижно скончался от болезни в 620 г. Место последнего занял Сели каган.

В историографии Восточно-тюркского каганата (581–745 гг.) имя Сели кагана прочно ассоциируется с агрессивной внешней политикой тюрков в отношении Китая, а также с разгромом восточных тюрков и их окончательным поражением от войск танского императора Тай-цзуна в 630 г. [1, 2, 3]

Материалы и методы

Но какие реальные причины могли привести к трагическим событиям для Сели кагана и гибели целого государства? Какие мотивы побуждали Сели кагана проводить агрессивную политику по отношению к Китаю, идущую в разрез с внешнеполитическим курсом его предшественника, Шиби кагана? Ответы на эти вопросы позволят представить объективную картину тюрко-китайских отношений 620–630 гг.

Основные сведения о периоде правления Сели кагана содержатся в китайских династийных хрониках – Цзю Тан шу и Тан шу [4, 5, 6]. Перевод и адаптация текста китайских источников из собрания Лю Мао-Цзая с переводом транскрипционной системы Уэйда-Джайлза в систему Палладия

на русский язык выполнены автором статьи. В работе также использованы естественнонаучные методы дендрохронологии для воссоздания климатической карты на востоке Центральной Азии в исследуемый период.

Обсуждение

Сели был третьим сыном Циминь кагана, правившего в 599–609 гг. Это был относительно спокойный и стабильный период в отношениях тюрков с Китаем, но исследователи по-разному оценивают личность кагана и его время. Л.Н. Гумилев называет Циминь кагана «предателем и ничтожным правителем», перешедшим на сторону Китая [1, с. 100]. Однако именно Циминь каган сумел объединить под своей властью раздробленный и ослабленный междоусобицами некогда могущественный Восточно-тюркский каганат. Циминь каган был расчетливым политиком и сделал ставку на мирное сосуществование с Китаем. Благодаря этому он сумел извлечь выгоду, усилить свои позиции среди тюрков, получить временную передышку для восстановления сил государства, что явилось причиной агрессивной внешней политики его наследника – Шиби кагана и, как следствие, ухудшения внутренней ситуации в Китае при династии Суй.

В 617 г. Сели принимал активное участие в политических событиях в Китае, вступил в союз с сепаратистом Си Цзюем, который контролировал область Лунью и выступал против Ли Юаня. Но танский правитель, испугавшись союзного договора Сели с Си Цзюем, отправил своего посланника к Сели, чтобы переманить его на свою сторону. Миссия Юй-вэнь Синя удалась и Сели разорвал отношения с Си Цзюем [6, с. 135].

Позже губернатор У-юань со своими людьми перешел на сторону тюрков. Ли Юань также обратился за помощью к Сели, чтобы он образумил губернатора и последний также вернулся в подчинение императора. Вместе с людьми губернатора У-юаня Сели также отправил и своих людей для военной помощи Ли Юаню.

Таким образом, в самом начале своей политической карьеры, во время правления Шиби кагана, Сели выступал на стороне молодой династии Тан и помогал им утвердиться у власти.

Однако уже в 621 г., будучи правителем каганата, Сели провел ряд военных нападений на северные районы Китая. Одной из возможных причин резкого изменения внешнеполитического курса Сели источники называют «богатое наследие отца и старшего брата; его военная мощь была сильна, и он подумывал угрожать Срединной империи». Император Гао-цзу считал, что Китай «лишь недавно обрёл покой и пока ещё не время выступать против восставших врагов за пределами границы». Поэтому он «обходился с Сели почтительно и примирительно; он делал ему бесконечное число подарков, но слова Сели (по отношению к императору) становились упрямыми и дерзкими, а его желания и прошения были ненасытными» [6, с. 135].

Другой причиной хроника Тан шу называет сильное влияние на Сели его жены – принцессы И-чэн. По обычаю левирата у тюрков [7, с. 227], Сели взял в жены свою мачеху – принцессу И-чэн, которая, к тому времени, пережила двух супругов (Циминь и Шиби кагана), обладала огромным опытом и являлась ценным советником в вопросах взаимоотношений тюрков и китайцев. Принцесса И-чэн была дочерью Ян Се, родственника императорского дома Суй. Ее младший брат Ян Шань-цзин посоветовал Сели: «Раньше, когда братья ссорились из-за государства, Циминь, благодаря помощи династии Суй, смог получить трон, поэтому его дети и дети их детей смогли удержать государство. Но действующий император (Гао-цзу) не является потомком императора Вэнь-ди (Суй), поэтому необходимо посадить на трон Ян Чжэн-дао, чтобы выразить признательность за огромную милость Суй». Сели последовал его предложению, поэтому, по сведениям китайских летописцев, с «этого момента он постоянно нападал на китайские области» [6, с. 136].

В 621 г. император отправил к тюркам посольство – герцога Хань-ян Су Гуй, Тай-чан-цин (президента службы по государственному жертвоприношению) Чжэн Юань-шоу, Да-цзян-цзюнь (Великого генерала) Цзо-сяо-вэй (левой гвардии кавалерии) Чан-сунь Шуньдэ, но Сели их пленил в своей ставке и задержал у себя на неопределенный срок [Там же]. В ответ китайцы также захватили ряд тюркских посланников на своей территории.

После этого Сели, располагая 10 000 всадниками, объединился с мятежными войсками Юань Цзюнь-чжана из города Ма-и, располагающего 6 000 солдатами, и атаковал крепость Яньмэнь.

Но китайский полководец Ли Да-энь атаковал их в крепости и Сели был вынужден освободить пленников (Чан-сунь Шуньдэ и других), а вскоре попросил о мире и дружбе. Он подарил императору несколько десятков килограммов икры с пожеланием, чтобы дружба обоих государств была подобна этой икре. Император Гао-цзу был очень обрадован и приказал освободить тюркских посланников Тэлэ (=Тегин) Жэ-хань, Ашидэ и других из плена и каждому подарил золото и шелк.

В 622 г. Сели объединился с сепаратистом Лю Хэйда и с несколькими десятками тысяч всадников выступил против китайской армии. Императорское войско потерпело поражение. Погибших было несколько тысяч человек. Остановить дальнейшее продвижение тюрков смог лишь отряд Ли Ши-миня, будущего императора Тай-цзуна.

В 624 году Сели каган и Тули¹ напали со своими силами на пограничную область. Они прошли через префектуру Юаньчжоу и устремились на юг.

Ли Ши-минь снова получил императорское поручение идти на север и подчинить их. Принц Ци Ли Юань-цзи должен был ему помогать. Перед началом похода в провинции несколько дней шел дождь, поэтому подвоз транспорта с провиантом был затруднен. Ли Ши-минь и его генералы были очень обеспокоены этим и сделали остановку в префектуре Бинчжоу.

В это время, неожиданно для китайцев, Сели и Тули подошли во главе более 10 000 всадников и заняли выгодную позицию на высоте. Китайские отряды пришли в замешательство, но Ли Ши-минь в окружении 100 всадников подскочил к боевому порядку тюрков и сообщил им: «Наше государство и каган поклялись никогда не выступать друг против друга. Почему Вы нарушили обещание и так далеко вторглись в нашу область? Я принц Цинь! Я намеренно пришел, чтобы вести с Вами решительный бой. Если каган выступит лично, я буду бороться с ним один на один! Но если он хочет сражаться со всеми своими силами, я буду защищаться со 100 всадниками» [6, с. 137]. Сели был удивлен и лишь рассмеялся, не дав ответа.

После этого Ли Ши-минь подъехал к Тули и сообщил ему: «Ранее Ты заключил со мной союз, что мы должны, в случае нужды, помогать друг другу. Но ты привел солдат. Неужели ты забыл нашу дружественную клятву? Ты должен бороться со мной!» [Там же].

После этого Сели и Тули удалились со своими солдатами.

Позже Ли Ши-минь послал шпиона к Тули с целью склонения последнего на сторону китайцев. Задача была выполнена, и Тули выразил намерение сдаться китайцам.

По сведениям источника, после этого в отношениях между дядей и племянником (Сели и Тули) впервые возник внутренний разлад, но это не помешало Сели кагану через Тули попросить вскоре аудиенции у китайского императора и в очередной раз заключить с ним перемирие.

При этом, по сообщению Цзю Тан шу, «Тули еще больше сдружился с Ли Ши-минем и даже намеревался заключить с ним братство» [6, с. 138].

В 626 году Сели лично повел более 100 тыс. всадников и напал на округ У-гун (в Шэнь-си). В столице было объявлено чрезвычайное положение. В этих условиях чиновники при дворе советовали императору оставить столицу Чанъань, но Ли Ши-минь был против и сказал: «Издавна варвары доставляли Китаю беспокойства, но никогда я не слышал о переносе столицы при Чжоу или Хань. Дайте мне несколько лет, и я захвачу в плен кагана и доставлю его Вашему Величеству!» [6, с. 188].

Позже Тай-цзун² собрал всех служащих, и они изложили варианты по укреплению обороноспособности города и государства. Цзян-цзо-да-цзян (президент ведомства по строительству) Юй Юнь предложил заложить флот в У-юань и Лин-у на Желтой реке, чтобы мешать атакам Туцзюэ. Чжун-шу-ши-лан (вице-президент центральной канцелярии дворца) Вэнь Янь-бо сказал: «Вэй (220 – 264 гг.) строили длинные валы, чтобы отразить Сюнну. Сегодня мы можем этим воспользоваться!» Император приказал Сан Сянь-хэ возвести укрепления на границе; он вызвал специалистов с юга реки (Янцзы) и набрал солдат для строительства военных кораблей. Кроме этого, император приказал восстановить 12 армий, распущенных в начале его правления в 622 г. и заново сформировать пехоту и кавалерию [Там же].

В этом же году Сели напал на Гаолин (в Шэнь-си). Генерал китайской гвардии Юй-чи Цзин-дэ боролся против него при Цзин-ян, нанес ему большое поражение, взял в плен Сыцзинь Ашидэ У-мо-чо и обезглавил более 1 000 тюрков. Исход битвы по источникам не известен, но после этого Сели послал своего поверенного Чжи-ши-сы-ли на императорский двор, чтобы разведать положение при дворе. Во время приема у императора он держался уверенно и позволил хвастливо утверждать, что оба кагана уже на подходе с миллионом солдат. Император Тай-цзун возразил ему: «Я лично с Вами, Туцзюэ, заключил мир и дружбу, но Вы ее нарушили. У нас совесть чиста! Кроме этого, когда наша армия мобилизовалась для справедливых дел и вошла в столицу, Ваш каган и его сыновья все подчинились нам, и мы подарили Вам большое количество нефрита и шелка. Почему Вы вторглись с Вашими солдатами в нашу область? Если Вы являетесь Туцзюэ, то у Вас должно быть человеческое сердце! Почему Вы забыли нашу великую милость? И почему Вы гордитесь перед нами Вашей силой? Я, по всей видимости, должен Вас уничтожить!» [6, с. 139] Чжи-ши-сы-ли испугался и попросил о помиловании, но император Тай-цзун был неумолим и приказал его заключить в кандалы в Мэнь-ся-шэн (Привратная канцелярия дворца).

Затем император Тай-цзун назначил встречу Сели кагану на берегу реки Вэй (в Шэнь-си). Во время встречи Сели и Тай-цзуна начали подходить многочисленные императорские отряды, которым император Тай-цзун приказал приготовиться к битве. Сели увидел военную силу Тай-цзуна, и к тому же узнал о пленении Чжи-ши-сы-ли, поэтому он в очередной раз попросил мира.

После этого император отправился на Запад столицы, принес в жертву белую лошадь и заключил союз с Сели на мосту Бяньцяо. Сели преподнес императору 3 тыс. лошадей и 10 тыс. овец,

¹ Тули был старшим сыном Шиби кагана и племянником Сели.

² В 6 месяце 627 г. Ли Шиминь стал наследником. В 8 день 8 месяца 627 г. под именем императора Тай-цзуна он начал свое правление.

но император отказался. Вместо этого Тай-цзун попросил Сели вернуть ранее захваченные им китайские семьи.

Таким образом, первая половина правления Сели кагана (620–626 гг.) характеризуется переменными отношениями между тюрками и китайцами, вполне традиционными для истории тюрко-китайских взаимоотношений. Каганат представлял собой военную угрозу для Китая, был сильным в экономическом и военном отношении, поэтому Китай предпочитал договариваться с тюрками дипломатическими средствами, а не военными. Несколько раз Сели предпринимал военные походы против Тан, объединялся с предводителями сепаратистских центров (Лю Хэй-да), но каждое военное столкновение между тюрками и китайцами во время правления Сели заканчивалось мирным соглашением, что позволяет охарактеризовать 620–626 гг. периодом мирного сосуществования в отношениях между Китаем и Восточно-тюркским каганатом. Официальный Китай объяснял свои действия неготовностью вести крупномасштабные военные действия и сложным политическим и экономическим положением в стране. Тюрки, по сведениям источников, вступали в перемирие лишь ради передышки для новых грабительских походов, что подлежит сомнению и не может являться реальной причиной проводимой политики.

Таким образом, тюрки и китайцы конфликтовали между собой в этот период, но военные столкновения между ними выступали в роли регулятора, реальные причины которых в китайских источниках не называются. Выявление действительных причин взаимоотношений между тюрками и китайцами по их внешним проявлениям (военные столкновения) со страниц китайских источников является трудной задачей для исследователей. Возможно, военные конфликты 620–626 гг. были связаны с защитой экономических интересов тюрков на границе с Китаем. В источниках сообщается, что Сели, в промежутках между военными походами, «посылал гонцов в Бэй-лоу-гуань, чтобы заняться с китайцами торговлей. Император не мог отказать» [6, с. 189; 4, с. 147].

В начале своего правления Сели обладал всеми необходимыми ресурсами для проведения активной внешней политики Восточно-тюркского каганата, но, к сожалению, не отличался политической прозорливостью. Сели избрал тактику частых военных набегов, агрессивной стратегии и отказался от курса на установление долгосрочных мирных отношений с Китаем, что привело его в будущем к политической изоляции.

Последующие события кардинальным образом изменили военно-политическую ситуацию не в пользу Сели кагана, который не смог взять под контроль обстановку внутри каганата, а лишь только усугубил ее своими действиями.

Китайские источники и поздняя историография преувеличивает роль императора Тай-цзуна в складывании катастрофического положения в Восточно-тюркском каганате в 627–630 гг., закончившегося в 630 г. поражением тюрков от Китая. Решающую роль в этом сыграли внешние условия, а не военные успехи китайцев.

В 627–630 гг. на территории каганата отмечались природные катаклизмы. Каждый год случались обильные снегопады, в результате чего образовывался глубокий снежный покров. От голода и холода в большом количестве умирали овцы, лошади и люди [4, с. 164–165].

Тан шу сообщает: «Несмотря на разгар лета у Туцзюэ царят заморозки; 5 солнц взошли одновременно, и также светят 3 луны одновременно; красный туман покрывает их пастбища. То, что Се-ли перед лицом этой природной катастрофы не сделал добрых дел, показывает, что он не имеет страха перед небом. То, что своих умерших, которых по их обычаю сжигали, теперь хоронят и могилы сооружают, показывает, что они нарушают предписания своих предков, и оскорбляют богов и духов» [6, с. 142].

Масштабное похолодание на территории Евразии в 627–630 гг., отмеченное в древесных кольцах на Ямале, в Северной Америке, на севере Средней и Восточной Сибири современные ученые связывают с крупным извержением вулкана, а паргелий, туман и красные закаты, описываемые в источниках, являются известными индикаторами вулканических извержений. Из европейских летописей известно, что начиная с октября 626 г. сухой туман в течение 8–9 мес. покрывал обширную территорию, по крайней мере, Ирландию и восточное Средиземноморье [8]. В самом Китае (империи Тан) также отмечен заморозок в конце лета 627 г., уничтоживший урожай в нескольких провинциях. Такие же события в Китае отмечены и в 628–629 гг. [9]

Именно климатические экстремумы этого периода явились главным фактором ослабления Восточно-тюркского каганата. Подобную точку зрения поддерживают и китайские исследователи, занимающиеся вопросами изучения последствий извержения вулкана 626 г. [10] По их мнению, похолодание коснулось всей территории Центральной Азии, в том числе и северных провинций Китая, но наиболее пострадавшей стороной явился Восточно-тюркский каганат, кочевая экономика которого не выдержала резких и продолжительных холодов [Там же].

Экономические трудности повлекли за собой дестабилизацию политической ситуации внутри каганата. В 627 г. северные горы Иньшань против Сели взбунтовались Сеяньто, Хойхэ (уйгуры), Баегу и другие племена и сместили его сына Юйгу Шада. Сели испытывал некоторые трудности в отношениях с Тули, но все же доверил ему усмирить мятежников. Тули не справился с возложенной на него задачей и его войска были разбиты, а сам Тули бежал с поля боя, из-за чего Сели посадил его

в тюрьму на десять дней. Источники сообщают, что после этого отношения между Сели и Тули испортились окончательно, и Тули перешел на сторону императора Тай-цзуна.

При дворе императора в это время шла внутренняя борьба по вопросу использования положения тюрков в интересах китайского государства.

В 628 году Тули отправил посланника к императору Тай-цзуну, который сообщил ему, что Тули и Сели враждебно настроены по отношению друг к другу, и поэтому следует использовать это положение в государстве тюрков для немедленного нападения на Сели кагана.

Император принял к сведению донос Тули кагана и распорядился Цинь У-туну подкараулить с отрядами префектуры Бинчжоу войска Сели, но захватывать тюркское государство он не торопился.

В следующем году предводитель племени Сеяньто, воспользовавшись ситуацией в каганате и регионе, самовольно присвоил себе титул кагана к северу от пустыни и отправил своего посланника в Китай сообщить новость о смене власти. Таким образом, события свидетельствовали об углублении внутреннего кризиса в государстве тюрков. Ситуация постепенно выходила из-под контроля Сели кагана.

В условиях экономической катастрофы, которая поставила тюрков на грань выживания, обнажились все внутренние противоречия тюркского общества, а также внутри самого Восточно-тюркского каганата.

Источники сообщают, что тюрки «имели простые обычаи и были простыми от природы. Сели имел при себе китайского ученого Чжао Дэ-яня. Он уважал его за талант и доверял ему, поэтому Чжао Дэ-янь постепенно овладел государственной политикой тюрков и изменил многие их древние обычаи. Кроме того, Сели доверил ху (согдийцам) управление государством, отдалил от себя родственников и не взял их на службу. Он каждый год мобилизовал солдат и вторгнулся в китайскую область, так что его люди не могли больше терпеть эти походы. Ху (согдийцы) были бесцеремонными и жадными; часто они были непостоянными, а также их предписания и приказы. Год за годом царил голод. Налоги и платежи были тяжелыми, и племена все больше и больше уходили от него» [6, с. 194].

Таким образом, в среде тюркского общества постепенно назревал внутренний конфликт, одновременно росло недовольство, и недоверие к политике Сели кагана.

Согдийцы в китайских источниках называются жадными, ненавистными и непостоянными. Интересно, что китайские источники называют именно согдийцев, а не тюрков главными инициаторами всех военных тюркских походов на Китай. Китайцы считали, что согдийцы управляют в Восточно-тюркском каганате, а тюрки лишь проводят их волю и подчиняются их законам, от чего сами тюрки, по их мнению, «испытывали многочисленные страдания» [6, с. 143].

Ситуация в каганате усугублялась и многие племена, по выражению китайских летописцев, стали самовольными и отказались подчиняться Сели кагану. Даже ближайшие сановники Сели (Тули каган, Юй-шэ Шад, Инь-най Тэлэ (=Тегин) и другие) перешли на сторону Тай-цзуна [Там же].

Обстановка в каганате усложнялась и тем, что Сели в условиях резкого сокращения податного населения, увеличил налоги для оставшегося населения и собирал их, вероятно, с использованием репрессивных мер.

Официальной причиной начала военных действий императора Тай-цзуна против Сели явились его тесные отношения с Лян Ши-ду, сепаратистом, контролирующим территорию Ордоса¹ и выступающим против династии Тан.

Под командованием Ли Цзина император отправил многочисленную армию для нападения на Сели.

В 630 году Ли Цзин вышел с войсками и расположился на горе О-ян-лин. Ночью он неожиданно атаковал город Динсян. Сели испугался и перенес свой шатер в пустыню. Здесь Сели ожидала еще одна измена со стороны уже согдийцев, занимавших важные посты в руководстве каганатом. Династии Тан подчинились тюркский сановник «согдийского происхождения по имени Кан Су-ми, императрица Сяо Суй, Ян Чжэн-дао и другие» [6, с. 144].

Источники отмечают, что в последние дни Сели был на грани отчаяния и бежал в горы Тешань. В его распоряжении все еще находились 10 000 солдат, но он не вступил с ними в бой, а послал своего верного сановника Чжи-ши-сы-ли на императорский двор просить императора о прощении, и узнать о возможности сдаться ему со своими силами.

Император Тай-цзун послал к Сели с особыми полномочиями Хун-лу-цина (президента службы по государствам вассалов и гостям государства) Тан Цзяня и Цзян-цзюнь (генерала) Ан Сю-жэня, но, в действительности, чтобы его успокоить и ввести в заблуждение.

Чуть позже Ли Цзин использовал удобный момент и неожиданно атаковал силы Сели. Сам Сели бежал в одиночестве в орду своего племянника Шабло, где спустя всего несколько недель его взяли в плен и отправили в столицу.

¹ Ордос – пустынное плато в Центральной Азии. С севера, запада и востока пустыню окаймляет изгиб реки Хуанхэ. По южной границе проходит Великая Китайская стена.

Когда Сели прибыл в столицу, пленника отвели в императорский храм предков. Император поднялся в крепость Шунь-тянь-лоу и выставил почетную гвардию. Жители города наблюдали за вынесением приговора Сели кагану.

После приговора император распорядился вернуть ему членов семьи, всех разместить в здании Тай-пу-сы (службы по повозкам и лошадям) и перевести на государственное содержание. Кроме того, пленник проживал на территории столицы в своем шатре, построенном специально для Сели и его свиты. Несмотря на мягкие условия содержания пленника, источники сообщают, что Сели был недоволен сложившейся ситуацией, «проводил много времени со своими приближенными, пел грустные песни и рыдал» [6, с. 145].

Император пошел ему на встречу и назначил его префектом (цэ-ши) местности Гочжоу. Император считал, что «там много косуль и оленей и Сели мог бы по велению сердца ходить на охоту, с тем, чтобы сохранить свой кочевой образ жизни» [Там же]. Но Сели отказался и не захотел уходить из столицы. Наконец, император назначил его Ю-вэй Да-цзян-цзюнь (Великим генералом правой гвардии) и подарил ему землю и дом, в котором Сели прожил до своей смерти в 634 г. Император приказал похоронить его по обычаям тюрков. Его тело кремировали к востоку от реки Ба. Ему присвоили посмертный титул Гуй-и (Справедливо подчинившегося) принца, а также посмертное имя Хуан. Наставник и ближайший сановник Сели кагана Ху-лу да-гуань Тууюхунье совершил самоубийство, чтобы быть погребенным вместе с Сели. Когда император Тай-цзун узнал об этом, он восхитился страдальцем и присвоил ему посмертно титул Чжун-лан-цзян (офицер гвардии). Его похоронили возле могилы Сели и в его память поставили надгробный камень [6, с. 145].

Заключение

Таким образом, вторая половина правления Сели кагана (627–630 гг.), в отличие от первой, закончилась катастрофическими последствиями для Восточно-тюркского каганата. Основными причинами ухудшения положения внутри тюркского общества явились внешние факторы – природные катаклизмы. Частые и продолжительные снегопады, массовая гибель скота и людей от обморожения, а также нехватка продуктов питания способствовали росту внутренних противоречий в тюркском обществе. Обнажились многие внутренние проблемы, которые на протяжении многих лет беспокоили рядовых тюрков (увеличение влияние иноземцев в правящих кругах каганата, рост налогов, репрессивные методы управления). Все это непременно сказалось на снижении дисциплины в государстве, и многие сторонники Сели перешли на сторону китайцев.

К 629 г. Сели каган был уже непопулярным правителем в Восточно-тюркском каганате. Своими действиями он дискредитировал себя. Он не находил поддержки среди населения каганата и своих ближайших сановников, поэтому поражение армии Сели в начале 630 г. от китайских войск стало лишь оформлением сложившейся ситуации в обществе тюрков.

О том, что Сели каган не представлял собой какой-либо серьезной военной опасности, может свидетельствовать крайне снисходительное отношение императора Тай-цзуна к пленному Сели кагану. На протяжении многих лет, согласно сведениям китайских источников, Сели причинял беды и хлопоты своими вторжениями в северные провинции и должен был иметь статус одного из злейших врагов для Китая. Однако в поведении между императором Тай-цзуном и Сели каганом мы не видим торжество победителя и тяжелую участь проигравшего. Нет быстрой расправы, видимой агрессии к кагану тюрков, а также предъявляемых к нему требований, что является характерным по отношению к врагам государства. Вместо этого – сочувствие и понимание ситуации политической изоляции императором Тай-цзуном, в которой оказался Сели каган.

После пленения Сели кагана Тай-цзун практически встал во главе Восточно-тюркского каганата [4, с. 172; 11, с. 175], так как ближайшие сановники и возможные преемники Сели (Тули) также перешли на сторону китайского императора. Перед Тай-цзуном стояли задачи по восстановлению экономики кочевого государства, в чем, в первую очередь, были заинтересованы сами китайцы, так как армии и экономике Китая постоянно требовались центральноазиатские лошади. Кроме того, сторонники Сели кагана, по мнению императора Тай-цзуна, могли дестабилизировать северные районы Китая, поэтому важной задачей был вопрос организации тюрков в приграничных территориях. При дворе императора шли долгие дискуссии о дальнейших действиях по этой проблеме. После размышлений Тай-цзун взял курс на создание нового объединения на базе китайской государственности с элементами кочевой традиции. В будущем это позволило династии Тан расширить свое влияние в Центральной Азии, заложить основы процветания китайской и тюркской культуры, а также явиться образцом успешного сочетания двух различных культурно-исторических типов во взаимоотношениях Китая с кочевниками Центральной Азии.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung) 02/V/14. Особая благодарность Р.М. Хантемирову (УрО РАН, Екатеринбург) за конструктивные замечания и ценные комментарии, учтенные при подготовке рукописи.

Примечания:

1. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: изд-во «Кристалл», 2003. 314 с.
2. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: изд-во «Наука», 1964. 215 с.
3. Малявкин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории. Новосибирск, 1980. С. 103–126.
4. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Летопись китайской империи, называемая Юй-пъхи цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую. 1828. Пер. с кит. И. Бичурина. Т. VIII, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 8. Архив востоковедов Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН.
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л.: изд-во «Академии Наук СССР», 1950. 382 с.
6. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1958. 831 s.
7. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-пресс, 2002. С. 227.
8. Ludlow, F., Stine, A.R., Leahy, P., Murphy, E., Mayewski, P.A., Taylor, D., Killen, J., Baillie, M.G.L., Hennessy, M. and Kiely, G., 2013. Medieval Irish chronicles reveal persistent volcanic forcing of severe winter cold events, 431-1649 CE. *Environmental Research Letters*, 8 (2).
9. Хантемиров Р.М., Горланова Л.А., Сурков А.Ю., Шиятов С.Г. Экстремальные климатические события на Ямале за последние 4100 лет по дендрохронологическим данным // Известия РАН. Серия географическая. 2011, № 2, С. 89–102.
10. Fei J., Zhou J., Hou Y.J. Circa A.D. 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire // *Climatic Change*. Volume 81, Numbers 3–4 (2007), P. 469–475.
11. Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: изд-во «Восточная литература», 1999. 279 с.

References:

1. Gumilev L. N. Drevniye tyurki. M.: izd-vo «Kristall», 2003. 314 s. (In Russian)
2. Klyashtopnyy S. G. Drevnetyurkskiye runicheskiye pamyatniki kak istochnik po istorii Sredney Azii. M.: izd-vo «Nauka», 1964. 215 s. (In Russian)
3. Malyavkin A. G. Taktika Tanskogo gosudarstva v bor'be za gegemoniyu v vostochnoy chasti Tsentral'noy Azii // Dal'niy Vostok i sosedniye territorii. Novosibirsk, 1980. С. 103–126. (In Russian)
4. Bichurin N. YA. (Iakinf). Letopis' kitayskoy imperii, nazyvayemaya Yuy-p'khi tszy chzhi tkhuntszyan' gan-mu. Razdelennaya na tri chasti, letopis' drevnyuyu, srednyuyu i noveyshuyu. 1828. Per. s kit. I. Bichurina. T. VIII, f. 7, op. 1, yed. khr. 8. Arkhiv vostokovedov Sankt-Peterburgskogo Instituta vostochnykh rukopisey RAN. (In Russian)
5. Bichurin N. YA. Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena. T. 1. M.-L.: izd-vo «Akademii Nauk SSSR», 1950. 382 s. (In Russian)
6. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10. Wiesbaden, 1958.
7. Khazanov A. M. Kochevniki i vneshniy mir. Almaty: Dayk-press, 2002. S. 227. (In Russian)
8. Ludlow, F., Stine, A.R., Leahy, P., Murphy, E., Mayewski, P.A., Taylor, D., Killen, J., Baillie, M.G.L., Hennessy, M. and Kiely, G., 2013. Medieval Irish chronicles reveal persistent volcanic forcing of severe winter cold events, 431-1649 CE. *Environmental Research Letters*, 8 (2).
9. Khantemirov R. M., Gorlanova L. A., Surkov A. YU., Shiyatov S. G. Ekstremal'nyye klimaticheskiye sobytiya na Yamale za posledniye 4100 let po dendrokronologicheskim dannym // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2011, № 2, S. 89–102. (In Russian)
10. Fei J., Zhou J., Hou Y.J. Circa A.D. 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire // *Climatic Change*. Volume 81, Numbers 3–4 (2007), P. 469–475.
11. Popova I. F. Politicheskaya praktika i ideologiya rannetanskogo Kitaya. M.: izd-vo «Vostochnaya literatura», 1999. 279 s. (In Russian)

Восточно-тюркский каганат в Центральной Азии в 620–630 гг.

Рустам Талгатович Ганиев

Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: rusthist@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе китайских письменных источников рассматривается внутренняя и внешняя политика Сели кагана, правителя Восточно-тюркского государства в 620–630 гг. В истории каганата имя Сели прочно ассоциируется с агрессивной внешней политикой тюрков в отношении Китая, а также разгромом восточных тюрков и их окончательным поражением преимущественно от войск танского императора Тай-цзуна в 630 г. В статье впервые предпринимается попытка переосмысления событий изучаемого периода на основе новых сведений китайских письменных источников, а также современных климатических исследований российских и зарубежных ученых.

В статье выделяется первый этап правления Сели (620–626 гг.), характеризующийся сильной центральной властью и, как следствие, агрессивной внешней политикой по отношению к соседям, а также второй период (627–630 гг.), в результате которого Восточно-тюркский каганат перешел под управление императора династии Тан Тай-цзуна. Анализируются причины нарастания напряженности в государстве тюрков в 627–629 гг., приведшие к провалу всей политики кагана Сели.

Ключевые слова: Сели каган; Восточно-тюркский каганат; династия Тан; Китай; император Тай-цзун; кочевники; Тюркский каганат; Центральная Азия; древние тюрки; восточные тюрки.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 30-35, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.9

Bohai Suryongs: Who Were They?

Alexander Kim

Far Eastern Federal University, Russian Federation
692525, t. Ussuriysk, Komsomolskaya st 44a-11
PhD (History), Associate Professor
Korea University, Republic of Korea, Research Professor
E-mail: kimaa@rambler.ru

Abstract

Author considers question on Bohai suryongs, the places of them in Bohai are unclear. Many scholars in East Asia consider suryongs as chiefs of tribes, who lived in Bohai peripheries. However, other historians believe that suryongs were provincial officials. Usually the problem of these Bohai chiefs is discussed between these two opinions. Author thinks that the structure of suryongs consists of different groups of provincial leaders. Because many Bohai chiefs had different functions and positions in the state, clearly, in many cases the kinds of their activity were inconsistency. Therefore author of article has another opinion about suryongs in Bohai state.

Moreover, in many cases Bohai chiefs can be position or rank.

Suryongs played a big role in govern administrative system, we can information about activity of Bohai suryongs not only in inner policy, but in foreign relations too. It had influence in potential of Bohai in different periods of state existing. Moreover, suryongs system existed after collapse of Bohai state during a long time.

The system of Bohai suryongs was well-known in other countries.

Author uses materials not only in European (Russian and English), but in Asian languages (Korean and Chinese) too.

Keywords: Bohai; Far East; suryongs; East Asia; history; periphery.

Введение

Государство Бохай (в корейском чтении Пархэ) существовало в средние века на территории современных России, КНР и КНДР. Оно являлось первым государством на юге Дальнего Востока России. Уже это определяет важность его изучения для понимания хода исторического процесса на Дальнем Востоке.

С года основания государства (698 г.) Бохай (Чжэнь до 713 г.) оказался в сложной внешнеполитической ситуации. У него были враждебные отношения с империей Тан, поэтому правителям Чжэнь приходилось вести осторожную политику. У молодого государства были весьма ограниченные материальные и людские ресурсы, поэтому правителям Бохая приходилось подстраиваться под систему отношений, выстроенную Китаем. Устоявшаяся система статусов государств изначально предопределила Бохаю низкое место в этой иерархии. Именно поэтому бохайцы сначала приняли вассалитет со стороны Силла и Второго Тюркского каганата, но в дальнейшем – от империи Тан [2].

Материалы и методы

В работе были использованы публикации на русском, корейском, английском и китайском языках. В данных работах проведены фрагменты средневековых китайских, корейских и японских

источников («Корё са», «Самгуксаги», «Силлапонги», «Син тан шу», «Цзю тан шу», «Руйдзю кокуси» и другие), в которых приводится информация, имеющая отношения к деятельности суренов. Важное значение имеет "Пархэ го", написанная в XVIII веке. Автор этого труда, Ю Тык Конъ, использовал в своей монографии данные из источников, которые со временем были утеряны.

Методологическую базу исследования составили сравнительно-исторический метод и метод герменевтики. Оба метода позволили провести не только сравнительный анализ материалов и фактов, изложенных в них, но и рассмотреть специфику изложения событий в источниках.

Обсуждение

Тема бохайских суренов в России практически не исследовалась. За рубежом изучением вопроса о суренах занимаются в Республике Корея (К. Сонъ, Г. Хан), в КНДР (Г. Чанъ, С. Пак), в Японии (С. Ёситами).

Первым ученым, который коснулся проблемы идентификации суренов в Бохэе, был южнокорейский историк Сонъ Ки Хо. Как правило, исследователи рассматривают бохайских суренов как однородный слой административного аппарата государства, поэтому деятельность этих вождей рассматривается по-разному. Причиной этому является то, что в летописных материалах представлен ряд фактов, которые характеризуют позиции суренов в государстве неоднозначно. Поэтому исследователи имеют весьма расхожие мнения на счет значения и роли суренов в государстве – как во внутренней, так и во внешней политике Бохэя.

Результаты

Бесспорным фактом является то, что Танская империя оказывала большое влияние на Бохай. Каждое соседствовавшее с Китаем государство принимало в большей или меньшей степени китайскую систему мировоззрения, и бохайское государство не было исключением.

Как правило, соседствовавшие с Китаем государства принимали китайскую систему миропорядка и рассматривали себя как центр, а соседей как варваров. Примером может быть официальное письмо Силла к империи Тан, в котором бохайцы представлены как «взбунтовавшиеся варвары» [3, с. 220].

В 762 г. Бохай был признан со стороны Тан как королевство (ванго) – высший статус вассального империи государства [8, с. 57].

В итоге положение бохайского государства при китайском императорском дворе во время правления Вэнь-вана (Да Циньмао, в корейском чтении - Мунвана) благодаря его дальновидной политике постепенно стало выше, чем у Силла при китайском императорском дворе [6, с. 121]. В результате такой попытки внедрения китайской системы управления Вэнь-ван присвоил себе титул императора, но использовал его преимущественно внутри страны. В итоге Да Циньмао, оставаясь вассалом Тан и королем в сношениях с империей Тан, во внутренней политике и в отношениях с соседними племенами придерживался имперской политики и сам присвоил себе императорские титулы и регалии, формально отличавшиеся от танских.

Случаи подобного обращения с императорским статусом внутри страны неоднократно известны в истории Кореи, по мнению Сонъ Ки Хо, Бохай скорее всего использовал подобный вариант, опираясь на корейский опыт. Однако, на Корейском полуострове они далеко не всегда были столь успешны и последовательны. Так Силла еще до разгрома Когурё и Пэкче сделало попытку использовать самостоятельный девиз правления. Но вскоре империя Тан сделала выговор своему союзнику, после чего силланцы снова приняли китайские девизы правления и больше не пытались ввести свои [7, с. 59–60]. Примером подобного двойного подхода к своему статусу может послужить государство Корё, которое во внешней политике выступало как королевство, вассальное по отношению к китайской империи, а внутри страны правитель использовал титул императора [6, с. 194]. Но при этом Корё использовал имперские регалии с большой оглядкой на международные отношения и Китай просто не знал об этом. Бохай же стремился провести свой статус в отношении с другими государствами. Поэтому мы полагаем, что вряд ли Бохай использовал корейский опыт – скорее всего, к поднятию статуса его подталкивала политическая обстановка,

Тенденция повысить свой статус была в IX в. и в Бохэе. Так, например, Сонъ Ки Хо указывает, что императорский статус использовался королями Да Жэньсю и Да Ичжэнем [7, с. 36–37]. Это предполагает постоянное применение титула императора во внутренней политике Бохэя [7, с. 36].

Самым важным свидетельством имперского статуса Бохэя Сонъ Ки Хо считает надпись на буддийской скульптуре 834 г., хранящейся в Японии. В ней упоминается управление Сюйвана в Бохэе. По этой записи получается, что в бохайском государстве были ваны (князья или короли), над которыми был правитель более высокого ранга, то есть император [6].

При этом международный статус Бохэя, по мнению Сонъ Ки Хо, был явно выше чем у Корё [6, с. 194], что отражается не только в формальных терминах, но и в реальном положении. Некоторые китайские историки также склоняются к подобному мнению [9].

После укрепления власти Да Циньмао во внешней политике послами в Японию стали ездить чиновники, имевшие должности администрации провинции [6, с. 108].

Имперский статус государства предполагал наличие вассалов, которые получали назначение «чхэкбонъ» (кит. цэфэн – инвестиру) со стороны сюзерена – императора. В этой роли Сонъ Ки Хо видит сурёнов [10] (в китайском чтении шоулины «вожди»). По его мнению, сурёнами являлись вожди подчинённых или вассальных племен, не имевшие официального статуса. В Бохае это были в основном мохэские предводители [10; 6, с. 196-197], при этом в корейской истории обычно под сурёнами подразумеваются старосты деревень.

При контактах с сурёнами Бохай имитировал вассальные отношения империи Тан с вождями подчинённых племен и правителями зависимых государств. Но при этом положение сурёнов в Бохае неясно. По мнению японского исследователя Судзуки Ясутами, сурёны в бохайском государстве – слой правящего класса между чиновниками и простолюдинами, важный резерв пополнения чиновничества. Их происхождение – от правящих верхушек племен, находившихся под властью бохайского государства или бывших в зависимости от него [11, с. 3–7]. Важное наблюдение японского исследователя также заключается в том, что в бохайское посольство, прибывшее в Японию в 841 г., входили 65 великих сурёнов – по числу округов (чжоу) в Бохае [10; 11].

Постоянное расширение территории Бохая приводило к увеличению числа подчинённых племен мохэ и, следовательно, сурёнов. По мнению Сонъ Ки Хо, они были достаточно независимы во внутренних делах, многие имели статус провинциальных чиновников не низшего ранга. Они также принимали участие во внешней политике государства, например, ездили в Японию в составе посольств. Сонъ Ки Хо предполагает, что этим их самостоятельность во внешней и внутренней политике не ограничивалась.

Так Сонъ Ки Хо отмечает, что племена, проживавшие в провинциях Бохая, вели самостоятельный образ жизни. Но над их вождями стояли чиновники, присланные из бохайской столицы и не вмешивавшиеся во внутренние дела племен. Таким образом, сурёны обладали большой автономией во внутренних делах, хотя и платили налоги [6, с. 228; 5, с. 4–5]. Из этого вытекает, что племена не подчинялись напрямую бохайским чиновникам [5, с. 8].

Есть указания в китайских летописях на то, что сурёны ездили в Китай на учебу, входили в состав отрядов сопровождения студентов, обучавшихся в империи Тан и вполне возможно, что входили там в число сувэй (в корейском чтении сукви) – так называемой охраны в императорском дворце, состоявшей из знатных людей других государств и племенных союзов [6, с. 164-165].

Также отмечается факт, что по японским данным сурёны не были членами первых бохайских посольств в Японию (Но допустим следующий вариант – как правило, тексты хроник не идут дальше упоминания имен и титулов главы миссии и его помощника. Поэтому сурёны могли в них и не попасть). Сонъ Ки Хо предположил, что первоначально в отношениях между странами положение островного государства было значительно выше, чем у Бохая. Когда же Да Циньмао получил более высокий статус, он стал отправлять сурёнов как членов посольств, Мы полагаем что до этого повышения отправление сурёнов в составе посольств выглядело бы как оскорбление для принимающей стороны, в частности, Японии. Но, скорее всего, тут стоит вопрос о разных группах сурёнов, что мы рассмотрим ниже.

Как мы видим, информация о сурёнах противоречивая. С одной стороны, они зачастую выступают как мелкие провинциальные лидеры, но с другой – они входят в высшую аристократию государства, ездят в составе посольств в Китай и Японию, состоят в китайской императорской гвардии, куда могли принять только очень знатных людей. Поэтому мы можем предположить, что группа сурёнов включала в себя различные категории чиновников и представителей верхушек племен. Мало того, система сурёнов пережила Бохай. Если бы сурёны были только провинциальными чиновниками, то они бы канули в лету вместе с государством. Тот факт, что сурёны сохранились после гибели государства, свидетельствует о том, что эта система опиралась не только на чиновничью структуру, но и на местную систему самоуправления. Этот момент мы рассмотрим ниже, когда коснемся вопроса сурёнов после гибели Бохая.

Исходя из той противоречивой информации, которую собирали исследователи о сурёнах, мы можем сделать вывод, что сурёны в государстве Бохай включали в себя несколько групп руководителей различного ранга, причем в ряде случаев не связанных между собой.

Во-первых, это были вожди подчинённых племен. Скорее всего, это была самая многочисленная группа сурёнов. Она подчинялась направляемым в провинцию из центра чиновникам. Эти сурёны были самой беспокойной, но при этом самой нужной частью структуры государства. В периоды кризиса дальние провинции сразу отпадали от Бохая. Скорее всего, именно эти сурёны были центрами сепаратизма на местах. Но, с другой стороны, в период процветания государства сурёны платили налоги, поддерживали торговлю между периферией и центром, отправляли отряды своих воинов в бохайскую армию. После гибели Бохая в 926 году восточная часть государства осталась независимой. Это была как раз та территория, на которой находились сурёны этой группы.

Вполне допустим вариант, что в число сурёнов входили также вожди зависимых племен. Как известно, в Тюркский каганат и позже в Японию вместе с бохайскими посольствами ездили представители разных племен, например, хэйшуй мохэ и тели. Причем известен случай, когда представители тели устроили спор с бохайскими посланцами при японском императорском дворе за

более высокое место. Сам этот факт свидетельствует о том, что вожди зависимых племен не подчинялись Бохаю, а скорее всего, по его требованию платили дань или выставляли определенное число воинов в случае войны.

Во-вторых, это провинциальные чиновники. Им Сань Сон обратил внимание на то, что в Бохае нет упоминаний о должностях начальников уездов. Поэтому он полагает, что ими были сурёны [4]. Маловероятно, чтобы сурёны из первой группы выполняли обязанности чиновников в уездах – Бохай состоял из округов, во многих из них не было отдельных племен. Администрация в этих округах была централизованной. Поэтому сурёнов из второй категории мы можем рассматривать именно как бохайских провинциальных чиновников, не имевших отношения к вождям зависимых племен.

В-третьих, была группа сурёнов, которые назывались великими (да). Как уже ранее отмечалось, в бохайское посольство, прибывшее в Японию в 841 г., входили 65 великих сурёнов - по числу округов (чжоу) в Бохае. Разумеется, это не могли быть мелкие провинциальные чиновники или вожди племен. Скорее всего, в число великих сурёнов входили те, кто относился к высшей аристократии или руководству страны. Именно они были членами бохайских посольств в другие страны и дворцовой гвардии при китайском императорском дворе. Поэтому мы можем предположить, что да сурёнь был титулом. Причем практика использования этого титула пережила Бохай, что мы так же рассмотрим ниже.

Таким образом, мы выделяем три группы бохайских сурёнов, которые находились в разном положении в государстве. В их число входили аристократы, чиновники и вожди племен на периферии. Несомненно, что на формирование системы сурёнов оказала большое влияние структура империи Тан, но здесь виден и свой оригинальный компонент. К нему мы относим сурёнов третьей группы. В средневековом Китае аналога этому нет. Сама структура сурёнов, на наш взгляд, получила большое влияние также со стороны мохэских племен, так как первая группа сурёнов состояла как раз из представителей мохэских групп.

Такие отношения вассалитета между центральной властью и зависимыми племенами были не только в Бохае. Подобная ситуация была и в Японии, и в Объединённом Силла [6, с. 194–195]. В Японии это были отношения центральной власти со многими даймё, а в Силла с – мохэсками.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что бохайское государство во внешней политике выступало как княжество, а позже как королевство, находящееся в формальных вассальных отношениях с империей Тан. Но во внутренней политике бохайские правители, в периоды расцвета государства, использовали императорский титул для возвышения собственного статуса. Следовательно, Бохай комбинировал королевский и имперский статусы.

Подобная схема часто использовалась соседями Китая, которые внутри страны применяли структуры, эквивалентные китайскому имперскому образцу, но внешне соблюдали субординацию с империей Тан.

Такая система использования императорского титула и самостоятельных девизов правления пережила Бохай. После падения бохайского государства свои девизы правления принимали правители Диньань и Син Ляо. В 1116 г. Гао Юнчан, поднявший восстание против империи Ляо, создал Великое Бохайское государство и провозгласил себя императором [5; 6, с. 178-179]. Также и система сурёнов пережила Бохай. Бывшие бохайцы на протяжении длительного времени после гибели государства придерживались этой системы.

При этом бохайские сурёны даже после 926 года (гибели Бохая) не забывали о государстве, в которое они ранее входили. В бохайских памятниках Приморского края российские археологи находят руины построек дворцового типа. При их исследовании видно, что бохайское население пыталось строить храмы и дворцы, которые были в центральных областях Бохая, но неудачно-видимо, не хватало знаний о строительстве таких объектов. Конечно, гибель государства дала сурёнам больше свободы действий, но одновременно сильно ослабило их возможности. Но сурёны не раз заявляли о себе и на международной арене.

Одним из примеров этого может быть следующий случай. В 979 году сунская армия атаковала Ляо, в борьбе с китайцами отличился бохаец Тэ Нан Ха, который собрал 300 человек и принимал участие в военных действиях. После этого в том же году Тэ Нан Ха с своими воинами ушел в Корё. Весной 984 года корёский правитель призвал «бохайского сурёна Тэ Нан Ха», который выразил верность и смирение. Тэ Нан Ха отличился против варварских племен, за что был приглашен на королевскую осеннюю охоту, правитель одарил его 100 тысячами денег и водкой [8, с. 100].

Заслуживает внимания тот факт, что этот сурёнь носил фамилию Тэ (Да) – фамилию бохайской королевской династии. В данном случае, сурёнь Тэ Нан Ха явно не являлся представителем провинциального племени, а был бохайским аристократом.

Заключение

Таким образом, напрашиваются два вывода. Первый – категория сурёнов была значительно шире, чем предполагалось. Второй – после гибели Бохая положение сурёнов сильно изменилось – пропала главная опора централизации, и их группа стала включать в себя часть высшей знати бохайского населения.

Не менее важным является число воинов этого бохайского сурёна. По записям в «Корё са», бохайцы под давлением лясских войск организовано отходили на территорию Корё группами по 100, 300 и 1000 человек или отрядами, кратными по данной численности. Причем такое движение продолжалось не десятки лет, а больше одного столетия. В таблице мы привели данные по этому процессу из бохайских земель в Корё.

Нетрудно заметить, что данная структура бохайских войск схожа с чжурчжэньской системой мэнгань и моукэ. Известный исследователь М.В. Воробьев, приводил данные из летописи «Цзинь ши», согласно которым мэнгань состоял из 1000 дворов, а моукэ, в зависимости от географического положения и разных периодов времени, – из 100–300 дворов [1].

Как известно, чжурчжэни были потомками хэйшуй мохэ, которые в течение долгого времени были под влиянием бохайцев. Поэтому институт сурёнов должен был оказать большое влияние на чжурчжэньское общество. Можно предположить, что социальная система чжурчжэней была в свое время частью провинциальной структуры бохайского государства.

Таблица об отходе организованных бохайских групп на территорию Корё

Дата	События
6 число 9 месяца 925 г.	Бохайский генерал Син Док бежал в Корё, с ним было 500 человек
16 число 9 месяца 925 г.	В Корё эмигрировали чиновники Тэ Хва Гюн, Тэ Кюн Го, Тэ Вон Гюн, Тэ Бок Мо, Тэ Сим Ли со 100 дворами
29 число 12 месяца 925 г.	В Корё бежали чиновники Мо Ду Ган и Пак О с 1000 дворов.
3 число 3 месяца 927 г.	В Корё ушли начальник Департамента Работ (Гунбу) О Хынъ (кит. У Син) в сопровождении 50 человек (по другим данным – 5000 человек)
10 число 9 месяца 929 г.	По суше в подчинение Корё пришёл бохаец Чон Кын, с ним было более трехсот человек.
934 г.	Бохайский наследный принц Тэ Кванъ Хён ушел в Корё с несколькими десятками тысяч человек. Ему пожаловали 4 ранг Вонбо, а его солдаты получили поля и дома.
938 г.	В Корё ушел бохайский чиновник Пак Сынъ с 3000 дворов.
979 г.	Бохайский сурёнъ Тэ Нан Ха с 300 воинами ушел в Корё.
10 месяц 1030 г.	В Корё ушли 500 бохайцев.

Примечание: В таблице приведены имена бохайских беженцев на корейском языке.

Примечания:

1. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X – 1234 г.). М.: Наука, 1975. 447 с.
2. Ким А.А. История государства Бохай (по материалам ученых Республики Корея). Усурийск: ФГОУ ВПО ПГСХА, 2011. 177 с.
3. Самгук саги. Исторические записки трех государств / под ред. М.Н. Пак. Т.1. М.: Наука, 1959. 384 с. + 202 с. оригинального текста.
4. Им Санъ Сон. Пархэсаы ихэ = Понимание истории Бохая. Сеул: Тосочхульпхан синсовон, 1990. 396 с. (на корейском языке)
5. Пархэса = История Бохая. // Хангукса к. 10. /под ред. Сонъ Ки Хо, Хан Кю Чхоль и Им Санъ Сон. Сеул: Куксабёнчханвивонхвэ, 1996. 263 с. (на корейском языке)
6. Сонъ Ки Хо. Пархэ чжончхи ёкса ёнгу = Исследование политической истории Бохая. Сеул: Ильчжокаль, 1995. - 282 с. (на корейском языке)
7. Сонъ Ки Хо. Пархэрыль таси понда = Снова рассмотреть Бохай. Сеул: Тосочхульпхан чурюсон, 1999. - 251 с. (на корейском языке)
8. Ю Тык Кон. Пархэ Го = Исследование Бохая. Сеул: Хангукгочжончхонсо, 2000. 197 с. + 90 с. оригинал. текста. (на корейском языке)
9. Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. Бохай ши гао = Исторические наброски о Бохае. Харбин: Хэйлунцзян вэнгу чубань бяньцзиши, 1984. 288 с. (на китайском языке)
10. Song Kiho. On the nature of the «Sureong» in Parhae. // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 119–125.
11. Suzuki Yasutami. Chieftain system in Bohai // The First international Symposium of Bohai Culture. Vladivostok, 1996. P. 3-7.

References:

1. Vorob`ev M.V. Chzhurchzhjeni i gosudarstvo Czin` (X -1234). M.: Nauka, 1975. 447 s. (In Russian)

2. Kim A.A. Istoriya gosudarstva Bohaj (po materialam yuzhnokorejskih issledovatelej). Ussuriysk: VGOUVPO PGSHA, 2011. 177 s. (In Russian)
3. Samguksagi. Istoricheskie zapiski treh gosudarstv/ pod red. M.N. Pak, t.1. M.: Nauka, 1959. 384 s. + 202 s. original`nogo teksta.
4. Im Sang Son, Parhaesayi ihae. Seoul: Tosochulban sinsovon, 1990. 396 p. (in Korean)
5. Parhaesa. // Hanguksa, 10 tom./ Song Ki Ho, Han Gju Cheol, Im Sang Son. Seoul: Kuksabyonchawiwonhwaе, 1996. 263 p. (in Korean)
6. Song Ki Ho. Parhaesa jongchi yoksa yongu. Seoul: Il`jokal, 1995. 282 p. (in Korean)
7. Song Ki Ho. Parhaeryil tasi ponda. Seoul: Tosochulban juryuson, 2000. 251 p. (in Korean)
8. Yu Tyik Kong. Parhaego. Seoul: Hankukgojonchonso, 2000. 197 s.+ 90s. (in Korean. Original tex in ancient Chinese)
9. Chzhu Gochen`, Wei Gochzhun. Bohai shi gao. Harbin: Hejlunczyan wen`u chubang byan`czishi, 1984. 288 p. (in Chinese)
10. Song Kiho. On the nature of the «Sureong» in Parhae. // Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoi Azii. Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 2001. s. 119–125. (In Russian)
11. Suzuki Yasutami. Chieftain system in Bohai // The First international Symposium of Bohai Culture. Vladivostok, 1996. P. 3-7.

УДК 930.9

Бохайские сурёны: кто они?

Александр Алексеевич Ким

Дальневосточный Федеральный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
692525, г. Уссурийск, ул. Комсомольская, 44а - 11
Университет Корё (Республика Корея). Научный профессор
E-mail: kimaа@rambler.r

Аннотация. Автор рассматривает вопрос о сурёнах в Бохает, чьё место в государстве неясно. Многие ученые в Восточной Азии рассматривают их как вождей племен, проживавших на периферии Бохает. Но другие историки полагают, что это были провинциальные чиновники. Обычно проблема бохайских суренов рассматривается между этими двумя мнениями. Автор считает, что в состав сурёнов входили различные группы провинциальных лидеров. Потому что многие бохайские сурены имели разные функции и позиции в государстве, очевидно, что во многих случаях виды их деятельности противоречили друг другу. Поэтому автор статьи имеет свое мнение о проблеме суренов в Бохает.

Необходимо отметить, что в ряде случаев сурёны могли быть должностью или рангом.

Сурёны играли важную роль в системе управления государства, есть информация об их деятельности не только во внутренней политике, но так же и во внешних отношениях, что сказывалось на потенциале Бохает в различные периоды существования. Более того, система суренов существовала еще длительное время после гибели Бохайского государства.

Система бохайских сурёнов была известна за пределами Бохает.

Автор использует материалы не только на европейских (русский и английский), но и азиатских (корейский и китайский) языках.

Ключевые слова: Бохай; Дальний Восток; сурёны; Восточная Азия; история; периферия.

Copyright © 2015 by Sochi State University

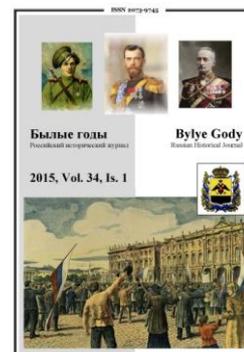
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 36-40, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

On Hungarian-Galician Marriage Politics in the 13th Century: The Wedding of Dynasties in Zvolen and its Reflections in Central European Historiography

Pavol Maliniak

Matej Bel University, Slovakia
40 Tajovského Str., Banská Bystrica, 974 01
PhD. (History)
E-mail: pavol.maliniak@umb.sk

Abstract

The historical research already has been concentrated on information in Galician-Volynian Chronicle, dated in source till 1250. It describes making peace with Hungarian king Bela IV. and Galician prince Danil Romanovich. The question of events chronology is the central problem in interpretation of source. The Hungarian, Czech, Polish and Ukrainian historiography pays attention especially to these problems in the latest years. We tend to opinion, that the peace contract and marriage of Hungarian princess Constance with prince Leo took place in the royal residence in Zvolen in 1247. Scientists suppose in tendency to determine more precisely place of peace contract and marriage, that it was old Zvolen castle in today's Slovakia.

Keywords: historiography; king Bela IV; prince Danil; politics of appeasement; Hungarian kingdom; Slovakia; Zvolen.

Введение

Отношения между Арпадами и Рюриковичами стали в прошлых десятилетиях предметом **серьезных** научных исследований, ориентированных, учитывая позицию обеих династий, главным образом на политическую историю и межгосударственные отношения.

Материалы и методы

Мы сделали попытку подытожить в статье исторические документы и их истолкования, касающиеся некоторых аспектов в венгерских и галицко-владимирских взаимоотношениях, главным образом роли брачной политики в внешнеполитическом развитии, представителями которого в половине XIII века были король Бела IV и князь Даниил Романович. Наше внимание будет сосредоточено на истолковании Галицко-Волынской летописи, самого содержательного источника, описывающего условия заключения мира между Белой и Даниилом.

Обсуждение

Среди летописей средневековой Руси Галицко-Волынская летопись занимает особое место прежде всего как источник по истории Центрально-Восточной Европы. В настоящее время в распоряжении современные лингвистические издания древнерусского текста [1]. Для центральноевропейских исследователей уже давно доступен венгерский и английский перевод, а также и актуальный чешский перевод с подробной вводной статьей [2].

Результаты

В одном из сообщений Галицко-Волынской летописи относящемуся к 1250 г. говорится о примирении между венгерским королем Белой IV и галицким князем Даниилом Романовичем. В то же время источник предлагает краткий список событий до мирного договора. Для древнерусских

летописей характерно, что в историческом процессе придают значение исключительно поступкам князей, их указам и политике. С точки зрения летописцев событие произошло по воле князей, но этот факт не должен значить акцептование их индивидуального личного значения [3]. В нижеуказанном отрывке из Галицко-Волынской летописи не находятся имена представителей венгерской стороны, но она перечисляет всех более значительных представителей галицкой стороны. Имена венгерских представителей летопись упоминает на другом месте и сообщают о них и другие источники. С их помощью можно попытаться дополнить и проверить данные, которые содержит летопись. Отрывок из летописи:

«В то (ж) лѣто присла коро(л) угор(ь)скый виц(ь)каго, река: «Поими дѣщерь мою за сѣа своего Л(ь)ва». Бояше бо ся его, яко бы(л) бѣ у Татаре(х), побѣдою побѣ(ди) Ростислава и угры его. Помыслив(ь) же си съ брато(м), глѹ его не уя вѣры: древле бо того измѣнилъ бѣ, обещавъ да(ти) дѣщерь свою. Курилъ бо бѣ митрополи(т) идяше посла(н) Данило(м) и Васи(л)ко(м) на поставленіе митропо(л)е ру(с)коє. Бывшю ему у короля, убѣ(ди) и коро(л) словы многими, дары увещеваа, яко: «Проведу тя у Греки с великою ч(с)тію, аще сътвори(т) Данилъ съ мною миръ». Он(ь) же ре(ч): «Клятвою клени ми ся, аще не премениши слова свое(г). Азъ ше(д) приведу и». Прише(д) же митрополи(т) и ре(ч) ему: «Хотеніе твое у тебе е(с)тъ, поими дѣщерь его снѹ си женѣ». Васи(л)кови рек(ь)шю: «Иди къ нему, яко хр(с)тіанъ есмъ». О(т)туда (ж) Дани(л) пой де, пое(м) сѣа своего Л(ь)ва и митрополита, и иде къ королеви и въ Изволи(н), и поя дѣщерь его сы(н)[у] си женѣ; и о(т)дасть ему ятыа бояры, еже бѣ въдасть въ руци его, одолѣв(ь)шю ему съ брато(м) у Ярославля. И сътвори с ни(м) миръ и вѣротися въ землю свою» [4].

В рамках истории Королевства Венгрия принимала венгерская историография временные данные событий в соответствии с летописью до 1250 г. [5]. С определением времени событий, описанных в данном году, связаны вопросы их истинной хронологии, поскольку их более точное определение вносит значительный вклад в последующие истолкования источника. При датировании записей можно опираться на последующие события, описанные в летописи: предложение венгерского короля Льву, сыну Даниила, жениться на его дочери; пребывание Даниила у татар; победа Даниила над Ростиславом и венграми; поездка и утверждение митрополита Кирилла; брак детей Белы IV и Даниила; возвращение пленных после сражения под Ярославом и заключение мира. Членение содержания указывает на факт, что летописец при рассказе сослался и на прошлые события, которые привел в разном порядке с неодинаковыми промежутком времени. Хронологию событий подытожил и уточнил главным образом Т. Сенга, опиравшийся в своих выводах на подробную аргументацию [6].

Самым известным, среди упомянутых событий, является сражение под Ярославом, которое значительно повлияло на последующие события. Ярославская битва реально прекратило стремление Ростислава, сына черниговского князя Михаила, господствовать над Галицией. Брак Ростислава с Анной, дочерью Белы IV, создал условия для совместных действий при осуществлении властных интересов венгерского короля в Галицком княжестве. Прямой поддержкой планов Ростислава так стала Венгрия, куда ушел перед татарской угрозой. После неудачного похода венгерских полков, которые войска Даниила разгромили на реке Шиечне (Sieczne), Ростислав собрал еще больше венгерских войск с целью взять Галицию. В союзе со своим шурином, правителем Малой Польши Болеславом V Стыдливом, Ростислав потянул на крепость Ярослав. Хотя литовские и польские союзники не помогли Даниилу вовремя, все же победил Ростислава и его войско в битве под Ярославом. Победа помогла Даниилу и его брату Васильку к единому господству над Галицией и Владимиром. По данным в Галицко-волынской летописи сражение состоялось 17 августа 1249 г. В сравнении с исследователями, принимающими хронологию летописи, преобладает в настоящее время мнение, что битва всё же состоялась 17 августа 1245 г. Такое датирование опирается на точные определения времени последовательных событий в летописи [7].

В 1245 г. монгольский хан Батый посредством своего начальника Могучея обратился к князю Даниилу, чтобы отдал ему Галицию. По данным летописи Даниил отправился в путь к хану 26 октября 1250 г. Правильное определение этого события в 1245 г. доказывают путевые записки папского легата Джованни Плано Карпини. В ходе своей поездки к татарам Карпини пребывал с конца 1245 г. до начала 1246 г. на дворе Василька во Владимире, но Даниила по пути к Батыю не встретил. По пути к татарам Карпини встретил возвращающегося Даниила только в марте 1246 г. (Даниил пришел в Галицию в мае). Во время пребывания в Золотой Орде Даниил подчинился татарскому господству, однако хан признал ему титул князя и его княжество осталось фактически независимым [8]. Об отношениях между Венгрией и княжеством Даниила по его возвращении от хана сообщает летопись, когда упоминает, что венгерский король опасается Даниила с того времени, как он был у татар и победил Ростислава. К этому периоду можно отнести оборот в политике Белы IV, который окончательно прекратил поддержку притязаний Ростислава на княжеский престол в Галиции. Начал искать возможности для создания более выгодных связей с Даниилом.

Венгерский король послал своего посла на княжеский двор, зная о возвращении Даниила из Золотой Орды. По данным источника, предложению на брак предшествовало невыполненное обещание Белы IV. По мнению Б. Влодарского это могло случиться уже в 1240 г., когда Даниил и Лев пребывали в Венгрии. С анонимной дочерью Белы IV, предложенной княжескому сыну для

женитьбы, тождественна Констанция – одна из младших королевских дочерей. Утверждение её тождественности опирается на позднейший документ изданный Белой IV. В нём пишется о том, что короля посетила его дочь Констанция, княгиня Галиции и Владимира [9].

Более конкретные условия для изменения политики Белы к северовосточному соседу представляет развитие событий в Галицко-Волынском княжестве и в Венгрии. Даниил подчинился татарской власти и тем временно предотвратил военное столкновение с Золотой Ордой. Официальным союзом с татарами в то же время укрепил свои позиции перед возможной угрозой со стороны Венгрии. Страх перед татарами и следующие шаги были приняты с целью создать протитатарский союз и нашли свое отражение в переговорах Даниила с Папой Римским Иннокентием IV, который стремился к воссоединению церквей. Эти факты влияли на изменение позиции Венгрии к Галицко-Волынскому княжеству, во что внес вклад и рост политической важности Даниила [10]. Следующим значительным шагом к сближению Белы и Даниила можно считать конфликт на западной границе страны. 15 июня 1246 г. в сражении на реке Лейта погиб герцог Австрии и Штирии Фридрих II, но венгерская сторона потерпела поражение. Конфликт продолжался посредством военных и политических споров о землях Австрии, называемых «Борьба за наследие Бабенбергов». В этом положении король должен был обеспечить венгерско-галицкую границу перед внезапными нашествиями татар и сделать попытку заключить мир с Даниилом. Вероятно летом или осенью 1246 г. посол Белы IV доставил Даниилу предложение брака его сына с королевской дочерью и создание союза. Даниил поступал осторожнее и на переговоры к королю послал митрополита.

Уже перед своим путем к хану поручил Даниил управление русской церкви священнику Кириллу, избранному на пост митрополита с резиденцией в Киеве. Кирилл в ходе пути по Венгрии пребывал у короля, который убеждал его многими словами, почтил подарками, но прежде всего предложил, что будет сопровождать его в Грецию с большими почестями – если Даниил заключит с ним мир. Из этой заметки сделал З.И. Костолник следующий вывод: чтобы обеспечить успех поездки митрополита, Даниил был намерен воспользоваться хорошими отношениями Белы IV с двором в Никеи, где находился патриарх (супруга Белы Мария была дочерью основателя Никейской империи Феодора I Ласкаря) [11]. В ходе переговоров о заключении мира (и о будущем браке) просил Кирилл короля, чтобы поручился своим словом, и тогда приведёт к нему Даниила. Источник не описывает освящение Кирилла в Никеи, но только сообщает о возвращении митрополита к Даниилу, которого ознакомил с наполнением его желания и посоветовал ему принять королевскую дочь за жену для своего сына Льва. Летопись приписывает киевскому митрополиту важную роль в ходе переговоров с Белой IV. Прямое соучастие Кирилла указывает, что его политические интересы совпадали с интересами князя. На основе его роли при переговорах и их результатов можно судить, что в то время еще не сопротивлялся планам Даниила сблизить его княжество и церковь с Западом [12]. Преобладающая часть исследователей сходится в датировании ухода Кирилла к венгерскому королю и в Никею во второй половине 1246 г. Суждения, о его пребывании в Никее и освящении патриархом, разные. По мнениям В.Т. Пашуто и других исследователей, этот этап поездки Кирилла относится еще к 1246 г., или же к первым месяцам 1247 г. [13]. Его позднейшее датирование связывает освящение Кирилла и его возвращение в 1248 г. с прекращением связей Даниила с Папой Римским. Такое определение противоречит событиям, описанным в летописи [14]. Ход последующих явлений можно объяснить лишь при условии, что освящение Кирилла и его возвращение к Даниилу произошли не позднее первой половины 1247 г.

Согласно Галицко-волынской летописи Даниил пришел вместе с митрополитом Кириллом к венгерскому королю «в Изволин». Здесь и состоялась свадьба Льва (сына Даниила) с Констанцией (дочерью Белы), были освобождены венгерские дворяне, захваченных в плен в сражении под Ярославом, и был заключен мир между Белой IV и Даниилом. Уже Д.И. Зубрицкий отождествил «Изволин» с Зволеном, причем такое определение принимают и современные авторы [15]. Образ записи в древнерусской летописи отражает домашнюю форму названия Зволена, в венгерских источниках часто деформированную. Если же Даниил посетил короля в Зволене, то время описанных событий могут уточнить данные о пребываниях правителя в королевской резиденции. Согласно сохранным документам, Бела IV издал в Зволене две грамоты датированные 11 и 27 сентября 1246 г. и четыре грамоты датированные 3 и 12 августа и 11 сентября 1247 г. В последующих годах (1248–1253) неизвестны пребывания короля в Зволене [16]. При повторной оценке очередности событий описанных в Галицко-волынской летописи, когда почти бесспорным можно считать тот факт, что переговоры между венгерской и галицкой сторонами начались летом 1246, надо принимать во внимание время необходимое для последующих событий, которые были завершены мирным договором и свадьбой.

Заключение

Принимая во внимание данные о начальном колебании Даниила, происходящих переговорах, поездке Кирилла и его возвращении и нужных подготовках, можно – в согласии с обнаружениями М. Фонтовой – сделать выводы, что заключение мира между Белой IV и Даниилом а также свадьба Констанции с Львом произошли наиболее вероятно в августе 1247 г. При стремлении точнее определить место заключения мирного договора и брака можно предполагать, что этим местом была

крепость Старый Зволен (сейчас Пусты Град) в Центральной Словакии [17]. Кроме расположения королевской резиденции, существование которой связано с позицией Зволена в политическом и церковном управлении, влияло на выбор места встречи представителей двух династических родов и его выгодное положение для межгосударственных встреч такого типа.

Примечания:

1. Котляр М.Ф. Галицько-Волинський літопис. Дослідження, текст, коментар. Київ, 2002; Котляр Н.Ф. Галицко-Волинская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. Санкт-Петербург, 2005.
2. Hodinka A. *Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai*. Budapest, 1916; Perfecky G.A. *The Hypatian Codex Part Two: The Galician-Volynian Chronicle*. München, 1973; Komendová J. *Haličsko-volyňský letopis*. Praha, 2010.
3. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. Москва, 2006. С. 55; Komendová J. *Středověká Rus a vnější svět*. Olomouc, 2005. С. 54–55.
4. Котляр М.Ф. Галицько-Волинський літопис, с. 110; Komendová J. *Haličsko-volyňský letopis*, с. 84–85. <http://litopys.org.ua/oldukr/galvxleb.htm>
5. Pauler G. *A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt II*. Budapest, 1893. С. 279; Hóman B., Szekfű G. *Magyar történet II. A rendiség kialakulásának kora*. Budapest, 1936. С. 152; Kristó G. *Die Arpadendynastie. Die Geschichte Ungarns von 895 bis 1301*. Budapest, 1993. С. 216.
6. Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatár levele“ // *Századok*. 1987. Vol. 121. № 4. С. 584–612.
7. Senga T. IV. Béla külpolitikája, с. 588–589; Font M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. Szeged, 2005. С. 246–247; Włodarski B. *Polska i Ruś 1194–1340*. Warszawa, 1966. С. 127–129.
8. Włodarski B. *Polska i Ruś*, с. 129–131; Senga T. IV. Béla külpolitikája, с. 589–590; Пашуто В.Т. *Очерки по истории Галицко-Волинской Руси*. Москва, 1950, с. 235, 251; Nagirnyj W. *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264*. Kraków, 2011. С. 233.
9. Wertner M. *Az Árpádok családi története*. Nagy-Becskereken, 1892. С. 485.
10. De Vries W. *Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten // Ostkirchliche Studien*. 1963. № 12. С. 115–118; Avenarius A. *Tatári ako problém byzantskej politiky a diplomacie // Historický časopis*. 1984. Vol. 32. № 6. С. 856–857; Пашуто В.Т. *Очерки по истории*, с. 236–238.
11. Kosztolnyik Z.J. *Hungary in the Thirteenth Century*. New York, 1996. С. 203.
12. Fuhrmann J.T. *Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1976. Vol. 24. № 2. С. 163–164.
13. Пашуто В.Т. *Очерки по истории*, с. 271; Włodarski B. *Polska i Ruś*, с. 132–133; Bartnicki M. *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264*. Lublin, 2005. С. 126–127; Dąbrowski D. *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264)*. Kraków, 2012. С. 276.
14. Senga T. IV. Béla külpolitikája, с. 593, 596; Fuhrmann J.T. *Metropolitan Cyril II*, с. 164.
15. Котляр М.Ф. Галицько-Волинський літопис, с. 263; Nagirnyj W. *Polityka zagraniczna księstw*, с. 235–236; Dąbrowski D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, с. 271–272.
16. Uličný F. *Dejiny Slovenska v 11. až 13. storočí*. Bratislava, 2013. С. 50.
17. Font M. *Árpád-házi királyok*, с. 249–250, 263; Dąbrowski D. *Daniel Romanowicz król Rusi*, с. 271.

References:

1. Kotliar M.F. *Halyc'ko-Volyns'kyi litopys*. Doslidzhennia, tekst, kommentar. Kyev, 2002 (In Ukrainian); Kotliar, N.F. *Halicko-Volynskaia letopis'*. Tekst. Kommentarij. Issledovanie. Sankt-Peterburg, 2005 (In Russian).
2. Hodinka A. *Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai*. Budapest, 1916; Perfecky G.A. *The Hypatian Codex Part Two: The Galician-Volynian Chronicle*. München, 1973; Komendová J. *Haličsko-volyňský letopis*. Praha, 2010.
3. Likhachev, D.S. *Chelovek v literature Drevney Rusi*. Moskva, 2006. P. 55 (In Russian); Komendová J. *Středověká Rus a vnější svět*. Olomouc, 2005. Pp. 54–55.
4. Kotliar M.F. *Halyc'ko-Volyns'kyi litopys*, p. 110 (In Ukrainian); Komendová J. *Haličsko-volyňský letopis*, pp. 84–85. <http://litopys.org.ua/oldukr/galvxleb.htm>
5. Pauler G. *A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt II*. Budapest, 1893. P. 279; Hóman, B., Szekfű, G. *Magyar történet II. A rendiség kialakulásának kora*. Budapest, 1936. P. 152; Kristó, G. *Die Arpadendynastie. Die Geschichte Ungarns von 895 bis 1301*. Budapest, 1993. P. 216.
6. Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett „tatár levele“ // *Századok*. 1987. Vol. 121. № 4. Pp. 584–612.
7. Senga T. IV. Béla külpolitikája, pp. 588–589; Font M. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. Szeged, 2005. Pp. 246–247; Włodarski B. *Polska i Ruś 1194–1340*. Warszawa, 1966. Pp. 127–129.
8. Włodarski B. *Polska i Ruś*, pp. 129–131; Senga T. IV. Béla külpolitikája, pp. 589–590; Pashuto V.T. *Ocherk po istorii Halicko-Volynskoi Rusi*. Moskva, 1950. P. 235, 251 (In Russian); Nagirnyj W. *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264*. Kraków, 2011. P. 233.
9. Wertner M. *Az Árpádok családi története*. Nagy-Becskereken, 1892. P. 485.

10. De Vries W. Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten // Ostkirchliche Studien. 1963. № 12. Pp. 115–118; Avenarius A. Tatári ako problém byzantskej politiky a diplomacie // Historický časopis. 1984. Vol. 32. № 6. Pp. 856–857; Pashuto V.T. Oчерк по istorii Halicko-Volynskoi Rusi, pp. 236–238 (In Russian).
11. Kosztołnyk Z.J. Hungary in the Thirteenth Century. New York, 1996. P. 203.
12. Fuhrmann J.T. Metropolitan Cyril II (1242–1281) and the Politics of Accommodation // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1976. Vol. 24. № 2. Pp. 163–164.
13. Pashuto V.T. Oчерк по istorii Halicko-Volynskoi Rusi, p. 271 (In Russian); Włodarski B. Polska i Ruś, pp. 132–133; Bartnicki M. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005. Pp. 126–127; Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Kraków, 2012. P. 276.
14. Senga T. IV. Béla külpolitikája, pp. 593, 596; Fuhrmann J.T. Metropolitan Cyril II, p. 164.
15. Kotliar M.F. Halyc'ko-Volyns'kyi litopys, p. 263 (In Ukrainian); Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw, pp. 235–236; Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi, pp. 271–272.
16. Uličný F. Dejiny Slovenska v 11. až 13. storočí. Bratislava, 2013. P. 50.
17. Font M. Árpád-házi királyok, pp. 249–250, 263; Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi, p. 271.

УДК 93

**О венгерско-галицкой брачной политике в XIII веке:
Династический брак в Зволене и его отражение
в центральноевропейской историографии**

Павол Малиняк

Университет им. Матяя Бела, Словакия
974 01 г. Банска Быстрица, ул. Тайовского 40
Кандидат исторических наук
E-mail: pavol.maliniak@umb.sk

Аннотация. Большое внимание в исторических исследованиях уделялось сообщению в Галицко-Волынской летописи, в источнике датированном 1250 г., описывающее заключение мирного договора между венгерским королем Белой IV и галицким князем Даниилом Романовичем. Главной проблемой является вопрос хронологии событий. В последние годы теме уделялось внимание главным образом в венгерской, чешской, польской и украинской историографии. Мы склоняемся к мнению, что заключение мирного договора и брак венгерской принцессы Констанции с Львом, сыном князя Даниила, состоялись в королевской резиденции Зволен в 1247 г. При стремлении точнее определить место заключения мирного договора и брака исследователи предполагают, что этим местом является крепость Старый Зволен, находящаяся на территории современной Словакии.

Ключевые слова: историография; король Бела IV; князь Даниил; политика примерения; Королевство Венгрия; Словакия; Зволен.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 41-47, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/99

The Voivode Government's Genesis in Siberia: a Study of Key Aspects

Yakov G. Solodkin

Nizhnevartovsk State University, Russian Federation

3b, Mira Street, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, 628616

Dr. (History), Professor

E-mail: hist2@yandex.ru

Abstract

The voivode system of government emerged in Western Siberia at the turn of the 16th–17th centuries, following the legendary expedition of Yermak's Cossacks. Its implementation depended crucially on the succession in which the Russian acquisition of the new vast territories had taken place. Voivodes and departmental administrators usually acted as county governors as the counties were formed around towns, with stockaded settlements shaping the scope of responsibility of departmental administrators, whose status and functions have often created considerable confusion in Russian historiography, inasmuch as they are frequently but groundlessly identified with voivodes, with the latter's functions sometimes attributed to streltsy commanders or even Cossack atamans. In the early period of the Russian colonization of Siberia, as well as in the subsequent years, it was standard practice to send to the newly acquired lands voivodes and departmental administrators who possessed extensive experience in governance. The practice of Intra-Siberian transferring of departmental administrators, which gained wide currency in the 17th century, had been adopted well before 1599, the year when the Tobolsk department was established. In most cases, the officers who founded towns and stockaded settlements served a one-year term of appointment, with the latter being occasionally extended to two or three years.

Keywords: Siberia; county; town; stockaded settlement; voivode; departmental administrator; term of office; experience in governance; Intra-Siberian transferring of departmental administrators; Tobolsk department.

Введение

На протяжении последних десятилетий заметно возрос исследовательский интерес к проблемам развития центрального и местного управления в позднесредневековой России. Появился, в частности, ряд трудов о становлении воеводской власти в первых западносибирских уездах Московского государства. Однако многие аспекты утверждения этой системы управления на востоке России в конце XVI – начале XVII вв. еще остаются неясными, так, дискутируются вопросы о разграничении функций воевод и письменных голов, мотивах их назначения в Сибирь, специфике складывания здесь административного аппарата.

Материалы и методы

Исследование темы предполагает максимально полное привлечение источников всех разновидностей и необходимость критического отношения к показаниям документов и нарративных памятников. Обращение к данным биографий будущих воевод и письменных голов Азиатской России, уточнение хронологии их деятельности в «Сибирской земле» позволяет нередко иначе, чем прежде, судить о порядке и формах возникновения там управленческих структур. Требуется рассмотрение проблемы в сравнительно-историческом ключе с тем, чтобы установить особенности зарождения воеводской администрации в присоединенном накануне к Московскому государству громадном крае.

Обсуждение

Отдельные аспекты распространения системы управления, олицетворяемой воеводами и письменными головами, на сибирскую «украину» России, порой интересовавшие еще Г.Ф. Миллера, получили отражение в трудах С.В. Бахрушина, а недавно – В.А. Александрова, Н.Н. Покровского, Е.В. Вершинина, А.Т. Шашкова, Н.Л. Конькова, Н.Н. Симачковой и ряда других историков [1, 2, 3, 4], постаравшихся выявить и общие, и своеобразные черты административной структуры, утвердившейся в процессе русской колонизации «восточной страны». Бытующие в историографии представления о составе «начальных людей» первых российских городов Сибири, однако, нуждаются в уточнениях, как и суждения о полномочиях воевод и письменных голов, ведавших «далечайшей вотчиной» московских государей вскоре после «Ермакова взятия» «Кучумова царства», а также служебном статусе представителей центральной власти на новой окраине России.

Результаты

«Начальными людьми» тех более или менее обширных уездов, которые сложились вокруг первых русских городов Сибири, являлись воеводы и подчиненные им письменные головы, или же последние, в распоряжении которых находились остроги. В историографии, включая новейшую, зачастую, однако, не проводится различие между воеводами и письменными головами, а то и казачьими и стрелецкими, и основатели Тобольска, Сургута, Туринского острога Д.Д. Чулков, В.В. Аничков, Ф.О. Янов, служивший «на Таре» А.М. Воейков, нанесший окончательное поражение хану Кучуму, ведавшие Мангазеей князь М.М. Шаховской и Д.П. Хрипунов, их преемники князь В.М. Рубец Мосальский и С.Т. Пушкин, «сидевшие» в Пельме, Туринске и Томске соответственно Г.Г. Пушкин, И.Ф. Лихарев, Ф.К. Фофанов и Г.И. Писемский, управлявший Кетским острогом П.А. Бельский нередко «производятся» в воеводы [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. А.Т. Шашков причислил к воеводам Верхтагильского городка Р. Языкова (подобно анонимному тобольскому летописцу конца XVII в.), В.А. Квашнина и И.И. Ордина-Нащокина [12, 13]. Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский сделали Р. Языкова (видимо, оставленного в 1584 г. направлявшимся на помощь ермаковцам князем С.Д. Болховским во главе гарнизона Верхтагильского городка) лозьвинским воеводой. Скорее Языков, однако, являлся стрелецким головой, а два последних администратора того же городка, как и их предшественник Г.Ф. Елизаров, были письменными головами, ведь крепостица, «срубленная» на тагильском волокне, представляла собой острог. Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский даже отнесли к воеводам Нарыма и Кетска сургутского атамана Т. Федорова [14], в подчинении у которого как «приказного» в этих острогах находились годовальщики. (В.Д. Пузанов, кстати, называет Ф.О. Янова и двух его преемников во главе администрации Туринского острога и головами, и воеводами). Зато В.И. Кочедамов «разжаловал» в казачьи головы Ф.О. Янова (до «посылки» «ставить» острог в «Епанчином юрте» вместе с князем Л.О. Щербатым управлявшим Тюменью) [15], Д.Я. Резун однажды (вслед за Г.Е. Катанаевым и Г.В. Трухиным) поступил так с Г.И. Писемским [16], а Ю.С. Худяков письменного голову Н.М. Изъединова, служившего в 1606–1610 гг. под началом боярина М.М. Годунова в Тюмени, превратил в татарского голову К. Изъетдинова [17, 18].

Нуждается в уточнении и состав первых администраторов «русской» Сибири, относившимся главным образом к московским и выборным дворянам. Так, Н.Н. Симачкова в число пельмских «градодержателей» 1593 г. включает воеводу князя М.Д. Львова, голов Б. Воейкова и И. Змеева [19]. Точнее, они находились в отряде князя П.И. Горчакова, выступившего из Москвы за Урал, чтобы заложить крепость в бассейне Тавды, и стали письменными головами позднее – в Тюмени (Воейков и Львов) и Березове (Змеев) [20, 21]. (Князь М.Д. Львов уже в начале XVII в. стал верхотурским воеводой). По допущению В.Д. Пузанова, князь Ф.Б. Елецкой вместе с другим выборным дворянином по Боровску князем А.В. Елецким – главой экспедиции, заложившей «Тарский город», – тоже был направлен в Среднее Прииртышье в 1594 г. и после основания новой русской крепости сменил там троюродного брата в качестве воеводы [22, 23]. Однако Ф.Б. Елецкой (вопреки утверждению В.П. Сукача [24]) не упоминается в пространном наказе о сооружении Тары, а по документам, известным еще Г.Ф. Миллеру, а также наказу сургутским администраторам О.Т. Плещееву и И.И. Колемину (1595 г.), второй воевода этого сибирского города отправился за «Камень» из Москвы вместе с письменным головой В.М. Нагаем Хлоповым через Лозьву, Пелым и Тобольск [25, 26].

После того, как в 1603 г. «на Верхотурье» умер А.В. Замыцкий, определенный в тюменские воеводы, первым русским городом Сибири в течение трех лет, до приезда М.М. Годунова «с товарищи», ведал письменный голова А.И. Безобразов [27, 28], в сослуживцы ему московские власти никого не назначили. Кстати, накануне, вслед за кончиной верхотурского воеводы князя И.М. Вяземского, на протяжении без малого года, до новой «перемены», Верхотурьем управлял письменный голова Г.С. Салманов. Когда же в 1608 г., опять-таки в этом городе, считавшемся воротами за «Камень», умер окольный М.М. Салтыков, ехавший сменить князя Р.Ф. Троекурова в должности первого тобольского воеводы, правительство царя Василия отправило в «столнейший град» «Сибирской страны» князя И.М. Катырева-Ростовского. Когда в 1594/95 г. «на дороге (в Березов. – Я.С.) не стало» письменного головы Ф.Е. Елчанинова, его место занял В.С. Толстой,

видимо, из-за обширности уезда, центром которого был город, основанный совсем недавно близ устья Северной Сосьвы.

Некоторые исследователи одного из воевод, управлявших Тюменью в 1593 г., называют Богданом Васильевым [29, 30, 31]. Речь, однако, должна идти о письменном голове Богдане Воейкове, о чем упоминал еще К.Б. Газенвинкель, следуя документам, изданным Г.Ф. Миллером, и сложившемуся в Тобольске в XVII в. летописному своду [32].

Тогда в Сибирь часто назначали воевод, имевших солидный административный опыт [33]. Им обладали и многие «начальные люди» Тюмени, Тобольска, Сургута и соседних русских городов в годы царствования «освятованного» Федора Ивановича и его «премудрого» шурина Бориса. Например, князь В.В. Кольцов-Мосальский до того, как стать в 1588 г. первым тобольским воеводой, управлял Орлом, Пронском и (где не имел предшественников) Ливнами. Попавший одновременно в Тюмень князь В.А. Звенигородский накануне воеводствовал на Двине, а ранее в течение трех лет в Ровном (Роннебурге). Князь Ф.М. Лобанов-Ростовский, являвшийся тобольским воеводой в 1590–1595 гг., выполнял аналогичные функции и прежде – в Калуге, Пернове, Полоцке и Астрахани. Службе князя С.М. Лобанова-Ростовского в Сургуте предшествовали наместничество в Брянске и «властодержательство» в Ладого, Новгороде, Порхове, Деделове, Рязани и Воронеже. Князь Г.И. Долгорукий (Черт, Рыжков) до назначения в Тюмень являлся воеводой или наместником в Болхове, Шацке, Кеси, Падце, Апсле, Воронеже. Е.В. Бутурлин, прежде чем занять тобольское воеводство, управлял Пронском, Тулой, Орлом, Царицыным. Первый «разрядный» воевода Тобольска окольный С.Ф. Сабуров до приезда в Сибирь основал Воронеж и Цивильск, и помимо этих городов, управлял также Алыстом, Ракобором, Торощом, Черниговом. Впечатляющий «послужной список» ко времени назначения воеводой в Березов (1599 г.) имел И.Г. Волынский. Он побывал на воеводствах в Коловери, Лихоборе (Лиговери), Вильяне, Чебоксарах, Казани, Свяжске, Новосили, Саратове. Назначая Ф.В. Головина на сургутское воеводство (1603 г.), в Казанском приказе, очевидно, помнили, что дворянин из попавшего в немилость знатного рода успел проявить себя на административном поприще в Санчурске, Яранске, Лайшеве, Царевококшайске. А.И. Голохвастов стал письменным головой в Сургуте (1599 г.) вскоре после того, как занимал эту должность в Смоленске. Ю.В. Дмитриев и Ф.С. Наумов, прежде чем сделаться тюменскими письменными головами, управляли Себежем, Воронежем и Смоленском. Даже князь А.И. Вяземский, помогавший отцу на воеводстве в Верхотурье, ранее выполнял аналогичные поручения в Холмогорах и Казани [34, 35, 36, 37, 38, 39, 40].

К исходу XVI в. восходит начало практики внутрисибирских перемещений воевод и письменных голов, получившей широкое распространение в последующие десятилетия. Кроме И.Г. Нагого, переведенного из Лозьвы «на Березов», а вскоре в Тюмень, Ф.О. Янова – письменного головы в Тюмени, а следом в Туринском остроге, Т.М. Лазарева, поочередно бывшего «товарищем» воевод Тобольска и Березова, Г.И. Микулина – письменного головы в Пельме, затем Березове, Г.И. Писемского – сургутского, потом томского письменного головы, первых письменных голов Мангазеи князей М.М. Шаховского и В.М. Рубца Мосальского, накануне служивших в Тобольске, выборному дворянину по Мурому Г.Ф. Елизарову, являвшемуся головой такого же ранга в Верхтагильском городке, довелось занять эту должность (выполняя и функции городничего) в Таре, а со временем и в Кетском остроге.

Отметим, что воеводы В.Б. Сукин и И.Н. Мясной провели в основанной ими Тюмени два года, письменные головы Д.Д. Чулков и Ф.О. Янов, заложившие соответственно Тобольск и Туринский острог, а также воеводы, под руководством которых служилые люди «срубили» стены и башни Пельма, Березова, Сургута, Тары, были сменены через год, а посланные в Мангазею письменный голова князь М.М. Шаховской и Д.П. Хрипунов (по-видимому, казачий голова) – даже раньше; наконец, первые администраторы Верхотурья (воевода В.П. Головин и письменный голова И.В. Воейков) и Томска (письменный голова Г.И. Писемский и голова, возможно, казачий, В.Ф. Тырков) управляли этими городами в течение около полутора лет. Позднее – в канун образования и в самом начале существования Тобольского разряда входившими в его состав уездами воеводы и письменные головы ведали чаще всего на протяжении двух – трех лет. (Пятилетнее «сиденье» князя Ф.М. Лобанова-Ростовского в будущей сибирской столице оказалось исключением).

Примечательно, что сразу по возвращении из Сибири служивших там в письменных головах Ф.О. Янова и Г.С. Салманова пожаловали в дьяки.

Обратим внимание на то, что среди первых администраторов формировавшихся с середины 1580-х гг. восточных уездов России было по несколько представителей одних и тех же фамилий: Барятинские, Безобразовы, Воейковы, Волынские, Головины, Долгорукие, Елецкие, Елчаниновы, Мосальские, Пивовы, Плещеевы, Пушкины, Траханиотовы, Хлоповы, Шаховские, Щербатые. Опальными среди них можно признать лишь князя П.И. Барятинского, И.В. Траханиотова, В.П. и Ф.В. Головиных (вопреки представлению В.И. Корецкого и Л.Е. Морозовой, будто пребывание на воеводстве в том или ином сибирском городе являлось почетной ссылкой). Несомненным заблуждением служит и взгляд, что вначале Сибирью управлял тобольский воевода, рассылавший по подведомственным ему уездам приказчиков и сборщиков дани [41]. Превращение Тобольска в разрядный центр, тогда единственный на востоке России, относится к 1599 г.; с этого времени

С.Ф. Сабуров и его преемники, за исключением разве что князя Р.Ф. Троекурова в начале Смуты, получили право, как и московские власти, «писать» «с указом» в остальные города и остроги «Сибирской страны» [42, 43]. (Указание на существование Тобольского разряда уже в 1590 г. [44] – очевидная ошибка).

О роли деятельности воевод и голов в раскинувшемся за Уралом необозримом крае выразительно сказано в грамоте Бориса Федоровича верхотурским администраторам князю И.М. Вяземскому и Г.С. Салманову: «во всем есмь положили наше дело на вас» [45]. В условиях наступившего вскоре в России Смутного времени эта роль еще более возросла.

Заключение

В первые годы существования основанных на рубеже XVI–XVII вв. русских городов Сибири ими управляли воеводы и письменные головы (в виде исключения – только последние, ведавшие и некоторыми острогами), круг полномочий, да и местнический статус которых был далеко не одинаков; письменные головы считались ниже по рангу. Многие из этих представителей центральной власти, часто принадлежащие к одним и тем же видным дворянским фамилиям, ко времени назначения за «Камень» имели солидный административный опыт и нередко после возвращения на «Русь» вновь определялись в уездные «начальные люди», в частности, в Среднем и Нижнем Поволжье.

Благодарность

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание 2014/801.

Примечания:

1. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
2. Солодкин Я.Г. О сословной принадлежности воевод и письменных голов Сибири конца XVI – начала XVII в. / Я.Г. Солодкин // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2003. С. 74–81.
3. Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень: Мандр. и К^а, 2006. 111 с.
4. Шишкин И.Г. Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV–XVI вв. (1917 г. – начало XXI в.). Тюмень: изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2009. 595 с.
5. Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М.: «Наука», 1986. 271 с.
6. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург: изд-во «Тезис», 1994. 327 с.
7. Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. / Е.В. Вершинин, А.Т. Шашков // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 2004. С. 10–32.
8. Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: изд-во ООО «Таймер», 2011. 223 с.
9. Модоров Н.С. Освоение Южной Сибири Русским государством в начале XVII века / Н.С. Модоров // Вопросы археологии и истории Сибири: Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул: изд-во БГПУ, 2008. С. 60–68.
10. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: «Фэн», 2010. 288 с.
11. Козляков В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М.: Молодая гвардия, 2011. 311 с.
12. Шашков А.Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала / А.Т. Шашков // Уральский сборник: История: Религия: Культура. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 1997. С. 174–179.
13. Шашков А. Первые зауральские города и остроги / А. Шашков // Югра. 1997. № 8. С. 18–21.
14. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 1989. 304 с.
15. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977. 190 с.
16. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во, 1993. 246 с.
17. Худяков Ю.С. Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в. / Ю.С. Худяков // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 63–66.
18. Худяков Ю.С. Взаимодействие российских властей в Сибири с телеутами в борьбе со сторонниками восстановления Сибирского ханства / Ю.С. Худяков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств в Западной Сибири: Мат-лы II Всерос. науч. конф. (г. Курган, 17–18 апреля 2014 года) (далее – ИЭК). Курган: изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 86–88.

19. Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень: Мандр. и К^а, 2006. 111 с.
20. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: изд. фирма «Восточная литература», 1999. Т. 1. 630 с.
21. Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее – РК). М.: изд-во «Наука», 1966. 614 с.
22. Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут: изд-во ООО «Таймер», 2011. 223 с.
23. Пузанов В. Д. Экспедиция Андрея Елецкого и основание города Тары в 1594 г. / В.Д. Пузанов // ИЭК. С. 84–86.
24. Сукач В. Первый воевода (Основатель и первый воевода Тары князь Андрей Елецкий) / В. Сукач // Иртыш. 1994. № 1. С. 245–249.
25. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: изд. фирма «Восточная литература», 1999. Т. 1. 630 с.
26. Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М.: б. и., 1908. Вып. 2. V+222+58 с.
27. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
28. Разрядная книга 1475–1605. М.: б. и., 2003. Т. 4. Ч. 2. 143 с.
29. Кочедамов В.И. Строительство Тюмени в XVI–XVIII вв. / В.И. Кочедамов // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея. Тюмень: Тюмен. книж. изд-во, 1963. Вып. 3. С. 83–106.
30. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977. 190 с.
31. Кружинов В.М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург: Средне-Уральское книж. изд-во, 1997. 224 с.
32. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века: К истории Сибири XVII в. / Сост. К.Б. Газенвинкель. Тобольск: б. и., 1892. 45 с.
33. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: СО изд-ва «Наука», 1991. 401 с.
34. РК. 614 с.
35. Разрядная книга 1550–1636 гг. М.: б. и., 1976. Т. 2. Вып. 1. 242 с.
36. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М.: б. и., 1979. Ч. 1. 341 с.
37. Горсей Джером. Записки о России: XVI – начало XVII в. М.: изд-во МГУ, 1990. 288 с.
38. Солодкин Я.Г. Первые воеводы и головы Воронежа / Я.Г. Солодкин // Из истории Воронежского края. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. Вып. 8. С. 5–13.
39. Солодкин Я. Г. Воеводы и головы Березова с первых лет его существования / Я.Г. Солодкин // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень: изд-во Юрия Мандрики, 2001. Вып. 4. С. 10–16.
40. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: Конец XVI–XVII вв. СПб.: Алетейя, 2010. 431 с.
41. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: изд-во АН СССР, 1956. 532 с. (История открытия и освоения Северного морского пути / Под ред. Я.Я. Гаккеля, А.П. Окладникова, М.Б. Черненко. Т. 1).
42. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: изд. фирма «Восточная литература», 2000. Т. 2. 796 с.
43. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: б. и., 1907. XXVIII+312 с.
44. Миненко Н.А. Тюмень: Летопись четырех столетий. СПб.: «Русь», 2004. 512 с.
45. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: изд. фирма «Восточная литература», 1999. Т. 1. 630 с.

References:

1. Vershinin E.V. Voivode system of government in Siberia in the 17th century. Yekaterinburg: Municipal education centre “Developing Education”, 1998. 204 p. (In Russian)
2. Solodkin Ya.G. On the social class affiliation of Siberian voivodes and departmental administrators in the late 16th–early 17th centuries / Ya.G. Solodkin // Siberian population, government, economy, culture in the 17th–early 20th centuries. Barnaul: Altai University Press, 2003. P. 74–81. (In Russian)
3. Simachkova N. The establishment of the voivode system of government in Siberia in the late 16th – early 17th centuries. Tyumen: Mandr and K^a, 2006. 111 p. (In Russian)
4. Shishkin I.G. Russian historiography of the history of government in Russia in the late 15th–16th centuries (1917 – early 21st century). Tyumen: Tyumen State University Press, 2009. 595 p. (In Russian)
5. Koretsky V.I. A History of the Russian chronicle-writing of the second half of the 16th – early 17th centuries. Moscow: Nauka, 1986. 271 p. (In Russian)

6. An ancient city on the banks of the River Ob: A history of Surgut. Yekaterinburg: Tezis Publishing, 1994. 327 p. (In Russian)
7. Vershinin E.V., Shashkov A.T. Participation of service Ostyaks from the principality of Koda in the military campaigns of the late 16th – the first third of the 17th century / E.V. Vershinin, A.T. Shashkov // Western Siberia: past, present, future. Surgut: Diorit, 2004. P. 10–32. (In Russian)
8. Puzanov V.D. Russia's military policies in Western Siberia in the late 16th – early 18th centuries. Surgut: Taimer Ltd. Publishing, 2011. 223 p. (In Russian)
9. Modorov N.S. The Russian colonization of Southern Siberia in the early 17th century / N.S. Modorov // Archaeology and History of Siberia: In Memoriam: Professor A.P. Umansky. Barnaul: BGPU Press, 2008. P. 60–68. (In Russian)
10. Tychinskikh Z.A. Service Tatars and their role in the formation of the Tatar ethnic community in the 17th–19th centuries. Kazan: Fen, 2010. 288 p. (In Russian)
11. Kozlyakov V. Boris Godunov: Tragedy about a good czar. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2011. 311 p. (In Russian)
12. Shashkov A.T. Revisiting the history of the early Russian towns and stockaded settlements in the eastern parts of the Urals in the late 16th century / A.T. Shashkov // Ural Collection: History: Religion: Culture. Yekaterinburg: Ural State University Press, 1997. P. 174–179. (In Russian)
13. Shashkov A. The first towns and stockaded settlements over the Urals / A. Shashkov // Yugra. 1997. № 8. P. 18–21. (In Russian)
14. Rezun D.Ya., Vasilyevsky R.S. A Chronicle of Siberian towns. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing, 1989. 304 p. (In Russian)
15. Kochedamov V.I. The first Russian towns in Siberia. Moscow: Stroyizdat, 1977. 190 p. (In Russian)
16. Rezun D.Ya. Siberian genealogies: A history of Siberia in biographies and genealogies. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing, 1993. 246 p. (In Russian)
17. Khudyakov Yu.S. Tatar fighters in the Russian troops during the military campaigns in Western Siberia in the late 16th – early 17th centuries / Yu.S. Khudyakov // Humanities in Siberia. 2013. № 4. P. 63–66. (In Russian)
18. Khudyakov Yu.S. Cooperation of the Russian authorities in Siberia with Teleuts against proponents of the Siberian Khanate restoration / Yu.S. Khudyakov // History, economy and culture of West Siberian Turkic and Tatar states in the Middle Ages: Proceedings of the 2nd All-Russia Scientific Conference (Kurgan, 17th–18th April 2014). Kurgan: Kurgan State University Press, 2014. P. 86–88. (In Russian)
19. Simachkova N. The establishment of the voivode system of government in Siberia in the late 16th – early 17th centuries. Tyumen: Mandr and K^a, 2006. 111 p. (In Russian)
20. Miller G.F. History of Siberia. 2nd edition, revised. Moscow: Vostochnaya Literatura Publishing House, 1999. Vol. 1. 630 p. (In Russian)
21. The Book of 1475–1598 Duty Assignments. Moscow: Nauka Publishing, 1966. 614 p. (In Russian)
22. Puzanov V.D. Russia's military policies in Western Siberia in the late 16th – early 18th centuries. Surgut: Taimer Ltd. Publishing, 2011. 223 p. (In Russian)
23. Puzanov V.D. Andrey Yeletsky's expedition and the foundation of the town of Tara in 1594 / V.D. Puzanov // History, economy and culture of West Siberian Turkic and Tatar states in the Middle Ages: Proceedings of the 2nd All-Russia Scientific Conference (Kurgan, 17th–18th April 2014). Kurgan: Kurgan State University Press, 2014. P. 84–86. (In Russian)
24. Sukach V. The first voivode (The founder and the first voivode of Tara Prince Andrey Vasilievich Yeletsky) / V. Sukach // Irtysh. 1994. № 1. P. 245–249. (In Russian)
25. Miller G.F. History of Siberia. 2nd edition, revised. Moscow: Vostochnaya Literatura Publishing House, 1999. Vol. 1. 630 p. (In Russian)
26. Storozhev V. Materials on the history of Russian nobility. Moscow, 1908 (no publishing house indicated). Issue 2. V+222+58 p. (In Russian)
27. Vershinin E.V. Voivode system of government in Siberia in the 17th century. Yekaterinburg: Municipal education centre “Developing Education”. 1998. 204 p. (In Russian)
28. The Book of 1475–1605 Duty Assignments. Moscow, 2003 (no publishing house indicated). Vol. 4. Part 2. 143 p. (In Russian)
29. Kochedamov V.I. The construction of Tyumen in the 16th–18th centuries / V.I. Kochedamov // Yearbook of Tyumen Regional Museum of Local Lore. Tyumen: Tyumen Book Publishing, 1963. Issue 3. P. 83–106. (In Russian)
30. Kochedamov V.I. The first Russian towns in Siberia. Moscow: Stroyizdat, 1977. 190 p. (In Russian)
31. Kruzhinov V.M. Tyumen: historical milestones. Yekaterinburg: Middle Ural Book Publishing, 1997. 224 p. (In Russian)
32. A systematic list of voivodes, government clerks, departmental administrators and minor officials appointed to Siberian towns and major stockaded settlements from their foundation to the early 18th century: A glimpse into the history of Siberia in the 17th century / Compiled by K.B. Gazenvinkel. Tobolsk, 1892 (no publishing house indicated). 45 p. (In Russian)
33. Aleksandrov V.A., Pokrovsky N.N. Government and society: Siberia in the 17th century. Novosibirsk: Siberian Branch of Nauka Publishing House, 1991. 401 p. (In Russian)

34. The Book of 1475–1598 Duty Assignments. Moscow: Nauka Publishing, 1966. 614 p. (In Russian)
35. The Book of 1550–1636 Duty Assignments. Moscow, 1976 (no publishing house indicated). Vol. 2. Issue 1. 242 p. (In Russian)
36. Lists of noble officials of the final quarter of the 16th – early 17th centuries and the 1604 Register of the Russian troops. Moscow, 1979 (no publishing house indicated). Part 1. 341 p. (In Russian)
37. Jerome Horsey. Memoirs on Russia: the 16th – early 17th century. Moscow: Moscow State University Press, 1990. 288 p. (In Russian)
38. Solodkin Ya.G. The first voivodes and public administrators of Voronezh / Ya.G. Solodkin // A look into the history of Voronezh region. Voronezh: Centre for spiritual renovation of the Black Soil Region, 2000. Issue 8. P. 5–13. (In Russian)
39. Solodkin Ya.G. Berezov's voivodes and public administrators from the day it was founded / Ya.G. Solodkin // Western Siberia: history and today: Local Lore Studies. Tyumen: Yuri Mandrika Publishing, 2001. Issue 4. P. 10–16. (In Russian)
40. Puzanov V.D. Military factors in the Russian colonization of Western Siberia in the late 16th–17th centuries. Saint-Petersburg: Aleteya, 2010. 431 p. (In Russian)
41. Belov M.I. Arctic navigation from the prehistoric times to the middle of the 19th century. Moscow: The USSR Academy of Sciences Press, 1956. 532 p. (History of the discovery and development of the Northern Sea Route / Edited by Ya.Ya. Gakkel, A.P. Okladnikov, M.B. Chernenko. Vol. 1). (In Russian)
42. Miller G.F. History of Siberia. 2nd edition, revised. Moscow: Vostochnaya Literatura Publishing House, 2000. Vol. 2. 796 p. (In Russian)
43. Belokurov S.A. The Time of Troubles Duty Assignment Records (7113–7121). Moscow, 1907 (no publishing house indicated). XXVIII+312 p. (In Russian)
44. Minenko N.A. Tyumen: A four-century chronicle. Saint-Petersburg: Rus, 2004. 512 p. (In Russian)
45. Miller G.F. History of Siberia. 2nd edition, revised. Moscow: Vostochnaya Literatura Publishing House, 1999. Vol. 1. 630 p. (In Russian)

УДК 93/99

О некоторых аспектах генезиса воеводского управления в «сибирской земле»

Яков Григорьевич Солодкин

Нижевартовский государственный университет, Российская Федерация
ул. Мира, 36, г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 628616
доктор исторических наук, профессор
E-mail: hist2@yandex.ru

Аннотация. В конце XVI – начале XVII вв., вскоре после легендарной экспедиции Ермака, в Западной Сибири по мере присоединения ее необъятных земель к России формируется воеводская система управления. Воеводы и письменные головы преимущественно ведали уездами, сложившимися вокруг городов; как правило, остроги находились в распоряжении письменных голов (в историографии они часто, но неоправданно, отождествляются с воеводами, функциями которых иногда наделяются стрелецкий голова и даже атаман). В виде исключения, и то из-за смерти воеводы А.В. Замыцкого, письменный голова А.И. Безобразов в течение трех лет управлял Тюменью. В Сибирь уже в первые годы ее русской колонизации, как и впоследствии, нередко назначали воевод и письменных голов, имевших солидный административный опыт. Примечательно, что многие из них (главным образом дворяне московские и выборные) относились к одним и тем же фамилиям, и опальными среди этих администраторов, вопреки убеждению ряда историков, являлись единицы. Еще накануне образования Тобольского разряда (1599 г.) складывается практика внутрисибирских перемещений письменных голов, получившая широкое распространение в XVII в. Те из «начальных людей», которые основывали города и остроги, зачастую несли службу в течение года, реже (в Тобольске, Верхотурье, Томске) – полтора – двух лет, остальные же воеводы и письменные головы преимущественно выполняли свои обязанности на протяжении двух – трех лет. (Пятилетнее «сиденье» в Тобольске князя Ф.М. Лобанова-Ростовского – исключительный случай такого рода). «Годованье» в Сибири являлось заметной ступенью служебной карьеры десятков дворян, и весьма показательным, что сразу по возвращении оттуда Ф.О. Янова и Г.О. Салманова – ранее письменных голов в Туринске и Верхотурье соответственно – пожаловали в дьяки.

Ключевые слова: Сибирь; уезд; город; острог; воевода; письменный голова; срок службы; опыт административной деятельности; перемещение письменных голов из одного сибирского города в другой; Тобольский разряд.

Copyright © 2015 by Sochi State University

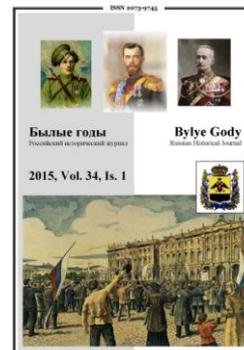
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 48-54, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

'Tryokhstennyi Gorodok' in the Context of the History of Lower Reaches of the Terek till XVIII Century

Nina N. Garunova

Dagestan State Univrsitet, Russian Federation
367029, Republic of Dagestan, Makhachkala, st.Korkmasova 8
Dr. (History), Professor

Abstract

The article considers the contradictory history of the Fortress 'Tryokhstennyi Gorodok' ('Three-wall Town'), founded by Russians at the turn of XVI-XVII centuries near the inflow of the Terek into the Caspian Sea. The paper analyzes the rare shape of the fortress, which has no analogues in the North Caucasus. The history of the fortress is connected with the place of the initial settlement of the first Cossack settlers in the lower reaches of the Terek. There is no single opinion on this matter. Due to the lack of reliable documentary records, archeological data were involved.

Keywords: fortress; Terek town; 'Tryokhstennyi Gorodok'; Terek Cossacks; Grebensk Cossacks; Russians; North Caucasus; Russia; Dagestan.

Введение

История российских городов-крепостей на Северо-Восточном Кавказе имеет большое значение не только для России, но и для большого количества народов, вовлечённых в экономическую, социальную и культурную жизнь региона.

После того как были реализованы основные задачи внешней политики России в XVI в. (присоединение Казанского и Астраханского ханств), после того как Московское царство приблизилось к Каспийскому морю, начинается новый этап русско-кавказских отношений, с которым связана история формирования русского населения Дагестана.

В 1588–1589 гг. в устье реки Тerek на одном из ее протоков – Тюменке – была построена крепость Терки (или Терский городок). Это, первое, исторически известное, русское поселение на территории нынешнего Дагестана. Его появление было вызвано военно-политическими (создание опорного пункта, крепости для обороны южных границ Московского государства), экономическими (вовлечение русского купечества в восточную торговлю) и другими причинами. Но в то же время, существует еще и «не заслуженно забытая история Трехстенного городка», который также можно по праву отнести к первым русским поселением на территории нынешнего Дагестана. Иногда авторы отождествляют эти две крепости, путают их местонахождения. Некоторые данные противоречивы и взаимоисключаемы, кроме того вопрос тесно связан с местом первоначального поселения казаков-первопоселенцев в низовьях Терека, по которым в исторической литературе нет единого мнения [1]. Сложность изучения связана еще и с тем, что в специальной археологической литературе не содержатся сведений о памятниках на Кавказе, подобных «Трехстенному городку».

Материалы и методы

Многие выводы об истории первых казачьих городков носят во многом спорный характер, так как источниковая база довольно скудная. Но восстановить историческую картину позволяют те немногие материалы, которые сохранились до нашего времени. Среди них воспоминания офицеров российской армии, иностранных путешественников и единичные исследования археологов. Исследование основано на монографических трудах и данных археологических раскопок,

затрагивающих нашу проблему. Основным источником стали труды дореволюционных авторов Любавского М.К., Невоструева К.И., Попко И., Кравцова И., Потто В.А., Бентковского И.В., Гильденштедта И., Писарева С., Пономарева Ф., Дебу И.О. и др. Первичная информация об исследуемых событиях собиралась в журнальных публикациях Крупнова Е.И. и Гумилева Л.Н., а также труды иных отечественных ученых. Получены факты из неопубликованной рукописи И.Ф. Бларамберга, которая остается одним из источников по изучению истории Низовий Терека и помогает осветить спорные вопросы истории освоения края. В исследовании использовалась совокупность общеисторических методов научного исследования, к которым относятся: историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный. Историко-сравнительный метод позволил критически подойти к попыткам отождествления истории двух крепостей Трехстенного городка и Терки, а также их роли на начальном этапе в истории формирования русского населения Дагестана. Историко-типологический метод позволил выделить общие черты в строительстве Трехстенной крепости в низовьях Терека с подобными крепостями Российского государства в Сибири и на Волге. Было охарактеризовано то влияние на историческое развитие областей Северо-Восточного Кавказа, которое оказало переформирование казачества в военно-служивое сословие. С помощью историко-системного метода был проведен анализ проблемы, позволивший рассмотреть процесс интеграции провинциальных регионов периферии в систему Российского государства на юге страны, а также проанализировать развитие опорных пунктов по распространению влияния России в XVI–XVII вв.

Обсуждение

Поводом к началу объединения терского казачества послужило создание первых русских городов крепостей. В низовьях Терека обосновалась часть казаков из Червленного Яра, опальные беглецы, а также часть представителей кавказских народов. По сложившейся традиции, казаки свои поселения, неплохо укрепленные, именовали городками, хотя в широком смысле таковыми они не являлись. Здесь отсутствовали ремесло, торговля, да и количество постоянно проживающего населения было не очень большим.

Период, когда терское низовое казачество начало свое организационное оформление, относится ко второй половине XVI в. [2], при этом характерно то, что они стремились сохранить свои традиции. Это стремление сказывалось, в частности, в строительстве своих поселений. У гребенцов, например, сначала это были своеобразные укрепленные временные селения, позднее возникли городки-"зимники". Со временем укрепленные лагеря гребенцов и терцев, стали постоянными казачьими городками, застроенными землянками и шалашами. В памяти старожилов и в казачьем фольклоре они сохранились под названием "курней" или "зимников". Такие укрепленные городки окружались оборонительными валами, опоясывались рвами, колючими терновыми изгородями и частоколом, внутри которых располагались казачьи землянки – видимо, наиболее архаичный тип жилища русских поселенцев в крае [3]. Такими казачьими городками, предполагал Попко И., могли быть некоторые городища, открытые археологами на Северном Кавказе, например "Трехстенный городок" который Крупнов Е.И. иногда называл городищем, а иногда острогом"[4]. Можно ли в таком случае считать Трехстенный городок «острогом»? С одной стороны следует ответить отрицательно, так как острог – это небольшое деревянное оборонительное укрепление, возводившееся с целью защитить местность не первостепенного значения, обычно примыкавшую к народам, не очень хорошо знакомыми с осадным делом. Размеры Трехстенного городка были достаточно большими для острога – около 2 га. Остроги были больше характерны для Сибири и Урала в конце XVI – начале XVIII, а не южного направления, т.к. ставились в пунктах, имевших важное стратегическое значение, для защиты русских владений, подчинения и контроля окрестного населения, осуществления коммуникации. Правда со временем, острог мог превратиться в город-крепость, оставаясь ее центральной частью.

С другой стороны, нужно учесть и такой любопытный для нас факт, что остроги в Сибири, например, изредка имели треугольную форму, как например Охотский острог постройки 1665, имеющий внешнюю схожесть с Трехстенным городком [5]. Это важные факты, так как они позволяют безусловно согласиться с мнением Крупнова Е.И., что Трехстенный городок не местного культурного круга, и параллели ему следует искать не на Кавказе, т.к. подобных ему построек на Кавказе не было. Крайне любопытные данные, позволяющие установить сходство интересующих нас памятников, находим у автора начала XX в. М.К. Любавского, который говорит следующее о колонизационной деятельности Московского государства XVII в. Прикамья: «правительство царя Алексея Михайловича решилось провести непрерывную черту укреплений от реки Волга до р. Ика для защиты Казанского ханства вообще и в частности Закамского от набегов калмыков и ногайцев (1652–1656). В ее состав входил целый ряд городков»[6]. Материальным подтверждением сходства городища «Трехстенный городок» с городками, некогда строившимся Московским государством на территориях Поволжья и Прикамья, может служить так называемое Ундорское городище недалеко от Волги, в 35 верстах от Ульяновска, входившее в Тетюшинскую засеку. Оно представляет собой укрепленный с трех сторон городок, а с четвертой стороны находится лес. По аналогии с Трехстенным городищем одна из сторон не защищена искусственным сооружением, а имеет естественную защиту. Тетюшинская засека, как

одна из ранних оградительных линий на окраине Московского государства, включавшая валы, сторожевые посты и городки, была проведена русскими при царе Федоре Ивановиче или Борисе Годунове. Следовательно, Крупнов Е.И. по аналогии выводит дату строительства Трехстенного городка или в конце XVI или в начале XVII вв., что также не вызывает сомнений [7].

В исторической литературе довольно длительное время считалось, что первым казачьим русским поселением недалеко от устья реки Терек был Трехстенный городок.

По вопросу о месте первого поселения казаков в устье Терека авторы И. Кравцов [8] и И.В. Бентковский [9], критиковали мнение И. Попко [10]. Проводя свое исследование Крупнов Е.И. обнаружил на территории Трехстенного городка достаточно крупное крепостное сооружение, примерно XVI–XVII вв., и именно оно стало считаться первым казачьим поселением.

С точкой зрения Е.И. Крупнова не согласен исследователь края Д. Васильев [11], который считает, что это остатки Терского города, возникшего в 1588–1589 гг. в Низовьях Терека. В то же время, нельзя не учитывать и другую версию, что эта крепость один из сторожевых постов Золотой орды, созданный возможно против Ильханов Ирана в конце XIII в. [12]. Несмотря на достаточно слабую аргументированность выводов, исследования Попко Трехстенного городка, особенно в своей раннеисторической части, все же представляют исторический интерес.

В своей работе Крупнов Е.И., неоднократно подчеркивал, что эта крепость (Трехстенный городок) была основана русскими как опорный пункт казаков и поселившимися здесь представителями местных народов. Во время поверхностных раскопок 1930 г. он установил следующее: городище располагалось в 6 км от берега моря, население оставило его в 1742 году после подъема уровня моря, городок имел треугольную форму, за что и был назван Трехстенным, а другое название городка – Бохчала у других авторов не встречается [13].

С этим трудно согласиться, так как Гильденштедт И. оставил в своих записках следующее воспоминание, в которых описывает место при впадении Копая в море, возле которого сохранились руины «Бохчала», крепости, которую русские называют Трехстенным городом [14].

В.А. Потто, как и другие официальные историографы Терского казачества, сообщает, что казаки где-то около 1578 г. поставили укрепленный городок в урочище Баклакове с пристанью и обширным окопом в виде треугольника, почему он и назывался Трехстенным” [15]. Это, пожалуй, и все имеющиеся на сегодняшний день сведения об этой крепости.

В исторических преданиях и фольклоре этот городок также нашел свое отражение, его появление встречается и у С. Писарева. Значительный интерес представляет историческое предание о возникновении городка на Тереке, в которой утверждается, что три волжских атамана казаков, для того чтобы укрыться от царского гнева, разделились и ушли: один в Сибирь, другой к Яику, а третий на Терек, где при впадении одного из рукавов Терека в море, построили город с окопом в виде треугольника. Отсюда и его название – Трехстенный. Для нас представляет определенный интерес тот факт в предании, что по времени казаки проживали в низовьях Терека, еще задолго до того, как там появились представители российской администрации.

Считаем немаловажным подчеркнуть такой факт, что, несмотря на различные точки зрения в появлении Трехстенного городища, он с самого начала был многонациональным [16]. В связи с тем, что городок был только сборным пунктом, а сами казаки жили ватагами по всему терскому устью, его оборона была ослаблена.

Если по вопросу о том, кто были первые жители Трехстенного с большой долей вероятности можно прийти к определенному согласию, то остальные вопросы о том, когда он возник, почему он оказался не достроен, политические или природные факторы повлияли на его запустение, является ли он первым вариантом Терского города – остаются открытыми.

Проникнуть в тайну зарождения городов, создать более или менее отчетливую картину их ранней истории без соответствующих археологических сведений невозможно. Поэтому многое зависело от археологов. Тем не менее накопление археологического материала шло значительно медленнее, чем хотелось бы. В 1940-е годы ряд советских историков, как например Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, отмечали, что процесс создания русских городов были различен и ранняя история их совершенно не исследована, да и самый основной источник – городище – надлежащим образом не изучен [17]. Ответ на многие «белые» пятна истории Низовий Терека смогла бы дать подробная археологическая история Трехстенного городища. В своей работе Гумилев Л.Н. отмечает тот факт, что нахождение недостроенной крепости в Низовьях Терека – Трехстенного городища имеет очень важное значение [18]. Однако на сегодняшний день, кроме статьи Е.И. Крупнова, опубликованной в 1935 году по результатам ознакомительных археологических работ, а также ряда отрывочных сведений у Л. Гумилева и отдельных авторов, мы практически не имеем исследовательских работ по указанной тематике.

Следует отметить тот факт, что до недавнего времени считалось, что жизнь в Низовьях Терека вообще была невозможна вследствие низменного положения местности и частых трансгрессий Каспийского моря, и что это положение сохранялось, но крайней мере, с XIII по XIV вв.

И хотя вопрос о влиянии трансгрессии и регрессии Каспийского моря на условия жизни населяющих низовья Терека народов поднимался неоднократно, данный район продолжает оставаться "белым пятном» на историко-археологической карте [19].

Культурный слой внутри Трехстенной крепости содержит, кроме обломков кирпича, шлаков и остатков (костей) рыбы, керамику золотоордынского типа XIV–XVIII вв. Дату сооружения валов следует искать немного раньше. Крепость, видимо, строилась еще до XVIII в. местным населением, питавшимся рыбой и изготавливавшим посуду на гончарном круге, чем это делали волжские хазары VI–X вв. [20]. Трехстенная крепость была не достроена по каким-то причинам и вскоре залита морем. Можно предположить, что с эпохи средневековья и до периода Кавказской войны [21], старые центры обороны, оказавшись в глубоком тылу, постепенно теряли свое оборонное значение, что не могло не сказаться на их дальнейшем развитии- их или не достраивали, или бросали.

Итак, можно заключить, что перед нами хорошо датированный памятник трансгрессии Каспия XIII–XIV вв. «Следовательно, валы были сооружены до конца XIII в., но в татарский период, т.е. после 1241 г. Можно предположить, что это один из сторожевых постов Золотой Орды, созданный против иль-ханов Ирана в середине XIII в. Луга на низких местах также оказались неудобными для кочевников из-за подъема воды, и керамика XIII–XV вв. встречается только в песках на среднем течении Терека» [22]. К XVI в., при регрессии Каспийского моря, низовья Терека стали пригодными для поселения. В это время они заселились русскими казаками, и для контроля над долиной была учреждена крепость Терки, в последующем неоднократно переносившаяся с одного места на другое.

Многих историков устраивала версия, выдвинутая Е.И. Крупновым, что Трехстенное городище- это один из острогов Московского царства. Описывал он ее следующим образом: это недостроенная крепость севернее поселка Крайновки, примерно в пяти километрах от берега моря. Для нее характерна керамика, которая по аналогии близка ордынской керамике XIV–XVII вв. Однако этот тип керамики бытовал чрезвычайно широко, вплоть до лагеря Лжедмитрия II под Тушином. Именно поэтому способ датировки по керамике неточен, надо искать другие способы. Е.И. Крупнов предложил даты XVI–XVIII вв. Но на наш взгляд это сильно расплывчатые даты, по его описанию крепость создавала впечатление незаконченной. У нее нет рвов, а валы присутствуют только с трех сторон, кроме северной. Крупнов Е.И. предлагает считать, что необходимости в северной стене не было, т.к. ее функции выполняла река Терек. Однако, следов старого русла практически нет, а если бы и было, то форсировать ее совсем не представляет трудности, так как в низовьях скорость течения была очень низкой [23].

Если взглянуть на подробную карту «старой» России или только посмотреть полный список населенных мест по разным областям, можно заметить, как часто у нас встречаются в истории названия: «городище», «город», «городок», «городец». Очень часто дореволюционные и современные историки искажали и подменяли название таких укреплений. Каждое такое название происходит от того, что на месте таких сел и деревень находились древние поселения, называвшиеся вообще городищами. Городищ в России насчитывается великое множество. Считалось, что в старину «городом» называлось всякое огороженное валом, тыном, стенами жилое место, служившее укрепленным центром более или менее значительного поселения. Населенные пункты, обнесенные более слабыми оградами, чаще всего одним тыном, назывались на Руси не городами, а острогами. Южное направление было самым уязвимым, поэтому здесь возводились целые линии укреплений.

Процесс создания оборонительной системы южных границ государства во всей ее совокупности был, естественно, длительным и требовавшим колоссального количества материальных и трудовых затрат. Укрепленные рубежи и города постепенно продвигались на юг. Как справедливо полагает профессор Даркевич В.П. в своей работе, посвященной происхождению и развитию древних городов в истории нашей страны [24], все города можно было разделить на: политико-административно-правовые (города являлись средоточием властных структур); военные (особенно важно значение городов-крепостей, их стратегическая роль в южном лесостепном пограничье); культурные, с включением как религиозных, так и светских начал; ремесленные; торговые; коммуникационные (расположенные на главных путях сообщения города, они поддерживают международные связи, что ведет к взаимообогащению культур, так как города осуществляют контакты между отдельными территориями).

Строительство на юге России проводилось на огромной территории в течение двух веков, что, естественно, привело к многообразию типов архитектурно-планировочных решений городов этого периода. Особенностью казачьих поселений был их военный характер. При строительстве своих городков-крепостей казаки, несомненно использовали опыт, накопленный за многие века славянской и русской фортификационной культурой. Искусственные оборонительные сооружения в укрепленных поселениях сооружались преимущественно из земли и состояли из вала и образовавшегося при его насыпке рва. Городские поселения обладали своими специфическими чертами, в том числе и в Низовьях Терека.

Трехстенный городок, названный так потому, что имел три оборонительные стены, а четвертую сторону, обращенную к морю, по мнению А. Смирнова, – защищал казачий флот. Это положение вызывает дополнительный интерес, если учесть оригинальную, но не бесспорную версию выдвинутую автором о том, что казачество это морское сословие. Но по отношению к Трехстенному городку это можно применить с большой долей условности, ведь служившая защитой река в качестве четвертой преграды, была мелкого русла. Определение – «морской флот Терского Войска», кажется еще менее правдоподобным, чем – «казачество – морское сословие». И тем не менее, считает А. Смирнов [25],

Терское казачье войско зарождалось и формировалось как вольная община смелых и удачливых мореходов. В их морской истории есть своя «казачья Атлантида» – столица морского Терского казачества, за несколько часов навсегда скрывшаяся под морскими волнами. Версия о том, что Трехстенный городок это столица казачьей Атлантиды, оставленная из-за наступления моря красива, но очень слабодоказательна.

Переоформление казачества в военно-служилое сословие привело к продолжению строительства целого ряда городков, которые становились форпостами российской политики в регионе.

В неопубликованной рукописи И.Ф. Бларамберга нами были найдены несколько интересных фактов, как например: «... Кизлярское Терское войско существовало в здешнем крае при Царе Иоанне Васильевиче Грозном, и имело своё жительство в Трёхстенном городке на правом берегу речки Копая при впадении ее в Каспийское море. (Оные развалины и теперь видны близ Каспийского моря).(..) по случившемуся в 1661 году наводнения, от Каспийского моря потерпев разорение, после чего и воспоследовала Высочайшая воля Государя Алексея Михайловича переселится из оного городка выше по сей реке 8-ю верстами, тоже на правой / берег, называемой город Копай или Старой город»[26]. Здесь по нашему мнению приведены конкретные данные о затопленном морем Трехстенном городке, развалины которого видел автор. О переносах Терского города, с которым часто путают Трехстенный городок», далее в описи есть отдельный абзац «в 1707 году в Царствование Императора Петра I Великого, Каип Султан с большим количеством войска на оной сделал нападение, разорил и сжег, городок до основания, коего развалины, и поныне видны. В том же году оставшееся войско переселилось на правый берег реки Терека в городок (Терской) или Назарь и в городок Фельшан 6-ю верстами южнее первого городка, где и жили до 1722 года». Таким образом речь идет не только о Терском городе, который был перенесен так же, как до него был оставлен Трехстенный городок, но и о преемственности этих двух крепостей.

Заключение

Несмотря на скудость археологических и письменных источников, проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Первым русским поселением на территории нынешнего Дагестана в Низовьях Терека следует считать Трехстенный городок, а не Терский город;
2. Аналогий Трехстенному городку нет на Северном Кавказе, и параллели ему следует продолжать искать не на Кавказе;
3. Самой убедительной датой образования Трехстенного городка считается XVI–XVII вв., несмотря на данные об уровнях регрессии и трансгрессии Каспийского моря. Версии о более раннем возникновении крепости малоубедительны и требуют археологических раскопок;
4. Первыми жителями городка были казаки, переход которых в последующем на службу, а затем и оформление его в военное сословие России, повлиял на последующие процессы в регионе;
5. Структура кордонных линий и самих городков строилось с учетом политических, а не климатических признаков. Городок был не достроен, а в последующем затоплен, так как старые центры обороны, оказавшись в глубоком тылу, постепенно теряли свое оборонное значение;
6. Трехстенный городок и Терский городок – это две разных крепости, но из-за переносимого месторасположения Терского городка (Терки-1, Терки-2, Терки-3, Терки-4), существует неубедительная версия что Трехстенный городок это первый Терки-1. Версия имеет право на существование, хотя и малоубедительна;
7. Версия о Трехстенном городке как «казачьей Атлантиде» и казачестве как морском сословии интересна, но не бесспорна;
8. Трехстенный городок – это одиночная крепость, входившая в одну из ранних оградительных линий на окраине Московского государства, включавшая валы, сторожевые посты и городки.

Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки России в сфере научной деятельности, проект №2014/33

Примечания:

1. Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII – I пол. XIX вв.: проблемы политического, экономического и культурного развития. Махачкала, 2000. С. 23.
2. Голованова С.А. Особенности этнокультурной интеграции в казачьей среде в XVIII–XIX вв. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений. Сборник научных трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. под редакцией: А.Н. Рябикова, Т.Г. Письменной, Е.В. Манузина. 2014.
3. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: Изд. МГУ, 1974.
4. Крупнов Е.И. Городище «Трехстенный городок» // Советская археология. 1935. № 2. С. 124-133.

5. Баландин С.Н. Начало русского каменного строительства в Сибири. // В кн.: Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 174.
6. Любавский М.К. Историческая география России. М., 1909. С. 222-224.
7. Невоструев К.И. Ундорское городище. // Труды Первого археологического съезда Москве (1869). Т.1. 1871. С. 547.
8. Кравцов И. Очерк о начале Терского казачьего войска. Харьков, 1882.
9. Бентковский И.В. Гребенцы. М., 1889.
10. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. ч. VIII. С. 463.
11. Васильев Д.С. Очерки истории Низовий Терека (досоветский период). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. 232 с.
12. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 65.
13. Крупнов Е.И. Городище «Трехстенный городок» // Советская археология. 1935. № 2. С. 124-133.
14. Гильденштедт А.И. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб. Петербургское востоковедение. 2002
15. Потто В.А. Два века терского казачества (1577-1801). Ставрополь, 1991. С. 22.
16. Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Владикавказ, 1881.
17. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / под ред. Н.Ф. Гуляницкого. М. 1994.
18. Гумилев Л.Н. Хазария и Терек (Ландшафт и этнос): Л.Н. Гумилёв // Вестник Ленинградского ун-та. 1964. N 24. вып. 4. С. 78-88.
19. Ерёмин Н.И., Мялковский В.А., Нарожный Е.И. Новые средневековые комплексы с территории левобережья Терека // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990). Грозный, 1991. С. 40.
20. Гумилев Л.Н. Хазарские погребения и место, где стоял Итиль // Сообщения Гос. Эрмитажа. Т. XXII, 1962.
21. Garunova N. Contentious aspects of the term "Caucasian War" in the works of the north caucasian historians // Life Science Journal. Acta Zhengzhou University Overseas Edition 25, 2014; 11(11s). С. 171-176.
22. Хазария и Терек: (Ландшафт и этнос): Л.Н. Гумилёв // Вестник Ленинградского ун-та. 1964. N 24. вып. 4. С. 78-88.
23. Крупнов Е.И. Городище «Трехстенный городок» // Советская археология. 1935. № 2. С. 124-133.
24. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. №10. С. 43-60.
25. Смирнов А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 288 с.
26. Гарунова Н.Н. Описание Кизлярской крепости в начале XIX в. по неопубликованной рукописи штабс-капитана Камберга (И.Ф.Бларамберга) // Дагестан в российском историческом процессе. Сб. научн. тр. Махачкала, 2013. С. 67-72.

References:

1. Garunova N.N. Kizlyar in XVIII – I floor. XIX centuries: problems of political, economic and cultural development. Mahachkala, 2000. S. 23. (In Russian)
2. Golovanova S.A. Features of ethnic and cultural integration in the Cossack environment in XVIII–XIX in / Northern Caucasus: problems and prospects of development of ethno-confessional relations. All-Russian Collection of scientific papers (with international participation) scientific-practical conference. Edited by: A.N. Ryabikova, T.G. Written, E.V. Manuzina. 2014. (In Russian)
3. Zasedateleva L.B. Terek Cossacks (middle of the XVI-early XX century.): Historical and ethnographic essays. M.: Moscow State University, 1974. (In Russian)
4. Kroupnov E.I. Hillfort "trójścienna town" // Soviet archeology. 1935. № 2. Pp. 124-133. (In Russian)
5. Balandin S. Start of Russian stone building in Siberia // Proc.: Siberian city of XVII - beginning of XX century. Novosibirsk, 1981. S. 174. (In Russian)
6. Liubavskii M.K. Historical geography of Russia. M., 1909. S. 222-224. (In Russian)
7. Nevostruev K.I. Undorskoe settlement. // Proceedings of the First Archaeological Congress Moscow (1869). Vol. 1. 1871. S. 547. (In Russian)
8. Kravtsov I. Essay on the beginning of the Terek Cossack troops. Kharkov, 1882. (In Russian)
9. Bentkovsky I.V. Grebenzen. Moscow, 1889. (In Russian)
10. Popko J. Terek Cossacks from ancient times. SPb., 1880. S. VIII. S. 463. (In Russian)
11. Vasiliev D.S. Essays on the history of the lower reaches of the Terek (pre-Soviet period). Makhachkala Dagkniгоizdat, 1986. 232 с. (In Russian)
12. Omelchenko I.L. Terek Cossacks. Vladikavkaz, 1991. 65 p. (In Russian)
13. Kroupnov E.I. Hillfort "trójścienna town" // Soviet archeology. 1935. № 2. Pp. 124-133. (In Russian)
14. Gildenshtedt A.I. Journey to the Caucasus in 1770-1773 years. St. Petersburg. Petersburg oriental studies. 2002. (In Russian)

15. Potto V.A. Two centuries of the Terek Cossacks (1577-1801). Stavropol, 1991. S. 22. (In Russian)
16. Pisarev S. Treceniary Terek Cossack troops. 1577-1877. Vladikavkaz, 1881. (In Russian)
17. Urban planning of the Moscow State XVI–XVII centuries / edited / NF Gulyanitsky. Moscow, 1994. (In Russian)
18. Gumilev L.N. Khazars and Terek: (Landscape and ethnos): LN Gumilev // Vestnik Leningrad Univ. 1964. N 24. Vol. 4. P. 78-88. (In Russian)
19. Eremin N.I., Myalkovsky V.A., Narozhnyi E.I. New medieval complexes from the territory of the left bank of the Terek // Archeology buildings on the North Caucasus (1986-1990). Terrible. 1991. S. 40. (In Russian)
20. Gumilev L.N. Khazar and the burial place where he stood Itil // Posts Gos. Ermitazha.T. XXII, 1962. (In Russian)
21. Garunova N. Sontentious aspects of the term "Saucasian War" in the works of the north caucasian historians // Life Science Journal. Acta Zhengzhou University Overseas Edition 25, 2014; 11 (11s). S. 171-176
22. Khazars and Terek: (Landscape and ethnos): L.N. Gumilev // Vestnik Leningrad Univ. 1964. N 24. Vol. 4. P. 78-88. (In Russian)
23. Kroupnov E.I Hillfort "trójscienna town" // Soviet archeology. 1935. № 2. Pp. 124-133. (In Russian)
24. Darkevich V.P. Origin and development of cities of ancient Russia (X-XIII cc.) // Questions of history. 1994. №10. S. 43-60. (In Russian)
25. Smirnov A .Maritime history of the Cossacks. M.: Yauza, Eksmo, 2006. 288 p. (In Russian)
26. Garunova N.N. Description Kizlyar fortress in the early XIXv. unpublished manuscript by captain Camberg (I.F.Blaramberga) // Dagestan in Russia's historical process. Coll. Scien. Tr. Makhachkala, 2013. S. 67-72. (In Russian)

УДК 94(47)

«Трехстенный городок» в контексте истории низовий Терека до XVIII в.

Нина Нурмагомедовна Гарунова

Дагестанский государственный университет, Российская Федерация
367029, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Коркмасова, 8
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: garunovanina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена противоречивая история крепости «Трехстенный городок», которая была основана русскими на рубеже XVI–XVII веков у впадения реки Терек в Каспийское море. Проанализирована необычная форма крепости, аналогов которой на Северном Кавказе нет. История крепости увязана с местом первоначального поселения казаков-первопоселенцев в низовьях Терека, по которым в исторической литературе нет единого мнения. Привлечены археологические данные, из-за отсутствия надежных письменных свидетельств.

Ключевые слова: крепость; Терский городок; Трехстенный городок; терские казаки; гребенские казаки; русские; Северный Кавказ; Россия; Дагестан.

Copyright © 2015 by Sochi State University

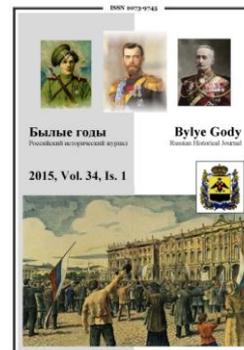
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 55-69, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Peter the Great and Alexander I: Double portrait in the European interior

¹ Dmitrii A. Redin

² Marie-Pierre Rey

¹ Ural Federal University, Russian Federation
Pervomaiskaja street 62, Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075
Dr (History), Head of Department of History of Russia
E-mail : volot@mail.ru

² University Paris-1 Pantheon-Sorbonne, France
1 rue Victor Cousin, 75005 Paris
Professor of Russian and Soviet History
Director of the Research Center in Slavic History

Abstract

The two official visits to Paris made by Russian sovereigns, the first one by Peter I in Spring 1717 and the second one by Alexander I in Spring 1814, have been significant events for the history of Russian-French relations and for European history in general. Each of these trips generated an extensive literature and the circumstances, the origins, the goals, and outcomes of the sovereigns' stay in the French capital are very well documented. The authors proposed to analyze these trips in a comparative and diachronic way, considering that despite their differences in terms of cultural and political contexts, this approach is relevant. Indeed, the article aims at showing that the visits had a common impact: they contributed to reform stereotypes about Russia and Russians in the eyes of French elites and public opinion, and beyond, in European public opinion. During their trips, convincingly demonstrating that Russia belongs to the European space, the two monarchs significantly transformed the perception of their country, so far perceived as a barbaric, tyrannical and potentially dangerous country for Europe. However, at the same time, the authors conclude that the deconstruction of old stereotypes did not lead to their complete eradication. As a result, in European public opinion, emerged a «dual perception» of Russia that is a negative one, going back to late medieval tradition, and a more positive one, associated with the recognition of its belonging to the modern European cultural space.

Keywords: Peter I; 1717; Alexander I; 1814; Paris; France; French-Russian relations XVIII–XIX-th centuries; French-Russian perceptions XVIII–XIX-th centuries; stereotypes; public opinion; Europe; European civilization.

Введение

24 мая (12)¹ 1814 г., будучи в Париже с 31 (19) марта – дня своего вступления во французскую столицу во главе коалиционных войск – император Александр I в сопровождении генерал-губернатора Остен-Сакена нанес визит в Монетный двор [1, р. 77]. Принятый администраторами и королевским комиссаром, он проследовал по залам, посетив, в том числе, Зал чеканки, где в его присутствии изготовили две монеты, золотую и серебряную². В тот же день ему была вручена еще и двухфранковая бронзовая монета, отчеканенная 19 (8) апреля по требованию тогдашнего главы временного правительства Талейрана. Изготовленная в его честь, а так же в честь прусского и

¹ Здесь и далее в скобках даны даты по старому стилю. – *Авт.*

² С клеймом гравера Тиолье.

австрийского суверенов, она была призвана отметить возвращение Франции в большую европейскую семью. На реверсе, общем для всех трех монет, были выбиты три лилии – символ Французской короны, и весьма недвусмысленное изречение на латыни: «Gallia reddita Europae» («Франция возвращается в Европу»). А на аверсе монеты, посвященной царю, подчеркивая и возвышая ключевую роль России в этом возвращении, изображалась большая начальная буква его имени и легенда: «Умиротворителю Европы», тогда как посвященные двум другим суверенам монеты воспроизводя их имена, несли только надпись: «Ангел мира». Для Талейрана, как и для короля Людовика XVIII, особая роль, которую играла Россия, и особенно ее монарх в ключевой момент истории Франции, должна была быть подчеркнута и вписана в коллективную память народа. Когда после визита в Монетный двор царь пешком отправился в Медальный двор, чтобы полюбоваться там на медали, отчеканенные с его портретом¹, который он счел очень похожим, его ожидал оригинальный подарок: медаль с его собственным изображением на одной стороне и портретом Петра Великого – на другой. Свидетели сцены отметили: «Его Величество с чувством смотрел на портрет своего замечательного предка и, казалось, был тронут зрелищем своего образа в соединении с образом сего великого государя» [2, р. 80]. Несомненно, в глазах Александра подобное соединение образов и столь символическая ассоциация его пребывания в Париже с путешествием во Францию, совершенным Петром Великим весной 1717 г., усиливали его престиж и личный триумф.

Материалы и методы

Конечно, два визита русских монархов, разделенных почти столетием, имели много различий. Каждому из них посвящена своя, достаточно обширная литература. Их разделяли обстоятельства, у них был разный политический, дипломатический, общекультурный контекст эпох. Но, как представляется, между ними было что-то общее: помимо чисто политической значимости оба посещения роднила их презентационная направленность; они демонстрировали европейскость России, более того, они явно были нацелены на то, чтобы убедить французские элиты и общественное мнение в этой европейскости.

Удалось ли это? Способствовали ли эти два путешествия изменению образа России в глазах французов? И, если да, то каким способом и в каком плане? Эта совокупность вопросов, на которые данная статья предполагает ответить, позволяет, используя свидетельства современников и историографические оценки, провести компаративно-диахронное исследование, которое, как представляется, может стать продуктивным.

В первой части нашей работы мы обратимся к краткой характеристике того враждебного контекста, в котором разворачивались оба путешествия; к тем негативным образам и стереотипам, которые формировали образ России во Франции в предшествующие века и репродуцировались в дальнейшем, сообразно политическим целям. Во второй части будет предложено сопоставление двух путешествий с особым вниманием к их целям, возможностям и ходу. Наконец, последняя часть станет попыткой оценки политического и символического влияния этих двух визитов.

Обсуждение

I. Унаследованные от прошлого, глубоко укорененные и регулярно репродуцируемые в политических целях негативные образы

1. Образы, унаследованные от далекого прошлого

Накануне путешествия Петра Великого во Францию французский образ России содержал негативные и древние, глубоко укорененные черты.

Вплоть до правления Петра Великого и даже до правления Екатерины II Россия и русские во Франции и во всей Европе имели весьма дурную репутацию². Сложившийся при Иване III, этот негативный образ еще более ухудшился в правлении Ивана Грозного как по причине насилий, вменяемых в вину опричному режиму, установленному царем, так и под влиянием Ливонской войны. Собственно, в этом стереотипном восприятии можно выделить три основных сегмента, или составляющих.

Прежде всего отметим культурную составляющую. Для европейцев, посещавших Россию в XV–XVI вв. (в первую очередь, дипломатов и купцов Ганзейского союза и других германских городов и земель, а также и англичан), эта страна, не знавшая ни Ренессанса, ни гуманистической революции, и нравы которой считались весьма ущербными, не являлась частью Европы. Разумеется, Россия была христианской. В Средние века это было ключевым критерием, определявшим принадлежность к

¹ С клеймом гравера Андрие.

² Этот образ нам хорошо известен, благодаря работам многих историков, в том числе и французских. В этом отношении можно вспомнить труды Мари-Луизы Пеллю, изучавшей политический образ России в европейском общественном мнении XVI в., работы Франсин-Доминик Лиштенан, опубликовавшей ряд статей о восприятии России и ее царей в XVIII в. Однако при том, что политические образы России, ее образа правления и нравов были неплохо охарактеризованы историками, гораздо больше их внимание привлекали культурные, философские и художественные аспекты. В качестве примеров уместно назвать книгу Альбера Лортотали [3], более позднюю монографию Мартена Малиа [4] и перекликающееся с этой последней исследование одного из авторов настоящей статьи, Мари-Пьер Рей [5].

Европе. Но, по мере того, как Средневековье завершалось и происходил переход в нововременное интеллектуальное и моральное состояние XVI века, Россия, в сознании европейских наблюдателей, оказывалась отброшенной на периферию европейской цивилизации. В подтверждение этого замечания можно было бы привести множество примеров, но будет достаточно ограничиться отсылкой к сочинению слывшего знатоком русских дел имперского посла Сигизмунда фон Герберштейна «*Reum moscoviticarum commentarii*» 1549 г., которое оказало большое влияние на создание образа закосневшей в варварстве и бескультуре России.

Вторую составляющую, тоже совершенно негативную, можно охарактеризовать как культурно-политическую. Для многих европейских наблюдателей XVI в. политический режим России (и не только при Иване Грозном) характеризовался как тиранический и репрессивный. В то время, когда в Западной Европе начинало обозначаться некоторое уважение к индивидуальной жизни, Л. Сириус, например, писал по поводу царя: «Он принимал решения об их жизни и имуществе по своей прихоти, без того, чтобы кто-нибудь ему воспротивился; люди убеждали себя, что царь не следует никакой другой воле, кроме воли Божьей, так что если царь ради своей великой свирепости сделал свой народ ожесточенным и диким, то нельзя с полной уверенностью сказать, является ли свирепость этого народа варварством, которое заслуживает подобной тирании, или тирания, от которой он страдает, делает его свирепым» [6, р. 21–22; 7, р. 309–328].

В правление Ивана Грозного представления о России как о варварской и тиранической стране усилились, в том числе, благодаря сообщениям русских эмигрантов, бежавших от опричного режима и находивших пристанище во Львове или Вильно под сенью Польско-Литовского государства. Большую роль в этом процессе, безусловно, сыграли и западные памфлеты, живописавшие страшные жестокости и опустошения, совершенные русскими в Ливонии в ходе войны; они окончательно ухудшили образ русского царя, представлявшегося безжалостным и способным на все чудовищем. В силу последнего к негативному образу России добавилась третья составляющая: возникла идея о том, что эта страна опасна для самих европейцев, что ее надо держать на удалении от Европы и во что бы то ни стало сдерживать ее экспансию на Запад.

Эти три составляющие образа России в их комбинации, а именно: варварская страна, тиранический образ правления и опасная для Европы держава, сохранялись на протяжении последующего времени, в том числе в течение XVII–XVIII веков и широко использовались французской дипломатией в зависимости от текущей политической конъюнктуры.

2. Образы, широко используемые в политических целях

Фактически, эти представления о России, которые не питались никаким прямым контактом между французами и русскими, но строились на посредничестве литературных и дипломатических текстов, в зависимости от текущего момента актуализировались или «приглушались» согласно французским геополитическим и дипломатическим императивам. В правление Людовика XIV эти негативные образы оставались очень распространенными, да и повзрослевший Людовик XV тоже внес свой вклад в развитие темы «варварской» России, которую следует держать подальше от европейских дел [8, р. 98; 9]. Подобная точка зрения была, впрочем, не уникальной: Фридрих Прусский, так же всецело опасавшийся русских, воспринимал их как «скопище варваров» и «жестоких убийц» [10, р. 64].

Впоследствии, отнюдь не исчезнув, эти враждебные штампы пришли к двору целям пропаганды, а наполеоновский период добавил свою лепту в тему опасной и варварской России. С 1804 г. Наполеон подхватил идею, что после «завещания» Петра Великого (фактически фальшивки, сфабрикованной французской дипломатией на основе польского текста) [11; 12], русские вынашивали макиавелловский план мировой экспансии: это оправдывало вступление Франции в войну против России. Параллельно, император французов без колебаний принялся играть с ужасающим образом отсталой и примитивной страны: в январе 1807 г., рассуждая о русских, он упоминал о «тучах фанатиков и варваров», покушающихся на «цивилизованную Европу» [13].

Тильзит умерил эту критику, но накануне русского похода Наполеоном снова стали поощряться русофобские публикации. В этом ключе можно вспомнить анонимную публикацию 1812 г. под названием «Завоевания русской державы от ее зарождения до начала XIX в.» (Париж, 1812) [14]. Составленная историком и публицистом Шарлем Луи Лезюром, используемом тогда Талейраном в министерстве внешних сношений, книга стала сильным выстрелом в сторону России. Начиная с введения, Лезюр апеллировал к «доброму гению Европы», чтобы пресечь «опасный подъем этой новой Европы»; он заново поднимал тему опасной державы, которую во что бы то ни стало следует остановить в развитии, ибо «как только она появляется в Европе, то с намерением там доминировать» [15, р. 461]. Наконец, на протяжении многих страниц он неустанно твердил о варварстве русского народа: «... русский народ реально не использует ни свои несчастья, ни свои успехи, ни свои беспорядки, ни свои завоевания; ему осталась от достигнутого господства, от уроков, что он получил и от усилий, предпринятых им самим только грубость дикого человека в сочетании с пороками человека коррумпированного» [16, р. 457].

Как видно, образ России во Франции длительное время страдал от стереотипных представлений, которые, будучи унаследованы от клише, сложившихся еще в XV–XVI столетиях, прoderжались много дольше и были использованы в интересах французской дипломатии. Как могли

в таком враждебном контексте проходить путешествия, последовательно совершенные Петром Великим в 1717 г. и Александром I в 1814 г., которые создавали прямые контакты между, с одной стороны, русским сувереном и, с другой стороны, французскими элитами и общественным мнением, и какие реакции вызывали они среди населения?

II. Путешествия Петра Великого и Александра I: очевидные различия и глубокое сходство

Пребывания во Франции двух русских суверенов стали поводом (и это весьма показательно) для множества сочинений¹: газетных статей, литературы, сочиненной «по случаю» для их прославления (од, песен и т.п.) и различных свидетельств (писем, воспоминаний и мемуаров современников, бывших приближенными к монархам); все они позволяют не только восстановить ход путешествий, совершенных обоими государями, но, более того, очертить их природу и значение.

1. Принципиальное различие контекстов и сходство целей путешествий

Когда весной 1717 г. Петр Великий дал знать регенту, герцогу Орлеанскому, о своем намерении посетить Францию, казалось, что он вернулся к проекту, намеченному восемнадцатью годами ранее. С 1697 г., прежде чем отправится в Голландию в составе Великого посольства, Петр извещал о своем желании приехать во Францию и нанести визит Людовику XIV, но натолкнулся на отказ последнего и, согласно Сен-Симону, был уязвлен тем, что король учтиво отклонил этот визит, которым никак не хотел обременять себя [24, р. 484]. А двумя годами позже, в 1699 г., когда царь снова проявил склонность совершить этот вояж, слабо воодушевленная этим стремлением французская дипломатия вновь не допустила его осуществления.

Ситуация стала меняться в начале XVIII в., когда Европа оказалась ввергнутой почти одновременно в два крупных военных конфликта: войну за испанское наследство и Северную войну. На этом фоне стареющий Людовик XIV считал целесообразным вспомнить о настойчивых притязаниях «царя московитов» и отправил к нему чрезвычайного посланника де Балюза. Из инструкции, полученной дипломатом от короля 9 октября (28 сентября) 1702 г., явствует, что последний рассчитывал на военную помощь России против Империи («диверсия в Трансильвании» силами казачьего отряда) и денежный заем [25, с. 411–412]. Надо было слишком плохо представлять положение, в котором в это время находился потенциальный союзник, чтобы строить подобные расчеты. Миссия де Балюза оказалась краткосрочной и, в общем-то, провальной. Уже в середине лета следующего года «король-Солнце» отправил из Версаля письмо, отзывавшее чрезвычайного посланника [26, с. 414–415]. Действительно, положение России было столь плачевным – и тогда и в последующем – что еще в сентябре 1708 г. осторожный Чарльз Уитворт, чрезвычайный посланник Англии в России, не рекомендовал английским негодантам, связанным с русской торговлей, выдавать русским купцам длинных кредитов, полагая, что это влечет риск их невозвратов в случае скорого разгрома армии Петра [27, с. 44–45].

Но вскоре произошли события, в которые трудно было поверить: в результате сражения при Полтаве и Переволочной шведская армия оказалась уничтоженной. Петр в одночасье стал не просто хозяином положения на театре военных действий – это меняло расстановку сил в Северо-Восточной Европе в целом и делало русского монарха влиятельной фигурой в общеевропейском политическом балансе, побуждая французского короля вторично проявить интерес к русским делам. В этой связи в Россию вторично отправили де Балюза (1710 г.), предписав ему провести с царем переговоры более масштабного, чем прежде, характера. Так, от имени своего суверена, дипломат должен был предложить французское посредничество в заключении русско-шведского мирного договора. Франция обещала взять на себя роль гаранта русских завоеваний в Прибалтике и установить русско-французскую торговлю через балтийские порты. Рассчитывая, в свою очередь, на посредничество России в отношениях Франции и ее противников в войне за испанское наследство, Людовик XIV не оставлял старой идеи о нанесении вреда австрийцам и предписывал своему посланнику намекнуть Петру о возможности сделать его наследника, царевича Алексея, королем Венгрии [28, с. 426, 432; 29, с. 75].

Не комментируя детали, важно подчеркнуть, что Петр в целом очень серьезно воспринял упомянутые дипломатические жесты Франции. И хотя крайне сложная международная обстановка не позволила ему решиться на заключение союза с Версалем (достаточно вспомнить, что в 1711 г. началась война с Турцией, закончившаяся поражением русской армии в т.н. Прутском походе, и необходимость виртуозного лавирования по воссозданию антишведской коалиции и соблюдения баланса интересов с морскими державами – Англией и Нидерландами), интерес русского монарха к одной из сильнейших мировых держав не ослабевал, тем более, что в отличие от ситуации конца XVII в. интерес этот стал обоюдным.

¹ Об откликах на путешествие Петра Великого см. различные французские и русские сочинения, современные событию [17; 18; 19]; для уточнения его хронологии имеет значение работа Б. Лосского [20]; наиболее подробный обзор откликов современников на пребывание Петра в Париже имеется в монографии С. А. Мезина [21]. О реакции на визит Александра I, кроме уже упоминавшейся «Александряны», можно назвать «Загробные мемуары Шатобриана» [22] и отличающиеся большей точностью мемуары графини де Буань [23]

По сути, с этой, сформулированной французской стороной и в целом выгодной для России повесткой, Петр и отправился во Францию, когда для того представилась возможность – в 1717 г. Разумеется, этот визит очень отличался от европейского вояжа 1697 г. по целому ряду характерных черт. Прежде всего, изменился сам Петр. Вместо юноши, мало искушенного не только в хитросплетениях международной политики, но и в элементарных нормах европейского дипломатического и придворного этикета, границу Французского королевства пересекал сорокапятилетний человек, опытный политик и полководец, переживавший один из своих звездных часов. Пользуясь преимуществом победителя сильнейшего противника (а к лаврам Полтавы к этому времени добавились лавры Гангута), Петру удалось восстановить антишведскую коалицию и возглавить ее. Как ни сильны были внутренние противоречия между участниками этого альянса, подобный статус, несомненно, усиливал значение русского монарха в глазах европейских государей. За год до вояжа во Францию, Петр попытался материализовать полученный политический капитал, усиленно склоняя датских союзников к организации десанта в область Сконе на юге Швеции. Одновременно с этим государь поддержал английскую инициативу по охране торговых судов на Балтике от действий шведских каперов. И пусть идея десанта повалилась, а идея охраны балтийской торговли питалась разными подспудными мотивами стран-участниц, все-таки к лету 1716 г. Петр сумел создать собственную сильную морскую группировку в территориальных водах Дании и возглавить по решению союзников соединенный флот четырех держав: России, Англии Дании и Нидерландов [30, с. 97; 31, с. 135]. Каковы бы ни были результаты этой военно-морской демонстрации силы и единства, все эти обстоятельства усиливали, говоря современным языком, переговорные позиции царя.

Повестка будущих переговоров с руководством Французской короны в своей политической части, как уже отмечалось выше, в основных чертах совпадала с той, что предлагалась ранее Людовиком XIV. И сам Петр, и его советники-дипломаты, посол князь Б. И. Куракин и вице-канцлер барон П. П. Шафиров вполне разделяли идею о том, что Франция могла бы быть полезна России в качестве гаранта признания русских завоеваний в Прибалтике в обмен на гарантию российской поддержки Утрехтского и Баденского договоров. Это сближение с Версалем, помимо прочего, стимулировалось стремительно ухудшающимися отношениями с Англией. «Взаимная дружба и верный союз, для скрепления и обоснования которого будет заключен оборонительный союз ради обеспечения Утрехтского и Баденского договоров, равно как и Франция гарантирует завоевания, которые царь совершил над Швецией, за что Швеция отнюдь не получит возмещения ни в деньгах, ни в войсках, ни прямо, ни косвенно»¹, – так формулировала эту главную тему русская сторона. Но в преддверии визита 1717 г. Петр усилил политическую повестку предложением династического брака своей дочери Елизаветы и маленького французского короля – семилетнего Людовика XV. Если добавить к этому расчет на установление прочных торговых связей, то можно сказать, что русский суверен готовил полноценный союзнический договор с Францией, который грозил изменить существовавший геополитический баланс. Ведь Франция оставалась связана старым договором со Швецией, а стремительное сближение с Россией объективно бросало вызов как Англии, так и Австрии.

К этим дипломатическим соображениям добавились другие, равно как политические, так и культурные: занимаясь в 1717 г. модернизацией Русского государства, Петр хотел непосредственно ознакомиться с организацией и функционированием крупных административных, научных, технических и культурных учреждений, которые обеспечили могущество Франции, дабы увлечь этими примерами своих подданных и «привить» полезные новшества в России. Наконец, он хотел также побывать в Версале, которым он вдохновился тремя годами ранее, предпринимая строительство своего дворца в Петергофе.

Как видим, цели Петра были разнообразными, но все они подчинялись одной идее: Россия, как восходящая держава, должна была для обретения статуса великой державы обрести себе геополитического союзника и, в то же время, «приобщиться к цивилизации», набираясь европейских обычаев и демонстрируя свою «европейскость». И в этой перспективе привилегированные отношения и даже союз с Францией короля-Солнце и его наследника мог стать несомненным козырем.

Столетие спустя, обстоятельства, которые привели Александра I на французскую землю, были совершенно иными. В 1814 г. царь прибыл во Францию не как гость французского государства, не как путешественник, желающий познать «город-мир» (как называли тогда французскую столицу), но как победитель, который во главе широкой европейской коалиции сыграл определяющую роль в военном поражении Наполеона и готовящийся играть не менее важную роль в геополитическом и политическом будущем Франции. В плане решения этих тонких вопросов Александр имел весьма ясные идеи и цели. В геополитическом смысле речь для него шла о том, чтобы убедить союзников в необходимости завершения войны милостивым для Франции миром; в этом ему виделась единственная гарантия длительного мира для старого континента в целом. Франция должна была оставаться сильной; слишком ослабленная и территориально урезанная Франция стала бы в дальнейшем не способной служить противовесом Австрийской и Британской державам и принцип

¹ Отчет о франко-русских переговорах 18 (7) мая 1717 г. в письме графа де Тессе от 19 (8) мая [32].

равновесия оказался бы под угрозой. Его желание пощадить Францию, выраженное с момента прибытия в Париж проведением весьма четкого различия между «виновностью Наполеона» и «невинностью французского народа»¹, усиливалось личным интересом к сближению двух династий. Так же как до него Петр, Александр предусматривал возможность матримониального союза: т.о., летом 1814 г. встанет вопрос о проекте брака между Анной, его младшей сестрой, и наследником трона Бурбонов герцогом Беррийским [34].

В политическом плане у Александра также были очень четкие идеи: с 1805 г. он высказывался в пользу либеральных институтов для Франции [35], и в 1814 г. он оставался верен этому походу. Этот выбор объяснялся его искренними либеральными убеждениями, которые он унаследовал от своего наставника швейцарца Лагарпа, но может быть в еще большей степени, благодаря собственному анализу положения Франции. В его глазах радикальный возврат к абсолютной монархии, которая стремилась бы затмить достижения двадцати пяти лет, последовавших за крахом «старого порядка», неумолимо вылился бы в революционные волнения и даже в гражданскую войну, способную привести к новым беспорядкам в Европе.

Отправляясь во Францию, Александр, т.о., планировал обеспечить не только длительную безопасность Российской империи, окончательно покончив с наполеоновской угрозой, но еще и повлиять на судьбу Франции, равно как и на судьбу Европейского континента в целом. Но он предусматривал и другие, не столь декларируемые цели: являя свою волю вступить в Париж в качестве великодушного и благородного победителя, он имел ввиду и то, чтобы публично продемонстрировать европейскость России и тем самым опровергнуть наполеоновскую пропаганду, непрестанно изображавшую его «северным варваром» во главе «азиатской империи», которую следовало держать подальше. И с этой точки зрения его мотивации во многом совпадали с мотивациями его знаменитого предшественника.

2. Ход путешествий

Прибыв во Францию через портовый Дюнкерк, портовые сооружения которого он посетил 21 апреля (10) 1717 г. и проследовав вместе с многочисленной свитой, состоявшей из 61 персоны, через Кале, Петр сразу показал себя человеком, хотя и стремящимся рассмотреть все на своем пути, но очень спешащим добраться до Парижа [36; 37]. Предоставленные ему комфортабельные, но, на его взгляд, слишком медлительные экипажи («берлины»), царь поменял на простые почтовые кареты. Равным образом, его простые вкусы и стремление не привлекать любопытство французов по пути следования, побудили его отказаться от апартаментов в епископских дворцах Амьена и Бове, которые были отведены для него, и избегать официальных приемов, чтобы скорее добраться до столицы. Он приехал туда вечером 7 мая (26 апреля), но полагая Лувр слишком помпезным и чрезмерно иллюминированным, он отказался там разместиться, предпочтя квартировать в «частном доме», в особняке Лесдигьеров. Столетие спустя, Александр I также из соображений простоты откажется «расслабиться на диванах Тюильри» и, вступив в Париж, выскажется в пользу частного дома князя Талейрана, где будет оставаться до середины апреля, пока не обоснуется на вторую часть своего пребывания во дворце Елисей-Бурбон.

В течение 43 дней, проведенных в Париже, Петр непрестанно осматривал столицу, ее самые знаменитые места (Королевскую площадь, дворец Побед, Вандомскую площадь), равно как и ее памятники; он посетил Лувр, дворец Инвалидов, Люксембургский дворец, Тюильри, а в окрестностях Парижа посетил в Сен-Клу, Исси, Медон, Версаль, где побывал несколько раз (тогда как двор уже не находился там) и Марли. Он проявил себя открытым, чувствительным к архитектуре и искусству, восхищался красотой садов Версаля, но его истинный интерес устремлялся к научным и техническим институтам. Он посетил мануфактуру Гобеленов, мануфактуру зеркальных стекол в Сент-Антуанском предместье, несколько мастерских по изготовлению геодезических измерительных инструментов и глобусов и трижды² побывал в Обсерватории ради встреч с Жаном-Домиником Кассини и его учеником Жозефом-Николя Делилем. Его широкий взгляд не ограничивался астрономией: в Берси он с удовольствием посетил физический кабинет Луи Леона Пайо, графа д'Онс-ан-Бре. Во время своего пребывания он встречался, среди прочих, с о. Себастьяном, физиком и математиком, физиком Реомюром, картографом Гийомом Делилем; 14 (3) июня он посетил Сорбонну, где склонился перед бюстом Ришелье, а 19 (8) июня присутствовал на торжественном заседании Академии наук по приглашению аббата Биньона, ее президента.

В политическом плане царь множил символические жесты: 11 мая (30 апреля), когда малолетний король прибыл к нему с приветствием, Петр, вразрез со всяким этикетом, обнял и многократно расцеловал его. На следующий день во время ответного визита он повторил этот жест, как бы освобождаясь и освобождая короля-ребенка от всех условностей. Решительно мало

¹ Принимая представителей французских властей, император высказался так: «Справедливая оборона привела [меня] сюда, но я далек от желания воздать Франции злом за то зло, что претерпел. Я справедлив и я знаю, что в нем нет вины французов. Французы – мои друзья, и я хочу доказать им, что пришел воздать добром за зло. Наполеон – мой единственный враг». Цит. по русскому изданию [33, с. 295].

² 12, 19 мая и 17 июня (1, 8 мая и 6 июня) 1717 г.

сдержанный в своих деяниях и жестах, царь дошел даже до того, чтобы потребовать встречи с мадам Ментенон, к тому времени восьмидесятидвухлетней и жившей в уединении.

Открытый уму и знанию, Петр проявил себя гораздо индифферентнее, порой – пренебрежительнее в отношении придворной жизни и правил поведения, унаследованным от эпохи Людовика XIV. Царь, как правило, стремился сокращать светские развлечения или вовсе избегал их; он почти не оценил псовую охоту, с которой познакомился в лесу Фонтенбло; проявил себя скорее скупым по отношению к встреченным нищим; лишь один раз побывал в опере; в Фонтенбло он напился до того, что не мог стоять на ногах, а однажды ночью, в Версаль, в бывшие апартаменты мадам де Ментенон он привез «женщин и девиц, привыкших щедро отдаваться тому, кто пожелает их отвесть» [38]. Иначе говоря, царь всякий раз и поражал, и шокировал, и очаровывал как своим умом и пылкостью, так и своим антиконформизмом. Это сразу стало любимым сюжетом широкого творчества парижан: песни, медали, народные гравюры, предназначенные для альманахов 1718 г. [39, p. 162] стали эхом этого, весьма неординарного визита.

Столетие спустя вслед за этим вояжем, Александр I сделал, в свою очередь, новый вклад в трансформацию образа России и русских. Александр, как до него Петр, при всех обстоятельствах проявлял и даже афишировал скромность и простоту, резко отличавшиеся от наполеоновского блеска. Но в отличие от своего предшественника он публично демонстрировал свое религиозное рвение, устроив, например, празднование Пасхи на площади согласия, на том самом месте, где был гильотинирован Людовик XVI, «*Te Deum*» в знак коллективного искупления. Он осмотрел достопримечательности и памятники столицы, которые уже вызывали восхищение Петра и, как его предок, доставил себе удовольствие посещением Версаля и Трианона. Однако, воспитанный в любви к французской культуре своей бабкой Екатериной, он уделил большее, чем его предшественник, внимание художественной и культурной сферам: разумеется, он тоже встречался с учеными, но во Французской академии, а не в Академии наук. Он нанес туда визит 21 (9) апреля, чтобы присутствовать на торжественном заседании. В течение двух месяцев, проведенных в Париже, Александр часто бывал в театре, равно как и в опере, и осматривал музеи. Посещая коллекцию Лувра, он восхищался шедеврами, собранными Наполеоном во время его завоеваний, но увидев пьедесталы, лишённые статуй, был раздражен этим. Именно Александр при обсуждении статей первого Парижского договора, не касавшихся территориальных вопросов, будет добиваться и добьется того, чтобы произведения искусств, доставленные в парижские музеи в качестве наполеоновских трофеев, оставались там и впредь, ради большей доступности и открытости, чем где-либо в другом месте.

Император посетил Национальную типографию, Монетный двор, несколько мастерских художников, покупал картины и скульптуры, позировал Жерару и заказал ему несколько полотен. Встречался с писателями, бывшими тогда на первом плане: мадам де Сталь, Бенджаменом Констаном, Шатобрианом и графиней де Буань; принимал за своим столом аббата Сикара, директора Института глухонемых, работы которого знала и ценила его мать, императрица Мария Федоровна; он побывал во дворце Инвалидов и, в противовес более экономному, если не скупому Петру Великому, раздавал щедрую милостыню беднякам из приходов. Побывал он во многих госпиталях, что вызывало беспокойство приближенных, слабо поощрявших эти инициативы. Записка его бывшего наставника Лагарпа, присоединившегося к нему в Париже, предупреждала его в апреле: «Сир, поскольку Ваше императорское величество посещает больницы, считаю своим долгом предупредить, что госпиталь Скорбящей Матери напротив Ботанического сада содержит больных, зараженных разновидностью чумы, именуемой тифом» [40, p. 211].

После встречи с Марией-Луизой в Рамбуи он сблизился с семейством Богарне и неоднократно посещал Жозефину в ее замке Мальмезон. Можно ли усмотреть в этих странных визитах к низвергнутой императрице эхо визита, который Петр нанес мадам де Ментенон, когда последняя уже не обладала ни влиянием, ни властью? Как бы то ни было, внезапная смерть Жозефины 29 (17) мая расстроила его. И хотя он не присутствовал на похоронах, но распорядился о представительстве и, не без элегантности, приказал казачьему эскадрону своей гвардии в парадной форме сопровождать гроб «от замка до церкви и воздать ей почести, кои в иные времена она получила бы от французской императорской гвардии» [41, p. 219].

Спустя два года, в 1816 г., 38 картин, а также скульптуры, в т.ч. 4 – Кановы, покинут Мальмезон ради Санкт-Петербурга: Александр I оценил их красоту, созерцая в обществе Жозефины и зная их подлинную цену. Но он щедро оплатил их, чтобы в такой деликатной манере поддержать финансовое благополучие Гортензии и Евгения Богарне, владельцев произведений...

Наконец, в столь не похожем на Петра стиле, Александр явно ценил контакты с парижской элитой и с удовольствием вел светскую жизнь, хотя при этом уделял не меньшее, если не большее внимание политике. В отличие от Петра I, который оставлял своим советникам заботу вести от его имени дискуссии с Францией, он лично и очень активно участвовал в переговорах, определявших геополитическое будущее Франции и Европы. Наряду с Талейраном и Коленкурром он был главной пружиной договора Фонтенбло и в последующие недели сыграл ведущую роль в подготовке первого Парижского договора.

Тем не менее, несмотря на различия контекста и стиля поведения двух монархов, пребывание в Париже стало для Петра Великого, как и для Александра I важным моментом в истории русской

дипломатии и установлении связей России с внешним миром. Но как были восприняты оба путешествия французами? Каким было их влияние во Франции и какую память они оставили по себе? Именно это мы рассмотрим подробнее ниже.

III. Политическое влияние и резонанс во французском воображаемом

С момента прибытия во Францию, а тем более в Париж, оба суверена вызвали среди элит, равно как и среди народа огромное любопытство. Несомненно, открывая для себя русских суверенов и их сопровождающих, французы попадали под определенное обаяние и ощущали переворот в своих представлениях о России. Насколько глубоко были эти трансформации? Насколько способствовали эти непосредственные контакты изменению образов варварства и тирании, восприятия России как угрозы для Европейского континента?

1. Между любопытством и обаянием: переворот в привычных представлениях французов; развивающиеся образы

После прибытия на французскую землю Петр Великий захватывает, шокирует, восхищает и соблазняет. Он привлекал, прежде всего, своим ростом и, отчасти, своеобразной манерой одеваться. В своем дневнике граф Тессе пишет так: «Царь был одет очень просто, в грубоватый суконный балахон, совершенно черный, с камзолом из серой шерстяной ткани, пуговицы на котором были алмазными, без галстука и манжет, без кружев на рукавах сорочки, с коричневым париком на испанский манер, который он велел подрезать сзади, потому что он казался ему слишком длинен, и не был напудрен» [42].

Поражал Петр, как уже упоминалось, своим пренебрежением к обычаям и презрением к этикету; он почти не затруднял себя политесом по отношению к придворным дамам, хотя те, тем не менее, спешили встретиться с ним. Но еще более русский царь шокировал своим вкусом алкоголя, который поглощал в больших количествах. Либуа, встречавший царя от имени регента в Дюнкерке, писал в одном из своих писем: «Царь поднимается утром, завтракает в 10, ужинает в 7 и возвращается к 9. Перед едой он пьет ликеры, пиво и вино после полудня, ужинает скромно, а иной раз совсем отказывается и ложится до 9. Ест все наши блюда и пьет наши вина, кроме шампанского» [43]. Это свидетельство не единично. Сен-Симон продолжает в том же духе, описывая излишества этого гиганта, весьма непочтительного к условностям: «То, что он выпивал и съедал на двух обычных приемах пищи – невероятно, не считая выпитого им пива, лимонада и других напитков между застольями... бутылка или две пива, столько же, а иной раз больше – вина, ликерные вина после, а в конце застолья особые водки, полпинты, а иной раз пинту. Это было едва ли не обычным делом при каждом застолье» [44, р. 139].

Неумеренность в потреблении алкоголя, непритязательность в одежде, скромные потребности, дававшие многим современникам-французам основания обвинить царя в скупости – все это хорошо ложилось на давние представления европейцев о «варварской» России и объяснялось «варварским» воспитанием и окружением самого Петра. Это же восприятие усиливалось впечатлением от странного посещения русским монархом мадам Ментенон: визитом любопытства, коротким и плохо соответствующим понятиям этикета¹. Кому было дело до того, что в действительности Петр, наверное, выпивал меньше, чем обычно – во всяком случае, приступы разнообразных хронических заболеваний поневоле принуждали его сдерживаться². Или, что «скупость» государя была обусловлена лишь наивной попыткой сохранять инкогнито (по окончании визита он вознаграждал всех, причастных к организации его пребывания в Париже с настоящей царской щедростью) [47, р. 108], а ночевки в гардеробной дома Лесдигьеров на походной кровати – давней и известной фобией больших спален. Общественное мнение французов (как и любое другое общественное мнение) не стремилось к пониманию тех или иных бытовых привычек диковинного гостя, а лишь по-своему их объясняло, довольствуясь первыми впечатлениями и, в этом смысле, находя новые подтверждения старинным предрассудкам.

Но впоследствии появились более существенные и более взвешенные наблюдения. 17 (6) июня 1717 г. в письме герцогу Сент-Эньяну маркиз де Лувиль с восхищением аттестовал страсть царя к науке, технике и прикладным искусствам: «Он знает много и во Франции нет человека столь же искусного как он ни в морском деле, ни в военном, ни в фортификации», и далее: «он любит все ремесла и ненавидит роскошь» [48, р. 237–238]. А этому известию мы обязаны Сен-Симону: «Все выказывает в нем широту просвещенности и что-то непрерывно последовательное. Он в совершенно захватывающей манере сочетает высшее, самое гордое, самое тонкое, самое выдержанное и, в то же время, меньше всего стесняющее величие, когда он его устанавливал во всей своей

¹ М. П. Полуденский, автор статьи о парижской поездке Петра I, заметил, что «в Сорбонне он (царь. – Авт.) оказал больше внимания статуе Ришелье, чем живой Ментенон» [45, с. 374].

² Мучимый частыми геморроидальными обострениями и периодической «лихорадкой», Петр именно в это время начинает лечиться минеральными водами, сначала в Германии, в Бад-Пирмонте (май-июнь 1716 г.), а позже – во Франции, в Спа (июнь 1717 г.). Очень скупо описывая в письмах к жене впечатления о своих посещениях разнообразных достопримечательностей и о встречах с различными политиками и учеными, царь охотно говорит о своих болезнях и сетует на вынужденное воздержание, в том числе и в потреблении водки («крепша», как он называет ее в своих частных посланиях) [46, с. 46–47, 57, 59, 60, 65, 66–67, 69, 72].

уверенности, с учтивостью, которая проявлялась всегда и со всеми, и властный повсюду, но имеющий степени, сообразно персоне. Он обладал некоторой фамильярностью, проистекавшей от свободы; но он не был избавлен от сильного отпечатка того старинного варварства своей страны, которое придавало всем его манерам живость, даже пылкость его прихотям, без желания встречать ограничения или возражения в чем-либо» [49, р. 138]. В итоге Сен-Симон заключает, что Франция единодушно «смотрела на него как на чудо, которым она останется очарована» [50, р. 150].

Т.о., очевидно, что Петр Великий с момента прибытия вызывал реакции, в которых смешивались удивление, возмущение и пленение поведением, которое воспринималось как живописное и даже экзотическое. И если Петр преуспел в демонстрации своего интереса к науке, культуре и ремеслам (за это он будет избран членом французской академии в декабре 1717 г.), если он очаровывал французов своими познаниями, врожденным благородством и непосредственностью и, тем самым, дезавуировал образ тирана, то ряд его поступков, расцененных как непростительно эксцентричные, стоил ему обвинения в «варварстве».

Такая двойственность восприятия царя свидетелями его визита в Париж породила аналогичную двойственность в позднейшей историографии. От почти восторженного мнения о том, что вояж Петра в столицу Французского королевства произвел «настоящий фурор во французском обществе» [51, с. 19] до почти приговора: «неудача политическая сопровождалась личным провалом» [52, р. 20]. Впрочем, как заметил С.А. Мезин, автор специального и, пожалуй, одного из лучших исследований по формированию образа Петра Великого в общественном мнении и исторической памяти Франции XVIII в., [53] подсчет сторонников и противников царя едва ли имеет смысл. Главное – и в этом мы можем полностью солидаризоваться с коллегой – это то, что пребывание Петра в Париже не только начало разрушать клише о России, но и заложило мощную литературную традицию, «русскую тему» в творчестве французских интеллектуалов, определявшую гораздо более благоприятное, хотя и не столь однозначное в исторической перспективе и по-иному стереотипное восприятие Петра I, а через него – и подвластной ему страны. Именно это событие стало стимулом для создания во Франции и шире – в Европе, образа «героя-демиурга», «создателя нового народа», чье «прилежание и трудолюбие, – по словам французского посланника при русском дворе Ж.-Ж. Кампредона, – превосходит обычный уровень человеческих сил» [54, с. 145]. Эти слова, написанные в последние годы жизни царя, спустя несколько лет после его посещения Франции, найдут свое развернутое и целостное воплощение в 1725 г., в «Похвальном слове царю Петру I» под пером секретаря Парижской академии Фонтенеля, бывшего соучастником монаршего пребывания во французской столице. Они послужат основой дальнейшему «отверждению мифа» (пользуясь выражением Энтони Кросса) о творце новой России в последующих сочинениях французских авторов XVIII столетия и окажут влияние на английскую традицию [55, с. 105–106], имевшую собственные воспоминания о личности Петра, восходящие к его пребыванию в Англии в еще более далеком 1698 г. Надо ли говорить, насколько подобные трансформации были созвучны настроениям вестернизированного окружения самого царя, неумолимо создававшего описание современности в жанре исторических сочинений [56, с. 43–51], конструировавших тот же миф в духе, по выражению Ю. М. Лотмана, «светской религии государственности» [57, с. 40].

В этом отношении с пребыванием Александра I в Париже все изменится. Когда Александр I готовился вступить в Париж, страхи парижан были еще живы. В ходе только-только завершенной французской кампании люди были свидетелями многих казачьих бесчинств, а царские войска уподоблялись варварским чудовищам, сеющим повсюду ужас [58, с. 55–68]. Население боялось, как бы столица не была предана огню и крови, а Шатобриан, будучи монархистом, разделяя это беспокойство и подавленность, охватившее парижан: «Я вижу [русских] дефилирующих по бульварам, ошеломленный и уничтоженный внутренне, как если бы у меня отняли мое французское имя и заменили его номером, под которым мне отныне придется быть известным в рудниках Сибири» [59].

Но очень скоро любезность царя и его свиты, его великодушные заявления, приветливость, которую он доказывал, теша национальную гордость французов, наконец, соблазны, которые он применял по отношению к элитам – все способствовало формированию образа, который мог лишь успокоить парижан. Этот образ подкреплялся поведением войск, сопровождавших его в столице. Разумеется, при своем вступлении в Париж казаки внушали ужас. Их высокий рост, импозантные усы, вытаращенные глаза, смуглая кожа и еще больше их форма, широкие шаровары, подбитые мехом куртки, равно как и их оружие: длинные, более чем трехметровые пики и сабли всегда наголо – все в них ошеломляло столичных обывателей.

Но вскоре их поведение – они тут же готовили пищу, чинили одежду, развлекались песнями и плясками, купали лошадей в Сене – очаровало, тогда как их добродушие, в целом внушающее полное доверие, было забавным для парижан: «посещение бивуаков» стало популярной семейной прогулкой по воскресеньям... В своем дневнике Пьер-Франсуа-Леон Фонтен, один из архитекторов Наполеона, удивлялся мирной и даже детской атмосфере, охватившей улицы столицы: «Я был далек от того, чтобы думать, что столица империи, которая 10 лет заставляла трепетать всю Европу, была отдана в манере столь необычайной, после неравной битвы, когда хотели ввести в бой городскую стражу и школьничков. Я был весьма далек от мысли, что победившая армия, составленная из 20 народов и

большого числа диких орд, которым был обещан грабеж, овладела Парижем без насилия, без малейших бесчинств. Кто бы мог поверить, что столь крупное событие имело бы вид праздника и не очень нарушало бы общественный порядок»? [60, р. 385–386]

В результате, многие свидетельства пополнились восхищенными отзывами о франкофилии и франкофонии русских войск, а в глазах французских элит (что нашло отражение в их сочинениях) русские больше не выглядели варварами, но стали носителями благородства и величия, достойных европейской цивилизации.

Т.о., как видно, оба путешествия способствовали, каждое в разной степени, заметной эволюции образов и представлений. Но как эти перемены сказывались в политическом и геополитическом плане? Были ли достигнуты цели обоих суверенов, стремившихся добиться сближения с Францией?

2. Неустойчивые политические результаты

Успешный в том, что касалось образов и представлений, вояж Петра Великого весной 1717 г. не имел немедленного политического эффекта. Конечно, двусторонние переговоры состоялись, проект предложенного Россией союза был обсужден регентом с его дипломатическими советниками, но, с одной стороны, он (регент) колебался относительно вступления в особый военный альянс с Россией, чтобы не навредить союзу Франции со Швецией, тогда еще действующему. Что касается Пруссии, союзницы Франции по оборонительному договору, заключенному годом ранее и тоже запрошенной относительно проекта франко-русско-прусского альянса, то она проявила еще большую сдержанность. Из-за этих проволочек и колебаний вышло так, что никакого текста до отъезда Петра подписано не было, и пришлось ждать 4 (24 июля) 1717 г., чтобы обе стороны смогли сблизиться в Амстердамском договоре. Заключенный между Францией, Пруссией и Россией, этот последний устанавливал между тремя государствами союз, имевший целью гарантировать Утрехтский и Баденский договоры, признавал де-факто русские завоевания на Балтийском море, а также позволял России добиться усиления влияния на международной арене. Однако проект брака малолетнего короля с царской дочерью воплотить не удалось; французская дипломатия предпочла отказаться от этого проекта, плох воспринимая Британией. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что при всей заманчивости такого союза он отдавал мезальянсом, учитывая низкое происхождение матери царевны и добрачное рождение предполагаемой невесты Людовика.

В этом смысле геополитический итог вояжа Александра I тоже окажется контрастным. Разумеется, налицо были очевидные успехи: настойчивость и сила убеждения, проявленные Александром в пользу установления конституции, преодолели колебания Людовика XVIII и последний согласился на предоставление Конституционной хартии своим подданным. Равным образом царь, сделавшийся адвокатом французских интересов перед своими союзниками, добился крупных уступок в пользу Франции Бурбонов – уступок, эхом которых стал Парижский договор в мае 1814 г. Но зато матримониальный союз, к которому стремился Александр, в свою очередь провалился; несмотря на всю энергию, отданную этому проекту Карлом Поццо ди Борго, первым послом Александра при дворе Людовика XVIII, переговоры наткнулись на религиозные вопросы и последние оказалось невозможно преодолеть. Но несмотря на этот провал, франко-русские связи укрепились после реставрации монархии во Франции. Конечно, Сто дней возвращения Наполеона нанесли заметный удар этому сближению, но отношения активно возобновились в 1815 г. после Ватерлоо, во время переговоров по второму Парижскому договору; царь снова стремился пощадить Францию и отвести от нее геополитические репрессии, на которых настаивали участники коалиции.

Заключение

Два вояжа, совершенных русскими суверенами в Париж с перерывом почти в столетие, внесли несомненный вклад в пересмотр стереотипов о России, унаследованных от XVI века. С визитом Петра был поколеблен образ тирании и варварства, а после пребывания Александра I в Париже французские элиты вполне искренне приняли идею цивилизованной, естественно и легитимно принадлежащей европейскому менталитету России.

Не трудно заметить и различие в акцентах деконструкции старого европейского мифа о России. Петровское пребывание в «столице мира» сконцентрировало внимание парижан скорее на персоне самого монарха, положив основу формирования новой мифологии о «творце нового европейского народа», удивительно гармонично совпавшей с аналогичным мифотворчеством в самой России. Визит Александра, в силу иной исторической ситуации и несопоставимо более масштабного русского присутствия, в большей степени способствовал изменению представлений о русских как таковых. Во всяком случае, он не повлек за собой создания «александровского мифа»: к русским и России как некой части европейского мира стали привыкать в целом.

Но так или иначе, унаследованные от прошлого стереотипы оказались серьезно поколеблены этими двумя путешествиями, которые, благодаря прямым контактам, заместили прежние клише более благоприятными образами.

В то же время, было бы преувеличением говорить о полной замене образов. Скорее, пребывания русских монархов в Париже породили ситуацию «двойного восприятия»: флуктуации европейского геополитического климата отныне и на долгую перспективу актуализировали то одну, то другую мифологию. Ровные периоды отношений России и Западной Европы стимулировали

«признание общего родства» и вызывали в памяти европейцев (особенно в элитных слоях) положительные образы; ухудшение политической конъюнктуры с неизбежностью выталкивало на поверхность общественного мнения средневековые в своей основе стереотипы о «коварных и опасных варварах» с востока, находя им новые подтверждения.

Показательно, что эти колебания проявили себя уже с начала правления Николая I. Новые негативные образы, порожденные подавлением восстания декабристов 1825 г., а потом – польского восстания 1830 г., популяризированные блистательным и желчным пером маркиза де Кюстина, начали вновь складываться и укреплять новый, на несколько десятилетий, барьер между Францией и Россией.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Примечания:

1. Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier // Ouvrage anonyme Paris: Imprimerie de D'Hautel, 1815. P. 77.
2. Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. P. 80.
3. Lortholary A. Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle. Paris: Vrin, 1951.
4. Malia M. L'Occident et l'énigme russe. Du cavalier de bronze au mausolée de Lénine. Paris: Seuil, 2003; англ. изд.: Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. N. Y.; L.: Belknap Press, 2000.
5. Rey M.-P. Le dilemme russe, la Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002.
6. Surlin L. Histoire ou commentaire des choses mémorables venues depuis 70 ans en ça par toutes les parties du monde, trad française. Paris, 1571. P. 21–22.
7. Pelus M.-L. Un des aspects de la naissance d'une conscience européenne : La Russie vue d'Europe occidentale // La conscience européenne au XVème et au XVIème siècles. Paris : éditions de l'ENSJF, 1982. P. 309–328.
8. Rey M.-P. Le dilemme russe, la Russie et l'Europe d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002. P. 98.
9. Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité : l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris: Institut d'études slaves, 1991.
10. Liechtenhan F.-D. La Russie entre en Europe, Elisabeth Ière et la succession d'Autriche, 1740–1750. Paris: éditions du CNRS, 1997. P. 64.
11. Blanc S. Histoire d'une phobie : le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1986. Vol. 9. № 3–4.
12. Jourdan E. Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. Paris: Printemps 2004.
13. Message de Napoléon, rédigé le 29 janvier 1807 à Varsovie, pour la convocation exceptionnelle du Sénat le 17 février // Correspondance de Napoléon Ier. Vol. 14. № 11722.
14. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. Paris: Chez Fantin, Libraire, Quai des Augustins, 1812.
15. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. P. 461.
16. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. P. 457.
17. Buvat J. Gazette de la Régence, janvier 1715–juin 1719, publiée d'après le manuscrit inédit conservé à la Bibliothèque royale de la Haye, avec des annotations et un index, par le comte E. de Barthélémy. Paris: Charpentier, 1887.
18. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Paris: édit H.L. Delloye, 1840. Vol. VII.
19. Походный журнал 1717 г. СПб., 1855.
20. Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France // Le monde slave. 1932. № 8.
21. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд. Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 2003. 214 с.
22. Chateaubriand, Mémoires d'Outre-tombe. Paris: Acamédia, 1997. part, 2L22, chapitres XII–XIII.
23. Récits d'une tante, mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. Paris: Plon, 1908). Vol.1.

24. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. I. P. 484.
25. Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 34. С. 411–412.
26. Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 34. С. 414–415.
27. Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 50. С. 44–45.
28. Сборник русского императорского исторического общества. Т. 34. С. 426, 432.
29. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 75.
30. Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Т. II. С. 97.
31. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 135.
32. Comte de Tessé, lettre du 19 mai 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 8 (mai – décembre 1717).
33. Рэй М.-П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013. С. 295; фр. изд.: Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009 et 2013).
34. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 1814. Epilogue.
35. Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009. P. 196–203.
36. Buvat J. Le Journal de la Régence, rédigé par Jean Buvat, écrivain de la Bibliothèque du roi, publié à Paris en 1865.
37. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Paris, édit H.L. Delloye, 1840, tome XXVIII, passim.
38. Buvat J. Journal de la Régence, mois de juin.
39. L'influence française en Russie au XVIIIème siècle / Jean-Pierre Poussou, Anne Mézin et Yves Perret-Gentil. Paris: Institut d'Etudes Slaves et Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2004. P. 162.
40. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. P. 211.
41. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. P. 219.
42. Comte de Tessé, lettre du 29 mai 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 8. (mai – décembre 1717).
43. Liboy, lettre des 27 and 28 April 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 7.
44. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 139.
45. Полуденский М. П. Петр Великий в Париже в 1717 г. // Русский архив. 1865. Вып. 5–6. С. 374.
46. Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка императора Петра I с государынею Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 46–47, 57, 59, 60, 66–67, 69, 72.
47. Journal du marquis de Dangeau. Paris, 1959. Vol. 17. P. 108.
48. Guichen E. de. Pierre Le Grand et Le premier traité franco-russe: 1682 à 1717. Paris, 1908. P. 237–238.
49. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 138.
50. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 150.
51. Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1755. М.: Наука, 1995. С. 19.
52. Lortholary A. Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle. P. 20.
53. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд. Саратов, 2003.
54. Сборник русского императорского исторического общества. Т. 52. С. 145.
55. Кросс Э. Английский Петр: Петр Великий глазами британцев XVII–XX вв. СПб.: Европейский дом, 2013. С. 105–106.
56. Редин Д. А. переходные эпохи, власть и дидактика исторического знания: культурно-семиотическое прочтение // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 43–51.
57. Лотман Ю. М. Очерки истории русской культуры XVII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4: XVIII – начало XIX века. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 40.
58. Rey M.-P. Les cosaques dans les yeux des Français à l'heure de la campagne de 1814: contribution à une histoire des images et des représentations en temps de guerre // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 55–68.
59. Chateaubriand F.-R. de. Mémoires d'Outre-tombe, Paris, édition Acamédia, 1997, 3ème Partie, 2L22, chapitre XIII.
60. Simond C. Paris de 1800 à 1900, d'après les estampes et les mémoires du temps. Т. I : 1800–1830, Le Consulat, Le Premier Empire, La Restauration: collection la vie parisienne à travers le XIXème siècle. Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1900. P. 385–386.

References:

1. Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier // Ouvrage anonyme Paris: Imprimerie de D'Hautel, 1815. P. 77.
2. Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier. P. 80.
3. Lortholary A. Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle. Paris: Vrin, 1951.
4. Malia M. L'Occident et l'énigme russe. Du cavalier de bronze au mausolée de Lénine. Paris: Seuil, 2003; eng. ed.: Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. N. Y.; L.: Belknap Press, 2000.
5. Rey M.-P. Le dilemme russe, la Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002.
6. Surlin L. Histoire ou commentaire des choses mémorables venues depuis 70 ans en ça par toutes les parties du monde, trad française. Paris, 1571. P. 21–22.
7. Pelus M.-L. Un des aspects de la naissance d'une conscience européenne : La Russie vue d'Europe occidentale // La conscience européenne au XVème et au XVIème siècles. Paris : éditions de l'ENSJF, 1982. P. 309–328.
8. Rey M.-P. Le dilemme russe, la Russie et l'Europe d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002. P. 98.
9. Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité : l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris: Institut d'études slaves, 1991.
10. Liechtenhan F.-D. La Russie entre en Europe, Elisabeth Ière et la succession d'Autriche, 1740–1750. Paris: éditions du CNRS, 1997. P. 64.
11. Blanc S. Histoire d'une phobie : le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1986. Vol. 9. № 3–4.
12. Jourdan E. Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. Paris: Printemps 2004.
13. Message de Napoléon, rédigé le 29 janvier 1807 à Varsovie, pour la convocation exceptionnelle du Sénat le 17 février // Correspondance de Napoléon Ier. Vol. 14. № 11722.
14. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. Paris: Chez Fantin, Libraire, Quai des Augustins, 1812.
15. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. P. 461.
16. Lesur C.-L. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle. P. 457.
17. Buvat J. Gazette de la Régence, janvier 1715-juin 1719, publiée d'après le manuscrit inédit conservé à la Bibliothèque royale de la Haye, avec des annotations et un index, par le comte E. de Barthélémy. Paris: Charpentier, 1887.
18. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Paris: édit H.L. Delloye, 1840. Vol. VII.
19. The Campaign Journal 1717. SPb., 1855.
20. Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France // Le monde slave. 1932. № 8.
21. Mezin S. A. The European Vision: French Authors of 18th century on Peter I. 2nd edition. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosuniversiteta, 2003.
22. Chateaubriand, Mémoires d'Outre-tombe. Paris: Acamédia, 1997. Par. 3, 2L22, chapter XII–XIII.
23. Récits d'une tante, mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. Paris: Plon, 1908). Vol.1.
24. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. I. P. 484.
25. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 34. P. 411–412.
26. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 34. P. 414–415.
27. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 50. P. 44–45.
28. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 34. P. 426, 432.
29. Nikiforov L. A. Russian – English Relations under Peter I. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literaturi, 1950. P. 75.
30. Materials for the History of Russian Fleet. SPb., 1865. T. II. P. 97.
31. Nikiforov L. A. Russian – English Relations under Peter I. S. 135.
32. Comte de Tessé, lette du 19 mai 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 8 (mai – décembre 1717).
33. Rey M.-P. Aleksandr I. M.: ROSSPEN, 2013. C. 295; fr. ed.: Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009 et 2013).
34. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 1814. Epilogue.
35. Rey M.-P. Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009. P. 196–203.
36. Buvat J. Le Journal de la Régence, rédigé par Jean Buvat, écrivain de la Bibliothèque du roi, publié à Paris en 1865.

37. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Paris, édit H.L. Delloye, 1840, tome XXVIII, passim.
38. Buvat J. Journal de la Régence, mois de juin.
39. L'influence française en Russie au XVIIIème siècle / Jean-Pierre Poussou, Anne Mézin et Yves Perret-Gentil. Paris: Institut d'Etudes Slaves et Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 2004. P. 162.
40. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. P. 211.
41. Rey M.-P. 1814, Un Tsar à Paris. P. 219.
42. Comte de Tessé, lettre du 29 mai 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 8. (main – décembre 1717).
43. Liboy, lettre des 27 and 28 April 1717 // Archives du ministère français des Affaires étrangères, correspondance politique, Russie. Vol. 7.
44. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 139.
45. Poludenskii M. P. Petr Velikii v Parizshe v 1717 g. // Russkii arhiv. 1865. Vip. 5–6. P. 374.
46. The Letters of Russian Monarchs and the Other Persons of Royal Family. Vol. 1: Correspondence of Emperor Peter I with Empress Catherine. M., 1861. P. 46–47, 57, 59, 60, 66–67, 69, 72.
47. Journal of marquis de Dangeau. Paris, 1959. Vol. 17. P. 108.
48. Guichen E. de. Pierre Le Grand et Le premier traité franco-russe: 1682 à 1717. Paris, 1908. P. 237–238.
49. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 138.
50. Saint-Simon. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence. Vol. XXVIII. P. 150.
51. Tcherkasov P. P. Two-headed Eagle and the Royal Lilies: the Emergence of Russian – French Relations in 18th century. 1700 – 1755. M.: Nauka, 1995. P. 19.
52. Lortholary A. Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle. P. 20.
53. Mezin S. A. The European Vision: French Authors of 18th century on Peter I. 2nd edition. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gosuniversiteta, 2003.
54. Collection of Russian Imperial Society. Vol. 52. P. 145.
55. Cross A. The English Peter: Peter the Great through the Eyes of British 17th – 20th centuries. SPb.: Evropejskii dom, 2013. P. 105–106.
56. Redin D. A. The Transition Periods, Power and Didactics of Historical Knowledge: Cultural and Semiotic Understanding // Quaestio Rossica. 2013. № 1. P. 43–51.
57. Lotman Y. M. The Essays in Russian History of 17 – early 19th centuries // From the History of Russian Culture. Vol. 4: 18 – early 19th centuries. 2nd edition. M.: Jaziki russkoi kul'turi, 2000. P. 40.
58. Rey M.-P. Les cosaques dans les yeux des Français à l'heure de la campagne de 1814: contribution à une histoire des images et des représentations en temps de guerre // Quaestio Rossica. 2014. № 1. C. 55–68.
59. Chateaubriand, Mémoires d'Outre-tombe. Paris: Acamédia, 1997. Par. 3, 2L22, chapter XIII.
60. Simond C. Paris de 1800 à 1900, d'après les estampes et les mémoires du temps. T. I : 1800-1830, Le Consulat, Le Premier Empire, La Restauration: collection la vie parisienne à travers le XIXème siècle. Paris: Plon, Nourrit et Cie, 1900. P. 385–386.

УДК 94

Петр I и Александр I: Двойной портрет в европейском интерьере

¹ Дмитрий Алексеевич Редин

² Мари-Пьер Рей

¹ Уральский федеральный университет, Российская Федерация
620075, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Первомайская, 62
Доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России
E-mail: volot@mail.ru

² Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна, Франция
1 rue Victor Cousin, 75005 Paris
Профессор русской и советской истории
Директор Научного центра истории славян

Аннотация. Визиты в Париж двух русских монархов: Петра I весной 1717 г. и Александра I весной 1814 г. стали значительными событиями в истории русско-французских отношений и в

европейской истории в целом. Каждому из них посвящена обширная литература, хорошо исследованы обстоятельства, причины, цели и итоги пребывания царей в столице Франции. Авторы статьи предложили рассмотреть эти вояжи в сравнительно-диахронном ключе, полагая, что при всех различиях культурно-политического контекста такое исследование имеет свой смысл. В статье доказывается, что сходство этих визитов – в тех последствиях, которые они имели в переформатировании стереотипов о России и русских в представлениях французов и шире – в общественном мнении Европы. Формируя осознание России частью общеевропейского пространства, путешествия обоих царей существенно трансформировали восприятие их страны как варварской, тиранической и потенциально опасной для Европы. В то же время авторы заключают, что деконструкция старых стереотипов не привела к их полному изживанию. В результате в европейском общественном мнении сложился феномен «двойного восприятия» России: негативный, восходящий к позднесредневековой традиции, и позитивный, связанный с признанием ее частью современного европейского культурного пространства.

Ключевые слова: Петр I; 1717 г.; Александр I; 1814 г.; Париж; Франция; франко-русские отношения XVIII–XIX вв.; франко-русское восприятие XVIII–XIX вв.; стереотипы; общественное мнение; Европа; европейская цивилизация.

Copyright © 2015 by Sochi State University

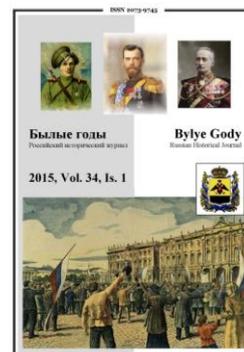
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 70-80, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

**Russian and Foreign Authors of the late 18th – 19th Centuries on the North-West
and Central Caucasus (the Historiographical and Historical Aspects)
Part 1**

¹ Vladimir G. Ivantsov

² Aleksandr A. Cherkasov

³ Vasily V. Tarakanov

⁴ Violetta S. Molchanova

⁵ Olga V. Natolochnaya

^{1, 2, 4} Sochi State University, Russian Federation

¹ PhD (History), Assistant Professor

² Dr. (History), Professor

³ Volgograd State University, Russian Federation

Dr. (Economy), Professor

⁴ Postgraduate Student

⁵ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

PhD (History)

Abstract

This article contains a historiographical survey of the collections of national and foreign authors of the late 18th–19th centuries related the peoples of the North-West and Central Caucasus, as well as events that were taking place in the region. The authors note that the value of works examined in the article varies in terms of historiography. That said, alongside quite scientific works whose authors analyze prior publications starting from antiquity, as well as documentary materials of the 19th century, the major part of the collections is of an exclusively descriptive nature, containing collectively vast and diverse information of mainly an ethnographic nature.

Keywords: toponyms of the Caucasus and mountaineer tribes in the orthography of sources; geographic settlement of mountaineers; economy; trade; religion; judicial system; customs; morals.

Введение

В некоторых современных исследованиях содержится историографический анализ сочинений отдельных авторов XIX в., что отмечается в настоящей статье. В 1996 г. И.Х. Дамения опубликовала небольшую по объему работу «Историография истории народов Кавказа XIX – начало XX вв.» (СПб.). В ней, в частности, называются сочинения более 70 авторов XIX в. Однако, труд Дамения, за незначительными исключениями, носит характер библиографии.

Между тем актуальность историографических исследований по опубликованным сочинениям различных авторов конца XVIII–XIX вв. о народах Северо-Западного и Центрального Кавказа остается несомненной.

Материалы и методы

Источниками и материалами статьи являются сочинения ученых, чиновников, путешественников, русских офицеров, иностранных агентов, писателей и других лиц, избравших объектами изучения различные стороны жизни горских народов Кавказа. При написании статьи авторы основывались на принципах историзма и системности.

Обсуждение

Публикации первых научных сведений об отдельных местностях и народах Кавказа способствовали материалы, полученные экспедициями Санкт-Петербургской Академии наук 1768–1774 гг., а также последующих лет. В задачу экспедиций входило комплексное исследование территории, населения России, ее хозяйства, быта, культуры. Руководителем одной из пяти экспедиций был приглашен П.С. Паллас [1].

В течение шести лет Паллас с коллегами объехали огромную территорию. Результаты путешествия, систематизированные в трудах Палласа, были изданы в трех томах в 1771–1776 гг. на немецком языке. С 1773 г. этот труд стал выходить в переводе на русский язык [2].

В 1793–1794 гг. Паллас предпринял новое путешествие по южным губерниям, посетив Астрахань, Кавказскую линию, район Минеральных вод, Крым. В Симферополе Паллас подготовил описание Тавриды на французском языке, позже переведенное на русский язык. Трудом Палласа по этнографии стал «Сборник исторических сведений о монгольских племенах», содержащий, в частности, описание калмыков, выселенных в 1771 г. из Астраханской губернии [3].

Одним из коллег Палласа в экспедициях Академии наук был А.И. Гильденштедт [4]. В 1768 г. он получил приглашение для участия в экспедиции и приехал в Санкт-Петербург. Был назначен для научной работы в Астрахань, а затем на Кавказ. В течении 1770–1775 гг. ученый посетил Кизляр, объездил местности по рекам Терек, Сунжа, Аксай, побывал в Осетии, ездил по Малой и Большой Кабарде, продолжительное время находился в Грузии, затем в Крыму. Результатом этих поездок Гильденштедта стали дневники и труды, содержащие обширный географический, биологический, этнографический и исторический материал по Кавказу. В их числе опубликованные на русском языке работы: «Рассуждения о гаванях или пристанях на Азовском, Черном и Белом море» / История и география. «Месяц» на 1776 г.; «О гаванях, лежащих при Каспийском море» / История и география. «Месяц» на 1777 г.; «Географическое, историческое и статистическое известие о новой пограничной линии Российской Империи между р. Терек и Азовским морем» / История и география. «Месяц» на 1779 г. [5]. Самым основательным по содержанию материалу стал труд «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа...», изданный в 1809 г. [6]

Научные изыскания на Кавказе продолжил С.М. Броневский [7]. В 1823 г. вышла в свет его книга «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе...» [8], привлекая внимание читателей. Автор описывает географическое расселение различных племен, их численность, характер торговых сношений, своеобразие религиозных воззрений, систему правления и феодальную иерархию, судопроизводство, особенности хозяйства, обычаи и нравы горцев, а также отдельные исторические события конца XVIII – начала XIX вв.

В отличие от этой описательной работы, другое оригинальное сочинение Броневского «Исторические выписки...», охватывает почти трехсотлетнюю историю взаимоотношений России с Кавказом и отличается богатством достоверного фактического материала [9]. Научная ценность труда Броневского определяется использованием им разнообразных источников, в числе которых официальные документы архива Министерства иностранных дел России, справки правителей Кавказа, сочинения античных и восточных авторов, книги европейских путешественников, работы русских историков и др. К сочинению Семена Михайловича предпослан квалифицированный историографический анализ, автором которого является И.К. Павлова. Это обстоятельство избавляет авторский коллектив настоящей статьи от необходимости подобной работы.

В 1835 г. в свет выходит сочинение П.П. Зубова [10] – его труд «Картина Кавказского края...» в 4-х томах [11]. Значительное место в работе занимает описание главных путей сообщения, существовавших в Кавказской области, с указанием населенных пунктов. Приводится примерная статистика населения области, в том числе в разрезе отдельных поселений. Содержится этнографическое описание уездов: Пятигорского, Моздокского и, наиболее обстоятельно, Кизлярского. Отдельный раздел посвящен созданию Кавказской укрепленной линии. Датой основания Кавказской линии автор считает 1711 г. [12]. Подробно описывается правый фланг линии, проходящий по территории Кубани. Приводится краткая история Черноморья и формирования Черноморского казачьего войска.

Вторая часть работы завершается обзором «Большая Абхазия» с приведением данных о географии и природе края, его народонаселении, сословиях, религии, антропологическом облике жителей и др. Третья часть труда Зубова посвящена кавказским горцам: черкесам (адыгам, шапсугам, натухайцам, абадзехам и др.), кабардинцам, осетинам, чеченцам, ингушам, отдельным народностям Дагестана. В данные по этим народам включены: статистика их численности, ареалы расселения, верования, отдельные исторические сведения. Данные о географии, экономике, частично торговых отношениях отдельных местностей Северного Кавказа включены в четвертую часть.

Исключительно описательный труд «Картина Кавказского края...», а также литературные сочинения Зубова были охарактеризованы составителями «Русского биографического словаря», изданного в 1900 г., следующим образом. Зубов «не имел ни поэтического дарования, ни достаточного запаса необходимых знаний, не имел успеха на литературном поприще. Географические описания Зубова пестрят грубыми ошибками...неправдоподобные описания военных подвигов обесценивают его исторические труды» [13].

Несмотря на такую уничижительную оценку, по нашему мнению (авт.) труд П.П. Зубова «Картина Кавказского края...» нет оснований считать лишь историографическим фактом. Для своего времени он имел не только познавательный интерес, но и представлял определенное практическое значение.

В 1858 г. выходит труд авторитетного кавказоведа А.П. Берже [14] «Краткий обзор горских племен на Кавказе...» [15], в котором автор поставил широкий круг задач. Берже рассматривает вопросы происхождения горских племен, их общественных отношений, приводит статистику численности горцев, дает обстоятельную картину языкового многообразия населения Северо-Западного и Центрального Кавказа и др. Источниками сочинения Берже явились документы и материалы архива Главного штаба Кавказских войск, а также работы отечественных и иностранных авторов. Это позволило ученому представить читателям труд несомненной научной ценности и новизны для своего времени.

В 1882 г. выходит в свет статья А.П. Берже «Выселение горцев с Кавказа» [16], представляющая официальную точку зрения на проблему махаджирства – переселение горцев Кавказа в Турцию. В этой работе автор излагает содержание документов, раскрывающих правительственную политику в отношении горцев периода их переселения. Суть этой политики заключалась в стремлении сократить численность горского населения в крае, не препятствуя их исходу. Вместе с тем кавказские власти предлагали горцам, остающимся на родине, покинуть обжитые ими горы и переселиться на неудобные для обороны и ведения хозяйства земли плоскости. По мнению Берже власти, сознавая невозможность «усмирить постоянное хищничество и разбои горского населения», в его выселении увидели удобный выход.

Автором ряда работ, являющихся ценными источниками по истории и этнографии черкесов середины XIX века, является Л.Я. Люлье [17]. В брошюре «Черкессия: историко-этнографические статьи», переизданную в 1990 г. с издания 1927 г., включены четыре статьи Люлье, содержащие анализ этнографических особенностей и истории черкесских (адыгских) и абхазских племен [18].

В первой статье Люлье «Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (Адыге), абхазами (Азегга) и другими смежными с ними горскими народами» автор, уточняя ошибки предшественников, определяет географическое расположение племен черкесов на северном склоне и в долинах Кавказского хребта по рекам (с указанием их притоков): Белая, Лаба, Малая Лаба, Пшиш, Псекупсе, Суп, Убин, Адекум, Малка, Ферзь, Гегене и др. Описывая абхазские племена, Люлье считает, что нет оснований делать различия между названиями абаза, абазинцы, абхазцы. Аналогично описанию черкесских племен, автор указывает географию расселения абхазских племен, привязывая ее к топонимам (рекам, долинам, котловинам, побережью Черного моря). При этом указывает, что абхазцы в конце XVII в. переселились с южного на северный склоны Кавказского хребта по причинам недостатка земли, внутренних раздоров и с согласия кабардинцев. Опираясь на предания о происхождении и переселениях различных племен (особенно подробно кабардинцев), уточняя их историческими сведениями древних авторов, Люлье делает вывод – адыги и абхазцы являются древнейшими жителями региона.

В статье «О натухайцах, шапсугах и абадзехах» автор отмечает, что его предшественники в описании народов Черноморья – П.С. Паллас, Г.-Ю. фон Клапрот, А.И. Гюльденштет (Гильденштедт-авт.), Ф. Дюбуа де-Монпере, С.М. Броневский и др. не дали полных сведений о них. Люлье поставил задачу восполнить пробелы, отмечая при этом, что только из народных преданий трудно получить цельную и правдоподобную информацию. Поэтому Люлье, используя знание языка черкесов, опирается на сведения, полученные им лично от горцев, а также свои наблюдения. Анализируя этнический состав абадзехов, складывавшийся и за счет пополнения соседями-пришельцами, Люлье приводит названия около 80 «отраслей» (этнических групп), составляющих это племя. Рассматривая общественные отношения у натухайцев и шапсугов, Люлье доказывает у них существование феодального общества.

Отдельный сюжет занимает описание процесса и механизмов общественного переворота у этих племен в XVIII в., в результате которого местные дворяне лишились своих прежних прав и привилегий и было объявлено о всенародном равенстве. Общественными институтами, получившими дальнейшее развитие, стали народные собрания, выборы старшин, суд по шариату (с 1822 г.) и др.

В статье «Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов» Люлье отмечает, что господствующей верой у черкесских племен является ислам суннитского толка, привнесенный крымскими ханами. При этом в племенах, расположенных вдоль Черноморского побережья, превалирует язычество. Ссылаясь на исторические свидетельства, а также сохранившиеся развалины храмов и кресты, автор подтверждает факты исповедования в регионе христианства в X–XV вв.

В четвертой статье, опубликованной после смерти Люлье, «Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев», автор отмечает, что у этих народов до Крымской войны не было постоянных судов, а в основе иска и наказания лежали только чувства личного оскорбления. Для последующего времени Люлье описывает сущность складывавшейся системы судостроительства и судопроизводства и ее особенности, а также обычаи и обязательства, как основы уголовного права горцев при назначении цены крови.

В историографии Кавказской войны свое место занимает труд великого русского хирурга Н.И. Пирогова. В опубликованном отчете Николая Ивановича о его поездке на Кавказ в 1847 г. главной темой стал анализ практики военно-полевой хирургии с применением наркоза [19]. Вместе с тем отчет содержит немало интересных наблюдений Пирогова, проехавшего по маршруту: Ставрополь, Пятигорск, Моздок, Кизляр, Темир-Хан-Шура, Салты, Дербент, Кусары, Куба, Баку, Тифлис, Владикавказ, Екатеринодар.

В частности Пирогов указывает, что холера, в то время распространенная в низменной части Дагестана, совершенно отсутствовала в горах. Находясь в русском лагере под аулом Салты, предназначенном для осады и штурма, хирург показывает условия проведения операций над ранеными воинами. Пером Пирогова описываются трудности штурма аула, связанные с организованной в нем горцами системой обороны. Автор дает свое объяснение превосходству горских ружей, особенностям их пуль и зарядов, которые обеспечивали большую пробивную и разрушительную силу. Пирогов с интересом знакомится с опытом традиционного дагестанского врачевания ран и переломов. Подводя итоги своей поездки на основе посещения более 100 военных госпиталей на Кавказе и юге России, Пирогов дает критическую оценку общему уровню хирургической помощи в то время [20].

В историографии военно-исторических сочинений, посвященных борьбе горцев под руководством Шамиля, называется ограниченное число авторов-дагестанцев, участников событий, создавших свои рукописи на арабском языке. В их числе Курбан-Али из Ашильты (чей труд редактировал сам имам) и Хадарбек Хаджи из Гиничутля, чьи сочинения были уничтожены после поражения Шамиля. Из уцелевших работ, изданных впоследствии, выделяется сочинение Мухаммад-Тахира Карахского (одно время секретаря Шамиля), в основном написанное в 1851–1856 гг. и имевшее название «Блеск дагестанских шашек в некоторых битвах Шамиля». В 1926 г. в Махачкале был напечатан неполный русский перевод этого труда с искажениями и произвольными вставками [21]. Подлинник труда Мухаммад-Тахира попал в Институт востоковедения АН СССР, был переведен с арабского и издан в 1941 г. [22]. Взвешенная историографическая оценка названных изданий содержится в исследовании Р.М. Магомедова [23].

В историографический обзор Магомедова не вошло сочинение Мухаммед-Тагира (так указано), изданное в Лондоне в 1989 г. на русском языке под названием «Три имама». Издание содержит список отечественной и зарубежной литературы по теме [24].

Среди лиц, посещавших Кавказ и оставивших об этом письменные свидетельства, был французский военный советник Александр Фонвилль, очевидец и непосредственный участник военных действий на стороне горцев в Черкессии на завершающем этапе Кавказской войны. Его труд на русском языке был переиздан в 1990 г. [25]

Фонвилль сообщает, что он в составе команды состоявшей из пяти иностранцев и тридцати черкесов (включая толмачей) под командой убыхского князя Измаил-Бея были доставлены на турецком судне на берег Черкессии. Задача экспедиции состояла в доставлении горцам оружия, включая пушки.

Уже из первых общений с горцами Фонвилль делает вывод: «черкесы вполне убеждены, что Турция – это самая большая и наиболее могущественная держава во всей вселенной...». В годы Крымской войны горцы считали что «султан ограничился тем, что приказал англичанам и французам прийти и выгнать русских» (с Кавказа). Именно этим Фонвилль объясняет стремление горцев поддерживать связи с Турцией. Одно из наблюдений автора состоит в том, что горцы ведут в целом ограниченную торговлю, где главный доход дает продажа молодых черкешенок, которые покупателями-посредниками перепродаются в Турцию.

Фонвилль с попутчиками прибыли в Черкессию когда исход военных действий на Северо-Западном Кавказе был предрешен; русские войска вступили на землю шапсугов. В этих условиях, сообщает автор, при начавшемся голоде многие горцы были готовы добровольно сдаться русским или эмигрировать в Турцию. Фонвилль и его коллеги-иностранцы в течении трех месяцев активно убеждали горцев продолжить борьбу, обещая скорую помощь Запада. Итогом этой агитации стало решение мобилизовать убыхов и с оружием двинуться против русских, угрожавших взять Туапсе. Однако, как отмечает автор, горцы все яснее понимали, что продвижение русских войск им самим не сдержать. В итоге Туапсе без боя пал, а помощь из Европы не приходила. В результате переселение в Турцию стало приобретать все большие размеры. Фонвилль располагал сведениями о трагической судьбе переселившихся в Турцию и в своих записках сообщает об этом, приводя статистику смертей.

Обращаясь к истории Кавказской войны, Фонвилль пишет, что Шамиль, объединивший горцев Восточного Кавказа, изначально не сумел привлечь к общей борьбе племена Северо-Западного Кавказа. Тогда Шамиль послал своего наиба с группой лиц к черкесам и те, пропагандируя идеи «священной войны» побудили абхазцев, шапсугов и убыхов платить Шамилю подать и выставить воинов. Непокорные горцы по приказу наиба убивались. Наиб, по свидетельству Фонвилля, настоял на освобождении всех пленных русских солдат, обращении их в ислам и создании из них небольшого военного отряда. После пленения Шамиля в августе 1859 г., наиб, опасаясь за свою жизнь, бежал в Турцию. Черкесы, радуясь избавлению от произвола наиба, умертвили всех его приближенных, не успевших бежать.

Указанные события в изложении автора записок, перемежаются информацией этнографического характера, сюжетами о верованиях черкесов, их обычаях и нравах, рассказами о военных столкновениях и др.

Во второй половине XIX в. появляются новые работы, освещающие различные аспекты истории Абхазии, обусловленные развивавшимися там событиями.

Здесь необходимо пояснение. К началу XIX в. Османская империя считала Абхазское княжество своим протекторатом. С 1810 г. начался процесс инкорпорирования княжества в Российскую империю при фактической автономии до середины 1860-х гг. Ликвидация Абхазского княжества и перевод его в общероссийскую юрисдикцию привели к восстанию 1866 г., имевшему следствием его подавление и высылку части абхазов. В ходе последующих событий русско-турецкой войны и разгрома Сухума в 1877 г. более половины абхазов покинули свою родину. Территория в междуречье Псырца и Кодора полностью обезлюдела, а Сухум, и прилегающая к нему территория стали заселяться другими народами [26].

В этой ситуации в газете «Тифлисский вестник» появилась пространная статья грузинского публициста и общественного деятеля Якоба Гогешвили «Кем заселить Абхазию» [27]. Автор, обращаясь к российскому правительству, выдвинул тезис: «Колонизация Абхазии мингрельцами является делом имеющим государственное значение» и доказывал выгоду и преимущества заселения Абхазии мингрелами из Западной Грузии, которые обнаруживают большие способности к коммерции и торговле к выгоде края.

Через несколько лет процесс заселения Абхазии грузинским населением получил свое развитие [28].

Описание двух поездок по Черноморскому округу, предпринятых в 1870 и 1873 гг., содержится в путевых заметках статского советника, агронома А.В. Верещагина [29].

В своей книге автор приводит разнообразные достоверные сведения, наблюдения и личные суждения по широкому кругу вопросов. В их числе: данные о населении Черноморского округа с включением статистики по отдельным поселениям и этническим группам; критические заметки по заключениям Тифлисской комиссии, обследовавшей в 1866 г. земли Причерноморья [30]; сведения о дорожной сети; характеристики вновь создаваемых переселенцами хозяйств; расценки на продаваемую казенную землю и цены на сельскохозяйственную продукцию; планы государственного и коммерческого освоения края; обзор дискуссии о перспективах колонизации округа и др. [31]

В январе 1885 г. Верещагин сделал доклад «Исторический обзор колонизации Черноморского побережья и ее результат на общем собрании Императорского Вольного Экономического общества. В том же году доклад был опубликован [32].

Хронологически обзор охватывает период с начала XIX в. до 1880-х гг. Отмечая итоги присоединения к России новых территорий на Кавказе к 1830 г., автор главное внимание обращает на последующие огромные траты российской казны на восстановление разоренных войной поселений, создание Черноморской береговой линии (ЧБЛ), строительство фортов и их инфраструктуры и др.

Верещагин излагает различные точки зрения на проблемы борьбы с горцами, в частности генерала Н.Н. Раевского [33], считавшего не просто бесполезным, но вредным военные действия против черкесов, видя выход в развитии различных форм мирного сожительства

Освещая политику российских властей на Кавказе после окончания Крымской войны, Верещагин анализирует практику отказа от восстановления разрушенных укреплений ЧБЛ и перехода к созданию сети казачьих станиц, в частности Шапсугского берегового батальона.

Следующий этап колонизации Черноморья Верещагин связывает с завершением Кавказской войны и почти полным обезлюдением этой территории вследствие переселения местного населения в Турцию. В этой связи автор рассматривает Положение о заселении учрежденного в 1866 г. Черноморского округа, а также принятые правила отвода и продажи земель на побережье от Туапсе до Абхазии и анализирует возникшие проблемы, связанные с реализацией этих решений.

Несомненный историографический интерес представляет брошюра Я.В. Абрамова [34] «Кавказские горцы» [35]. Автор анализирует экономические, социальные, правовые, культурные проблемы горского населения Кавказа и дает рекомендации по их разрешению.

Абрамов, опираясь на документы и свидетельства очевидцев, представляет ужасающую картину страданий и смерти горцев, ожидавших порой до года, отправления в Турцию в период махаджирства. Как отмечает автор, массовое переселение горских народов началось с Северо-Западного Кавказа, где выселялись шапсуги, нагухайцы, убыхи, абадзехи, абазинцы, джигеты, тамовцы, темиргоевцы и другие племена. При этом Абрамов приводит официальные данные о количестве покинувших Кавказ в 1858–1864 гг., обоснованно считая их далеко не полными. Не ограничиваясь этим, автор описывает трагическое положение горцев, прибывших на территорию Турции, где их смертность достигала десятков тысяч человек. Отдельно описывается не менее трагичное переселение кабардинцев, чеченцев, осетин-мусульман. Опираясь на факты, Абрамов подвергает критике официальную точку зрения на проблему переселения, которую двумя годами ранее изложил А.П. Берже.

По данным Абрамова махаджирство продолжилось и после окончания Кавказской войны, вплоть до начала 1880-х гг. Причины выезда горцев в этот период автор видит в трудностях

адаптации местного населения к послевоенным условиям жизни, установленным правительством и Кавказской администрацией.

В историографии второй половины XIX в. Абрамов глубже и объективнее иных авторов анализирует причины враждебности и взаимной ненависти казачества и горского населения, вплоть до кровавых столкновений, в условиях «замирения» после окончания Кавказской войны. Причины эти, по мнению Абрамова, не только в наследии предыдущих военных десятилетий, как считают многие, а в целом комплексе нерешенных проблем. В их числе экономическая политика властей, игнорирующая права горцев на землю, пастбища, сенокосы, водопользование. Новое послевоенное состояние кавказского сообщества Абрамов определяет как «войну социальную», связанную с попытками разоружения горцев; планами отбывания горцами воинской повинности; правилами выборов аульских старшин; введением системы круговой ответственности аула за преступления в случаях, когда виновный не найден, но предположительно является его жителем; с явными недостатками развития образования среди горского населения. Отмечая широкое распространение конокрадства и скотокрадства в Терской области среди всех ее жителей, включая горцев, казаков, переселившихся в область крестьян, ногайцев, калмыков, Абрамов отмечает, что ответственность за эти преступления местные власти пытаются возложить исключительно на «туземное население», выгораживая казаков [36].

В заключение Абрамов дает рекомендации, как изжить враждебность горцев и казаков. В их числе предложение о введении практики выкупа государством частной земельной собственности в крае с последующим наделением землей тех, включая горцев, кто имеет ее недостаточно.

Знакомство с Кавказом все большего количества приезжающих в край людей в конце XIX в., одним из следствий имело появление публикаций о их впечатлениях и наблюдениях. Примером может служить очерк Н. Шамшева о столице Абхазии Сухум-Кале [37].

Автор восторженно описывает климат и природу «благодатной Абхазии» и отмечает, что несомненные достоинства этой «жемчужины» Кавказа влекут сюда не только возрастающее число туристов, но и предприимчивых людей, которые обзаводятся дачами. Шамшев приводит пример профессора Остроумова, купившего участок для устройства зимней климатической станции для лиц с легочными заболеваниями. Очерк обобщает о военных событиях 1877 г., когда Сухум был разорен и разрушен турками и абхазцами и восстанавливается в последующее время.

Отдельное место автор уделяет Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю, повествуя об истории его создания и гибели в огне в 1877 г. Восстановленный монастырь стал не только духовным и культурным центром Абхазии, но и местом где зимой кормятся, работая за поденную плату до двух тысяч человек.

Заключение

Рассмотренные в статье работы имеют различную ценность с точки зрения историографии. Наряду с вполне научными трудами, авторы которых анализируют предшествующие издания, начиная с древности, а так же документальные материалы XIX века, основная часть сочинений носит исключительно описательный характер, содержащий в совокупности обширные и разнообразные сведения главным образом этнографического характера.

Авторами части интересующих нас сочинений являются иностранцы, чьи труды были изданы в переводе на русский язык только в конце XX – начале XXI вв. Эти работы представляют безусловный историографический интерес для современных отечественных исследователей.

Есть еще один аспект проблемы, требующий изучения – в какой мере опубликованные в XIX веке материалы о народах Северо-западного и Центрального Кавказа имели значение для выработки и корректировки политики российской и кавказской администраций, а также военных кругов на Кавказе. Этот аспект, как нам представляется, должен стать предметом специального исследования.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках фундаментальной темы НИР «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)». Сочи, 2014–2015.

Примечания:

1. Паллас Петр Симон (1741-1811), выдающийся естествоиспытатель, автор трудов по зоологии, палеонтологии, ботанике, этнографии и др. В 1867 г., избранный академиком Петербургской Академии наук, Паллас переселился из Германии в Санкт-Петербург. В июне 1768 г. экспедиция АН, руководимая Палласом, отправилась в шестилетнее путешествие по России. Русский биографический словарь. Павел-Петр. (Репр. воспроизведение изд. СПб., 1902). М., 1998. С.153-155.

2. Путешествие по различным провинциям Российского государства. Ч. 1-3. СПб., 1773-1788. Шанский Д.Н. Академические экспедиции /Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т.1. М., 1994. С.39.

3. Русский биографический словарь. Павел-Петр. (Репр. воспроизведение изд. СПб., 1902). М., 1998. С.157-161; Первый биографический БЭС. СПб., 2007. С.772.

4. Гильденштедт Антон Иоганн (1745-1781), доктор медицины, академик и профессор истории Российской Академии наук. Русский биографический словарь. Герберский-Гогенлоэ. (Репр. воспроизведение изд. СПб., 1916). М., 1995. С.187.
5. Русский биографический словарь. Герберский-Гогенлоэ. (Репр. воспроизведение изд. СПб., 1916). М., 1995. С.187-190.
6. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809.
7. Броневский Семен Михайлович (1763-1830), историк Кавказа, писатель, действительный статский советник. В начале 1790-х гг. Броневский приезжает на Кавказ и начинает военную службу. В 1796 г. участвует в Персидском походе, по окончании которого входит в состав миссии по заключению русско-турецкой конвенции 1800 г. По возвращении на Кавказ Броневский назначается правителем канцелярии при кавказских главнокомандующих: князе П.Д. Цицианове и графе И.В. Гудовиче. Затем карьера Семена Михайловича получила новое развитие; он назначается директором Азиатского департамента МИД в Петербурге. Предположительно в 1803-1804 гг. министр иностранных дел князь А.А. Чарторыйский поручает Броневскому составить описание истории дипломатических отношений России с Персией и кавказскими владетелями. Эта работа затянулась на несколько лет. В 1823 г. первая часть труда Броневского о Кавказе была издана. Вторая часть его работы в рукописи сохранилась в Санкт-Петербургском Институте востоковедения. Была опубликована только в 1996 г. См.: Павлова И.К. О сочинении Броневского //Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доньне. СПб., 1996.
8. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Составленные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Переиздание: Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999.
9. Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича доньне. – СПб., 1996.
10. Зубов Платон Павлович (около 1796 – после 1857), русский писатель, историк. Начал писать в 1830-х гг. и является автором более 20 книг. В их числе военно-исторические: «Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 г.». В Ч.1-4. СПб., 1835-1836; «Персидская война в царствование императора Николая I.» 2-е изд. СПб., 1837. и др. Русский биографический словарь. Т.7. Репр. изд. 1900 г. М., 1995. С.546.
11. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Сочинение Платона Зубова. Ч.1-4. СПб., 1834-1835.
12. Общепринятой историками датой начала строительства Кавказской укрепленной линии считается 1735-1739 гг. См.: Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С.191.
13. Русский биографический словарь. Т.7. Репр. изд. 1900 г. М., 1995. С.547.
14. Берже Адольф Петрович (1828-1886), российский историк, кавказовед, археограф. Признанный авторитет в различных областях географии, этнографии, статистики и, в особенности, истории Кавказа. В 1851 г. окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета и был направлен на Кавказ в канцелярию кавказского наместника князя М.С. Воронцова. Берже находился при кавказских наместниках с 1851 по 1874 гг. В этот период с исследовательскими целями дважды направлялся в Персию, ездил в Дагестан и Мегрелию. В 1864-1885 гг. являлся председателем Кавказской археографической комиссии и редактором издававшихся «Актов» комиссии. Берже автор трудов: «Материалы для описания Нагорного Дагестана» (1859); «Чечня и чеченцы» (1859); «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым» (1861); «Кавказ в археологическом отношении» (Тифлис, 1874); многочисленных статей в журнале «Русская старина», газете «Кавказ», «Кавказских календарях» и др. Русский биографический словарь. Т.11. Репр. изд. 1900 г. М., 1992. С.739-740.
15. Краткий обзор горских племен на Кавказе, составленный Ад. Берже, правителем дел Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Тифлис, 1858.
16. Берже А. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882.
17. Люлье Леонтий Яковлевич (1805-1862), этнограф. С 1834 г. находился при Управлении Кавказской линией в качестве дипломатического чиновника. Являлся действительным членом Кавказского отдела Русского Географического общества. В течении более пяти лет Люлье проживал среди черкесских племен, где выучил их язык. В 1842 г. издал статью «О торговле с горскими племенами на Кавказе на Северо-Восточном берегу Черного моря» (Закавказский Вестник. 1842. №13-16). В период 1857-1863 гг. в сборнике «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества» были опубликованы четыре историко-этнографические статьи о Черкессии. Люлье составил русско-черкесский или адыгейский словарь, изданный в 1846 г. в Одессе. Предисловие

издателя / Люлье Л.Я. Черкесия: историко-этнографические статьи. Сев.-Кавк. филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение». 1990. С. 3-4.

18. Люлье Л.Я. Черкесия: историко-этнографические статьи. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. (С одноименного издания. Краснодар, 1927).

19. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. (С издания 1849 г.). М., 1952.

20. Подробнее см.: Иванцов В.Г. Н.И. Пирогов на Кавказе: введение наркоза, развитие военно-полевой хирургии /История и историки в контексте времени. Сб.науч. трудов. Вып. 6. Краснодар-Сочи, 2009. С.45-56.

21. Мухамед-Тахир. Три имама. Махачкала, 1926.

22. Хроника Мухамед-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. (Предисловие акад. И.Ю. Крачковского). М.-Л., 1941.

23. См.: Магомедов Р.М. Шамиль в отечественной истории. Махачкала, 1990.

24. Мухаммед-Тагир. Три имама. Лондон, 1989.

25. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Из записок участника-иностранца. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение». 1990.

26. История Абхазии. Сухум, 1991. С.216.

27. Гогешвили Я. Кем заселить Абхазию //Тифлисский вестник. 1877. № 209, 210, 243-246, 248, 249 (сентябрь-ноябрь). // <http://abkhazia.narod.ru/gogeba.html>

28. С 1886 по 1897 численность грузин в Абхазии выросла с 4166 человек до 25875 человек, или более чем в 6 раз. Численность абхазов в этот период практически оставалась неизменной в пределах около 59000 человек. Первая всесоюзная перепись населения СССР 1929 г. // http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php

29. Путевые заметки по Черноморскому округу А.В. Верещагина. М., 1874. Фрагменты этой книги опубликованы: Из путевых заметок по Черноморскому округу А. Верещагина // Гражданин. 1874. № 9.

30. Хатисов И.С. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбь /Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867.

31. Подробнее см.: Иванцов В.Г. Труд А.В. Верещагина «Путевые заметки по Черноморскому округу» как исторический источник //Былые годы. 2013. № 1 (27).

32. Верещагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат. СПб., 1885. Репринт оригинала. М.: Книга по требованию, 2011.

33. Раевский Николай Николаевич (1801-1843), генерал-лейтенант. С 1837 по 1841 гг. – начальник Черноморской береговой линии (ЧБЛ). Раевский осуждал военные вторжения царских войск на черкесские земли. Он писал военному министру А.И. Чернышеву: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами...Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в Русской истории кровавого следа». Причину «общего восстания горцев» в 1840 г. Раевский видел исключительно в военных мероприятиях. Альтернативу Николай Николаевич видел в политике сотрудничества с горцами, придавал большое значение развитию торговых связей и стремился превратить укрепления ЧБЛ в торговые пункты. Недовольство военных властей курсом Раевского вынудило его уйти в отставку в феврале 1841 г. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С.373-374.

34. Абрамов Яков Васильевич (1858-1906), публицист, литературный критик, исследователь народной жизни. Родился в Ставрополе-Кавказском. Окончил духовную семинарию по курсу «общеобразовательных наук». В 1877 г. поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Через год в связи с делом о распространении запрещенной литературы был выслан на родину. В 1880 г. вернулся в столицу и начал активную журналистскую деятельность. Сотрудничал в «Отечественных записках», «Северном вестнике» и других журналах. Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Т.1. М., 1989. С. 12-13.

35. Абрамов Я. Кавказские горцы. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. Впервые труд «Кавказские горцы» был опубликован в журнале «Дело». 1884. №1.

36. Это утверждение Абрамова подтверждается новейшими исследованиями по Кубанской области. В конце XIX в. удельный вес крестьян, мещан, горцев, заключенных в тюрьмах области, был примерно одинаков – в среднем 0,49 % (по отношению к их общей численности, проживающих в крае), а доля заключенных казаков была в 5 раз меньше – 0,09 %. Подсчитано по: Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793-1917 гг.). Краснодар, 2002. С. 628.

37. Шамшев Н. Город Сухум-Кале и его окрестности // Нива. 1896. № 24.

References:

1. Pallas Petr Simon (1741-1811), vydayushchiysya estestvoispyatel', avtor trudov po zoologii, paleontologii, botanike, etnografii i dr. V 1867 g., izbrannyi akademikom Peterburgskoi Akademii nauk, Pallas pereselilsya iz Germanii v Sankt-Peterburg. V iyune 1768 g. ekspeditsiya AN, rukovodimaya Pallasom,

- otpravilas' v shestiletnee puteshestvie po Rossii. Russkii biograficheskii slovar'. Pavel-Petr. (Repr. vosproizvedenie izd. SPb., 1902). M., 1998. S.153-155.
2. Puteshestvie po razlichnym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva. Ch. 1-3. SPb., 1773-1788. Shanskii D.N. Akademicheskie ekspeditsii /Otechestvennaya istoriya: entsiklopediya. V 5 t. T.1. M., 1994. S.39.
3. Russkii biograficheskii slovar'. Pavel-Petr. (Repr. vosproizvedenie izd. SPb., 1902). M., 1998. S.157-161; Pervyi biograficheskii BES. SPb., 2007. S.772.
4. Gil'denshtedt Anton Iogann (1745-1781), doktor meditsiny, akademik i professor istorii Rossiiskoi Akademii nauk. Russkii biograficheskii slovar'. Gerberskii-Gogenloe. (Repr. vosproizvedenie izd. SPb., 1916). M., 1995. S.187.
5. Russkii biograficheskii slovar'. Gerberskii-Gogenloe. (Repr. vosproizvedenie izd. SPb., 1916). M., 1995. S.187-190.
6. Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza iz puteshestviya g-na akademika I.A. Gil'denshtedta cherez Rossiyu i po Kavkazskim goram v 1770, 71, 72 i 73 godakh. SPb., 1809.
7. Bronevskii Semen Mikhailovich (1763-1830), istorik Kavkaza, pisatel', deistvitel'nyi statskii sovetnik. V nachale 1790-kh gg. Bronevskii priezhaet na Kavkaz i nachinaet voennuyu sluzhbu. V 1796 g. uchastvuet v Persidskom pokhode, po okonchaniu kotorogo vkhodit v sostav missii po zaklyucheniyu russkoturetskoi konventsii 1800 g. Po vozvrashchenii na Kavkaz Bronevskii naznachaetsya pravitelem kantselyarii pri kavkazskikh glavnokomanduyushchikh: knyaze P.D. Tsitsianove i grafe I.V. Gudoviche. Zatem kar'era Semena Mikhailovicha poluchila novoe razvitie; on naznachaetsya direktorom Aziatskogo departamenta MID v Peterburge. Predpolozhitel'no v 1803-1804 gg. ministr inostrannykh del knyaz' A.A. Chartoryiskii poruchaet Bronevskomu sostavit' opisanie istorii diplomaticheskikh otnoshenii Rossii s Persiei i kavkazskimi vladetelyami. Eta rabota zatyanus' na neskol'ko let. V 1823 g. pervaya chast' truda Bronevskogo o Kavkaze byla izdana. Vtoraya chast' ego raboty v rukopisi sokhranilas' v Sankt-Peterburgskom Institute vostokovedeniya. Byla opublikovana tol'ko v 1996 g. Sm.: Pavlova I.K. O sochinenii Bronevskogo //Bronevskii S.M. Istoricheskie vypiski o snosheniyakh Rossii s Persiei, Gruziiyu i voobshche s gorskimi narodami v Kavkaze obitayushchimi, so vremen Ivana Vasil'evicha donyne. SPb., 1996.
8. Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. Sostavlennye i popolnennye Semenom Bronevskim. M., 1823. Pereizdanie: Semen Bronevskii. Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. Izvlechenie po Tsentral'nomu i Severo-Zapadnomu Kavkazu. Nal'chik, 1999.
9. Bronevskii S.M. Istoricheskie vypiski o snosheniyakh Rossii s Persiei, Gruziiyu i voobshche s gorskimi narodami v Kavkaze obitayushchimi, so vremen tsarya Ioanna Vasil'evicha donyne. – SPb., 1996.
10. Zubov Platon Pavlovich (okolo 1796 – posle 1857), russkii pisatel', istorik. Nachal pisat' v 1830-kh gg. i yavlyalsya avtorom bolee 20 knig. V ikh chisle voenno-istoricheskie: «Podvigi russkikh voinov v stranakh Kavkazskikh s 1800 po 1834 g.». V Ch.1-4. SPb., 1835-1836; «Persidskaya voyna v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I.» 2-e izd. SPb., 1837. i dr. Russkii biograficheskii slovar'. T.7. Repr. izd. 1900 g. M., 1995. S.546.
11. Kartina Kavkazskogo kraya, prinaldezhachego Rossii i sopredel'nykh onomu zemel', v istoricheskom, statisticheskom, etnograficheskom, finansovom i torgovom otnosheniyakh. Sochinenie Platona Zubova. Ch.1-4. SPb., 1834-1835.
12. Obshcheprinyatoi istorikami datoi nachala stroitel'stva Kavkazskoi ukreplennoi linii schitaetsya 1735-1739 gg. Sm.: Entsiklopedicheskii slovar' po istorii Kubani. S drevneishikh vremen do oktyabrya 1917 goda. Krasnodar, 1997. S.191.
13. Russkii biograficheskii slovar'. T.7. Repr. izd. 1900 g. M., 1995. S.547.
14. Berzhe Adol'f Petrovich (1828-1886), rossiiskii istorik, kavkazoved, arkeograf. Priznannyi avtoritet v razlichnykh oblastyakh geografii, etnografii, statistiki i, v osobennosti, istorii Kavkaza. V 1851 g. okonchil vostochnyi fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta i byl napravlen na Kavkaz v kantselyariyu kavkazskogo namestnika knyazya M.S. Vorontsova. Berzhe nakhodilsya pri kavkazskikh namestnikakh s 1851 po 1874 gg. V etot period s issledovatel'skimi tselyami dvazhdy napravlyalsya v Persiyu, ezdil v Dagestan i Megreliyu. V 1864-1885 gg. yavlyalsya predsedatelem Kavkazskoi arkeograficheskoi komissii i redaktorom izdavavshikhsya «Aktov» komissii. Berzhe avtor trudov: «Materialy dlya opisaniya Nagornogo Dagestana» (1859); «Chechnya i chechentsy» (1859); «Istoriya adykheiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev Shora-Bekmurzin-Nogmovym» (1861); «Kavkaz v arkeologicheskom otnoshenii» (Tiflis, 1874); mnogochislennykh statei v zhurnale «Russkaya starina», gazete «Kavkaz», «Kavkazskikh kalendaryakh» i dr. Russkii biograficheskii slovar'. T.11. Repr. izd. 1900 g. M., 1992. S.739-740.
15. Kratkii obzor gorskikh plemen na Kavkaze, sostavlennyi Ad. Berzhe, pravitelem del Kavkazskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. Tiflis, 1858.
16. Berzhe A. Vyselenie gortsev s Kavkaza // Russkaya starina. 1882.
17. Lyul'e Leontii Yakovlevich (1805-1862), etnograf. S 1834 g. nakhodilsya pri Upravlenii Kavkazskoi liniei v kachestve diplomaticheskogo chinovnika. Yavlyalsya deistvitel'nym chlenom Kavkazskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva. V techenii bolee pyati let Lyul'e prozhival sredi cherkesskikh plemen, gde vyuchil ikh yazyk. V 1842 g. izdal stat'yu «O torgovle s gorskimi plemenami na Kavkaze na Severo-Vostochnom beregu Chernogo morya» (Zakavkazskii Vestnik. 1842. №13-16). V period 1857-1863 gg. v sbornike «Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva» byli opublikovany chetyre

istoriko-etnograficheskie stat'i o Cherkessii. Lyul'e sostavil russko-cherkesskii ili adygeiskii slovar', izdannyy v 1846 g. v Odesse. Predislovie izdatelya / Lyul'e L.Ya. Cherkessiya: istoriko-etnograficheskie stat'i. Sev.-Kavk. filial traditsionnoi kul'tury MTsTK «Vozrozhdenie». 1990. S. 3-4.

18. Lyul'e L.Ya. Cherkessiya: istoriko-etnograficheskie stat'i. Severo-Kavkazskii filial traditsionnoi kul'tury MTsTK «Vozrozhdenie», 1990. (S odnoimennogo izdaniya. Krasnodar, 1927).

19. Pirogov N.I. Otchet o puteshestvii po Kavkazu. (S izdaniya 1849 g.). M., 1952.

20. Podrobnее sm.: Ivantsov V.G. N.I. Pirogov na Kavkaze: vvedenie narkoza, razvitie voenno-polevoi khirurgii /Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. Sb.nauch. trudov. Vyp. 6. Krasnodar-Sochi, 2009. S.45-56.

21. Mukhamad-Takhir. Tri imama. Makhachkala, 1926.

22. Khronika Mukhamed-Takhira Al-Karakhi. O dagestanskikh voynakh v period Shamilya. (Predislovie akad. I.Yu. Krachkovskogo). M.-L., 1941.

23. Sm.: Magomedov R.M. Shamil' v otechestvennoi istorii. Makhachkala, 1990.

24. Mukhammed-Tagir. Tri imama. London, 1989.

25. Fonvill' A. Poslednii god voiny Cherkessii za nezavisimost' 1863-1864 gg. Iz zapisok uchastnika-inostrantsa. Severo-Kavkazskii filial traditsionnoi kul'tury MTsTK «Vozrozhdenie». 1990.

26. Istoriya Abkhazii. Sukhum, 1991. S.216.

27. Gogebashvili Ya. Kem zaselit' Abkhaziyu //Tiflisskii vestnik. 1877. № 209, 210, 243-246, 248, 249 (sentyabr'-noyabr'). // <http://abkhazia.narod.ru/gogeba.html>

28. C 1886 po 1897 chislennost' gruzin v Abkhazii vyrosla c 4166 chelovek do 25875 chelovek, ili bolee chem v 6 raz. Chislennost' abkhazov v etot period prakticheski ostavalas' neizmennoi v predelakh okolo 59000 chelovek. Pervaya vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1929 g. // http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php

29. Putevye zametki po Chernomorskemu okrugu A.V. Vereshchagina. M., 1874. Fragmenty etoi knigi opublikovany: Iz putevykh zametok po Chernomorskemu okrugu A. Vereshchagina // Grazhdanin. 1874. № 9.

30. Khatsov I.S. Otchet komissii po issledovaniyu zemel' na severo-vostochnom beregu Chernogo morya mezhdru rekami Tuapse i Bzyb' /Zapiski Kavkazskogo obshchestva sel'skogo khozyaistva. Tiflis, 1867.

31. Podrobnее sm.: Ivantsov V.G. Trud A.V. Vereshchagina «Putevye zametki po Chernomorskemu okrugu» kak istoricheskii istochnik //Bylye gody. – 2013. № 1 (27).

32. Vereshchagin A.V. Istoricheskii obzor kolonizatsii Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza i eya rezul'tat. – SPb., 1885. Reprint originala. M.: Kniga po trebovaniyu, 2011.

33. Raevskii Nikolai Nikolaevich (1801-1843), general-leitenant. S 1837 po 1841 gg. – nachal'nik Chernomorskoj beregovoj linii (ChBL). Raevskii osuzhdal voennye vtorzheniya tsarskikh voisk na cherkesskie zemli. On pisal voennomu ministru A.I. Chernyshev: «Nashi deistviya na Kavkaze napominayut vse bedstviya pervonachal'nogo zavoevaniya Ameriki ispantsami...Dai Bog, chtoby zavoevanie Kavkaza ne ostavilo v Russkoi istorii krovavogo sleda». Prichinu «obshchego vosstaniya gortsev» v 1840 g. Raevskii videl isklyuchitel'no v voennykh meropriyatiyakh. Al'ternativu Nikolai Nikolaevich videl v politike sotrudnichestva s gortsami, pridaval bol'shoe znachenie razvitiyu torgovykh svyazei i stremilsya prevratit' ukrepleniya ChBL v torgovye punkty. Nedovol'stvo voennykh vlastei kursom Raevskogo vynudilo ego uiti v otstavku v fevrale 1841 g. Entsiklopedicheskii slovar' po istorii Kubani s drevneishikh vremen do oktyabrya 1917 goda. Krasnodar, 1997. S.373-374.

34. Abramov Yakov Vasil'evich (1858-1906), publitsist, literaturnyi kritik, issledovatel' narodnoi zhizni. Rodilsya v Stavropole-Kavkazskom. Okonchil dukhovnyuyu seminaruyu po kursu «obshcheobrazovatel'nykh nauk». V 1877 g. postupil v Peterburgskuyu mediko-khirurgicheskuyu akademiyu. Cherez god v svyazi s delom o rasprostraneni zapreshchenoi literatury byl vyslan na rodinu. V 1880 g. vernulsya v stolitsu i nachal aktivnyuyu zhurnalistskuyu deyatel'nost'. Sotrudnichal v «Otechestvennykh zapiskakh», «Severnom vestnike» i drugikh zhurnalakh. Russkie pisateli 1800-1917. Biograficheskii slovar'. T.1. M., 1989. S. 12-13.

35. Abramov Ya. Kavkazskie gortsy. Severo-Kavkazskii filial traditsionnoi kul'tury MTsTK «Vozrozhdenie», 1990. Vpervye trud «Kavkazskie gortsy» byl opublikovan v zhurnale «Delo». 1884. №1.

36. Eto utverzhdenie Abramova podtverzhdetsya noveishimi issledovaniyami po Kubanskoj oblasti. V kontse XIX v. udel'nyi ves krest'yan, meshchan, gortsev, zaklyuchennykh v tyur'makh oblasti, byl primerno odinakov – v srednem 0,49 % (po otnosheniyu k ikh obshchei chislennosti, prozhivayushchikh v krae), a dolya zaklyuchennykh kazakov byla v 5 raz men'she – 0,09 %. Podschitano po: Ocherki istorii organov vnutrennikh del Kubani (1793-1917 gg.). Krasnodar, 2002. S. 628.

37. Shamshev N. Gorod Sukhum-Kale i ego okrestnosti // Niva. 1896. № 24.

**Отечественные и иностранные авторы конца XVIII–XIX вв. о Северо-Западном и Центральном Кавказе (историографический и исторический аспекты)
Часть первая**

¹ Владимир Гаврилович Иванцов

² Александр Арвелодович Черкасов

³ Василий Валерьевич Тараканов

⁴ Виолетта Сергеевна Молчанова

⁵ Ольга Васильевна Натолочная

^{1, 2, 4} Сочинский государственный университет, Российская Федерация

¹ Кандидат исторических наук, доцент

² Доктор исторических наук, профессор

³ Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор

⁴ Аспирант

⁵ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат исторических наук

Аннотация. Статья содержит историографический обзор сочинений отечественных и иностранных авторов конца XVIII–XIX вв. о народах Северо-Западного и Центрального Кавказа, а также событиях, происходивших в регионе. Авторы отмечают, что рассмотренные в статье работы имеют различную ценность с точки зрения историографии. При этом наряду с вполне научными трудами, авторы которых анализируют предшествующие издания, начиная с древности, а так же документальные материалы XIX века, основная часть сочинений носит исключительно описательный характер, содержащий в совокупности обширные и разнообразные сведения главным образом этнографического характера.

Ключевые слова: топонимы Кавказа и горские племена в орфографии источников; географическое расселение горцев; хозяйство; торговля; религия; судопроизводство; обычаи; нравы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 81-86, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Development of Information Policy of the Russian Empire During the Reign of Alexander II

Elena S. Ustinovich

Plekhanov University, Russian Federation
117997, Moscow, Stremyanny lane, 36
Doctor of political sciences, Professor
E-mail: eustinovich@list.ru

Abstract

During this historical period was actively carried out the process of interaction and interdependence of the development of state power and social consciousness within the limits of formation of the state information policy. Alexander II and his inner circle, given these trends and evaluating the shortcomings of the reign of his father, after years of ignoring the power of public opinion on important socio-political and socio-economic issues, after a long ban on open discussion of the shortcomings of the actions of the authorities and of the state apparatus, deliberately stimulated the beginning of the «era of conviction». Growth of social consciousness, the press has naturally gained a strong influence on representatives of the Russian society and contributed to raising awareness of and advocate for their rights. The authority is committed to the advancement of social development, directs itself to the expansion of media freedom and on the settlement of socio-political issues through dialogue, carried out with the assistance of the media.

Keywords: the state information policy; censorship; propaganda; «the age of the conviction».

Введение

К началу второй половины XIX в. в России упрочились тенденции развития капитализма. Новые капиталистические отношения, или переход к индустриальной эпохе, требовали квалифицированной рабочей силы, увеличения числа технически грамотного населения. Все это влекло необходимость расширения границ просвещения и формирования самодостаточной, мыслящей личности. Мыслящая личность становилась социально активной, осознающей свои права и готовой за них бороться.

Методы и материалы

К основным источникам нашего исследования относятся научные исторические труды отечественных историков, периодические издания Российской империи конца XIX – начала XX века. В исследовании применялись теоретический анализ и синтез, принципы системности, комплексности, выделения общего и единичного. Достижение цели исследования обусловили необходимость использования в качестве базового общенаучного диалектического метода познания, предполагающего объективность и всесторонность познания исследуемых явлений и процессов с учетом их всеобщей взаимной связи. Так же использовались в работе метод системного анализа, ориентированный на комплексное изучение процессов регулирования информационных потоков в каналах коммуникации и метод конкретно-исторического анализа функционирования основных структурных параметров системы информации, этапов её становления в соответствии с основными вехами развития истории общества.

Обсуждение

Проблеме формирования информационной политики государства были посвящены труды многих знаменитых исследователей. Так, например, западные авторы Н. Винера, К. Шеннона исследовали

феномен информации, формирования информационного пространства. Процесс взаимодействия власти и средств массовой информации рассматривался в работах М. Вебера, К. Поппера, К. Ясперса, Ю. Хабермаса, Т. Адорно, Н. Луманна. В трудах ряда отечественных исследователей, таких как В.Д. Попов, Д.Ф. Мезенцев, И.М. Дзялошинский, Ю.А. Нисневич, С.В. Коновченко, Е.П. Тавокин, П.И. Симуш проводился историко-политический анализ процессу формирования информационной политики в различные исторические периоды развития нашего государства.

В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть особенности государственной информационной политики, взаимодействие власти и печати в годы правления Александра II. Поскольку закрепляя отказ от "исключительности мысли власти", правительство Александра II готово было мириться с другими мнениями, готово было принимать конструктивные идеи и признавать право населения оказывать влияние на принятие управленческих решений. Связь общества и власти осуществлялась при помощи СМК, и к анализируемому времени российская журналистика впервые стала объективно претендовать на роль "4-й власти". В связи с этим правительство особое внимание уделяло проблемам информационной политики: в январе 1858 г. в Совете Министров был поднят вопрос о государственной политике в сфере информации. Данным периодом можно датировать начало официального формирования российской государственной информационной политики. В рамках новой политики журналистике официально было разрешено принимать участие в обсуждении внутривластных проблем. В начале 1859 г. Совет министров и Александр II одобрили специальную записку министра народного просвещения Е.П. Ковалевского "О гласности в печати", которая легла в основу циркуляра от 3 апреля 1859 г. Согласно данному циркуляру, власть признавала «благонамеренную гласность союзниц и помощниц» и отмечала заинтересованность в том, чтобы печатные СМИ освещали злоупотребления и беспорядки, так как это позволяло правительству через прессу получать информацию о происходящем в стране в целом, а также о работе системы государственных учреждений. Одновременно в циркуляре отмечалось, что печать должна проводить идеи "неприкосновенности самодержавия и его аппарата" и отказаться от обсуждения преимуществ других форм государственного устройства [1]. Также в рамках проводимой информационной политики правительство стремилось направить в цензурные органы высококвалифицированных специалистов, людей широких взглядов и способных на сравнительно объективную оценку изменений в направлениях деятельности прессы. Пресса рассматривалась правительством и государем императором как катализатор современной действительности. С 1859 г. цензурный аппарат был использован для систематического информирования власти о состоянии дел в стране: высококвалифицированные цензоры каждые две недели готовили обзоры средств массовой информации. В январе 1859 г. была выпущена особая инструкция с критериями отбора «извлечений из печати» для лиц, принимающих решения. Однако предложенная сверху свобода слова в какой-то степени опережала уровень общественного сознания. Общественность, активно выражавшая свое мнение, к середине 1850-х гг. была преимущественно разночинная: в период замедленного капиталистического развития, обусловившего слабость формирующегося класса буржуазии, опирающегося на свои капиталы, интеллигенция превратилась в весомую общественную силу [2].

Интеллигентами в данный период называли не просто образованных людей, но тех, для кого идеальное государственное устройство, высокие мысли о социальных преобразованиях были важнее собственного благополучия. Они не желали мириться с монотонностью жизни и удручающим серым трудом вне высокой идеи и подвига. А идея, которой они руководствовались, - попасть в будущее, минуя западную «материалистическую ошибку», но оставляя за собой все достижения Запада. «Ненависть к «постепенщине» делала «интеллигентом» любого студента, взявшегося за великий ускоритель - бомбу народовольца, но почти отказывала в этом звании неутомимым гениям науки, таким, как Д.И. Менделеев, которые видели в труде, а не в демонстративном отвращении к методическому, будничному улучшению жизни главный путь в будущее», – так характеризовал интеллигенцию А.И. Уткин в работе "Россия и Запад: история цивилизаций" [3]. И, он же отмечал, что отличительной чертой русской интеллигенции стало ее отвращение к «царству закона»: интеллигенция требовала «диктатуры сердца», а не ума. Если В.Г. Белинский отмечал, что главным человеческим судьей является сердце, то Наполеон утверждал, что сердце государственного человека находится в его голове. Эти два моральных правила отражают основную суть различий между Россией и Западом [3]. Как правило, интеллигенты-разночинцы были приверженцами революционно-демократических взглядов, они пропагандировали идеи безграничной свободы. В противовес им передовое, либерально настроенное дворянство понимало необходимость сочетания свободы и ответственности и выступало за ограниченную свободу. Так, Б.Н. Чичерин в статье «Современные задачи русской жизни» (1855 г.) под ограниченной свободой трактовал следующие семь свобод: «1. Свобода совести... 2. Свобода от крепостного состояния... 3. Свобода общественного мнения... 4. Свобода книгопечатания... 5. Свобода преподавания... 6. Публичность всех правительственных действий... 7. Публичность и гласность судопроизводства...» [4]. Из программы западников-либералов видно, как высоко ценились ими общественное мнение, свобода печатного и письменного слова и публичность действий ветвей власти, насколько взвешенными были их предложения по социальной реорганизации общества.

Однако, начиная с конца 1850-х гг. и особенно с начала 1860-х гг., когда активизировалось хождение нелегальных прокламаций и "широкими кругами русской разночинной интеллигенции, особенно университетской молодежи, овладел, с одной стороны, дух революционно-социалистического народничества Чернышевского, с другой, дух анархистского нигилизма Писарева", с особой силой раздавался голос революционной социал-демократии, требовавшей полного разрушения существующего строя во имя некоего гипотетического и весьма неясного «светлого будущего». Студенты социал-демократы занимали видное место среди активных деятелей Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Но наряду с социал-демократическим в движении студенческой молодежи складывались буржуазно-демократическое, либеральное, а также открыто реакционное направления [5]. Даже В.И. Ленин признавал, что в «русском социализме» Герцена и Чернышевского на деле нет социализма. «Это, – по определению В.И. Ленина, – такая же прекрасноречивая фраза, такое же доброе мечтание, облакающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе» [6]. Позднее, в 70-е гг., русская радикальная интеллигенция разделилась по своим направлениям на «лавристов» (или «пропагандистов») и «бакунистов» (или «бунтарей»). Те и другие вели активную антиправительственную пропаганду. Как отмечал бывший военный министр Д.А. Милютин, «над правительственными органами всех степеней явно издевались и глумились в публике и печати» [7]. Характеризуя перемены первого десятилетия правления Александра II, произошедшие в печати, П.К. Щербальский писал, что в 1855 г. периодическая печать представляла собой нечто «однообразное и одноцветное», но не потому, что все были настроены на один лад, а потому, что «одинаково были подавлены извне шедшим гнетом», «искусственно были приведены к одному знаменателю». С первыми проблесками свободы появилась первая дифференциация между СМИ, и в течение нескольких лет основным объединяющим для всех изданий началом было отрицательное отношение к недавнему прошлому. «Чем больше, однако, становилось число, чем важнее – значение вопросов, требовавших разрешения, тем слабее делалась эта связь, тем шире разворачивались центробежные силы. Различие взглядов усложнялось разнообразием темпераментов: для порывистых нетерпеливых недостаточным казалось то, чем готовы были удовлетворяться спокойные-рассудительные. Если уже в конце пятидесятых годов нетрудно было отличить умеренно либеральные органы от более крайних, то в начале следующего десятилетия эти две группы были не только различны, но и враждебны между собою. Как это всегда бывает, столкновение мнений приводило к их обострению: одни все более уклонялись вправо, другие – в противоположную сторону» [8].

Таким образом, чем больше свободы получает пресса, тем многообразнее и разномысленней она становится. Это ведет к росту числа дифференцированных мнений в обществе. Чем более разномысленным становится общество, тем, как показывает исторический опыт, быстрее оно прогрессирует. Несомненно, власти сложнее управлять многочисленными самодостаточными личностями, чем послушной массой, не имеющей собственных идей. Но подобная масса не может быть в авангарде процессов общественного развития и способствовать формированию государства всеобщего благоденствия, страны счастливых граждан. В условиях повышенного возбуждения умов правительство продолжало работу над формированием государственной информационной политики. В частности, в январе 1859 г. был организован негласный комитет по делам книгопечатания, названный русским «Bureaux de la presse». Решение по его созданию было вынесено в конце 1858 г. и целью его было «служить орудием правительства для приготовления умов посредством журналов к предпринимаемым мерам и направлять, по возможности, новые периодические издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждение общественных вопросов в видах правительственных». Новый комитет должен был действовать "не силою официальной строгости, а мерами убеждения и поощрения" [9]. Некоторые возлагаемые на комитет функции были функциями, ныне присущими пресс-службам. Например, статьи, подготавливаемые в министерствах для передачи в периодику, должны были предварительно препровождаться в комитет. Если СМИ желали получить от министерств или главных управлений необходимые им сведения или пояснения по опубликованным или готовящимся к публикации материалам, они должны были обращаться в данный комитет. Материалы, публикуемые под специальной рубрикой как правительственные, служили для цензоров руководством к действию. Такая централизованная фильтрация информации, касающейся деятельности государственных органов власти, сегодня входит в компетенцию пресс-службы той или иной официальной структуры. Однако комитет просуществовал менее года. Единственным относительно долговременным результатом реализации его широких планов стало создание газеты «Северная почта», которая начала выходить с 1 января 1862 г. Данная газета должна была противостоять оппозиционной прессе, проводя официальную точку зрения на происходящие события. С этой целью Министерство внутренних дел, к которому с 1862 г. отошел надзор за печатью, обязало все ведомства передавать информацию о всех проводимых преобразованиях в «Северную почту», тем самым характеризуя активную работу правительства и нейтрализуя нападки оппозиционных изданий, по мнению П.А. Валюева, «всегда тенденциозных и почти всегда недобросовестных» [10]. С этого времени официальное издание правительства, желая привлечь к себе внимание читателей и СМИ, получило право первым публиковать законодательные акты. Данным правом продолжает пользоваться и сегодня официальный печатный орган правительства РФ «Российская газета». В рамках формирования государственной информационной политики, особенно при министрах народного просвещения А.В. Головнина и внутренних дел П.А. Валюева, правительство тщательно

подходило к изучению зарубежного и отечественного опыта в сфере взаимодействия власти и СМИ, в частности, путем усвоения и издания материалов по цензуре. Так, в интересах цензуры, к которой постоянно повышались требования со стороны власти и общества, и в интересах печати, и в интересах общественности был опубликован целый ряд книг по истории и теории зарубежной и отечественной печати и цензуры: «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре в России с 1720 по 1862 г.», «Исторические сведения о цензуре в России», «Краткое обозрение направления периодических изданий и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам в 1862 г.», «Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 г.», «Изменения из законов о печати французского, прусского и австрийского законодательства, проекты цензурного устава» [11]. Одновременно с такой масштабной работой по изучению механизмов регулирования деятельности печати А.В. Головин провёл в условиях подготовки новых цензурных правил, возможно, первый социологический опрос представителей цензуры, журналистов, редакторов, издателей на предмет целесообразности узаконения предупредительной или карательной формы цензурирования материалов. В 1862 г. по распоряжению министра был издан сборник «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры», давший представление о различии подходов разных представителей социума к изменениям в цензуре.

В результате длительного всеобщего обсуждения появились сначала Временные правила по цензуре от 12 мая 1862 г., а затем Временные правила о цензуре и печати 6 апреля 1865 г., получившие силу закона и действовавшие в течение 40 лет. В соответствии с этими правилами большая часть СМИ и книги, объемом свыше 10 печатных листов, освобождались от предварительной цензуры и были подвержены последующей, или карательной, цензуре. Продукция меньших объемов, которую сложнее было отследить и которая, как правило, предназначалась для широких масс, должна была подвергаться предварительному анализу. Освобожденные от предварительной цензуры издания, говорилось в правилах, в случае нарушения в них законов, подвергаются судебному преследованию [12]. Таким образом, было положено начало широкой судебной практике как регулятору деятельности СМИ – в действие вступали правовые механизмы регулирования социальных отношений, которые позволяли разрешать вопросы не в пользу силы, не за счет запретов, а в пользу закона, в пользу формирующейся свободы и ответственности. Уже правилами о цензуре 1862 г. власть признала необходимым снятие запрета на обсуждение в печати политических, социальных, внутренних и международных проблем, этим она сама себя поставила перед необходимостью отлаживать отношения сотрудничества и взаимодействия с печатными изданиями. В связи с этим министр внутренних дел стал проводить политику экономической поддержки изданий, которые вызывали "интерес у читателей". Это называлось "покровительством правительства" и выражалось в негласном субсидировании, чтобы "не уронить доверия публики к изданию", в долевом участии правительства в некоторых изданиях, во всякого рода льготах СМИ. За полгода до гибели Александра II новый министр внутренних дел граф Лорис-Меликов во время специально организованной личной встречи сообщил представителям выходивших в Санкт-Петербурге печатных изданий о готовности правительства дать прессе возможность обсуждать различные мероприятия, постановления, распоряжения власти, но с условием, чтобы печать не смущала общественность нереальными, "мечтательными иллюзиями". В это же время новое руководство главного управления по делам печати стало практиковать встречи с редакторами изданий, был сделан ряд цензурных послаблений столичной печати [13]. Правительство также осознанно проводило широкомасштабную, как теперь принято говорить, PR-деятельность. В созданной им самим, то есть правительством, атмосфере благоприятствования свободе слова издания А.И. Герцена после 1855 г. получили широкое распространение, разное по дальним уголкам России не только идеи политического иммигранта, но и растрогаивавшие Герценом идеи публицистов, которые не могли быть озвучены на страницах русской печати.

Наличие вольного русского слова за рубежом вынуждало власть выстраивать более гибкую информационную политику. В частности, министерством народного просвещения в рамках кампании по нейтрализации влияния изданий А.И. Герцена была подготовлена «Записка о «Колоколе», намечавшая целую программу противодействия популярной газете, в первую очередь при помощи вынесения на всеобщее обсуждение взглядов Герцена и методичного их опровержения. Более того, в рамках политики нейтрализации герценовского влияния отечественной прессе было разрешено расширить отделы внешней политики, а ряду СМИ, зарекомендовавших себя как благосклонно относящихся к правительству, было разрешено бесцензурно выписывать периодику и брошюры из-за границы на русском и иностранных языках. Такая мера, по мнению правительства, позволяла читателям через расширение потока зарубежной информации убеждаться, что «даже за границу, при несравненно высшем уровне народного образования, некоторые правительства по разным вопросам внутренней политики действуют менее либерально, чем это делается у нас, и что реформы идут там медленно и постепенно, а в некоторых государствах, как, например, в Австрии, Италии и Турции, внутренние раздоры и волнения, продолжающиеся несколько лет, не дают возможности идти тем прогрессивным путем, которым в последнее время шло наше отечество» [14]. Бурная интеллектуальная работа для общества была характерна преимуществом в пределах крупнейших городов страны. На местах, как правило, пресса оставалась бесправной: цензорские обязанности в провинции выполняли не подготовленные специалисты, а обычные чиновники, назначенные губернатором, защищавшие его интересы, не

допускавшие никакой критики местной или иной власти; в местных изданиях нередко запрещалась публикация материалов, прошедших в столичной печати. Наличие более свободной местной прессы могло позволить стране и правительству узнавать факты, которые оказывали влияние на принятие управленческих решений. Во внутреннем обозрении «Вестника Европы» связи с этим отмечалось, что общество осознало невозможность разрешения многих общих вопросов без собрания самых точных и подробных сведений о той или другой стороне народной жизни. Подобную услугу могла оказать самостоятельная, широко разветвленная провинциальная периодическая пресса. «Если бы такая пресса у нас существовала, мы узнали бы гораздо раньше о голоде в Самарской, о чуме в Астраханской губернии; мы имели бы массу статистических данных, более достоверных, чем многие работы губернских статистических комитетов.

Гласность судебных заседаний в провинции не была бы пустым словом; процессы, рисуемые в ярких красках положение русского общества, доходили бы до всеобщего сведения не в тех только исключительных случаях, когда в них замешаны имена провинциальной аристократии или преобладает скандальный характер. Деятельность управ, земских собраний, городских дум сделалась бы предметом живого интереса и действительного контроля – предполагая, конечно, что вместе с провинциальной прессой были бы освобождены от цензуры и отчеты о заседаниях выборных собраний» [15]. Все это замедляло процессы общественного развития, как в провинции, так и в стране в целом. В день своей гибели Александр II одобрил и подписал так называемую «конституцию» Лорис-Меликова по привлечению представителей земского самоуправления к участию в обсуждении проектов необходимых в государстве реформ. Но убийство императора привело только по объединению действий жандармско-полицейских и судебных органов для борьбы с революционным движением, ускорению производства дознаний и дел по политическим преступлениям; а также по улучшению организации административной ссылки и полицейского надзора [16]. Важной составляющей государственной информационной политики в это время становится регулирование властью информационного потока, оно соразмерно возможностям общества оценивало его потенциал и стремилось направлять этот потенциал в конструктивное русло, помогая расти общественности в мировоззренческом плане, образовательном и гражданском. Так называемое «ослабление» цензуры способствовало интеллектуальному развитию российского общества, хотя до периферии это «ослабление» не дошло. На местах существовала жесткая цензура для СМИ. Стремление правительства Александра II обезопасить население от влияния революционного движения через народное просвещение и пропаганду были не столь эффективны, не желе информационное влияние революционеров.

Заключение

Во времена правления Александра II пресса закономерно приобрела мощнейшее влияние в социуме, потому что часть российского общества доросла до взаимоотношений с властью, характерных для полицейского государства, когда мысли о защите прав личности стали получать широкое распространение, вовлекая все более широкие массы в процесс осознания и отстаивания своих прав. В подобных условиях господствующая мысль власти, желая сохранить за собой господствующие позиции, как правило, усиливает борьбу против иных мнений. Основным источником мнений на этом этапе являются средства массовой информации, и потому им отводится ведущее место в борьбе мнений. Власть, не поддерживаемая обществом, пытается продлить свою агонию путем стеснения мысли через цензурные запреты. Значительное смягчение и ограничение цензуры Александром II способствует широкому публичному обсуждению политических и социальных вопросов в прессе, оказывавшему большое влияние на разросшуюся студенческую молодежь, также преимущественно разночинную; одновременно растет число периодики, расширяется диапазон информации. Это способствует быстрому росту общественного сознания, еще не в народной среде, но в многочисленных рядах разночинцев. Ситуация резко меняется после убийства императора и казни цареубийц. Центр активной революционной деятельности смещается за пределы страны. Вновь создаваемые политические партии в общественных преобразованиях делают ставку на широкие народные массы, проводя через партийные печатные органы пропаганду и агитацию своих идей. Параллельно правительство активизирует свои цензурные функции. С целью ограждения народа «от влияния злонамеренной пропаганды» государство начинает заниматься изданием дешевых книг для народа, но делает это менее профессионально, чем политические партии и значительно менее искренне.

Примечания:

1. Энгельгард Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904. С. 19.
2. Самодержавие и печать в России. СПб., 1906. С. 9.
3. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000. С. 173.
4. Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Кн. I. Лондон, 1856. С. 27.
5. Чуйков О.Е. Исторические этапы развития молодёжного движения в России // Известия ЮЗГУ. Научный рецензируемый журнал. Серия История и право. 2014. №1. С.110.

6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 258.
7. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. С. 348.
8. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 117.
9. Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 18.
10. Батурин Ю. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. // Досье на цензуру. 1997. № 1. С.134.
11. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 111
12. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700-1863 г.). СПб., 1892. С. 492.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. – 109. Оп. 228. Д. 377. Л. 241-245
14. Сандулов Ю.А. История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 420.
15. Черепахов М.С. Возникновение периодической печати в России. М., 1955. С. 96.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 94. Оп. 1. Д. 380. Л. 132-134.

References:

1. Engelhard N. Essays on the history of Russian censorship in connection with the development of printing (1703-1903). SPb., 1904. P. 19. (In Russian)
2. Autocracy and printing in Russia. St. Petersburg, 1906. P. 9. (In Russian)
3. Utkin, A. I. Russia and the West: history of civilizations. М., 2000. P. 173. (In Russian)
4. Chicherin B. N. Modern problems of Russian life // Voices from Russia. BK. I. London, 1856. P. 27. (In Russian)
5. Chuikov O. E. Historical stages of development of the youth movement in Russia // proceedings of SWSU. Scientific peer-reviewed journal. Series History and the right 2014. No. 1. P. 110. (In Russian)
6. Lenin V.I. And. Full. The complete works. Cit. I. 26. P. 258. (In Russian)
7. Pushkarev S.G. Overview of Russian history. Stavropol, 1993. P. 348. (In Russian)
8. Zhirkov G.V. The History of censorship in Russia XIX-XX centuries), 2001. P. 117. (In Russian)
9. Tchebalski P.C. Historical information about censorship in Russia. SPb., 1862. P. 18. (In Russian)
10. Baturin Y. Censorship against transparency: from Ivan the terrible to 1917 // index on censorship. 1997. № 1. P. 134. (In Russian)
11. Arsenyev K. K. Law on press. SPb., 1903. P. 111. (In Russian)
12. Skubiszewski A. M. Essays on the history of Russian censorship (1700-1863 year). SPb., 1892. P. 492. (In Russian)
13. State archive of the Russian Federation. F. - 109. Inv. 228. D. 377. P. 241-245. (In Russian)
14. Sandalow Y. A. History of Russia: the people and the government. SPb., 1997. P. 420. (In Russian)
15. Tortoiseshell M. S. the Emergence of the periodical press in Russia. М., 1955. P. 96. (In Russian)
16. State archive of the Russian Federation. F. 94. Inv. 1. D. 380. P. 132-134. (In Russian)

УДК 94

Развитие информационной политики Российской империи в годы правления Александра II

Елена Степановна Устинович

Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация
117997 г. Москва, Стремянный пер., 36
Доктор политических наук, профессор
E-mail: eustinovich@list.ru

Аннотация. В указанный исторический период достаточно активно осуществлялся процесс взаимовлияния и взаимозависимости развития государственной власти и общественного сознания в рамках формирования государственной информационной политики. Александр II и его ближайшее окружение, учитывая данные тенденции и оценив недочеты царствования своего отца, после многолетнего игнорирования властью общественного мнения по важнейшим социально-политическим и социально-экономическим вопросам, после длительного запрета на открытое обсуждение недостатков действий властей и работы государственного аппарата, сознательно стимулировали начало «эпохи обличения». Наблюдается рост общественного сознания, пресса закономерно приобрела сильное влияние на представителей российского общества и способствовала процессу осознания и отстаивания собственных прав. Власть, стремящаяся к прогрессу общественного развития, нацеливает себя на расширение свободы СМИ и на урегулирование социально-политических вопросов посредством диалога, осуществляемого при помощи СМИ.

Ключевые слова: государственная информационная политика; цензура; пропаганда; «эпоха обличения».

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 87-93, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 273.99

The Elder With «Keys From Heaven»: the Image of a Skopets in the History Russian Mystical Sectarianism in XIX cent.

¹Anastasia V. Chernysh

²Alexander V. Apanasenok

¹Southwest State University, Russian Federation

Kursk, 50 let Oktyabrya, 94

E-mail: anastasiachernysh@mail.ru

²Southwest State University, Russian Federation

Dr. (History), leading researcher

Kursk, 50 let Oktyabrya, 94

E-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

Spreading of mystical sectarianism in the Russian Empire in XIX century has reached threatening scale. According to official statistics in this period number of the followers different mystical religious communities has increased on several occasions. In spite of tough measures state anti-sectarian policy skopchestvo (the most radical mystical community) spread over the country's territory by fast rate, covered new provinces. Considering the development of skopets' confessional culture in adverse outside conditions, authors focus on features of formation the "wise elder's" image. Working with investigative documents for a case of castration in Russian regions, authors come to the conclusion that birth of mythological image was a reaction of community mystical sectarians to the persecution by the state authorities and became a part of strategy, calling to save arrested sectarians from prison and banishment. Authors demonstrate that image reflected archetypal features of perception reality by believers. Archetype of «wise elder» which was used by many religious cultures, according Russian mystics' tradition found expression through the image of skopets, and its exploitation gave an opportunity to the leaders of skopets' communities to facilitate to neophytes entry into new religious surrounding.

Keywords: mystical sectarianism; skopchestvo; confessional practices; the Russian Empire; religious policy; archetypes.

Введение

Манипуляции сознанием, производство смыслов и образов – сущностная характеристика современной цивилизации. В условиях постмодернистского многообразия систем ценностей духовный мир человека становится главным объектом «конкуренции» между претендующими на влияние общественными группами. Возможности влияния на сознание общества или его отдельных представителей уже давно определяют силу не только «глобальных игроков» (государств, корпораций, конфессий), но и небольших сообществ харизматиков. Соответственно, все более важной задачей науки становится рефлексия, направленная на анализ природы, закономерностей, механизмов и последствий манипулирования общественным и индивидуальным сознанием посредством внедрения в него тех или иных образов (мифологических, религиозных, социальных).

Отечественная история располагает более чем достаточным материалом для осмысления возможностей трансформации сознания отдельных людей и их групп в условиях существования разных культурных и религиозных парадигм. Одна из ярких страниц прошлого в данном случае – история российского мистического сектантства вообще и его яркого проявления – скопчества – в частности. Известно, что многие общественные катаклизмы в ходе имперского периода

существования России (политические перевороты, войны, отмена крепостного права и т.д.) рассматривались в том числе с мистической точки зрения, при этом нет гарантии, что это явление ушло в прошлое окончательно. Представляется, что изучение прошлого российского мистического сектантства как проявления духовных исканий части российского общества достаточно важно как с историко-религиоведческой позиции (осмысление особенностей «народной религиозности», вклад в отечественную конфессиональную историю), так и с точки зрения историко-психологической (выяснение влияния менталитета на жизнеспособность тех или иных образов).

Материалы и методы

Материалы и методы. В качестве материалов для исследования авторами использовались документы Государственного архива Тамбовской области, Государственного архива Курской области, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов (преимущественно – следственные дела в отношении представителей скопческих общин), а также результаты исследований мистического сектантства авторов имперского, советского и постсоветского периодов. Выбор фондов двух первых названных архивов обусловлен тем обстоятельством, что Курская и Тамбовская губерния занимали лидирующее положение по числу сектантов-мистиков в XIX в.

В ходе исследования был использован контекстно-исторический подход, позволивший вписать культурные модели мистических сообществ в контекст общественных отношений России XIX в.; применялись историко-генетический, историко-сравнительный и, фрагментарно, историко-биографический методы исторического познания. Опора на положения аналитической психологии, использование ее инструментария предопределили обращение авторов к историко-психологическому методу анализа прошлого. При работе с архивными материалами применялась методика «глубокого прочтения» исторического источника в традициях классической европейской микроистории.

Обсуждение

Изучение скопчества к сегодняшнему дню имеет относительно давнюю историографическую традицию. Первое систематизированное исследование этого феномена, принадлежащее В.И. Далю, появилось еще в 1844 г., во время активного распространения мистических учений в России. В середине XIX в. были также опубликованы научная работа судебного врача Е. Пеликана, посвященная физиологическим особенностям оскопления, а так же работы П.И. Мельникова и Н.В. Реутского, также имевшие прикладной характер и призванные облегчить «противосектантские» труды чиновников. Более поздние работы имперского периода (И. Добротворского, Н.И. Барсова, В.И. Кельсиева, Т.И. Буткевича, А.С. Пругавина), а затем и советского времени (В.Д. Бонч-Бруевича, Н.Н. Волкова и А.И. Клибанова), претендовавшие на научное осмысление скопчества, связывали его популярность либо с необразованностью православного населения, искавшего спасения души, либо со стремлением к обогащению путем вступления в секту [1, с. 272].

Современные авторы (А.А. Панченко, Л.Энгельштейн) связывают появление и стойкость мистического сектантства с особенностями народной религиозности, апеллируя к богатому фольклорному и историко-этнографическому [1, с. 276]. Тем не менее, как механизмы включения верующих в скопческие общины, так и образы, привлекавшие туда неопитов, остаются пока малоисследованным полем.

В данной статье авторы пытаются внести вклад в восполнение этого пробела, обращаясь к проблеме восприятия верующими пропагандистов скопчества и его проводников-оскопителей. Непосредственной целью работы является выяснение степени соответствия реальных личностей, распространявших скопческое учение и их мифологизированным образам в течение XIX столетия, а также анализ механизмов влияния «сектаторов» на сознание «обращаемых».

Результаты

Скопчество в России возникло еще во второй половине XVIII в. в Орловской губернии в среде последователей христоверия, придерживавшихся более радикального взгляда на борьбу человека с его физиологическими потребностями, и достаточно быстро распространилось сначала в центральных районах, а затем в Сибири, Поволжье, на Кавказе и Таврической губернии. Разделяя убеждение христоверов в дуалистической природе души и тела человека, скопцы считали половые стремления источником греха: «Лепости есть одно из величайших зол в мире: она есть лютый змей, пожирающий весь мир; она от Бога отвращает и к Богу идти не допускает» [2, с. 5]. Аскетичный образ жизни скопцов, строгие посты, отказ от употребления спиртного и курения табака зачастую воспринимались местным православным населением империи как более «праведный жизненный путь» по сравнению с «казенным» православием, который может привести в «Царство небесное». Очевидные проблемы Русской Православной церкви, превратившейся в ведомственную структуру после реформ Петра I, вели к непрерывному росту численности религиозных «диссидентов», который стал особенно очевидным в условиях смягчения вероисповедной политики государства, т.е. в XIX столетии. Например, в период с 1840 по 1859 годы численность адептов скопчества в Курской губернии увеличилась на 5%, а в 1860-1870-х годах выросла более чем в два раза [3, с. 93].

Официальная статистика говорила о сотнях скопцов в отдельно взятых регионах, но для современников (чиновников, священнослужителей) не было секретом, что ее данные сильно занижены [4, с. 157]. В таких условиях Органы государственной власти, руководствуясь соображениями национальной безопасности, стремились всеми средствами ограничить рост количества адептов скопчества - оно признавалось одной из наиболее «вредных ересей» вследствие влияния на уменьшение народонаселения [5, Оп. 1, д. 1265, л. 81-82].

Практика осклопления верующих началась в 1760-е гг. (сначала в Алексинском уезде Тульской губернии, затем в Моршанском уезде Тамбовской губернии, куда перебрались лидеры скопческого движения К. Селиванов и А. Шилов) [6, с. 175]. К началу XIX в. она прошла своеобразную «институализацию»: обрела собственную «идеологию», ритуалистику, а также постоянных исполнителей. Ввиду того, что осклопление являлось преступлением в глазах государства, оно всегда оказывалось овеяно ореолом тайны. Одной из главных заповедей русского скопчества являлось требование держать в секрете свою принадлежность к кругу сектантов-мистиков и о вере своей «ни отцу, ни матери не объявлять» [7, с. 29].

Формы осклопления у последователей секты были различными, но наиболее древними из них считались полное и неполное осклопление. Неполное осклопление, известное как «малая печать», состояло в отрезании у мужчин «удельных близнят» (ампутации яичек) [8, с. 195]. Полное же осклопление, или «царская печать» появляется у скопцов лишь в 1816 году, предпосылкой к этому стали участвовавшие случаи сожительства между скопцами и скопчихами [9, Оп. 1, д. 70, л. 41]. Способы осклопления у женщин были намного разнообразнее: встречаются протоколы медицинского освидетельствования скопчих, в которых в качестве способов «умерщвления плоти» указывается прижигание или удаление сосков, вырезание груди, удаление малых и больших половых губ, а так же нанесение шрамов и порезов по всему телу [10, Оп. 151, д. 57, л. 23].

В связи с непреложной догмой греховности плоти, от которой необходимо избавляться и особенностями самой операции, в структуре общины оскопитель занимал особое место, зачастую его социальное положение было выше даже, чем у «кормщика корабля», поскольку к опытному «хирургу» съезжались адепты скопчества со всей округи. В то же время, нередко были случаи, когда роль оскопителя принимал и сам лидер общины, в этом случае этом он считался носителем абсолютного знания, которым был наделен через Святого Духа, в связи с этим его авторитет оказывался непререкаем.

Как видно из описания видов осклопления, эта операция была достаточно трудной, поскольку существовал существенный риск летального исхода из-за потери крови или инфицирования раны с последующим заражением крови. Поэтому новообращенным скопцам после принятия «малой и большой печати» требовался длительный реабилитационный период, во время которого они были вынуждены скрываться от глаз «непосвященных». Но, несмотря на все меры предосторожности, призванные скрыть совершение операции осклопления, многие из адептов секты со временем становились фигурантами уголовных дел по обвинению в принадлежности к скопческой секте, а в этом случае физическое осклопление служило прямым доказательством виновности и каралось ссылкой в отдаленный край Сибири [11, Оп. 1, д. 13, л. 9].

Есть все основания полагать, что именно угроза сурового наказания за добровольное осклопление стала отправной точкой для формирования мифологии вокруг фигуры оскопителя. Согласно существовавшему в XIX в. уголовному законодательству, у адептов скопчества оставалась возможность избежать наказания и быть полностью оправданными, если во время следствия они указывали своих оскопителей. В результате, в скопческой среде сформировалась определенная модель поведения в условиях следствия. Если один из адептов секты подвергался аресту по подозрению в осклоплении себя или других, то другие мистики, оказавшиеся под угрозой обнаружения, добровольно являлись к властям и указывали арестованного как своего оскопителя. Если же подходящей кандидатуры на роль оскопителя не находилось, то на роль оскопителя выбирался либо умерший человек, неизвестный старец, оскопивший свою «жертву» во время путешествия к святым местам.

Последний вариант оказался весьма распространенным в практике взаимоотношений мистиков с окружающим населением и представителями власти. В итоге в среде мистиков сформировалась легенда о неизвестном оскопители, предлагавшем или навязывавшем верующим собственные «ключи от рая».

Основываясь на документальных материалах допросов последователей скопчества, можно проследить социально-культурные и исторические особенности, оказавшие влияние на формирование образа «неизвестного оскопителя» в XIX веке. В частности, множество интересных сюжетов можно найти в протоколах допросов, хранящихся в делах фонда Курского окружного суда и фонда Судебных следователей Курского окружного суда Государственного архива Курской области, в фонде Дел местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах Российского государственного архива древних актов. Вот некоторые примеры.

В 1868 году крестьянин м. Злынки, Елизаветградского уезда, Херсонской губернии, Григорий Иванов Соловьев явился в следственную квартиру г.Курска и объявил, что был оскоплен крестьянином Василием Тюнниковым, который тогда содержался в тюремном замке по подозрению

«в осклоплении себя и других». Согласно материалам дела, Соловьев, получив от волостного правления «свидетельство на жительство в разных местах», и через некоторое время отправился из дома в «путешествие по святым местам». Под Курском он повстречался с Василием Тюнниковым: «Я оскопил Соловьева без его согласия, должно быть, чем-нибудь обманул, но чем именно я не помню. Я оскопил его во сне. Усыплял я всех по-разному, кому давал водку, настоящую на табаке, кому – сонный порошок в воде или хлебе» [12, Оп. 1, д.196, л.1-7]. Как видно из показаний Тюнникова его слова носят весьма обобщенный характер, сохраняя лишь основные направления сюжета легенды об оскопители, что дает возможность предполагаемым жертвам широкие возможности для дополнения своих свидетельств определенными подробностями, с которыми позже и согласится обвиняемый. Показания «жертвы» осклопления в данном случае так же содержат каких-то конкретных деталей, всесторонне описывающих происшествие.

Немногим более подробно описывают оскопителя описывают Константин Савельев Крючков и Филипп Андреев Крючков, крестьяне Фатежского уезда Курской губернии, подозревавшиеся в самоосклоплении. Филипп, вспоминая историю своего осклопления, рассказывает, что в 1864 г. он с братом ехали на подводе в Курск, и, не доезжая города, встретили в лесу неизвестного человека с которым остановились вместе на привал и дали ему воды. «Давал ли он нам что-то из своего не помню», но утром «проснувшись, я увидел немного крови на портах и почувствовал небольшую боль в яйцах, посмотрев, я увидел, что не только яиц нет, но и ствола», - говорится в показаниях Филиппа Крючкова. Аналогичную историю рассказал и Константин [13, Оп. 1, д.769, л. 11-13].

Подробное описание внешнего вида оскопителя встречается в деле об осклоплении московского купца второй гильдии Андрея Кудрина крестьянином с. Любостань: «На Кащавцеве были одеты ситцевая рубаха, синие шаровары и простые сапоги, на голове – шапка. Лицо круглое, бороды не имел, то есть волос на бороде» [13, Оп. 1, д. 854а, л. 16-18]. Осклопление купца, согласно показаниям подозреваемого, опять же было совершено во сне, в который он погрузился после употребления предложенного незнакомцем питья.

Аналогичные случаи происходили и в других районах империи: в Тамбовской, Воронежской и других губерниях. Так, в 1877 г. в Моршанском уезде отпускной унтер-офицер Петр Парамзин и его сын Егор явились к судебному следователю и объявили о своем осклоплении, дав при этом следующее описание своего оскопителя: «Увидел перед закатом странника в монашеской одежде, который попросился ночевать. Он с нами пил чай и говорил только о своих путешествиях по святым местам», а на утра отец и сын проснулись уже осклопленными [14, Оп.1, д.3573, л.28].

В то же время крестьянка с.Крюково Моршанского уезда, которая так же была под следствием в деле о принадлежности к скопческой секте в качестве своего оскопителя указала «проходящую богомолицу Ольгу Ивановну», которая говорила, что вечно странствует и не имеет постоянного места жительства. При этом Акулина Ивановна дает следующее описание ее внешнего вида: «Приметами она лет шестидесяти, худощавая, проходила через село в Петров пост и попросилась ночевать как странница. На другой, когда я провожала ее по селу, она предложила мне оскопиться для спасения души» [14, Оп. 1, д. 3574, л. 5].

На первый взгляд все случаи появления «неизвестного оскопителя» кажутся весьма похожими, но изучая детали описания его (или ее) внешнего вида в материалах различных дел можно обнаружить некоторые особенности, характерные для определенного региона. Например, в Курской губернии оскопитель представлялся рассказчиками в качестве крестьянина, в то время как в Тамбовской губернии – в образе странствующего монаха. Причина этого расхождения образов кроется в исторических особенностях генезиса скопчества в разных районах Российской империи. В Моршанском уезде, где появление первых его adeptов относится еще ко второй половине XVIII века и активной деятельности Кондратия Селиванова, в качестве оскопителя выступает представитель духовенства, поскольку на раннем этапе генезиса данного религиозного движения оно было более тесно связано с монашеской средой: первоначально скопчество нашло приверженцев именно среди монахов, которым было легче принять необходимость физического осклопления. В Курском крае скопчество распространилось несколько позже и большинство его последователей принадлежали к крестьянской среде, что и оказало значительное влияние на формирование «легендарного» образа оскопителя.

На формирование образа «неизвестного оскопителя», несомненно, повлияли и культурно-психологические факторы. Мистические секты, как и прочие религиозные сообщества, активно эксплуатировали в своей конфессиональной культуре существующие в коллективном бессознательном архетипы, перешедшие из христианского религиозного учения. При рассмотрении христианской религиозной культуры через призму теории архетипов К.Г. Юнга, исследователями выделяются образы Матери и младенца, Анимы и Христа, а так же некоторые другие, которые, «формулируя коллективное бессознательное, замещают его догмами» [15, с. 69]. Однако, как отмечал сам родоначальник аналитической психологии, существование архетипов в коллективном бессознательном характерно не только для мировых религий, но и для всех тайных учений, стремящихся «уловить невидимые душевные события» и выразить их с помощью «величественных образов». Причиной этому, прежде всего, служит тесная связь скопчества с христианством, благодаря

которой в первом сохранились многие традиционные для православия образы, просто несколько видоизмененные.

Как известно, в рамках своей теории К.Г. Юнг выделил шесть базовых архетипов, один из которых он назвал «anima» или «дух». «Дух» может принимать различные формы, но само психическое понимание указывает на его архетипическую природу образа, который «присутствует в предсознательной структуре человеческой души» [16, с. 296]. Зачастую архетип духа реализуется через образ «мудрого старца», который приходит в бессознательный мир человека по средствам сновидений, где он может воплощаться в волшебника, доктора, учителя, священника и т.д. В архетипе «мудрого старца» персонафицируются такие черты пожилых людей, как самоконтроль, ответственность, систематичность, мудрость, консерватизм. Именно этот архетип нашел свое отражение в религиозной культуре русского скопчества и был выражен в образе оскопителя, как носителя абсолютного знания.

Безусловно, сформировавшийся «легендарный образ» значительно отличался от того, как в действительности выглядел оскопитель. Это видно хотя бы из обстоятельств, сопутствовавших оскоплению и фиксировавшихся следственными органами. В одном из документов, например, говорится: «Соловьев был оскоплен под Курском и после оскопления самостоятельно добрался до ближайшего селения. Чтобы оскопление могло быть произведено на большой дороге или в другом подобном месте, чтобы оскопленный мог обойтись без всякой посторонней помощи невозможно» [12, Оп. 1, д.196, л.9]. Реально операция оскопления обычно проводилась в доме одного из членов общины, причем не обязательно той, к которой принадлежал сам оскопленный. Например, согласно показаниям крестьянина Василия Кузнецова, оскопленного в 1864 г., он, возвращаясь с богомолья из Коренной пустыни, в районе Селиховых постоянных дворов встретил какого-то человека, после чего заснул, а проснувшись увидел, что оскоплен [13, Оп. 1, д.604, л.7]. При этом его соседи указали при допросе, что Кузнецов часто бывал на хуторе Кривецке у «распространителя скопчества» Аксина Коновалова, где так же собирались другие скопцы для моления [13, Оп. 1, д.604, л.14]. Очевидно, Кузнецов, как и многие другие мистики, воспроизвел «каноническую» легенду своей среды, дабы не выдать одноверцев.

Заключение

Итак, из показаний адептов скопчества на допросах, очевидно, что в конфессиональной культуре мистической секты за столетие своего существования и преследования органами государственной власти сформировался определенный образ оскопителя как знаковой фигуры религиозного культа. Мифологический образ, сформировавшийся в скопческой среде, являл собой странника, случайно встреченного во время путешествия в безлюдном месте (например, на дороге, проходящей через лес, или в поле) обычно в вечернее время. Одежда его не отличается запоминающимися деталями, наоборот, представляется весьма обычной, с собой у него немного вещей, однако обязательно имеется хлеб и какой-либо напиток (обычно настойка, призванная заглушить вкус сонного порошка или другого одурманивающего вещества). Социальная принадлежность странника могла варьироваться – в разных губерниях он мог выступать в роли монаха или крестьянина, постигшего премудрости веры. Реально же операция оскопления, как правило, проводилась одним из членов сектантской общины, чаще всего ее лидером, поскольку именно он в понимании скопцов был наделен высшим знанием и в большей степени соответствовал сформировавшемуся образу мудреца.

История русского скопчества дает прекрасный пример социально-религиозного мифотворчества. В ходе истории этого движения ее адептами был сконструирован образ «странника», «старца», обладающего секретом спасения души и встречающегося страждущим в трудные моменты жизни. обстоятельное рассмотрение следственных материалов XIX в. убеждает, что этот образ имел мало общего с реальностью: как правило, сектанты-мистики оказывались членами своих общин под влиянием хорошо знакомых им людей. существование названного образа в общественном сознании было вызвано двумя обстоятельствами. С одной стороны, легенда о «страннике» давала надежду подозреваемым в оскоплении избежать положенного законом наказания и, таким образом, имела практические основания для тиражирования. С другой стороны, образ таинственного незнакомца отражал архетипические особенности восприятия реальности верующими. Архетип «мудрого старца» или «старницы», используемый многими религиозными культурами, в конфессиональной традиции русских мистиков нашел свое выражение через образ оскопителя. Несомненно, активная эксплуатация этого архетипа давала возможность лидерам скопческих сообществ облегчить неопитам вхождение в новую религиозную среду.

Примечания:

1. Черныш А.В. Мистическое сектантство как объект исторических исследований // Свеча-2013. Владимир, 2013. с. 271-280.
2. Сковрцов, В.М. Скопчество как секта и обличение ее заблуждений. Санкт-Петербург: Тип. Артели печатного дела, 1902. 46 с.

3. Апанасенок А.В. Религиозные диссиденты в российской провинции: очерки истории духовных движений Курской губернии в конце XVIII – начале XX века. Курск: Тип. КГТУ, 2010. 200 с.
4. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: Часть 3. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1862. 725 с.
5. Государственный архив Тамбовской области. Фонд 4.
6. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
7. Engelstein Laura Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Cornell University Press, 2003. 304 p.
8. Буткевич, Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Тип. губернского правления, 1910. 637 с.
9. Российский государственный исторический архив. Фонд 1005.
10. Российский государственный исторический архив. Фонд 1297.
11. Государственный архив Курской области. Фонд 616.
12. Государственный архив Курской области. Фонд 421.
13. Государственный архив Курской области. Фонд 32.
14. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1431.
15. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
16. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.: Совершенство, 1997. 384 с.

References:

1. Chernysh A.V. Mystical sectarianism as an object of historical research/ Svecha-2013. Vladimir. 2013, с. 271-280. (In Russian)
2. Skovrtsov V.M. Skopchestvo as a sect and the conviction of its delusions. Spb:Typ. of printing artel , 1902. 46 p. (In Russian)
3. Apanasenok A.V. Religious dissidents in the Russian province: Essays on the history of spiritual movements Kursk province at the end of XVIII – beginning of XX century. Kursk: Typ. KSTU. 2010, 200 p. (In Russian)
4. Vardaninov N.V. History of the Ministry of Internal Affairs: Part 3. Spb.: Typ. Ministry of Internal Affairs, 1862. 725 p.
5. The State Archive of the Tambov. Fond 4.
6. Panchenko A.A. Khristovshchina and skopchestvo: Folklore and traditional culture of Russian mystical sects. M.: OGI, 2004. 541 p. (In Russian)
7. Engelstein Laura Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Cornell University Press, 2003. 304 p.
8. Butkevich T.I. Overview of Russian sects and rumours about them. Kharkov:Typ. gub. pravleniya, 1910. 637 p. (In Russian)
9. Russian State Historical Archive. Fond 1005.
10. Russian State Historical Archive. Fond 1297.
11. The State Archive of the Kursk. Fond 616.
12. The State Archive of the Kursk. Fond 421.
13. The State Archive of the Kursk. Fond 32.
14. Russian State Archive of Ancient. Fond 1431.
15. Jung C.G. The Archetypes and Symbols. M.: Renessans, 1991. 304 p. (In Russian)
16. Jung C.G. Spirit and Myth: Six Archetypes. M.: Sovershenstvo, 1997. 384 p. (In Russian)

УДК 273.99

Старец с «ключами от рая»: образ оскопителя в истории мистического сектантства XIX в.

¹ Анастасия Валерьевна Черныш

² Александр Вячеславович Апанасенок

¹ Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: anastasiachernysh@mail.ru

² Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Аннотация. Распространение мистического сектантства в Российской империи в XIX веке достигало угрожающих масштабов. Только по данным официальной статистики в этот период происходило увеличение численности адептов различных мистических религиозных движений в несколько раз. Несмотря на жесткие меры государственной противосектантской политики скопчество (наиболее радикальное мистическое движение) быстрыми темпами распространялось по территории страны, охватывая все новые губернии. Рассматривая процесс развития конфессиональной культуры скопцов в неблагоприятных для нее внешних условиях, авторы акцентируют внимание на особенностях формирования образа «старца-оскопителя». Работа со следственными документами по делам об оскоплениях в российских регионах привела к выводу, что рождение мифического образа явилось реакцией сообщества мистиков на преследования со стороны государственной власти и стало частью стратегии, призванной избавить попавших под арест сектантов от тюрьмы или ссылки. Авторы демонстрируют, что образ отражал архетипические особенности восприятия реальности верующими. Архетип «мудрого старца» или «старницы», используемый многими религиозными культурами, в конфессиональной традиции русских мистиков нашел свое выражение через образ оскопителя, а его эксплуатация давала возможность лидерам скопческих сообществ облегчить неопитам вхождение в новую религиозную среду.

Ключевые слова: мистическое сектантство; скопчество; конфессиональные практики; вероисповедная политика; Российская империя; архетипы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

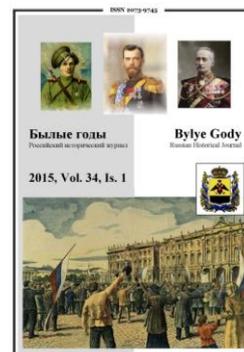
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 94-99, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 908 (470) 323

History of Maternity and Infancy in Zemsky Period (Based on the Central Chernozem (Black Earth Region) Files)

Anna S. Tretyak

Southwest State University (Kursk), Russian Federation

50 let Oktyabrya street 94, Kursk city, 305040

PhD (History)

E-mail: anna_tretyak@bk.ru

Abstract

The paper presents a brief historical overview of the evolution of maternal and child health care in Russia. A system of Public Health Service in the Central Black Earth Region governments (territorial subdivisions of Russia, 1708-1929) is taken as an example. A retrospective of the review is limited to the last third of the XIX century. The paper discusses historical aspects of the problem, which are mainly concentrated in the first quarter of the XX century. Organizational aspects of the medical staff training, problems with the obstetric aid organization are also considered. Characteristics of the governments in their activity to fight with infant mortality are stated in the paper.

Keywords: government; medicine; doctor's assistant school; of maternal and child health care; obstetric aid; day nursery; Central Black Earth Region.

Введение

Уровень развития службы охраны материнства и детства, без сомнения, является одним из индикаторов социального благополучия общества. Не случайно одной из задач, предусмотренных демографической политикой России на ближайшие годы, является повышение значимости всех служб, способствующих развитию института семьи. Так, одним из главных направлений деятельности здравоохранения России является обеспечение охраны здоровья и повышение качества медицинского обеспечения детей. Под охраной материнства и детства понимается система государственных, общественных и медицинских мероприятий, обеспечивающих рождение здорового ребенка, правильное и всестороннее развитие подросткового поколения, предупреждение и лечение болезней женщин, детей и подростков.

Государственное здравоохранение в России прошло длительный путь развития, и в настоящее время изучение исторического опыта в данном контексте представляется полезным. Стоит напомнить, что к середине XIX столетия система охраны здоровья населения в России практически отсутствовала. По всем показателям доступности медицинской помощи Россия отставала от развитых европейских стран. Однако земствам – органам местного самоуправления, появившимся вскоре после отмены крепостного права, не имеющим властных полномочий и возможностей законодательной инициативы – удалось организовать систему медицинской помощи населению, многие принципы организации которой были приняты на вооружение советской, а затем и российской системой здравоохранения.

Материалы и методы

Основными источниками стали материалы съездов земских врачей, а также иные медицинские отчеты и доклады. При написании работы использован сравнительно-исторический метод научного исследования, дающий возможность путем сравнения выявлять общее и особенное в развитии исследуемого направления земской медицины в Центрально-Черноземных губерниях. Кроме этого,

использовался историко-системный метод, позволяющий рассмотреть комплекс мероприятий по охране материнства и младенчества, проводимых земскими органами самоуправления, как систему.

Обсуждение

Развитие системы народного здравоохранения в земский период началось по линии улучшения медицинского обслуживания взрослого населения и достигло здесь значительных успехов. Однако вопросы охраны материнства и младенчества были затронуты в меньшей степени, не смотря на то, что необходимость борьбы за снижение младенческой смертности хорошо осознавалась русской общественностью. В рассматриваемом нами периоде активность в этом направлении ограничивалась улучшением акушерской помощи и созданием воспитательных домов и приютов для сирот и подкидышей.

Очевидно, что грамотное оказание медицинской помощи невозможно без соответствующей подготовки медицинского персонала. По всей России открывались фельдшерские школы и повивальные институты. Такие заведения были открыты и в Центрально-Черноземных губерниях

В 1867 году при Тамбовской губернской земской больнице был основан женский повивальный институт. Однако говорить о том, что это было первое подобного рода учебное заведение в губернии, было бы некорректно, ведь с 1853 года при родильном отделении больницы был открыт прием желающих обучиться повивальному искусству. Стоит заметить, что учеников было крайне мало из-за финансовых условий – крестьянское общество обязано было платить за обучение каждой повитухи 90 рублей в год. Безусловно, это являлось основной причиной нехватки в доземский период квалифицированных медицинских кадров в области родовспоможения. В земском же институте обучение было бесплатным, принимались лица всех сословий, срок обучения составлял три года. По окончании проводились испытания на звание повивальных бабок, и после них выпускницы обязывались прослужить земству 6 лет.

В 1872 году повивальный институт был преобразован в женскую фельдшерскую школу, обучение в которой с 1891 года стало четырехлетним. О востребованности выпускниц школы говорит тот факт, что существующая с того же времени мужская фельдшерская школа была закрыта в 1899 году, а женская же напротив расширена. С 1901 года вводятся новые правила приема в школу – отныне поступающие должны были окончить курс прогимназии или четыре класса гимназии. За счет этого преподавание общеобразовательных предметов в фельдшерской школе было сокращено, а медицинских и естественнонаучных – увеличено. Кроме теоретических лекций преподавателями велись практические занятия при отделениях больницы, так же ученицы под руководством акушерки работали в поликлинике, основанной в 1900 году для организации бесплатной помощи роженицам на дому [1].

Противоположная ситуация наблюдалась в Воронежской губернии. Здесь функционировала фельдшерская школа, основанная в 1870 году при губернской земской больнице по инициативе старшего врача Федяевского. В этом же году была открыта акушерская школа при родильном отделении больницы на 28 учениц с трехлетним сроком обучения. Школа просуществовала 8 лет и была реорганизована в школу сельских повитух со сроком обучения 2 года. В нее принимались девушки возрастом от 17 до 25 лет. По окончании школы выпускницы сдавали экзамены, позволявшие получить свидетельство на звание сельской повитухи, и отправлялись служить в волости, платившие за их обучение. Эта школа просуществовала недолго в связи с отсутствием желания у уездных земств направлять учащихся и оплачивать их обучение – 40 рублей в год.

Безусловно, данные факторы не могли не сказываться на общей демографической ситуации в губернии, ведь характерной чертой воспроизводства населения в дореволюционной России являлась высокая рождаемость, но вместе с тем высокая общая и особенно детская смертность. В Воронежской губернии в конце 19 века на 1000 родившихся приходилось 318 случаев смертей новорожденных. Медицинских учреждений по охране материнства и детства практически не было. Родовспоможение находилось в зачаточном состоянии. Родильных домов было крайне мало, а в уездах их не существовало вовсе. К 1890-м годам при отдельных земских больницах стали предусматриваться 1–2 родильные койки. Для оказания медицинской помощи при родах предусматривалось на каждом врачебном участке по одной акушерке, но фактически они были лишь на некоторых участках. Это объяснялось тем, что беременные крайне редко обращались к ним за помощью, доверяя деревенским знахаркам.

Особенно плохо обстояло дело со стационарной помощью роженицам. В Воронежской губернии к 1913 году с населением 3569932 человека имелось всего 84 родильные койки, половина из которых была организована в Воронеже. В уездах губернии было всего 9 земских больниц (из 99), при которых были открыты родильные приюты с общим числом 40 коек. Сельскими родильными приютами в 1915 году было принято 1435 родов, всеми родовспомогательными учреждениями губернии – 3832 родов, что составило 2,1 % по отношению к числу родившихся. Следовательно, абсолютное большинство родов проходило в домашних условиях. Нередки были случаи, когда из-за нехватки родильных коек в домашних условиях делались акушерские операции.

О состоянии родовспоможения в Курской губернии красноречиво свидетельствуют цитаты из отчетов уездных врачей: «Из 150 женщин, больных женскими болезнями вследствие отсутствия

какой-либо разумной помощи при родах, половина приходится на послеродовые заболевания» [2], «...крестьянки привыкли рожать по возможности без шума, втихомолку, при помощи простой бабки, которую можно достать в каждой деревне. Приглашение же акушерки составляет целое событие во всем околотке, тем более что за нею надо посылать подводку. Конечно, при неправильных родах, когда даже весь консилиум повитух ума не приложит, как помочь роженице, или когда роженица, особенно первородящая, неистовым криком приводит в трепет даже привычных бабушек, тогда отражается мужик за акушеркою» [3].

Акушерок в губернии не хватало, их большая часть проживала в городе, отдельные акушерки практиковали не по специальности. «Принимая во внимание число всех родовспоможений и родившихся за 1888 год по уезду, воспользовались помощью земских акушерок уезда только 2 % рожениц. [...] Между тем крестьянское население очень нуждается в правильной акушерской помощи. Процент неблагополучных родов значительный» [4] – докладывал делегат Грайворонского уезда А.И. Орлгергт.

К началу XX века количество акушерок в уездах несколько возросло, но это не улучшило организации родовспоможения. Об этом свидетельствуют данные соответствующих источников. «Акушерская деятельность никакого прогресса не обнаруживает. Население в деревне все еще с недоверием относится к акушеркам, сплошь и рядом прибегает к своим умудренным опытом бабкам, предпочитая нередко подвергаться с их стороны самым ужасным пыткам, например, подвешиванию за подмышки, за ноги, катанию по полу и пр., и решительно отказываются от рациональной акушерской помощи» [5].

«Что касается родовспоможения, то в Щигровском уезде польза эта выражена слабо. Объясняется это невежеством и страхом родильниц перед врачебной помощью, страхом, который поддерживают сельские бабки для своих выгод..» [6].

Даже к 1910 году ситуация осталась практически неизменной, например, в Курском уезде за год родилось 9811 детей, и лишь в 3,2 % случаев родовспоможение было оказано стационарно [7].

В Курске с конца 1898 года функционировал бесплатный родильный приют на 5 коек при лечебнице Общества курских врачей. В первый год работы приюта помощь была оказана 165 роженицам, из которых 71 была замужняя, 82 – девицы и 12 – вдовы. В той связи представляется интересным такой взгляд на учреждения родовспоможения: «Большинство родильных приютов при открытии имело своим назначением дать приют женщинам незамужним, дабы с одной стороны дать возможность такой женщине скрыть свое положение, а с другой стороны – и содействовать искоренению детоубийства» [8].

Из года в год деятельность родильного приюта расширялась: в 1900 г. уже было обслужено 215 рожениц, в 1901 г. – 294, в 1902 г. – 315, в 1906 г. – 414.) Все эти годы приют работал с большой перегрузкой, он просуществовал до 1908 г., пока при губернской земской больнице не было открыто родильное отделение на 20 коек [9].

Неудовлетворительно было поставлено и медицинское обслуживание детей. Например, в 1912 году среди осмотренных учащихся начальных классов Воронежской губернии было выявлено 40% больных.

В крупных городах России существовали воспитательные дома для внебрачных детей и подкидышей, которые по существу были единственными государственными детскими учреждениями. Приют для подкидышей был и в Воронежской губернии. Он всегда был переполнен – в 1897 году там находилось 670 подкидышей, причем с каждым годом число направляемых туда детей возрастало: в 1904 году туда был направлен 231 ребенок, в 1905 – 304, в 1906 – 480, в 1907 – 492 ребенка. Приют располагался в тесном и сыром здании, был очень плохо оборудован – не хватало белья, предметов ухода, прислуги. В приюте была исключительно высокая смертность, в отдельные годы доходившая до 60–70 %. В приюте содержались дети до 3 месяцев жизни, потом их отдавали на воспитание в крестьянские семьи, но и там их ожидала не лучшая участь – до 85 % воспитанников умирали в течение первого года жизни. Медицинская помощь детям была неорганизованной, заболевших лечили в лучшем случае в общих больницах, а зачастую они просто оставались дома безо всякой медицинской помощи. Никакой профилактической работы не проводилось.

В Курской губернии в числе «богоугодных заведений» так же был организован приют для подкидышей. Изначально его открыли для 10 детей, но из года в год число подкидышей росло, а соответственно и расширялся приют. Так, в 1899 г. сюда было принято уже 177, а 1900 г. – 188, в 1901 году – 195 детей. Принимали в него доставляемых полицией брошенных детей, преимущественно из Курска. С 1869 года из-за отсутствия помещений приют был вынужден отдавать детей на воспитание в деревни, оплачивая 3 рубля в месяц за содержание каждого, через год земство повысило эту оплату до 4 рублей. В 1899 году на воспитание из приюта было отдано 119, в 1900 г. – 105, в 1901 г. – 108 детей [14].

Единственным действенным инструментом организации детского присмотра в дореволюционной России стала организация сезонных яслей-приютов. Первые такие ясли в Воронежской губернии были открыты летом 1897 года в селе Муромке Землянского уезда по инициативе врача Ростовцевой. В следующем году функционировало уже 11 яслей. Они содержались частично на земские средства, частично – на средства Общества Красного Креста и императорского

вольно-экономического общества. Воронежское губернское земское собрание в 1898 году признало своей задачей популяризовать среди населения «идею устройства яслей как санитарно-экономической меры в целях борьбы с чрезвычайно высокой детской смертностью и опустошителями-пожарами от шалости детей». Собрание разрешило кредит в 3000 рублей, по 250 на каждый уезд, для «устройства, в виде опыта, по одному приюту-яслей». Летом 1899 года было открыто 24 яслей-приютов, 13 из них – на средства земства, 11 – на средства отдела общества охранения народного здоровья и на частные пожертвования. В 1900 году в губернии было организовано 33 детских яслей-приютов, в которых содержалось 2813 детей [10].

Курское земство не осталось в стороне в борьбе с детской смертностью, здесь, как и в соседних губерниях, были предприняты попытки организации яслей-приютов. Впервые же такие ясли были организованы в Тимском уезде по инициативе крестьян. «Они нанимали старуху, сарай и, снабдив ребят дневным пропитанием, приводили их в сарай, без чего они, оставленные до ночи в пустых дворах, дичали бы, калечились и производили пожары» [11].

Для приготовления пищи детям крестьяне выделяли стряпуху, которая одновременно являлась и нянькой, а помогали ей в этом девочки-подростки. Содержание ребенка в день обходилось в 4–6 коп, в том числе питание – 3–4 коп.

Врачебный совет Путивльского уезда, ознакомившись в 1901 г. с организацией таких яслей-приютов, признал необходимым: «Создать контингент попечителей яслей, то есть лиц, которые изъявили бы сочувствие и желание заняться этим делом, так как только при таком условии и могут существовать ясли; собрать их в общий совет и выработать вместе с ними подробности устройства таких яслей» [12].

Губернское земство, рассмотрев доклад врачебного Совета, согласилось ассигновать на эти цели 450 рублей.

Пользовалась яслями беднейшая часть населения, в большинстве семьи-одиночки. Крестьяне были очень довольны этим и заявляли, что в будущем году они даже согласны нести некоторые материальные затраты, но когда через год ясли снова были организованы, то все, ранее выражавшие готовность оказывать этому мероприятию материальную поддержку, отказались от своих обещаний, опасаясь новых налогов и считая все то дело благотворительной затеей, предпринятой земством.

Ясли-приюты так же открывались и в других уездах губернии – Суджанском, Фатежском, Корочанском, Курском и др. Однако необходимо признать, что организация в Курской губернии яслей все же не получила должного развития, через короткое время большинство из них было закрыто. Основная причина была озвучена в докладе Дмитриевской уездной земской управы земскому уездному собранию, и на наш взгляд она является основополагающей для всех уездов губернии: «Вводя в жизнь среди крестьянского населения приюты-ясли, губернское земство имело в виду вызвать своей инициативой сочувствие к яслям со стороны самого населения, между тем, несмотря на то, что ясли устраивались подряд в течение последних нескольких лет, практика показала, что действительного участия со стороны крестьянского населения к устройству яслей стремление Губернского земства не вызывало, а потому приносить на этот предмет какую-либо денежную жертву – со стороны уездных земств оно считает непроизводительным и предлагает в будущем устраивать приюты-ясли в тех селениях, которые сами будут об этом ходатайствовать и при условии, если ими будет принята на себя половина стоимости содержания яслей» [13].

Таким образом, в начале XX века темпы развития системы народного здравоохранения и растущее общественное внимание к проблемам высокой общей и младенческой смертности позволяли надеяться на скорое ее снижение до уровня европейских стандартов того времени (младенческая смертность порядка 15-20%). Перед началом первой мировой войны в России создаются контуры программы по борьбе с высокой младенческой смертностью, и возникает довольно сильное общественное движение, деятельность которого постепенно меняет характер от научного к практическому [15]. Однако вскоре после начала первой мировой войны земства губерний Центрального Черноземья были вынуждены направить свои основные усилия на обустройство госпиталей и оказание помощи больным и раненым воинам, а также беженцам, поэтому на реализацию намеченных целей в области охраны материнства и младенчества не хватало ни внимания, ни средств.

Заключение

Заслуги земской медицины в деле охраны материнства и младенчества заметны, однако основные проблемы намного успешнее решались бы при отсутствии сложностей с финансированием. Ведь объективно земская общественность понимала и осознавала масштаб необходимых мер по обеспечению населения губерний квалифицированной медицинской помощью, а также в борьбе с младенческой смертностью, однако реализовать на практике многое из начинаний так и не удалось.

В ходе политических кризисов 1914–1924 годов поступательное развитие общественного здравоохранения в России прерывается, а созданная ранее инфраструктура оказывается практически полностью разрушенной. Новая политическая власть в России будет пытаться решить вопрос охраны материнства и детства через создание централизованной системы медицинской помощи, а также

через развитие сети детских учреждений (ясли, детские сады, школы), принимающих на себя значительную часть ответственности за воспитание и заботу о детях.

Примечания

1. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Издание Тамбовского губернского статистического комитета. Тамбов, Типолитография губернского земства, 1903. С. 137.
2. Труды IV съезда земских врачей Курской губернии 1890 года. Издание Курского губернского земства. Курск, 1891. С. 59, 23-25.
3. Асеев В.И. О состоянии земской медицины в Старооскольском уезде. В сб. Труды IV съезда земских врачей Курской губернии 1890 г., Курск, 1891. С. 380-381.
4. Олгерг А.И. О состоянии земской медицины в Грайворонском уезде. В сб. Труды IV съезда земских врачей Курской губернии 1890 года, Курск, 1891. С. 409, 415.
5. Яковицкий К.Р. О состоянии земской медицины в Обоянском уезде. В сб. Труды VIII съезда земских врачей Курской губернии 1902 г., Курск, 1902. С. 273.
6. Дьяченко И.П. О состоянии земской медицины в Щигровском уезде. В сб. Труды VIII съезда земских врачей Курской губернии 1902 г., Курск, 1902. С. 138.
7. Земская медицина, заболеваемость и движение населения в Курском уезде за 1910 год. Доклад уездного врачебного Совета 47 очередному уездному собранию. Издание Курского уездного земства, Курск, 1911. С. 9.
8. Егоров Г.И. Медицинский отчет родильного приюта бесплатной лечебницы общества курских врачей за 1899 и 1900 гг. В сб. Труды общества курских врачей за 1901 и 1902 гг., Курск, 1903. С. 216, 222.
9. Журнал заседаний обновленного Курского губернского экстренного земского собрания 19–21 апреля 1917 г. Издание Курского земства, Курск, 1917. С. 37.
10. История здравоохранения Воронежской области. Воронеж: ОАО «Центр.-Чернозем. кн. изд-во», 2004. 512 с.
11. Оболенский М.Е. О состоянии земской медицины в Тимском уезде. В сб. Труды IV съезда земских врачей Курской губернии 1890 г., Курск, 1891. С.178.
12. Смирнов А.И. О состоянии земской медицины в Путивльском уезде. В сб. Труды VIII съезда земских врачей Курской губернии 1902 г., Курск, 1902. С. 380-381.
13. Доклады Курской губернской земской управы за 1906 г. 41 очередному губернскому земскому собранию по народному здравью. Издание Курского губернского земства, Курск, 1907. С. 106.
14. Язвин М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области в трех частях. Часть первая. Воронеж, 1965. С. 111.
15. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сборник статей / Под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. М.: МАКС Пресс, 2010. 2-е изд. "Демографические исследования", Вып. 14. С. 13-72.

References

1. Collected book of the Tambov Province for 1903. The Tambov Province Statistical Committee Press. Tambov, the Typolithography of Governorate Elected Council, 1903. P. 137.
2. The writings of the 4th conference of the doctors of the Kursk Province, 1890. The Kursk Governorate Elected Council Press. Kursk, 1891. Pp. 59, 23-25.
3. Aseev V.I. About the state of local medicine in the Starooskol'sk district. From the writings of the 4th conference of the doctors of the Kursk Province, 1890. Kursk, 1891. Pp. 380-381.
4. Olgert A.I. About the state of local medicine in the Graivoron district. From the writings of the 4th conference of the doctors of the Kursk Province, 1890. Pp. 409, 415.
5. Yakovitsky K. R. About the state of local medicine in the Oboyan' district. From the writings of the 8th conference of the doctors of the Kursk Province, 1902. Kursk, 1902. P. 273.
6. D'yachenko I.P. About the state of local medicine in the Shchigry district. From the writings of the 8th conference of the doctors of the Kursk Province, 1902. Kursk, 1902. P. 138.
7. Local medicine, disease incidence, and population movement in the Kursk district in 1910. The report of the district medical council for the 47th regular district meeting. Council of the Kursk District Press, Kursk, 1911. P. 9.
8. Yegorov G.I. Medical report of maternity home of free hospital given by Kursk Doctors Society for the period of 1899 and 1900. From the Works of Kursk Doctors Society, 1901-1902. Kursk, 1903. Pp. 216,222.
9. Minute book of a new Kursk Governorate Emergency Elected Council April 19-21, 1917. Kursk Council Press, Kursk, 1917. P. 37.
10. The history of public health service in the Voronezh Region. – Voronezh: ОАО “Central Black Earth Region Publishing House”, 2004. – 512 p.
11. Obolenskii M.E. About the state of local medicine in the Tim district. From the writings of the 4th conference of the doctors of the Kursk Province, 1890. Kursk, 1891. P. 178.

12. Smirnov A.I. About the state of local medicine in the Putivl' district. From the writings of the 8th conference of the doctors of the Kursk Province, 1902. Kursk, 1902. Pp. 380-381.

13. The reports of Kursk Governorate Elected Board in 1906 for the 41th regular governorate meeting about public health. Kursk Governorate Council Press, Kursk, 1907. P. 106.

14. Yazvin M.A. An outline of the history of the Kursk regional public health service in three parts. Part I. Voronezh, 1965. P. 111.

15. Avdeev A. Infant mortality and the history of protection of motherhood and childhood in Russia and the USSR // Historical Demography: Collection of Articles / under the editorship of Denisenko M.B., Troitskaya I.A. Moscow: MAKS Press, 2010. 2d edition. "Demographical Studies", 14th Issue. Pp. 13-72.

УДК 908 (470) 323

**История охраны материнства и младенчества в земский период (по материалам
Центрального Черноземья)**

Анна Сергеевна Третьяк

Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Кандидат исторических наук

E-mail: anna_tretyak@bk.ru

Аннотация. В статье представлен краткий исторический обзор эволюции охраны материнства и детства в России в контексте развития системы земского здравоохранения Центрально-Черноземных губерний. Ретроспектива обзора ограничена последней третью XIX века, а обсуждение исторических аспектов проблемы в основном сосредоточено на первой четверти XX века.

Рассматриваются организационные аспекты подготовки медицинского персонала, анализируются причины проблем организации родовспоможения, а также приводится характеристика мероприятий губернских земств по борьбе с детской смертностью.

Ключевые слова: земство; медицина; фельдшерская школа; охрана материнства и детства; родовспоможение; ясли; Центральное Черноземье.

Copyright © 2015 by Sochi State University

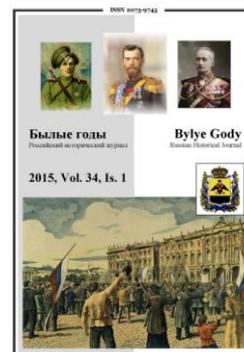
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 100-106, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

**South-east frontier of the Russian Empire and the processes on the division
of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks
in the second half of the XIX century**

Alexey I. Kortunov

M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation
October revolution street 3a, Ufa city, 450000
PhD (History), research associate
Email: kortunov@rambler.ru

Abstract

The article highlights the issue related to the peculiarities of formation of the south-east frontier of the Russian Empire and with the process on separation of the border areas of the Orenburg line (in particular of the Ural River left bank area) between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of XIX century. The author pays particular attention to the problem of the resolution of disputes between the Ural Cossacks and Kirghiz-Kaysaks by local and central authorities.

Keywords: the Russian Empire; south-east frontier; Orenburg border line; separation; disputed territory; the Ural left bank territory; the Kirghiz-Kaysaks; Ural Cossacks.

Introduction

The term “frontier” was introduced into scientific use for the first time by the American historian Frederick Turner. In 1893 he introduced to the American Historical Association a new concept of the American history where there was made the first attempt of a thorough investigation of the process of American colonization. Turner’s academic pursuits laid the foundations of all subsequent American historiography, and “the Frontier Thesis” has deservedly won the international acclaim.

Today, the term “frontier” has pushed the limits of the American historical science and has become ingrained in the Russian historiography (according to Turner’s definition, “frontier” is a place where the most rapid and effective Americanization of the frontiersmen from Europe and where ever the conditions were being constantly reproduced in which the specific American institutions formed). It’s mostly historians studying the social and economic development of the geographic suburbs of Russia who make extensive use of this term. But it happened relatively recently in connection with a long ideological opposition between Soviet and American historians. Currently, the national historiography having got rid of ideological clichés tries to apply some of the concepts of “frontier” to the study of the Russian regions development.

Materials and methods

The main sources of this article were the documents of the Russian State Historical Archive (RSHA) and State Archive of the Russian Federation (SARF). The methodological basis of the research is the traditional general scientific principles of historicism and objectivity. The principle of historicism makes it possible to address the process on the division of the Ural River left bank area between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the XIX century in light of certain specific conditions that are unique to the study period and area. The main methods are problem-historical, chronological and the method of the historical comparative analysis, the use of which is caused by the objectives set out in the study.

Discussion

It should be pointed out that the historiography of this area is quite extensive. Since the end of the XIX century, that is, from the works of F.D. Turner himself [1-7], the world scientific thought develops the "frontier theory" [8-15], and no exception was the national historical science [16-26]. The foreign historiography of the frontier concept did not slight the Russian history too [27-34].

In this article we will consider the question related to the peculiarities of formation of the Russian Empire south-east frontier and cover the processes on separation of the border areas of the Orenburg line (in particular of the Ural River left bank area) between Kirghiz-Kaysaks and Ural Cossacks in the second half of XIX century. It should be pointed out that in the national and foreign historiography this problem is covered rather poorly.

Results

In the historiography dedicated to the formation processes of Russia as a multinational state, in relation to the nations that joined it at different times, the three-stage scheme of this process is proposed. Initially, there took place the actual joining as the establishment of the Russian citizenship, perhaps the nominal one, then there came the gradual incorporation into the structure of the state and the final stage was the assimilation. The process itself took place against the background of two trends - unification and Russification.

Scientific urgency of the problem is connected with the fact that it is the Urals-Volga region of the Russian state where the basic principles of management of the national suburbs were formed, and the Russian government formed here its first experience of regional policy. It should be noted that this scheme of joining the Russian state by non-Russian nations fully fits the frontier model of imperial suburb [35].

Note that the term "frontier" for the Russian history has a slightly different nature than it was put by F. Turner in the late XIX century. With regard to the history of Russia, namely the Ural region, the following main components of the frontier are outlined: 1) it is a border line represented as a chain of forts, outposts and redoubts, which gradually moved in the process of the adjacent lands development; 2) it is the special military units that bore the commission on the line (the Cossacks, landmilitsiya, garrison regiments, etc.), herewith an inherent part of the frontier was the recruitment of local residents to state military service; 3) the flexible national policy pursued by the government was inherent to frontier; 4) The characteristic feature of the frontier was the land policy of the state, which was aimed at ensuring the loyalty of the local population to it and at the same time at providing the repopulating border with land for bondman building and its distribution among settlers. However it should be noted that the Russian frontier, in particular in the southern Urals, there was always present the dominance of the military necessity, military factor above all other. The social, economic and confessional factors were subject to it [36].

Moreover, note that the government strongly supported the Russian population of the region (in particular, the Ural and Orenburg Cossacks that were in a close proximity with the nomadic nations of the region) and tended to provide all-round support in the development of the border lands. This support became especially evident in the XIX century.

Numerous historical sources indicate that the local Cossacks' fight for space with the neighboring nations (Kirghiz-Kaysaks, Kalmucks, Bashkirs, etc.) took place continuously. One of the disputed territories claimed by Yaik (Ural) Cossacks across the whole boundary line protected by them was the left bank area of the Yaik (Ural) river [37]. Most likely the Yaik Cossacks used both sides of Yaik since their appearance on the river. They sincerely believed that they owned both sides of Yaik, referring to the king's letters (in particular the well-known letter of Tsar Mikhael I), laws and governmental prescriptions of different times. "If you own a river on one side only, they said, then the water should not belong to the Cossacks too?!" For the Cossacks, the left-bank bottomland meadows (used for haying) and salt lakes, where the salt was actively produced, as well as the feeder of Yaik and large water bodies that already from the XVIII century become the place of the active Cossack fishery, considered the particularly attractive [38; 39].

In the first half of the XVIII century, the process of settlement of Yaik Cossacks along the line is activated. Orenburg expedition (Commission) activities on strengthening of the south-east boundary line, growth of the Cossack population of the south-Ural region and its economic development, marked the beginning of the processes of expanding the territory of Yaik troops. And from that time an urgent problem arises of development of the Yaik river left bank. It is worth noting that in the XVIII century, the only settlement of the Yaik Cossacks on the Yaik left side was Iletsk town that was founded in 1737 and is located in Yaik-Ileksky interfluve at the boundary with the Orenburg Cossacks' lands. Having settled on the right side of Yaik, Iletsk Cossacks tried to expand their lands, but in that century, due to the active opposition to the neighboring Kirghiz-Kaysak clans, they failed to do it [40; 41].

About the same time, the processes of growth of the Kirghiz-Kaysak population in the region are observed. On the Asian side of the Urals there were getting more and more Kirghiz tents. From statistical sources we learn that in the 60s of the XIX century on the left bank of the Ural River, along the lands of the Ural Cossack troops, there were 20,000 tents or about 100 thousand Kirghiz wintering on an ongoing basis. Subsequently, due to the lack of grazing places, they began to use actively the bottomland meadows on the left side of the Ural River, and even to move to the right side, thereby increasing the number of conflicts on the border between the Cossacks and the Kirghiz-Kaysaks [42; 43].

It is worth noting that the local authorities tried in every way to lessen the confrontation of the conflicting parties. They saw the demarcation of the Cossacks and Kirghiz-Kaysaks' possessions as one of the solutions in this situation. The first attempts to demarcate the left bank Ural lands were made at the beginning of the XIX century. But over fears of the emergence of disturbances, particularly among the Kirghiz, the works has been suspended indefinitely. Despite this at the end of XVIII – the beginning of XIX centuries, the government could secure to the Ural Cossacks the exclusive right to use haymaking in some areas on the left side of the Ural River. Also from the XVIII century on the left bank of the Ural Cossacks were officially allowed to fish in the three large lakes (Cherkhalskoe, Inder and Gryaznoe) [44; 45].

In the first half of the XIX century the Orenburg provincial government and the Directing Senate of the Russian Empire issued a series of decrees that have contributed to the fastest demarcation of the disputed territories. Most of the lands of the Ural River left bank, as the results of several specially created commissions of survey, were given to the Cossacks and the Kirghiz-Kaysaks in co-ownership, but it was just a temporary solution. The final demarcation of the disputed areas occurred only in the second half of the XIX century.

Despite all the measures taken in the first half of the XIX century on the temporary demarcation of the lands on the Ural left bank, the opposing of the sides was only growing. In the report of the Minister of War on July 15, 1864 under №1801, Orenburg and Samara Governor-General A.P. Bezak noted that in the early 60-ies of the XIX century the Kirghiz-Kaysaks actively complained of harassment by the Ural Cossacks in the use of haymaking meadow plots and other lands on the left bank of the Ural River. However, the following rule has long been established: when the hay time comes, the Transural Kirghiz-Kaysaks are given the right to hay on the boundary line from the lands of Iletsksk Cossacks to Kachansk picket, and then from the Kachansk picket to Guryev town the Kirghiz were given the special places for haying in such amount that the Ural Cossacks had enough hay to feed the horses of service. Also, after 20 days of haying by the Ural Cossack troops, Kirghiz-Kaysaks were allowed to all meadow places except forests and the banks of the Ural River [46; 47].

The Governor-General Bezak in 1864, trying to identify the causes of discord between the Ural Cossacks and Transural Kirghiz concerning the owning the left side of the Ural River, noted that there had been a long debate between them about the rights of either on the owning the left bank of the Ural River and Transural salt lakes. In resolving of this dispute, in his opinion, the government should have taken into account the needs of the Ural Cossack troops and Kirghiz-Kaysaks, while it was impossible not to give the preference to the last in such a case. It was enough just to visit the Kirghiz wintering grounds, he says, to see how cramped they were in the use of land [48].

At the same time there appeared a question about the constraint of Kirghiz-Kaysaks in the camps on Gogolsky Island near the town of Guriev. Note that even since the time of the reign of the Russian Empress Anna Ioannovna, the Cossacks began to settle in the town of Guriev, while protecting and defending Yaik downstream from the raids of nomadic Kirghiz-Kaysaks. Together with this settlement the local Cossacks began to use both fishing at the mouth of the Yaik and meadows in the whole valley formed by this river and its arms. According to the Senate report consolidated by the Imperial Court on May 25, 1752, all Guryevsk trap nets were put under the jurisdiction of the Yaik Cossack troops. At the same time fishing at the mouth of the Yaik River was relieved from the jurisdiction of the Astrakhan province and transferred to the Orenburg province [49; 50].

It is worth noting that the Cossacks and the Kirghiz-Kaysaks began to fight for Gogolsky island since its formation off the coast of the Caspian Sea on the Transural side. It was formed as a result of the shallowing of the Caspian Sea, at the same time it appeared not only in the valley between Yaik and its tributary Sokolok, but also on the space of the Caspian coast, granted to the Ural army by the Imperial Edict of November 22, 1846. As the Cossacks thought, the rights to this island belonged to them only, especially since the decline of the water in the Caspian Sea almost every year there formed shoals in the troops' lands, which, gradually increasing, reached the size of the islands and then served as a shelter for cattle in the winter. Naturally, all similar islands (as well as Gogolsky) they considered to belong to troops, substantiating it with the fact that the coastal areas of the Cossack waters are limited by the Granniy knob on one side, and Porokhovoy knob on the other and that they were in the 20-30 miles from the town of Guriev [51].

But the most important fact in determining the rights of the Cossacks for the Gogolsky island and the entire valley of the Ural River, was considered to be Clause 9 of the Part I of the Ural troops' manning document consolidated by the Imperial Court in 1803, which said that the Ural troops were necessary to be satisfied with their allowance from those advantages and benefits, which they then used [52].

Disagreement between the Cossacks and the Kirghiz over the ownership of Transural area led in the spring of 1865 to the creation of a special commission to demarcate the left side of the Ural River, which consisted of officials of the Ural Cossack troops and the Regional Government of Kirghiz-Kaysaks. To regulate the alleged work of the Commission, there had been prepared the special Supreme established "Guidelines for the demarcation of the Ural River left bank valley between the Ural Cossacks and Transural Kirgiz of Little Horde", which consisted of fifteen sections. According to the approved plan, the Commission had to work from Muhranovsk outpost to the Caspian Sea [53].

Based on the results of the work of the Commission, the Minister of War was given a report (№47 dated September 3, 1865) signed by the Chairman General-Lieutenant Dlotovskiy, which described its

results. In this document, the Commission proposed to give the Kirghiz Kaisaks land on the left side of the Ural River in the following areas and dimensions: 1) For the first Kirghiz distance from the Yamanhalinskiy outpost to the head of the Sokolok River from the Ural River, give three plots with a total area of 11116 dessiatines, including the water meadows with total area of 5760 dessiatines, 2) For the second Kirghiz distance from the Ostraya river bend, lying in front of the Yamanhalinskiy outpost, give six plots with a total area of 965 dessiatines, including the water meadows with total area of 664 dessiatines, 3) For the third Kirghiz distance from the Kumok grave to the the Ostraya river bend, located in front of the Orlovskiy outpost, give seven plots with a total area of 2284 dessiatines, including the water meadows with total area of 945 dessiatines, 4) For the fourth Kirghiz distance from the Cakharnaya fortress to the Kumok grave located in front of the Kalmykovskaya fortress, give seven meadow plots with total area of 5544 dessiatines, including the water meadows with total area of 1,510 dessiatines, 5) For the fifth Kirghiz distance from the Kolovertniy picket to the Krasnaya Cossack village, located in front of the Cakharnaya fortress, give nine meadow plots with total area of 12465 dessiatines, including the water meadows with total area of 6020 dessiatines. Upon that, these plots included soughs, overgrown with reeds, small lakes and partially salt marshes [54].

The report on the management of the Orenburg Territory of Governor-General N.A. Kryzhanovsky for 1865-1866 years, describes the effects of the special Commission work. It notes that the Commission has performed task imposed on her with complete success, on the basis of special instructions. However, the Ministry of Internal Affairs made some comments on the work of the Commission that caused a delay in the approval of the results of the Transural territories demarcation. However, this delay had also a profitable direction. The whole winter, that is exactly the time when in previous years the robberies were made by the Kirghiz-Kaysaks and disputes occurred with the Ural Cossacks because of land holdings, went quietly and calmly for the first time. There were, of course, violations of property rights, but they were not out of the usual, so the project of demarcation drawn up by the Commission had had a good effect in practice [55].

In the following report for 1866-1867 Kryzhanovsky made a comment on the delay in the execution of the Commission's conclusions, noting that the work of the Commission, completed with such a success in September 1865, was not approved because the Ministry of Internal Affairs insists on separation of some more lands from the Ural River valley in favor of the Kirghiz-Kaysaks [56; 57].

In spite of all the delays in 1871 the final conclusion followed for this case. In the opinion of the State Council consolidated by the Imperial Court, "On the demarcation of the river left bank valley between the Ural Cossacks and Transural Kirghiz" states that: "The Council of State in the Department of State Economy and in the General Assembly, having considered the submission by the Minister of War of the demarcation of the left bank of the river valley between the Ural Cossacks and Transural Kirghiz, agreed: The boundary of distribution between the Ural Cossack troops and Transural Kirghiz of the Ural river left bank valley from the mouth of the Bolshoy Ilek River to the flowing of the Ural River to the Caspian Sea, approve under the assumption over a map by the Highest established in 1865 Commission, and leave the earth given to the Cossacks in the permanent use of the Ural Cossack troops, and meadow passings of this valley given to the Transural Kirghiz, give to Kirgiz" [58].

However Kirghiz were allowed to pass to the Ural River through the Cossack lands for cattle watering, and Cherhalskoe Lake located in the Kirghiz steppes outside the troops' lands was decided to be temporarily given to the Cossacks for fishing till the development of the economic life of the Kirghiz-Kaysaks. It was ordered to immediately prepare and publish the rules determining the place and full access order of the Kyrgyz cattle to the river and the lake for the sake both Kirghiz cattle breeding and Cossacks fishing.

Thus, in the last quarter of the XIX century the eastern borders of the Ural troops' lands were finally established and the rights of Cossacks for Transural lands were secured. The border ran from the mouth of the Sokolok passage, along the stream of the last up to its separation from the Ural River (near the Kandaurovsk village). Next on the left side of the Ural till the confluence of the Bolshoy Ilek River, along the stream of the last up to the confluence of the Bolshaya Peschanka River. Ural Cossacks used Cherhalskoe Lake on the left side of the river, where they were fishing, as well as lakes Inder and Gryaznoye, where they produced salt.

Conclusions

Thus, it should be noted that some of the concepts of "frontier", introduced in the scientific use in the late XIX century by the American scientist F. Turner, can be applied to the study of the history of the suburban Russian territories development. Historiography of this issue shows the special attention of foreign and local historians to the theory of the frontier model of the Russian Empire suburbs development. It is fair to say that the scheme of the joining the Russian state by non-Russian nations also fits this theory.

A special place in the colonial history of Russia is given to the construction processes of the south-east boundary line and settlement of border areas. Cossack troops (Ural and Orenburg Cossacks) played the major role in the development of lands bordering the Kirghiz-Kaysak steppe. In particular, in the XVIII-XIX centuries in the south-eastern border of the Russian Empire the interests of the Cossacks and the Kirghiz-Kaysaks collided, mainly concerning the economic development of the Ural River left bank.

It should be noted that for a long time, the Ural River was the natural border separating the nomads and the Cossacks. With the development of economy and demographic growth of the local population the

struggle for territory also intensified. The left bank of the Ural was attractive because of the water meadows, hayfields, reeds, fishy and salty lakes.

The Ural River left bank began to get developed actively in the beginning of XIX century. Further, for several decades, local Cossacks systematically occupied the Transural side not letting many Kyrgyz tents to the Ural River for the wintering. All this has led to a heated conflict, which was resolved mainly through law.

In the second half of the XIX century the Orenburg local provincial government and the Directing Senate of the Russian Empire issued a series of decrees that have contributed to the fastest demarcation of the disputed territories. Most of the lands of the Ural River left bank were divided between the Ural Cossacks and Kirghiz-Kaysaks as a result of several specially created Commissions of boundary.

Acknowledgements

This article was prepared as a part of the base unit of the State assignment on the research work of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (2014-2016). The theme of the research work is as follows: “The nomads of the Golden Horde of XIII-XV centuries and Ural Cossacks of XVI-XIX centuries: the problems of ethnic and social and cultural continuity” (Project №2936).

References:

1. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History. Chicago, 1893.
2. Turner F.J. The significance of sections in American history. New York, 1932.
3. Turner F.J. The frontier in American history. New York, 1935.
4. Turner F.J. The United States. 1830-1850. The Nation and its sections. New York, 1950.
5. Turner F.J. The rise of the New West, 1819-1829. New York, 1962.
6. Turner F.J. Problems in American history. The early writings of Frederick Jackson Turner. New York, 1969.
7. Turner F.J. The character and influence of the Indian trade in Wisconsin. The early writings of Frederick Jackson Turner, Freeport. New York, 1969.
8. Curti M. The Section and the Frontier in American History: the methodological concepts of Frederick Jackson Turner. Method in Social Science: a case book, ed. S. A. Rice. Chicago: University of Chicago Press, 1931.
9. Everett N.D. The Story of the Frontier: A Social History of the Northern Plains and Rocky Mountains from the Earliest White Contacts to the Coming of the Homemaker. New York: Tudor Publishing Company, 1941.
10. Walker D.W., Clifton B.K. The Frontier in perspective. Madison: The University of Wisconsin Press, 1957.
11. Billington R.A. The Genesis of the Frontier Thesis. A study in Historical Creativity. San Marino, California: Huntington Library, 1971.
12. Billington R.A. The American Frontier Thesis: Attack and Defense: analysis and bibliography. Washington: D. C., 1971.
13. Lamar H., Thompson L. The Frontier in History. North America and Southern Africa Compared. New Haven: Yale University Press, 1981.
14. Limerick P.N. The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. New York: WW Norton & Company, 1987.
15. Wakefield E.G. View of the Art of Colonization in Present Reference to the British Empire in letters between the Statesman and Colonist. Kitchener: Batoche Books, 2001.
16. Efimov A.V. “Free Lands” of America and the historical theory of F.D. Turner. From the history of social movements and international relations. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1957.
17. Demikhovskiy M.V. About “the moving boundary” and the USA state lands. Main problems of USA history in the American historiography. From the colonial period to the Civil War of 1861–1865. M.: Science, 1971.
18. Dementiev I.P. The ideological struggle in USA on the questions of expansion. M.: Moscow State University, 1973.
19. Demikhovskiy M.V. USA Expansion to the west. American expansionism: the new time. M.: Science, 1985.
20. Rezun D.Y., Lamin V.A., Mamsik T.S., Shilovskiy M.V. Frontier in the history of Siberia and North America in XVII–XX centuries. Novosibirsk: IDMI, 2001.
21. Ageev A.D. Siberia and the American West: the moving of frontiers. M.: Aspekt-Press, 2005.
22. Rezun D.Y., Shilovskiy M.V. Siberia, the end of XVI – the beginning of XX centuries: frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes. Novosibirsk: Sova, 2005.
23. Suponitskaya I.M. Liberty and equality. Russia and USA: comparison of systems. M.: Russian political encyclopedia, 2010.
24. Tsyganova, A.A. (2011) Sociocultural phenomenon of “boundary” in the ideological heritage of F.J. Turner. *Russian scientific journal*. 6 (25). 56-61. (In Russian)

25. Tsyganova, A.A. (2012) American intellectual elite about the peculiarity of land colonization of the West and their integration into the state-legal environment of the United States of the XIX century. *Vladimir Law Institute Reporter*. 2. 221-225. (In Russian)
26. Tsyganova, A.A. (2012) National historiography about “the free lands” of America in the interpretation of the founder of progressivism F.J. Turner. *Science and school*. 5. 184-188. (In Russian)
27. Golder F.A. Russian expansion on the Pacific 1641–1850: An account of the earliest and later expeditions made by the Russian along the Pacific coast of Asia and North America, including some related expeditions to the Arctic regions. Cleveland: The Arthur H. Clark Company, 1914.
28. Donnelly A.S. The Russian conquest of Bashkiria, 1552-1740: A Case Study in Imperialism By Alton S. Donnelly. New Haven and London: Yale University Press, 1968.
29. Gibson J.R. Feeding The Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka peninsula 1639-1856. Madison: University of Wisconsin Press, 1969.
30. Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal-London: McGill-Queen's University Press, 1973.
31. Gibson J.R. Imperial Russia in frontier America: The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784-1867. New York: Oxford University Press, 1976.
32. Menning, B. (1981) Military Intuitions and the Steppe Frontier in Imperial Russia, 1700-1861. *International Commission of Military History*. 5. 174-194.
33. Dmytryshyn B. Russian penetration to the North Pacific Ocean: 1700–1799. To Siberia and Russian America: three centuries of Russian Eastward Expansion. Vol. 2. Oregon: Oregon Historical Society Press, 1988.
34. Barrett, T. (1995) Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North. *Slavic review*. Vol. 54. 3. 578-601.
35. Vorobyova, T.V. (2012) The eastern Russia frontier. *KRAUNTS Reporter, Humanities Series*. 1 (19). 5-14. (In Russian)
36. Rakhimov, R.N. (2013) Orenburg and Siberian border lines in the XVIII – first half of the XIX centuries as south-eastern and eastern Russia frontiers. *Tambov State University Reporter*. 10 (126). 103-109. (In Russian)
37. After the Peasants' War of 1773-1775, where the Yaik Cossacks took an active part, “to bury all that has happened”, it was commanded to rename Yaik Cossacks to the Ural ones and the Yaik River to the Ural River (Decree of the Senate dated January 15, 1775).
38. Idrisov R.A. Historical geography of the western Kazakstan in the first half of the XIX century: Dissertation for the degree of the candidate of historical sciences. Almaty, 1998. 53 p.
39. The Russian State Historical Archive (RSHA). Fund 1291. Catalog 82. File 30 (1864). Pages 6-7.
40. Vitevsky V.N. I.I. Neplyuiev and the Orenburg Territory in its former structure until 1758. Historical monograph. Vol. 1. Kazan: Tipo-Litografiya V. M. Klyuchnikova, 1897. 270 p.
41. Polyakov, A.N. (1999) Kindelinsky outpost of the Iletsk Cossack troops in XVIII–XIX centuries. *Orenburg State University Reporter*. 3. 14-18. (In Russian)
42. RSHA. Fund 1291. Catalog 81. File 19. Pages 1-16.
43. RSHA. Fund 1291. Catalog 82. File 30 (1864). Page 10.
44. Bekmakhanova N.E. Cossack troops in the Asian Russia in the XVIII – beginning of the XX centuries (Astrakhan, Orenburg, Siberia, Semirechensk, Ural). Collection of documents. M.: Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences, 2000. 154-155 pp.
45. Borodin N. Ural Cossack troops. Statistical description in 2 volumes. Vol. 1. Ural: Printing house of the Ural Cossack army, 1891. 28 p.
46. Semenov V.G., Semanova V.P. Governors of the Orenburg Territory. Orenburg: Orenburg book publishing house, 1999. 239-247 pp.
47. RSHA. Fund 1291. Catalog 82. File 30 (1864). Page 2.
48. RSHA. Fund 1291. Catalog 82. File 30 (1864). Page 3.
49. Dubovikov A.M. Ural Cossack troops in the system of the Russian statehood (XVIII – beginning of the XX centuries). Togliatti: Tolyatti state university of service, 2007. 78 p.
50. Complete collection of laws of the Russian empire. Collection 1. Vol. XIII (1749-1753). №9988. St. Petersburg: Printing house II of Office Own its Imperial Majesty of Office, 1830. 651 p.
51. RSHA. Fund 1291. Catalog 82. File 30 (1864). Pages 5-6.
52. Complete collection of laws of the Russian empire. Collection 1. Vol. XXVII (1802–1803). №21101. St. Petersburg: Printing house II of Office Own its Imperial Majesty of Office, 1830. 1096 p.
53. RSHA. Fund 1291. Catalog 82. File 30 (1864). Pages 50-55.
54. RSHA. Fund 1291. Catalog 82. File 30 (1864). Pages 112-113.
55. The State Archive of the Russian Federation (SARF). Fund 678. Catalog 1. File 617. Pages 18-19.
56. SARF. Fund 678. Catalog 1. File 622. Page 24.
57. SARF. Fund 678. Catalog 1. File 625. Page 23.
58. Complete collection of laws of the Russian empire. Collection 2. Vol. XLVI. Division 1. №49414. St. Petersburg: Printing house II of Office Own its Imperial Majesty of Office, 1874. 276 p.

УДК 93/94

**Юго-восточный фронтир Российской Империи и процессы по разграничению
левобережья реки Урал между киргиз-кайсаками и уральскими казаками
во второй половине XIX века**

Алексей Иванович Кортунوف

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация
450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
E-mail: kortunov@rambler.ru

Аннотация. В статье освещается вопрос, связанный с особенностями формирования юго-восточного фронта Российской империи и процессами по размежеванию приграничных территорий Оренбургской линии (в частности левобережья реки Урал) между киргиз-кайсаками и уральскими казаками во второй половине XIX столетия. Особое внимание автор уделяет проблеме разрешения споров между уральскими казаками и киргиз-кайсаками местными и центральными властями.

Ключевые слова: Российская империя; юго-восточный фронтир; Оренбургская пограничная линия; размежевание; спорная территория; левобережье Урала; киргиз-кайсаки; уральские казаки.

Copyright © 2015 by Sochi State University

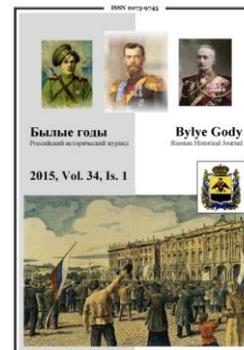
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 107-115, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Features of the Russian Language Institutionalization in the Poly-ethnic Environment of Sochi District by Means of Education at the Turn of XIX–XX Centuries

¹Jury S. Tynnikov

²Valentina V. Krylova

¹ Sochi State University, Russian Federation
26a Sovetskaya Str., Sochi 354000
Dr. (Pedagogy), Professor
E-mail: tunn@yandex.ru

² Sochi State University, Russian Federation
26a Sovetskaya Str., Sochi 354000
PhD (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: valensiyaleter@mail.ru

Abstract

The paper is concerned with the educational policy in pre-revolutionary Russia and the North Caucasus at the turn of XIX-XX centuries, detects the reasons, problems and the ways of the education formation among the multi-national population of Sochi District in the studied period. The role of the Russian language in the formation of major channels of the interethnic communication, introduction of the multinational population to the Russian culture, development of the state integrity is examined.

Keywords: Educational policy of the Russian state in late XIX – early XX centuries; Sochi Okrug of the Chernomorskaya Guberniya (Black Sea Province); Caucasian Educational Okrug; village training schools of the Ministry of Public Instruction; primary education; non-Russian population; institutional status of the Russian language.

Введение

Кавказская война 1817–1864 годов завершилась полным присоединением Кавказа к России. Началось активное заселение Кавказа русскими, украинцами, белорусами. Постепенно налаживалась торговля, стали развиваться товарно-денежные отношения. Фактически проблема Кавказа из внешнеполитической плоскости перешла в плоскость внутренней политики Российской империи, что определило ключевые направления развития Черноморского побережья Северного Кавказа.

Для решения политических, социально-экономических и культурно-просветительских задач Российское правительство делало ставку на единое образование, развитие которого поможет при взаимодействии между собой людей разных национальностей.

Сочинский округ в конце XIX в. был одним из трех округов составляющих Черноморскую губернию в нем, наряду с русскими крестьянами-переселенцами, жили греки, армяне, украинцы, белорусы, мингрелы, горцы, грузины, турки, эстонцы, поляки и другие национальности [1].

Ключевым вопросом для российского правительства стал вопрос объединения всего многонационального населения, основу которого определяет гармоничное сочетание различных вероисповеданий, национальных сознаний и самосознаний, общих морально-нравственные установок и ценностей, многообразия национальных языков и единого государственного русского языка. При этом русскому языку отводилась роль ключевого фактора в формировании межэтнического сообщества, способного повлиять на социально-экономическое и культурно-образовательное развитие Сочинского края Черноморской губернии и всего Кавказского округа.

Это ставило перед руководством Черноморской губернии задачу открытия образовательных учреждений Министерства народного просвещения (МНП) для детей из различных слоев населения и разной национальности прежде всего учитывая особенности вероисповедания, бытового уклада населения.

В качестве наиболее активного и социально зрелого субъекта формирования культурно-образовательного пространства Сочинского округа стала выступать русская интеллигенция. Именно их деятельность в наибольшей степени способствовала культурно-образовательным процессам, самоорганизации и саморегулированию общественных отношений.

Значительная роль в налаживании взаимодействий между этническими группами (в этой связи) формировании единых морально-этических основ жизнедеятельности отводилась (при соответствующей поддержке государства) русским поселенцам.

Материалы и методы

Особую группу представляют исследования по обучению инородческого населения изданные в дореволюционный период. Значительный фактический материал по основным аспектам развития Сочинского края на рубеже XIX–XX вв. получен при анализе материалов Архивного отдела администрации г. Сочи, а также современных исследований проблем развития российского образования, относящиеся к исследуемому периоду.

В статье использованы следующие **методы исследования**: теоретические методы исследования, включающие: анализ, синтез, сравнение, обобщение, системный и сравнительно-исторический подходы.

Обсуждение и результаты

По данной теме выполнено ряд интересных исследований, в том числе Д. Ткаченко «Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в.» (2006), О. Шкилева «Развитие светского и духовного образования среди славянского и горского населения на Кубани XIX – начала XX вв.» (2010), Д. Гордиенко «Стратегия развития национального образования в целостном поликультурном пространстве России» (2012), А.А. Черкасов «All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones» (2011) [2] и другие работы.

Становление и развитие образования в Сочинском округе, входившего в состав Черноморской губернии (самой новой из административных делений России конца XIX – начала XX вв.), с одной стороны, находилось под воздействием социальных, экономических перемен, происходившими в России, а с другой – было непосредственно связано с процессом обрусения местного многонационального населения.

Интересно в этой связи обратить внимание на трактовку того времени самого понятия просвещение. «Слово «просвещение» включает в себе (в живой речи) два понятия. Кроме коренного понятия слова – «дать умственный и нравственный (религиозный) свет», в нем заключается еще понятие «обрусить». Слово «обрусить» имело два значения, т.е. заменить все национальное (язык, костюм, обычаи) на русское и второе – не делать никаких посягательств на национальное, представляя инородцам равные права с коренным населением государства, заботясь о просвещении в настоящем смысле слова» [3, с. 2].

В России конца XIX – начала XX вв. МНП уделяло значительное внимание введению единой образовательной системы для инородцев. Неоднократные проверки, анализ отчетов свидетельствовали о существенных недостатках в постановке и организации обучения инородческого населения.

Обсуждая проблемы колонизации Черноморской губернии, его обрусения, чиновник особых поручений Министерства государственного имущества и земледелия П.А. Краевский отмечал, что «В округе отсутствуют школы, сельское положение не введено и в любой греческой или армянской деревне после 25 лет жизни на русской территории не слышно русской речи и это в округе, составляющем нашу окраину...» [4, с.15].

Просвещение инородческого населения являлось одной из самых острых проблем для Российской Империи. Министерство народного просвещения, анализируя отчеты, выводы неоднократных проверок, отмечало существенные недостатки в постановке и организации обучения инородческого населения.

Основная часть населения Сочинского округа, оставшаяся вне рамок государственной системы образования, состояла из сельских жителей, живших своими общинами.

Потребность в открытии начальных школах МНП настолько серьезно ощущалась, что многие жители свое пребывание на новых местах ставили в зависимость от возможности обучения своих детей грамоте и согласны были взять на себя все расходы и обязательства связанные с вопросом открытия начальных училищ. «Родитель, вкусивший блага хотя бы самой скромной грамотности, не может примириться с оставлением своих детей безграмотными» [5. Л. 31].

Аналогично по своему содержанию Прошение жителей отселка Мехадьрь об открытии начального училища: «Мы хотим, чтобы дети наши имели возможность научиться грамоте, быть в будущем полезными Отечеству сынами и верными воинами России, и были бы благодарны Отцу

Нашему Государю Императору и его верным слугам за то, что не остались в невежестве и познали грамоту, сию истину» [6. Л. 1].

Открытие сельских начальных училищ МНП требовало соблюдение от определенных требований: население должно было создать условия для проживания учителей, т.е. предоставить прислугу, отопление, освещение квартиры учителя, поселяне должны были доставить строительный материал и выделить деньги на постройку нового училища, а до постройки нового здания училища могло располагаться в арендованном или общественном здании. Достаточно часто помещения первых начальных училищ не соответствовали школьным нормам – это была телесная, плохо освещенная классная комната, комната для учителя и прихожая.

Для улучшения условий МНП выделяло финансирование для строительства учебного здания или помещения, а также для покупок школьных канцлерских товаров и литературы для создания библиотек для учителей и учащихся.

В Сочинском округе были открыты начальные училища для инородцев, которые финансировались не только казной, но и самими поселянами (Черкесское, Эстонское и Греческое). За счет средств местных эллинских обществ содержались греческие начальные училища: Сочинское греческое, Краснополянское греческое [7. Л. 16].

Необходимо подчеркнуть, что не каждое сельское общество могло открыть начальное училище. Это было связано не только низким уровнем жизни населения и его малочисленности, но и отсутствием дорог, поскольку селения находились далеко друг от друга.

Например, население деревни Третья рота обращается с просьбой к инспектору о выделение финансирования для открытия начального училища: «Общество дер. Третья рота Волковского сельского управления изыскивает средства для открытия училища для 20 детей школьного возраста. Специального дома нет. Общество настолько бедно, что уделить что-либо в настоящее время на училище не имеет положительно никакой возможности» [8. Л. 3].

С аналогичным Прошением обращаются жители деревни Красная Поляна: «...иногородние лица, проживающие в деревне Красная Поляна получили от инспектора извещение о том, что с нас, иногородних, требуется денежное пособие 100 руб. для поднятия начального училища. При всем нашем желании внести эту плату по бедности своей не можем: хотя давно проживаем в деревне Красная Поляна. Детей школьного возраста 30 душ, в некоторых семьях имеется по 3–4 учащихся и вносить им придется 9–12 руб., а никакой возможности нет» [9. Л. 12].

Наряду с организационно-административными и финансовыми затруднениями в открытии в селениях начальных училищ МНП правительство не всегда встречало понимание и поддержку среди инородческого населения, поскольку местное население с осторожностью относилось к распространению русской культуры

Вот что писал по этому поводу русский религиозный философ В.В. Розанов, оценивая ситуацию того времени в целом: «Совершенно естественно желать и надеяться, чтобы все племена, существующие в России, кроме своего туземного языка говорили и по-русски, читали по-русски и, словом, были гражданами русской образованности и русской культуры (которая есть). Но желать и надеяться этого, способствовать этому – можно; а вот потребовать этого, притом сейчас потребовать, – невозможно, не рискуя всем делом, не потеряв всю надежду на "исполнение своих желаний"» [10].

Проблемы, связанные с особой организацией обучения инородцев в сельских начальных училищах, постоянно освещались в прессе, обсуждались на заседаниях различного ранга. В этой связи требовалось выработать правила об образовании инородцев и изменить подходы и методы преподавания в начальных училищах для инородцев.

«Школьный вопрос – это самый существенный и, вместе с тем, самый затруднительный, потому что решением его непосредственно предрешаются государственные интересы в далеком будущем; но, вместе с тем, вопрос крайне затруднительный, потому что затрагивает такие интересы национальные, которые совершенно противоположны общим интересам государственным. Для того чтобы вести к желанному объединению племен, самое действительное средство состоит в объединении обучения и воспитания всех слоев народа. А для того необходимо, чтобы вся масса проходила через единую школу с языком государственным» [11, с. 61].

В Докладе по внесенным министром народного просвещения законопроектam говорилось о значении русского языка и также подчеркивалось, что «Преподавание должно вестись на русском языке, языке наших законов, нашего представительства и судебных установлений, нашей армии, словом, языке, на котором неизбежно объясняться и который обязательно понимать гражданину Российской Империи при столкновении со всеми важнейшими проявлениями нашей государственности» [12, с. 6].

Таким образом, «Начальные училища для инородцев, с одной стороны, должны содействовать нравственному и умственному развитию и таким образом способствовать улучшению быта, а с другой – распространять между ними знания русского языка и сблизать с русским народом на почве любви к Общему Отечеству» [13. Л.12].

По мнению чиновников МНП и организаторов народного просвещения обучение в начальных училищах должно опираться на русский язык, т.к. он являлся основным предметом, входящим во все другие предметы и собирающим в себе их результаты.

В Докладе по внесенным министром народного просвещения законопроектам (о начальных училищах), отмечалась достоинство русского языка «Можно иметь различные взгляды на русский язык с политической точки зрения, но не может быть двух мнений относительно его гибкости, богатства, красоты формы, изобилия высокохудожественных образцов, доступных всякому возрасту. Из этого можно сделать вывод, что русский язык является прекрасным педагогическим материалом» [14, с. 5].

В сельских начальных училищах работали учителя из инородцев или учителя, которые проходили специальные курсы повышения квалификации для работы в той или иной сельской местности. «... для возможно скорого усвоения учащимися преподаваемых в школах предметов, соответственно задачам школ для инородцев, п. 9, вновь утвержденных правил, устанавливает, чтобы учителя русского происхождения, обучающие в двух младших отделениях, были знакомы с родным языком учащихся. Предусматривая, однако, случаи, когда подходящих кандидатов из инородцев или лиц русского происхождения, знающих родной язык учащихся, будет недостаточно, признаю возможным допущение на учительские вакансии и лиц русского происхождения, не знакомых с родным языком учащихся, с обращением, однако, внимания этих учителей на необходимость позаботиться о приобретении достаточных для школьных целей знаний природного языка учащихся» [15. Л. 14].

В своей работе начальных училищах МНП опиралась на «Правила о начальных училищах для инородцев» (1907, 1913) в которых указывались дисциплины и количество часов, преподавалось необходимое для учащихся вероисповедание или Закон Божий. Большое количество часов отводилось изучению русского языка.

В «Правилах о начальных училищах для инородцев» подчеркивалось, что «Преподавание Закона Божьего для православных ведется на родном языке учащихся, однако, этот предмет может быть преподаваем и на русском языке, если последний достаточно усвоен детьми и со стороны родителей не встречается к тому препятствий. Инословные и иноверные вероучения преподаются сообразно с религиозными требованиями населения. Если в училище введено обучение пению, то оно преподается на русском и на родном языке учащихся, церковное пение преподается на языке богослужения» [16. Л. 14].

Нужно отметить, что российское правительство старалось удовлетворить образовательные потребности инородческого населения. Прежде всего, это было связано с изучением родного языка учащихся, но в основе обучения лежало изучение русского языка.

Достаточно сложно открывались начальные училища МНП расположенных в горских селениях. Черкесы в дер. Кичмай отказывались от открытия таких училищ «...составлению приговора об открытии начального училища предшествовала серьезная оппозиция со стороны влиятельных членов общества дер. Кичмай (детей школьного возраста: 63 – коренного, 3 – иногороднего), которых пришлось убеждать не противиться открытию училища МНП. Горцы должны убедиться в пользе школы и в неверности существующих среди них представлений о посягательстве на их религию, нравы и обычаи открытием русской школы» [17. Л. 13].

Открытие подобных начальных училищ МНП, а также и их содержание финансировалось министерством. В училище разрешалось преподавание мусульманского закона по Корану на арабском языке, который вел мулла каждый день по часу, но тем не менее местные жители не хотели, чтобы дети учились в начальном училище МНП. Местное население не только не выполняли своих обязательств, но и недоброжелательно относились к учителю. Училище было открыто в 1906 году и через год было закрыто.

Например, для грузинского или эстонского населения большое значение придавалось обучению детей, учителями выходцами из той же национальности, который соблюдает их национальные традиции и культуру, но учителей не хватало и «Сначала туземное население не способно было довольствоваться назначением русского учителя, но теперь, кажется, смирилось» [18. Л. 55].

«Задача национальной школы состоит не в одном лишь сообщении учащимся необходимых знаний, но и в приобщении подрастающего поколения инородцев к общественной гражданской жизни их Отечества, а для достижения этой цели знание государственного языка является необходимым» [19. Л. 14].

Не достаточное знание русского языка учащимися было связано с многочисленными трудностями: поздним изучением русского языка, занятостью учащихся на сельскохозяйственных и домашних работах, краткой продолжительностью учебного года (4-5 месяцев в связи с посевом и уборкой урожая), несистематизированностью занятий, связанных с пропусками учащихся по болезни и т.д.

В этой связи со стороны МНП были разработаны рекомендации, связанные с его преподаванием: «...по русскому языку – разрабатывать каждую статью основательнее и притом по натуральному методу; при объяснении слов указывать на первоначальное значение слова, или наглядно.

Требовать повторения слов, для этого следует завести список слов, требующих объяснения. Ответы неправильные, особенно в произношении и в окончании (в согласовании) надо повторять несколько раз правильно.

Приучить учеников замечать однократным стуком ошибки в рассказе, чтении и оборотах

товарищей. По письму разобрать работы с логическими упражнениями» [20. Л. 10].

В греческих начальных училищах (Сочинском и Краснополянском) учителя не знали русский язык, кроме учительницы русского языка, поскольку являлись греческими поданными. В основном преподавание в начальных училищах было направлено на увеличение объема по русскому языку и не уделялось внимание качественной стороне в изучении русского языка.

Нужно отметить, что учащиеся выбывшие из училища не знали русский язык, а учащиеся, которые закончили обучение в начальном училище не всегда могли закрепить свое знание русского языка на практике, поэтому «...одна из главных целей распространения между инородцами знаний русского языка и сближения их с русским народом не достигается. Такое положение дела не соответствует ни интересам государства, ни достоинству русского языка как языка государственного, которому должно быть отведено подобающее место во всякой школе» [21. Л. 16].

Для эффективного усвоения русского языка инородцами были предложены следующие рекомендации по его преподаванию: изучение русского языка надо начинать как можно раньше на третий месяц после зачисления, учащиеся должны были разговаривать на русском языке, а учителя должны следить за правильными оборотами речи, необходимо, чтобы была взаимосвязь между устными и письменными занятиями, а сам материал должен быть понятный для учащихся, необходимо проводить беседы по прочитанному материалу. Подбор материала для чтения, письма и бесед должен был быть из хорошо знакомой окружающей обстановки. «Для изучения детьми живой русской речи для новичков пользуюсь окружающей обстановкой, беседами по картинам, а с детьми несколько знакомыми с русской речью занимаюсь внеурочным чтением понятных для них рассказов и беседами о прочитанном, а также благодаря моему настоятельному требованию все учащиеся говорят только на русском языке за время обучения в училище, и таким образом я постоянно имею возможность следить за их правильными оборотами речи и кроме того веду дополнительные уроки по построению предложений устно и письменно, для устной речи кроме действия предмета и его качества, по вопросам: куда? когда? как? когда? и т.д. Дети сами подбирают пояснительные слова и таким образом учатся высказывать довольно распространенные предложения, конечно, из знакомой им окружающей жизни» [22. Л. 52].

В Пластунском, Веселовском, Ермоловском и других начальных училищах для инородцев учащиеся обучались по учебникам Ф. Левитского «Курс русского языка для начальных училищ Закавказья» (в двух частях), а также занимались по «Прописям» В.С. Гербаха. Учителя по методике преподавания русского языка использовали методические пособия: П.Н. Солониной «Записки по методике русского языка», В.С. Гербаха «Методическое руководство по обучению русскому языку», В.П. Вахтерова «Методическое руководство по обучению письму и чтению по «Русскому Букварю». Использовались наглядные пособия: резная азбука, атлас «Живое слово».

Существовали различные руководства и учебники для обучения инородцев русскому разговорному языку и русскому чтению, и письму. В основу одних был положен переводной метод, а в основу других – натуральный метод, которые были противоположны друг другу.

Сторонники переводного метода все изучение русского языка основывали исключительно на переводе и не допускали никакой наглядности. Учителя, использовавшие натуральный метод (естественный), старались все объяснить ученикам наглядно. В основном использовались рисунки, а перевод допускался крайне редко.

И тот, и другой метод имели свои недостатки. Занятия, основанные только на переводе, были однообразны и не вызывали интереса у учащихся, поэтому учебники, основанные на переводном методе, в основном не были одобрены Ученым Комитетом.

Использование наглядного метода тоже не всегда приносил положительных результатов. Например, некоторые темы из учебника Ф. Левитского «Курс русского языка»: «Волки и медведи – большие животные. Они питаются мясом овец и коров», «Лесть – мать пороков» и др. невозможно было показать наглядно [23].

Появление новых тенденций в образовании обуславливало необходимость обновления учебной литературы. В 1904 г. вышло «Руководство к введению разговорных уроков по русскому языку в инородческих школах» [24], в котором были объединены наглядный и переводной методы, в 1905 г. издается «Наглядный русский букварь и первая книга для чтения и практических упражнений в русском языке для инородцев» [25], автор-составитель И.С. Михеев.

Главное достоинство заключалось в том, что грамматические формы, подлежащие усвоению, были расположены по принципу перехода от «легкого к трудному» (что не соблюдалось в других учебниках).

В обучении инородцев русскому языку главную трудность представляли не русские слова, а грамматические формы русского языка, так как русские формы резко расходятся с инородческими, а материал для изучения должен быть расположен в строгой последовательности. При выборе материала учитель руководствовался, с одной стороны, русской грамматикой, с другой – инородческой.

Чтение по «Наглядному русскому букварю...» должно было начинаться только тогда, когда пройден: 1) букварь на родном языке; 2) письмо строчных букв; 3) не менее 40 устных разговорных уроков.

Содержание «Наглядного русского букваря...» было выстроено в определенном порядке и неразрывно связано с содержанием «Руководства» для разговорных уроков. В букваре заключались слова трех категорий: 1. Слова, усвоенные на устных разговорных уроках. 2. Слова, заимствованные инородцами от русских и употребляющиеся в языках в искаженном виде, например, сахар, самовар и т.д. 3. Слова, встречающиеся впервые, но введенные в букварь с той целью, чтобы при чтении в тексте с известными словами было несколько неизвестных. Это обогащало русскую речь инородцев. Большая часть этих слов была проиллюстрирована, и самая незначительная часть усваивалась путем перевода.

Вместе с чтением шли письменные упражнения, способствующие правильному и скорому усвоению русских слов и грамматических оборотов. Эти письменные упражнения всячески разнообразятся (в «Руководстве» их указано 8) и тем самым вызывают интерес учащихся. Букварь был почти весь иллюстрирован (470 рисунков), что ускоряло и оживляло ход занятий. В конце букваря помещено до 40 статей для чтения, содержание которых было легким, понятным и быстро усваивалось.

Большая заслуга автора состояла в том, что отдельные слова для чтения и упражнений были соединены между собой в логическую связь, чего не было в других руководствах и книгах по обучению инородцев русскому языку. Грамматические формы для разговорных уроков располагались в логической последовательности.

Прохождение такого курса должно было дать учащимся толчок к умственному и духовному развитию на основании близкого, родного и полезного. «Грамота, опираясь на «родную жизнь» наилучше подействует на развитие учащихся и отношение к Царю и Отечеству» [25, с. 60].

Вызывало беспокойство в МНП падение уровня грамотности в средних учебных заведениях (в отношении правописания, умения выражать свои мысли, в правильном и логическом построении предложений). Для этого педагогическим советом принимались необходимые меры, предложенные МНП для устранения вышеописанных недостатков.

В младших классах изучение грамматики должно было быть систематизированным, основательным. В связи с этим было необходимо усилить требования по этому предмету. Однако это не должно было вести к ослаблению или уменьшению изучения практического русского литературного языка (чтения литературных произведений и упражнений в устной и письменной речи). Изучение грамматики не должно было сводиться к заучиванию учащимися наизусть отвлеченных этимологических и синтаксических форм, оторванных от живого литературного языка.

Рекомендовалось письменные работы по русскому языку и другим предметам проводить чаще и в определенной системе. При обучении правописанию учителя должны были обращать особое внимание на создание навыков правильного написания слов, осмысленному списыванию с книг, которое способствовало развитию зрительной памяти.

В младших классах необходимо было вести занятия в строгой последовательности. Изучение грамматики должно было состоять не только в выписывании отдельных слов, подтверждающих то или другое орфографическое правило или изменяющих свое правописание в зависимости от значения, но и целых выражений и связанных текстов (небольших по объему), закрепляющих в памяти учащихся то или другое правило этимологически и синтаксически. Учащимся необходимо было чаще давать задания, состоящие в списывании с книг. Для списывания с книг использовать уроки чистописания.

В первых пяти классах обращалось серьезное внимание на заучивание наизусть отрывков стихотворений и прозы, которые должны были содействовать развитию механической памяти и зрительной, имеющей важное значение при обучении правописанию, пополнении запаса слов и выражений. Упражнения на заучивание наизусть необходимо было проводить систематически, но без перегрузки детей.

Педагогический совет определял количество материала для заучивания (неделя, месяц, четверть), который должен был проходить через весь курс учебного процесса. В числе письменных работ практиковать переводы с иностранных языков на русский и, в частности, переводы с латинского языка с исправлением ошибок в двух текстах.

Сочинения классные и домашние проводились не только по русскому языку, но и по другим предметам (истории, географии, Закону Божьему и др.). Учителям всех предметов необходимо было следить за орфографией. Расписание домашних сочинений составлялось заранее на каждую учебную четверть года, темы составлялись заранее. Письменные упражнения необходимо было сдавать своевременно в определенный срок. Исправленные работы разбирались целым классом. Обращалось также внимание и на внешнюю сторону письменных работ не только в чистовиках, но и в черновиках, т.к. это несло воспитательное значение, формировало аккуратное и ответственное отношение учащихся к выполнению заданий в черновиках и предупреждало орфографические ошибки.

Заключение

Становление образования в Сочинском округе на рубеже XIX-XX вв. связано с просвещением многонационального населения, которое происходило при решающей роли российской культуры при взаимодействии с различными национальными культурами и традициями. Все это приводило к формированию русской культуры в многонациональном Сочинском округе.

Введение, изучение и знание единого государственного русского языка, способствовало не только повышению уровня грамотности среди многонационального населения, но и объединению, единству всего многонационального населения, гармоничному сочетанию региональных и национальных компонентов, повышению национального сознания и самосознания, морально-нравственных установок и ценностей.

В этой связи достаточное серьезное внимание со стороны руководства уделялось не только изучению, но и методам преподавания русского языка в образовательных учреждениях Сочинского округа.

Открытие для инородческого населения сельских начальных училищ МНП и знание русского языка рассматривалось как важное общественное и культурное событие, которое оказало значительное влияние на формирование Сочинского округа на рубеже XIX–XX вв.

Примечания:

1. Розин И.Н. Сельское хозяйство Сочинского округа до Великой Октябрьской социалистической революции // Докл. Соч. отд-ния Геогр. о-ва СССР. Вып. 2. Л., 1971. С. 5–32.
2. Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10). P. 138-149.
3. Яковлев П. Современные вопросы инородческого просвещения: СПб., 1907.
4. Краевский П.А. К вопросу колонизации Черноморской губернии. СПб, 1897.
5. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Список намеченных к постройке школьных зданий и переписка инспектора с попечителем Кавказского учебного округа и губернатором о выборе участка под училище в городе Романовске и количестве закрытых и действующих учебных заведений за 1912–1914 гг.
6. АОАГС. Ф.1. Оп.1. Д.7. Переписка Мехадырского, Ахштырского, Фитингофского и других училищ по вопросам работы за 1900–1918 гг.
7. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Список намеченных к постройке школьных зданий и переписка инспектора с попечителем Кавказского учебного округа и губернатором о выборе участка под училище в городе Романовске и количестве закрытых и действующих учебных заведений за 1912–1914 гг.
8. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Переписка Солохаульского, Покровского, Кичмайского и других училищ по вопросам работы за 1902–1908, 1916–1918 гг.
9. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Переписка Краснополянского, Аибгинского, Адлерского, Медовеевского училищ с инспектором по вопросам работы за 1898–1918 гг.
10. Розанов В.В. Инородческие языки в школе // *Новое время*. 1908. №11615.
11. Милюков Д.А. Законная государственная цель – полное объединение, слияние разных племен // *Источник*. 2003. №1.
12. Ковалевский Е.П. Доклад по внесенным министром народного просвещения законопроектам (о начальных училищах): Представление от 23 марта 1909 г. за № 715. СПб., 1910.
13. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Список намеченных к постройке школьных зданий и переписка инспектора с попечителем Кавказского учебного округа и губернатором о выборе участка под училище в городе Романовске и количестве закрытых и действующих учебных заведений за 1912–1914 гг.
14. Ковалевский Е.П. Доклад по внесенным министром народного просвещения законопроектам (о начальных училищах): Представление от 23 марта 1909 г. за № 715. СПб., 1910.
15. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Список намеченных к постройке школьных зданий и переписка инспектора с попечителем Кавказского учебного округа и губернатором о выборе участка под училище в городе Романовске и количестве закрытых и действующих учебных заведений за 1912–1914 гг.
16. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Список намеченных к постройке школьных зданий и переписка инспектора с попечителем Кавказского учебного округа и губернатором о выборе участка под училище в городе Романовске и количестве закрытых и действующих учебных заведений за 1912–1914 гг.
17. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Переписка Солохаульского, Покровского, Кичмайского и других училищ по вопросам работы за 1902–1908, 1916–1918 гг.
18. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Переписка Пластунского, Алекского, Раздольненского, Мамайского, Хлудовского училищ по вопросам работы за 1897, 1912–1920 гг.
19. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Список намеченных к постройке школьных зданий и переписка инспектора с попечителем Кавказского учебного округа и губернатором о выборе участка под училище в городе Романовске и количестве закрытых и действующих учебных заведений за 1912–1914 гг.
20. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Переписка Ермоловского училища с инспектором по вопросам работы за 1902–1909, 1913–1917 гг.
21. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Список намеченных к постройке школьных зданий и переписка инспектора с попечителем Кавказского учебного округа и губернатором о выборе участка под училище в городе Романовске и количестве закрытых и действующих учебных заведений за 1912–1914 гг.
22. АОАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Переписка Пластунского, Алекского, Раздольненского, Мамайского, Хлудовского училищ по вопросам работы за 1897, 1912–1920 гг.

23. Левитский Ф. Курс русского языка для начальных училищ Закавказья: В 2 ч. Тифлис, 1900.
24. Михеев И. С. Руководство к введению разговорных уроков по русскому языку в инородческих школах, Казань, 1904.
25. Михеев И. С. Наглядный русский букварь и первая книга для чтения и практических упражнений в русском языке для инородцев. Изд. 3-е. Казань, 1905.
26. Рудольф Н.Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг. Тифлис: «Либерман и К», 1914.

References:

1. Rozin I.N. Sel'skoe khozyaistvo Sochinskogo okruga do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii // Dokl. Soch. otd-niya Geogr. o-va SSSR. Vyp. 2. L., 1971. S. 5–32.
2. Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894-1917): Developmental Milestones // Social Evolution & history. 2011. № 2 (10). R. 138-149.
3. Yakovlev P. Sovremennye voprosy inorodcheskogo prosveshcheniya: SPb., 1907.
4. Kraevskii P.A. K voprosu kolonizatsii Chernomorskoj gubernii. SPb, 1897.
5. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 24. Spisok namechennykh k postroike shkol'nykh zdanii i perepiska inspektora s popечitelem Kavkazskogo uchebnogo okruga i gubernatorom o vybore uchastka pod uchilishche v gorode Romanovske i kolichestve zakrytykh i deistvuyushchikh uchebnykh zavedenii za 1912–1914 gg.
6. AOAGS. F.1. Op.1. D.7. Perepiska Mekhadyr'skogo, Akhshtyr'skogo, Fitingof'skogo i drugikh uchilishch po voprosam raboty za 1900–1918 gg.
7. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 24. Spisok namechennykh k postroike shkol'nykh zdanii i perepiska inspektora s popечitelem Kavkazskogo uchebnogo okruga i gubernatorom o vybore uchastka pod uchilishche v gorode Romanovske i kolichestve zakrytykh i deistvuyushchikh uchebnykh zavedenii za 1912–1914 gg.
8. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 9. Perepiska Solokhau'l'skogo, Pokrov'skogo, Kichmaiskogo i drugikh uchilishch po voprosam raboty za 1902–1908, 1916–1918 gg.
9. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 4. Perepiska Krasnopolyanskogo, Aibginskogo, Adlerskogo, Medoveev'skogo uchilishch s inspektorom po voprosam raboty za 1898–1918 gg.
10. Rozanov V.V. Inorodcheskie yazyki v shkole //Novoe vremya. 1908. №11615.
11. Milyukov D.A. Zakonnaya gosudarstvennaya tsel' – polnoe ob"edinenie, sliyanie raznykh plemen //Istochnik. 2003. №1.
12. Kovalevskii E.P. Doklad po vnesennym ministrom narodnogo prosveshcheniya zakonoproektam (o nachal'nykh uchilishchakh): Predstavlenie ot 23 marta 1909 g. za № 715. SPb., 1910.
13. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 24. Spisok namechennykh k postroike shkol'nykh zdanii i perepiska inspektora s popечitelem Kavkazskogo uchebnogo okruga i gubernatorom o vybore uchastka pod uchilishche v gorode Romanovske i kolichestve zakrytykh i deistvuyushchikh uchebnykh zavedenii za 1912–1914 gg.
14. Kovalevskii E.P. Doklad po vnesennym ministrom narodnogo prosveshcheniya zakonoproektam (o nachal'nykh uchilishchakh): Predstavlenie ot 23 marta 1909 g. za № 715. SPb., 1910.
15. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 24. Spisok namechennykh k postroike shkol'nykh zdanii i perepiska inspektora s popечitelem Kavkazskogo uchebnogo okruga i gubernatorom o vybore uchastka pod uchilishche v gorode Romanovske i kolichestve zakrytykh i deistvuyushchikh uchebnykh zavedenii za 1912–1914 gg.
16. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 24. Spisok namechennykh k postroike shkol'nykh zdanii i perepiska inspektora s popечitelem Kavkazskogo uchebnogo okruga i gubernatorom o vybore uchastka pod uchilishche v gorode Romanovske i kolichestve zakrytykh i deistvuyushchikh uchebnykh zavedenii za 1912–1914 gg.
17. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 9. Perepiska Solokhau'l'skogo, Pokrov'skogo, Kichmaiskogo i drugikh uchilishch po voprosam raboty za 1902–1908, 1916–1918 gg.
18. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 2. Perepiska Plastun'skogo, Alekskogo, Razdol'nenskogo, Mamaiskogo, Khludov'skogo uchilishch po voprosam raboty za 1897, 1912–1920 gg.
19. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 24. Spisok namechennykh k postroike shkol'nykh zdanii i perepiska inspektora s popечitelem Kavkazskogo uchebnogo okruga i gubernatorom o vybore uchastka pod uchilishche v gorode Romanovske i kolichestve zakrytykh i deistvuyushchikh uchebnykh zavedenii za 1912–1914 gg.
20. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 10. Perepiska Ermolov'skogo uchilishcha s inspektorom po voprosam raboty za 1902–1909, 1913–1917 gg.
21. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 24. Spisok namechennykh k postroike shkol'nykh zdanii i perepiska inspektora s popечitelem Kavkazskogo uchebnogo okruga i gubernatorom o vybore uchastka pod uchilishche v gorode Romanovske i kolichestve zakrytykh i deistvuyushchikh uchebnykh zavedenii za 1912–1914 gg.
22. AOAGS. F. 1. Op. 1. D. 2. Perepiska Plastun'skogo, Alekskogo, Razdol'nenskogo, Mamaiskogo, Khludov'skogo uchilishch po voprosam raboty za 1897, 1912–1920 gg.

23. Levitskii F. Kurs russkogo yazyka dlya nachal'nykh uchilishch Zakavkaz'ya: V 2 ch. Tiflis, 1900.
24. Mikheev I. S. Rukovodstvo k vvedeniyu razgovornykh urokov po russkomu yazyku v inorodcheskikh shkolakh, Kazan', 1904.
25. Mikheev I. S. Naglyadnyi russkii bukvar' i pervaya kniga dlya chteniya i prakticheskikh uprazhnenii v russkom yazyke dlya inorodtsev. Izd. 3-e. Kazan', 1905.
26. Rudol'f N.F. Obzor deyatel'nosti Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1908–1912 gg. Tiflis: «Liberman i K», 1914.

УДК 94

**Особенности институционализации русского языка
в полиэтнической среде Сочинского округа
средствами просвещения на рубеже XIX–XX веков**

¹Юрий Станиславович Тюнников
²Валентина Владимировна Крылова

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
доктор педагогических наук, профессор
E-mail: tunn@yandex.ru

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: valensiyalletter@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается образовательная политика в дореволюционной России и Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв., определены причины, проблемы и пути становления образования среди многонационального населения Сочинского округа в рассматриваемый период. Отмечается роль русского языка в формировании основных каналов межэтнического общения, приобщении многонационального населения к русской культуре, развитию государственной целостности.

Ключевые слова: Образовательная политика Российского государства конце XIX – начале XX вв.; Сочинский округ Черноморской губернии; Кавказский учебный округ; сельские училища министерства народного просвещения; начальное образование; инородческое население; институциональный статус русского языка.

Copyright © 2015 by Sochi State University

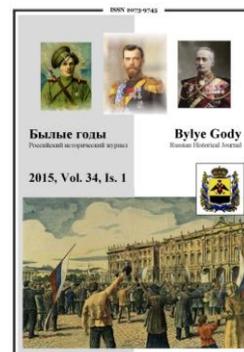
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 116-123, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

National School of Udmurtia in the Beginning of the XX century (in the Context of the Russo-Japanese war and the First Russian Revolution)

¹ Lucia A. Volkova

² Irina V. Rubanova

¹ Glazov State Pedagogical Institute, Russian Federation
Pervomajskaya street 25, Glazov, Udmurt Republic, 427621
Dr. (History), Professor
E-mail: snovaluyciya@mail.ru

² Glazov State Pedagogical Institute, Russian Federation
Pervomajskaya street 25, Glazov, Udmurt Republic, 427621
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: ivladu@mail.ru

Abstract

The creation and development of the national school in Russia had long and complex, controversial and dramatic history. The activities of the national school and the educational community have followed national trends in pre-revolutionary Udmurtia (in Glazovsky, Elabuga, Malmyzh and Sarapul uyezds of Vyatka province). The educational process here was based according with the four "Rules..." of the education of non-Russian peoples of the Empire, adopted in 1870, 1906, 1907 and 1913. Used complex published materials and archival documents shows that the positive trend observed in the second half of the nineteenth century, in the early XX century has stalled. However, Udmurt language was used in the system of Christian education at the local level. Secular elementary school in process of education used Russian language. The events of the Russo-Japanese war (1904-1905) and the First Russian revolution (1905–1907) changed the educational course.

Keywords: national school; educational reform; the Russo-Japanese war; the Russian revolution; instruction in native language; Udmurts; the Udmurt language; Vyatka province; the pre-revolutionary Udmurtia.

Введение

Школа в России всегда являлась одним из важнейших инструментов национальной политики государства, и особое место в ней занимало просвещение нерусских народов. Оно развивалось под влиянием общественно-политических, экономических и социально-культурных модернизационных процессов, развернувшихся в российском обществе с Великими реформами 1860-х годов. Реформы ускорили внедрение нерусских народов в систему рынка и капиталистических отношений, расширили этносоциальные и этнокультурные связи, активизировали их участие в культурной консолидации российского общества. В связи с этим в структурах власти осознавалась необходимость пересмотра образовательной политики, как комплекса законодательных, административных, социально-культурных и педагогических мер. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. разрабатывалось несколько концепций «педагогической системы образования инородцев» и были приняты четыре законоположения: «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870 г.); «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (1906 г.); «Правила о начальных училищах для инородцев» (1907 г.); «Правила о начальных училищах для инородцев» (1913 г.). Большая часть этих «Правил...» создавались в сложных

внутриполитических условиях начала XX века под давлением мощного революционного и общественного движения.

Материалы и методы

Исследование развития национальной школы и педагогического сообщества дореволюционной Удмуртии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губернии) строилось на изучении комплекса архивных источников, хранящихся в трех российских региональных архивах (Сарапул, Ижевск, Киров), а также опубликованных документов законодательного и распорядительного характера. Первичная информация получена из региональных историографических работ. Для анализа изучаемых вопросов использованы элементы историко-ситуационного, историко-ретроспективного, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов. Они позволили увидеть школьную жизнь в контексте конкретной исторической эпохи и обстановки, выявить общероссийские тенденции и специфические проявления в развитии дореволюционной национальной школы, определить степень воздействия исторических событий и фактов на систему образования, оценить с позиций современной действительности прогрессивность и исторические результаты проводимых реформ

Обсуждение

Необходимо отметить, что современная региональная историография освободилась от однозначной тенденциозной оценки дореволюционной государственной политики национального образования, как христианизующей и русификаторской. Многие работы отмечают позитивную роль образования в создании удмуртской национальной литературы, профессиональной культуры и формировании интеллигенции. Мы видим свою задачу в акцентировании воздействия русско-японской войны (1904–1905 гг.) и Первой русской революции (1905–1907 гг.) на изменение образовательного курса страны и национального образования в дореволюционной Удмуртии.

Результаты

Государственная политика реформирования национального образования опиралась в своей основе на концепцию, изложенную министром народного просвещения Д.А. Толстым в докладной записке на имя императора Александра II. Записка, составленная под заглавием «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.), стала своеобразным итогом обследования состояния школьного дела в стране, а именно, – в районах с «разноплеменными» народами, входящими в состав Казанского и Одесского учебных округов. Оказалось, в частности, что нерусское население Урало-Поволжья живет в условиях интенсивного воздействия не только православного русского, но и тюркского населения и исламской культуры. Цель образования министру виделась в «сближении инородцев с коренным русским народом». Задача заключалась в «утверждении в православной вере» путем постепенного распространения русского языка. По причине конфессионального разделения нерусских народов («инородцы-христиане и татары-магометане») система образования должна была учитывать эту специфику. При этом обучение «инородцев-христиан» также имело свои особенности в зависимости от «большей или меньшей степени обрусения». Большинство православного нерусского населения Вятской губернии (удмурты, марийцы, бесермяне, коми-пермяки) относились к группе «весьма мало обруселых и почти не знающих русского языка». Поэтому проект реформы национального образования предусматривал первоначально преподавание в школах этой группы на родном языке ребенка. На языке учащихся предполагалось издание учебной литературы – букварей и книг для чтения, текстов молитв, кратких рассказов из священной истории Ветхого и Нового Завета, и иных религиозно-нравственных книг. Детальная разработка учебного плана и определение продолжительности обучения поручались местному училищному начальству. Данный документ представлял собой своеобразную учебную программу (стандарт), поясняющую общие педагогические принципы изучения языка, чтения и письма. А методика внедрения этих принципов на каждом конкретном уроке являлась прерогативой учителя-священнослужителя «со знанием местного инородческого наречия», на которого возлагались надежды на практическое осуществление реформ, как знающего этнопсихологические и педагогические особенности учеников [1].

Идейным вдохновителем и действительным автором этой первой государственной реформы национального образования можно назвать Н.И. Ильминского, известного просветителя и миссионера, профессора Казанского университета и Казанской духовной академии, создателя и первого директора Казанской инородческой учительской семинарии (1872 г.). Семинария с трехлетним курсом подготовки учителей действовала как закрытое учебное заведение на 240 учеников. Из них 120 мест отводилось русским и 120 – представителям местных народов Казанского учебного округа: мордвы, марийцев, удмуртов, чуваш и татар-кряшен в пропорциональном соотношении к общему числу народа [2].

Выработанные Ильминским оригинальные принципы обучения нерусских детей, названные «системой христианского просвещения», легли в основу выше охарактеризованного проекта. Важное место в системе отводилось церковному пению на родном и церковно-славянском языках, как учебно-

методическому приему и педагогическому принципу. Такое религиозное обучение учитывало психологию учащихся-удмуртов, в национальной культуре которых важное место занимало хоровое пение. По окончании семинарии воспитанники получали свидетельство на звание учителей начальных народных сельских училищ и церковно-приходских школ. Для удмуртской культуры Казанская семинария сыграла важную роль. За 1872–1918 гг. её окончили около ста будущих представителей удмуртской интеллигенции. Среди них – просветитель М.П. Прокопьев, первый удмуртский писатель и поэт, переводчик «Интернационала» на родной язык. Учителя И.С. Михеев и И.В. Яковлев – профессиональные педагоги, преподаватели образцовой начальной школы для удмуртских детей при Казанской учительской семинарии. Они стали авторами учебников и учебных пособий для удмуртских и других нерусских начальных школ России. Например, методическое пособие И.С. Михеева «Сочинение по картинкам. Для упражнений в сочинении и изложении мыслей в школе и дома в 10 книжках», издававшееся 19 раз, по словам А.Н. Уварова, использовалось в преподавании в национальных школах учебных округов Поволжья, Сибири, Средней Азии, Кавказа, Алтая и даже в русско-арабских школах Палестины. Михеев разработал методику обучения русскому языку с опорой на родной удмуртский язык. По его «Букварю для вотских детей» учащиеся изучали удмуртский алфавит, учились читать, писать. Затем переходили к изучению русского языка как учебного предмета и метода обучения [3]. Учитель И.И. Шкляев стал революционером, агитатором и пропагандистом социал-демократических идей среди крестьян края. Священник В.Д. Крылов известен как учитель, миссионер, редактор первой удмуртской газеты «Войнаысь ивор» («Вести с войны»). Будучи председателем Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов в период между Февральской и Октябрьской революциями, Крылов способствовал внедрению родного языка в духовно-церковное и светское школьное образование. По его инициативе с 1917 г. удмуртский язык стал преподаваться в среднем образовательном звене – в мужской и женской гимназиях, и в среднем профессиональном учебном заведении – учительской семинарии г. Глазова [4].

Качество преподавания и успешность усвоения программы детьми в разных местностях и у разных этнических групп были разными. Они зависели от многих причин: активности епархиального, земского и иного руководства в осуществлении национального образования, объема вложения финансовых и материальных средств, от степени подготовленности учителей, от наличия учебно-методического комплекса. В то же время можно отметить черты, объединявшие национальную школу страны и Вятской губернии. Во-первых, она функционировала лишь в начальном звене общеобразовательных учебных заведений, принадлежавших Министерству народного просвещения, Русской Православной церкви и земству (одно- и двухклассные школы и училища; духовные училища, церковно-приходские, братские, миссионерские и школы грамоты). Во-вторых, наибольшее участие в развитии национальной школы проявила церковь, которая заботилась, прежде всего, о «нравственности и религиозности» инородцев и лишь потом – о распространении среди них грамотности. В-третьих, необходимость создания учебной литературы активизировала переводческую и издательскую деятельность не только в церковно-православной, но и в светской сфере духовной культуры. Высоко оценивая труды Вятской и Казанской переводческих комиссий, сторонник обучения удмуртов на родном языке священник М. Елабужский отмечал, что за 2–3 года Казанская комиссия на удмуртском языке выпустила 10 брошюр «повторительными изданиями», много переводов вышло впервые (Жития св. Пантелеймона, Мамонта, Серафима, Апостола Петра, Апостола Павла, несколько брошюр назидательного характера, История нашего спасения во Иисусе Христе..., Четвероевангелие на удмуртском языке) [5]. Кстати, активным и, пожалуй, самым заинтересованным членом переводческой комиссии был И.С. Михеев. Благодаря ему, были изданы в 1904, 1906 и 1907 гг. светские ежегодники-календари на удмуртском языке («Удмурт кылын календарь»), содержащие сельскохозяйственные рекомендации крестьянам, небольшие тексты поучительного и нравственно-этического характера. Призывая родителей обучать детей в церковно-приходских школах и не бояться православных миссионеров, И. Михеев, как и М. Елабужский, считал, что «русификация, «слияние» – это все «политика», а главное заключается в возможности получить образование на родном языке и стать гражданами страны [6].

Отмечая вклад православной церкви в удмуртское национальное образование, подчеркнем еще раз, что большинство начальных школ создавалось и содержалось церковно-приходскими попечительствами. Попечительские деньги школ складывались из средств, выделяемых государством, вырученных церковью от продажи свеч и огарков, «кошельковых» и «кружечных» пожертвований прихожан. В начале XX в. особенно впечатляющими оказались результаты миссионерских школ с четырехлетним сроком обучения, содержимых Вятским комитетом православного миссионерского общества. Миссионерское общество поддерживало учителей национальных школ и регулярно освещало их работу на страницах епархиальных ведомостей. В годы русско-японской войны комитет ходатайствовал перед штабом Казанского военного округа об освобождении от действительной службы учителей-миссионеров, следуя примеру директора народных училищ Вятской губернии об освобождении «всех вызванных по случаю мобилизации на действительную службу учителей земских школ». Так, мобилизованный учитель Кутешской миссионерской школы Малмыжского уезда с 10-летним стажем П.К. Туганашев рекомендовался

православной церковью как образцовый учитель. В прошении утверждалось, что «ввиду недостатка таких людей, потеря его для организации миссионерского дела была бы чувствительна и ничем не вознагражима». Благодаря этому прошению Туганашев, рядовой 2 роты 226 запасного пехотного батальона, размещенного в Вятке, вернулся к своим прямым обязанностям. С прошением перечислить в запас обратился также рядовой 1-й роты того же батальона Е. Скулкин, который до мобилизации служил помощником учителя Больше-Нолишкинской церковной школы Уржумского уезда [7]. Последствие данного прошения проследить не удалось. Однако другие архивные документы подтверждают положительный результат отсрочки мобилизации или освобождения учителей от воинской службы. Например, правление Сарапульского духовного училища, воспользовавшись данным правом, продлило перед уездным воинским начальником удостоверения учителей А.И. Чернышева, Н.К. Чистосердова, Л.Ф. Худяковского, занимавших «освобождаемую от призыва должность», несмотря на то, что срок службы в армии названных учителей давно истек [8]. Выпускники названного духовного училища становились не только священниками, но и учителями церковно-приходских и иных школ, в которых осуществлялось национальное образование. Следовательно, востребованность учителей-священников осознавалась административными органами губернии.

Однако поступательное развитие национальной школы было недолгим, а количество обучающихся детей росло медленно. По подсчетам, в 1904 г. в Вятской епархии насчитывалось 73 миссионерские школы с 2439 учащимися. 37 школ располагались на территории «удмуртских» уездов. Здесь обучался 1381 ученик (1110 мальчиков и 271 девочка). Из них 38 % составляли ученики-татары (очевидно, татары-кряшены – авт.), 32 % – удмурты, 15 % – русские, 10 % – марийцы и 6 % – бесермяне [9]. Материальное обеспечение этих школ оставляло желать лучшего. Занятия проводились «в наемных квартирах, в крестьянских грязных, темных, сырых избах», в которых не соблюдались элементарные санитарно-гигиенические нормы содержания детей. Не хватало самых необходимых учебников и учебных пособий. Учителя инородческих школ, как правило, «получали весьма ограниченное вознаграждение в 40–100 руб. в год» и жили в маленьких квартирах, состоявших из одной комнаты, «холодной, сырой, угарной, грязной и с прокисшей пыльной классной атмосферой» [10].

Национальная интеллигенция в лице учителей и священнослужителей, следующая принципам Ильминского в обучении, испытывала материальные и моральные трудности, что не замедлило сказаться в активизации их политического сознания и поведения. Учительство Вятской губернии в условиях ухудшения социально-экономического положения, поражения государства в русско-японской войне в сочетании с административными преследованиями, превратилось «в одну из самых неблагонадежных групп вятской профессиональной интеллигенции» и, как следствие, приняло широкое участие в революции 1905–1907 гг. Антиправительственные настроения выражали от 20 до 67,7 % учителей [11]. Большие нарекания общественности вызывало недостаточное финансирование школ, и перекладывание государством их содержания на родителей учащихся. Требуя четырехгодичного обучения всех детей школьного возраста, учителя считали педагогически целесообразным в течение первых двух лет пользоваться родным языком и одновременно проводить уроки разговорного русского языка как подготовку к русскоязычному обучению в последующие два года. В связи с этим предлагали в школе иметь двух учителей, методически подготовленных к работе с нерусскими учениками. Таким образом, учителя становились рупором идеи новой образовательной реформы с введением принципов всеобщности и общедоступности, обязательности и бесплатности начального образования. Перечисленные принципы получили официальное утверждение в уставе Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию (июнь 1905 г.). Относительно национального образования в нем декларируется «свобода преподавания на родном языке населения во всех типах школ». Учителей поддержал учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза (июль 1905 г.), признав право преподавания на местных языках, увеличения курса начального обучения до 5 лет, распространения бесплатного государственного образования и на девочек [12].

Проблемы школы и образования активно обсуждались на местах в ходе выборов депутатов I и II Государственной Думы от Вятской губернии. Так, крестьяне Чутырской, Шарканской, Сосновской волостей Сарапульского уезда вместе с требованием предоставления демократических прав каждому человеку, достигшему 20-летнего возраста «без различия пола, национальности и вероисповедания», заявили о необходимости «ввести всеобщее обязательное обучение на государственный счет» [13]. Вопросы инородческого образования регулярно обсуждались на заседаниях Глазовского уездного земского собрания. Благодаря активной общественной позиции учителей-членов Глазовского общества вспомоществования учащимся и учителям, многие ученики получали земскую стипендию на обучение. Деятельность одного из членов общества, – перводумца, учителя Тугбулатовского начального училища П.Ф. Целоусова, уже становилась объектом исследовательского внимания. Нами подчеркивалось, что депутатство удмурта Целоусова в I Государственной Думе – это следствие новых принципов национальной политики правительства: веротерпимости, равноправия всех подданных Российской империи независимо от национальности [14]. Сохранившиеся материалы следственного дела позволяют проследить политическую позицию Целоусова. В частности, при обыске, устроенном становым приставом, у него были обнаружены «нелегальные сочинения» – три брошюры: «Воля»,

«О социализме», «О налогах», черновые рукописи статей в губернскую либеральную газету «Вятская жизнь». Учитель ездил по деревням Глазовского уезда с разъяснением Манифеста 17 октября 1905 г. о гражданских свободах, и вел, по сути, антиправительственную пропаганду, призывая к тому, что «государя нужно выбрать из среды народа» и «следует с богатых взysкивать налоги больше, чем теперь, а с бедных брать меньше». В статьях для газеты освещал жизнь крестьян и оценивал работу школ, отмечая низкое качество обучения удмуртских детей на русском языке. Он писал, что при всем старании учитель не сумеет обучить и воспитать ребенка на чужом языке. Сначала нужно обучить его читать и писать на родном языке, затем постепенно переходить на русский язык [15].

Социально-политические волнения, которые охватили Россию, диктовали необходимость либерализации национальной политики и, соответственно, национальной школы с выработкой иной целевой установки (интегрирующего компонента) в образовании. В связи с этим были выработаны новые «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», утвержденные 31 марта 1906 г. министром народного просвещения И. Толстым. Устанавливались три вида инородческих училищ с разными сроками обучения: первоначальные (школы грамоты) с 2-х годичным курсом; начальные одноклассные с 4-х годичным курсом и начальные двухклассные с 6-ти летним обучением. Отныне заведование национальной школой доверялось не только священнику-законоучителю, но и светскому учителю. Основной упор вновь был сделан на религиозно-нравственное воспитание и сближение нерусских народов с русским, и формирование общегражданского самосознания «на почве любви к общему Отечеству». Учебными предметами у удмуртских детей являлись: Закон Божий, церковнославянское чтение, грамота на родном языке, русский язык, счет и пение. Как видим, новые правила сохранили право преподавания на местных языках и обучение грамоте на «природном языке» народа. При этом обязательным условием было изучение русского государственного языка, преподавание закона божия и светских предметов на русском языке. В примечании к недельной таблице уроков отмечалось, что в школе грамоты язык преподавания – родной, в одноклассной и двухклассной школах на 3-й и 4-й годы обучения – русский, а «природный язык детей употребляется в помощь к нему». Русский разговорный вводился уже во втором полугодии 1-го учебного года. При этом правила учитывали степень знания детьми русского языка, и учебный план формировали в соответствии с этим обстоятельством [16].

Однако новые правила просуществовали недолго из-за противодействия мусульманского населения. «Правила о начальных училищах для инородцев» (1907 г.), принятые взамен предыдущего, не внесли ничего нового в деятельность удмуртской национальной школы. Одна из главных целей – распространение русского языка и сближение инородцев с русским народом – не была достигнута. Общественная мысль России критиковала национальную школу (в основном – церковно-приходскую), связывала ее с отсталостью и косностью, акцентируя внимание лишь на религиозности и церковности образования. Более современной в научно-методическом плане считалась светская школа. Кстати, уездные земства Вятской губернии одними из первых в стране выдвинули идею введения всеобщего начального обучения в земской школе. Её приоритетность подчеркнул «Положение о высших начальных училищах» (1912 г.), обещавшее всем гражданам дать законченное начальное образование (четырёхклассный четырёхлетний курс). Положение узаконило обучение на русском языке, оставив изучение родного языка в качестве дополнительного необязательного предмета [17]. Данное положение подтвердили «Правила о начальных училищах для инородцев» (1913 г.). Согласно этим правилам, отменялась система «христианского просвещения» Н.И. Ильминского, как исчерпавшая свой педагогический потенциал. Правда, Закон Божий сохранялся как учебный предмет. В нерусских школах принцип первоначального обучения на родном языке исключался или вводился более ранний срок обучения русскому языку (после трех месяцев). Более того, было отменено требование обязательного владения учителем языком своих учеников. Учебный план не учитывал степень знания учениками-инородцами русского языка и унифицировал образование по всей стране. Однако внедрению новой системы, как впрочем, реформированию в целом системы российского образования, помешала Первая мировая война. Правда, даже в условиях войны на местах деятельность национальной школы не прекращалась. Например, в самом большом уезде Вятской губернии, с населением почти 400 тыс. чел. (с преобладанием сельских жителей) Глазовском, насчитывалось 120 начальных училищ, из них 11 русских, 84 смешанных и 25 инородческих (удмуртских, татарских, бесермянских, коми-пермяцких). Школы нуждались в учителях не только с гимназическим образованием (Глазовская женская и мужская, Слободская женская), но и с профессиональной педагогической подготовкой. В связи с этим, по решению Вятского губернского земства была открыта Глазовская мужская учительская семинария (1915 г.), «полуинородческой» (удмуртской) направленности, а в Сарапульской женской семинарии были учреждены несколько стипендий для обучения учительниц для татарских школ [18].

Заключение

На примере истории удмуртской школы видно, что образовательная политика не всегда отличалась последовательностью и зачастую носила противоречивый характер, что снижало

эффективность работы образовательных учреждений на местах. Важнейшее стремление развивать просвещение и культуру национальных меньшинств на родном языке тормозилось политикой русификации и христианизации. Тем не менее, политику государства по отношению к национальному образованию можно обозначить как многовариантную. Она строилась с учетом культурного развития нерусских народов. Формировались кадры учителей, создавался фонд учебной литературы, язык использовался в учебном процессе. Либеральная образовательная политика во многом стала следствием общественного и революционного движения начала XX в. Принятые Правила и Положения регламентировали соотношение этнического и русско-российского (общенационального) компонентов в школьном образовании, тем самым юридически закрепляли право нерусских народов просвещаться на родном языке. Более того, национальное образование способствовало формированию этнического и гражданского самосознания.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта: «Дальний Восток стал для нас очень близким»: Вятская губерния в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.) (Исследование особенностей и закономерностей деятельности региона в условиях войны») при финансовой поддержке Минобрнауки РФ. Регистрационный номер 6.5655.2011.

Примечания:

1. Доклад министра народного просвещения Д. А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.) // Хрестоматия по истории педагогики. Сост. Н.А. Желваков. Т. IV. Ч. II. М., 1936. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (дата обращения 03.11.2014).
2. Доклад министра народного просвещения Д. А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.) // Хрестоматия по истории педагогики. Сост. Н.А. Желваков. Т. IV. Ч. II. М., 1936. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (дата обращения 03.11.2014).
3. Уваров А.Н. Югдытисьёс. Удмурт литературалэн кылдэмез сярсысь очеркъяс (Просветители. Очерки о зарождении удмуртской литературы). Ижевск, 1994. С. 34.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 121. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.
5. Волкова Л.А. Из истории миссионерства и просвещения народов в дореволюционной России // Альманах современной науки и образования. № 7 (62). 2012. С. 27.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 93. Оп. 1. Д. 1484. Л. 3.
7. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 208. Оп. 1. Д. 925. Л. 1–1 об., 4–4 об.
8. Архивный отдел администрации г. Сарапула (АОАГС). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1467. Л. 5–5 об.
9. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии. Вятка: Буквица, 2007. С. 307.
10. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1484. Л. 1 об.; Журнал Глазовского уездного земского собрания. XXXVIII очередной сессии. Вятка, 1904. С. 227.
11. Бандура Н.В. Политическая и социально-психологическая эволюция народного учительства Вятской губернии (90-е гг. XIX в.–1914 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. С. 11–12.
12. Устав Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию // Хрестоматия по истории педагогики. Сост. Н.А. Желваков. Т. IV. Ч. II. М., 1936. С. 318; Постановление Учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза // Там же. С. 290–291 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (дата обращения 03.11.2014).
13. Хрестоматия по истории Удмуртии. Под ред. В.В. Майера. – Ижевск: «Удмуртия», 1973. С. 82.
14. Волкова Л.А. Крестьянское движение в Вятской губернии в контексте Первой русской революции // European social science journal=Европейский журнал социальных наук. М., 2013. 9 (36). Т. 2. С. 366–367.
15. ЦГА УР. Ф. 217. Оп. 1. Д. 12. Л. 7–8; Ф. Р–1072. Оп. 1. д. 1. Л. 80–81.
16. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России С. 7–8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/120672/read#page10> (дата обращения 03.11.2014).
17. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и Юго-Восточной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/122323> (дата обращения 03.11.2014); Положение о высших начальных училищах С. 338 // Хрестоматия по истории педагогики. Сост. Н.А. Желваков. Т. IV. Ч. II. М., 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (дата обращения 03.11.2014).
18. Высшее педагогическое образование в Глазове / Сост. В.В. Беляев, В.А. Сыркин. Глазов: Изд-во Глазов. гос. пед. ин-та, 1999. С. 8.

References:

1. Doclad ministra narodnogo prosveshcheniya Tolstogo D.A. "O merah s obrazovaniem naselyaushchih Rossii inorodtzev" (1870 g.) // Hrestomatiya po istorii Rossii. Sost. Zhelvakov N.A. T. IV. Ch. II. Moscow, 1936 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (data obrashchehiya 03.11.2014).
2. Doclad ministra narodnogo prosveshcheniya Tolstogo D.A. "O merah s obrazovaniem naselyaushchih Rossii inorodtzev" (1870 g.) // Hrestomatiya po istorii Rossii. Sost. Zhelvakov N.A. T. IV. Ch. II. Moscow, 1936 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (data obrashchehiya 03.11.2014).
3. Uvarov A.N. Utdytic'yos, Udmurt literaturalen kyldemez syarys' ocherk'yos (Prosvetiteli. Ocherki o zarozhdenii udmurtskoi literaturi). Izhevsk, 1994. S. 34.
4. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arhiv Udmurtskoi Respubliki (TSGA UR). F. 121. Op. 1. D. 35. L. 3.
5. Volkova L.A. Iz istorii missionerstva i prosveshcheniya narodov v dorevolutsionnoi Rossii // Al'manah sovremennoi nauki i obrazovaniya, #7 (62). 2012. S. 27.
6. Natsionaliny arhiv Respubliki Tatarstan (NART). F. 93. Op. 1. D. 1484. L.3.
7. Gosudarstvennyi arhiv Kirovskoi oblasti (GAKO). F.208. Op. 1. D. 925. L.1-1 ob., 4-4 ob.
8. Arhivnyi otdel administratsii g. Sarapula (AOAGS). F. 5. Op. 1. D. 1467. L. 5-5 ob.
9. Ocherki istorii Vyatskoi eparhii (1654-2007): 350 let Vyatskoi eparhii. Vyatka: Bukvitsa, 2007. S. 307.
10. NART. F. 93. Op. 1. D. 1484. L. 1. Ob.; Zhurnal Glazovskogo uezdnogo zemskogo sobraniya. XXXVIII ocherednoi sessii. Vyatka, 1904. S. 227.
11. Bandura N.V. Politicheskaya i sotsialino-psihologicheskaya evolutsiya narodnogo uchitel'stva Vyatskoi gubernii (90 gg. XIX v. – 1914 g.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Perm, 2003. S. 11-12.
12. Ustav Vserossiiskogo souza uchitelei i deyatelei po narodnomy obrazovaniyu // Hrestomatiya po istorii pedagogiki. Sost. Zhevalkov N.A. T. IV. Ch. II. M., 1936. S. 318; Postanovlenie Uchreditel'nogo sezda Vserossiiskogo krest'yanskogo souza // Tam zhe. S. 290-291 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (data obrashchehiya 03.11.2014).
13. Hrestomatiya po istorii Udmurtii. Pod red. Maiera V.V. – Izhevsk: "Udmurtiya", 1973. S. 82.
14. Volkova L.A. Krest'yanskoe dvizhenie v Vyatskoi gubernii v kontekste Pervoi Russkoi revolutsii // Evropeiskii zhurnal sotsialnykh nauk. M., 2013. 9 (36). T. 2. C. 366-367.
15. TSGA UR. F. 214. Op. 1. D. 12. L. 7-8; F. R- 1072. Op. 1. D. 1. L. 80-81.
16. Pravila o nachal'nykh uchilishchah dlya inorodtsev, zhivushchih v Vostochnoi i Ugo-Vostochnoi Rossii. S. 7-8. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.knigafund.ru/books/120672/read#page10> (data obrashchehiya 03.11.2014).
17. Pravila o nachal'nykh uchilishchah dlya inorodtsev zhivushchih v Vostochnoi i Ugo-Vostochnoi Rossii. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.knigafund.ru/books/120672/read#page10> (data obrashchehiya 03.11.2014); Poloxhenie o vysshikh nachal'nykh uchilishchah. S. 338 // Hrestomatiya po istorii Rossii. Sost. Zhelvakov N.A. T. IV. Ch. II. Moscow, 1936 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.biografia.ru/knigi.html> (data obrashchehiya 03.11.2014).
18. Vysshee pedagogicheskoe obrazovanie v g. Glazove / Sost. Belyaev V.V., Syrkin B.A. Glazov: Izd-vo Glazov. Gos. Ped. In-ta, 1999. S. 8.

УДК 93/94

Национальная школа Удмуртии в начале XX века (в контексте русско-японской войны и Первой русской революции)

¹Люция Аполлосовна Волкова

²Ирина Владимировна Рубанова

¹ Глазовский государственный педагогический институт, Российская Федерация
427621, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, 25
Кандидат исторических наук, профессор
E-mail: snovaluciya@mail.ru

² Глазовский государственный педагогический институт, Российская Федерация
427621, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, 25
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: ivladu@mail.ru

Аннотация. Создание и развитие национальной школы в России имело длительную и сложную, полную противоречивых и драматичных страниц, историю. Общероссийским тенденциям подчинялось и функционирование национальной школы и педагогического сообщества дореволюционной Удмуртии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский и Сарапульский уезды Вятской

губернии). Образовательный процесс здесь строился в соответствии с четырьмя «Правилами...» просвещения нерусских народов империи, принятыми в 1870, 1906, 1907 и 1913 гг. Привлеченный к изучению комплекс опубликованных материалов и архивных документов показывает, что положительные тенденции, наблюдаемые во второй половине XIX века, в начале XX века затормозились. Тем не менее, на локальном уровне удмуртский язык использовался в системе христианского просвещения. Светская начальная школа была русскоязычной. На изменение образовательного курса оказали влияние события русско-японской войны (1904–1905 гг.) и Первой русской революции (1905–1907 гг.).

Ключевые слова: национальная школа; реформы образования; русско-японская война; Первая русская революция; обучение на родном языке; удмурты; удмуртский язык; Вятская губерния; дореволюционная Удмуртия.

Copyright © 2015 by Sochi State University

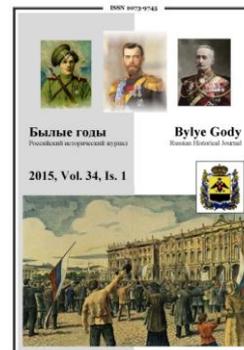
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 124-132, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Rural Communities on the Outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the Example of Villages within the Black Sea Governorate)

Konstantin V. Taran

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

PhD (History)

E-mail: taran.constantin@yandex.ru

Abstract

This article, based on archive materials, analyzes the conduct of rural communities in the epicenters of uprisings during the First Russian Revolution. The author notes that during the First Russian Revolution (1905–1907) peasants in rural communities, as, for instance, those within the Black Sea Governorate's Sochi Okrug, were in point of fact left to themselves. Having found themselves alone with members of the social-democratic party, the rural communities had to decide: whether to buy into revolutionary propaganda or sabotage anti-government activity.

Keywords: rural communities; Russian Empire; 1905–1907; First Russian Revolution.

Введение

История Первой русской революции сегодня приобретает особую актуальность. Это происходит ввиду событий, которые происходят в стране. Здесь нельзя не отметить имеющуюся социальную напряженность, наличие значительного разрыва между доходами разных категорий населения, рост авторитарных тенденций в политической системе – все это в целом делает Россию схожей с нашей страной периода Первой русской революции (1905–1907 гг.).

Материалы

Материалами для написания статьи стали архивные материалы государственного архива Краснодарского края, центра документации новейшей истории Краснодарского края, а также музея истории города-курорта Сочи. Основным источником стали следственные материалы по делу о Сочинском восстании в 1905–1906 гг., документы в настоящее время хранятся в Музее истории города-курорта Сочи.

Результаты

Политическая агитация сельского населения Сочинского округа Черноморской губернии представителями социалистических партий в период Первой Российской революции (1905–1907 гг.) носила не только просветительный характер, когда сельским жителям предлагались для ознакомления основные принципы программ социал-демократов и социал-революционеров, но и в большей степени навязывались радикальные меры противодействия существующим властям. Угрозы не редко исходили от сторонников социал-демократов, которые терроризировали сельских старост, снимали их с должности и настойчиво предлагали на их место своих ставленников. Организация народных судов также исходила от представителей социал-демократов. В некоторых селах создавались народные суды под давлением социал-демократов, только для того, чтобы от них отстали «назойливые агитаторы». При этом социал-революционеры систематически вели в селах разъяснительную работу с крестьянами, предлагали им для решения своих проблем вступать во Всероссийский крестьянский союз, который был образован летом 1905 г. в Черноморской губернии.

Объявление царского манифеста от 17 октября 1905 г. усилило агитационные действия социал-демократов, направленные на дестабилизацию общественного порядка в Сочинском округе. Симпровизированных трибун звучали призывы к свержению монархии и предлагался переход к республиканскому способу правления. Население страны ждало от царского правительства дальнейших действий, направленных на проведение политических реформ, но этого не последовало. В ответ на объявление 2 декабря 1905 г. «Временных правил о наказании наиболее опасных проявлений участия в забастовках», общественно-политические объединения опубликовали «Финансовый манифест», который был составлен по предложению делегатов ноябрьского съезда Всероссийского крестьянского союза [1].

Радикальные настроения среди представителей социалистических партий достигли своего апогея в декабре 1905 г., что приняло форму вооруженного столкновения с властями в окружном центре – посаде Сочи. В данной статье предложена попытка более подробно рассмотреть события, происходившие в сельских обществах Сочинского округа в этот период, на основании архивных фондов музея истории города-курорта Сочи. Для этого необходимо обратить внимание на национальный состав и составные части сельских обществ.

15 декабря 1904 г. границы Черноморской губернии были изменены в связи с присоединением к Сочинскому округу территории Гагринской климатической станции, чего добивался родственник царя герцог А.П. Ольденбургский. В результате присоединения увеличилось количество грузинского и русского населения, а сама территория губернии распространилась на юго-востоке до р. Бзыбь, где соседствовала с Сухумским округом Кутаисской губернии. На северо-западе Сочинский округ граничил с Туапсинским округом по р. Дедеркой. В 1905 г. Сочинский округ состоял из 15 сельских обществ:

- 1) Красноалександровское (деревни Красно-Александровка и Божьи Воды – шапсуги);
- 2) Лазаревское (Лазаревка, Калиновка, Тихоновка, Гвай и Вишневая – греки);
- 3) Кичмайское (Кичмай – шапсуги)
- 4) Волковское (д. Волковка, деревни 2, 3, 4 роты и Солох-Аул – русские);
- 5) Навагинское (д. Навагинка, д. Раздольная, д. Мамайка, д. Ажек, д. Алек, д. Ореховая Поляна, д. Абазинка и д. Пластунка – немцы, русские, поляки и грузины);
- 6) Адлерское (д. Адлер, д. Молдовка, д. Верхняя Николаевка, д. Нижняя Николаевка и д. Первинка – грузины, греки, молдаване и русские);
- 7) Веселовское (д. Веселая и Эстонка – молдаване и эстонцы);
- 8) Высоковское (д. Высокая, отселок Варданэ – греки);
- 9) Ахштырское (д. Ахштырь, д. Ермоловка, д. Дзыхра и Михельрипш – русские);
- 10) Лесное (д. Лесная и Галицинская – греки и русские);
- 11) Краснополянское (д. Красная Поляна – греки);
- 12) Эсто-Садское (д. Эсто-Садок и Псекохо – эстонцы и русские);
- 13) Аибгинское (деревни Аибга 1, 2, 3, 4, 5 – русские);
- 14) Медовеевское (д. Медовеевская поляна – русские);
- 15) Пиленковское (д. Пиленково, д. Барановская и отселок Мехадыр – молдаване) [2].

После присоединения к Сочинскому округу территории Гагринской климатической станции национальный состав пополнился представителями грузин и русских. Кроме этого, на территории округа имелись селения армян-арендаторов в районе Уч-Дере, Варданэ и Лоо, которые располагались на частных землях Великого князя Михаила, а также на участках землевладельца Шиловского, расположенных вблизи Адлера. В 1899 г. селениям Хоста и Романовск (Красная Поляна) был присвоен статус городов, в то же время Сочи оставался посадом до 1917 г. [3]

Следует обратить внимание, что в деревнях и селах где проживали греки и шапсуги политическая агитация практически не велась, а представители этих национальностей не участвовали в революционном процессе.

Самым крупным, где больше всего было селений являлось **Навагинское сельское общество** во главе со старшиной Адольфом Карловичем Шпарманом (1863 года рождения). Старостой Навагинки был Штейнке Готлиб Готлибович. Сельские населенные пункты Навагинского общества были разбросаны вокруг посада Сочи, который являлся политическим эпицентром. Именно оттуда в села и деревни приезжали агитаторы и лидеры политических течений.

Необходимо напомнить, что в с. Пластунка были сильны сепаратистские настроения крестьян, которые вместе со своими лидерами (в Пластунке – Датико Арабидзе, Петр Гоперидзе, Порфирий Учадзе, в Сочи – А. Гватуга и Г. Хуцишвили), предусматривали отторжение Сочинского округа в пользу Грузии, где происходило национально-освободительное движение во главе с социал-демократами, деятельность которых рассмотрена нами в целом ряде публикаций, поэтому мы не будем здесь на этом сюжете останавливаться [4].

По этому поводу достаточно четко высказался А. Шпарман: «26 декабря 1905 г. я вышел из дома, на улице стояла почти вся Пластунка. Я им в оружии отказал. Кроме пластунов участие в восстании из общества никто не принимал. Только частично – с Ажека Романов и с 3-ей роты И. Крылов» [5].

7 декабря 1905 г. на сходе села Пластунка было решено не давать податей и солдат, а сельскому старшине Шпарману Бурджиниани предъявил иск, который обсуждали в народном доме. Шпарману предлагалось вернуть 24 руб. от пластунского общества на удовлетворение учителя топливом, что он и сделал до суда, т.к. в его адрес стали поступать угрозы в письменном виде (было прислано два письма) [6].

В селе Абазинка активную агитацию проводил учитель Е. Одинцов, который систематически терроризировал старосту сельского правления Швеца, после чего последний снял с себя полномочия и выбрали Кравца. Под воздействием агитации, селяне Григорий Тонкошкур и Андрей Подрога стали посещать народный дом в Сочи и носить в село прокламации Одинцову. Утром 31 декабря 1905 г. в село пришли вооруженные грузины с крестьянином Мальцем, забрали оружие у селян и подводу с лошастью у Швеца и отправились в Сочи. С ними ушли Павел Тонкошкур с сыном, Леонтий Мальц, Семен Веселовский, Яков Онуфриенко и Пономарчук. После чего 11 января 1906 г. Кравец собирал сход, чтобы просить власти о помиловании – Григоря Тонкошкура и Леонтия Мальца [7].

Хостинский пристав Гринцов Игнатий Ильич (1870 года рождения) при обыске дома, где проживал Е. Одинцов, обнаружил 2 приговора крестьян села Абазинки [8]. Дело в том, что на состоявшемся 2 декабря 1905 г. сходе крестьян был подписан приговор, в котором селяне просили прибавки земли или, чтобы их переселили на более удобные для аграрной обработки земли. О том, что в приговоре имеется отказ платить подати и нести повинности крестьяне не знали, о чем на следствии заявляли жители Абазинки Попович, Поленич и др. [9]

Нужно отметить, что среди крестьян были и такие, которые негативно восприняли известие о начавшейся перестрелке в Сочи. Например, Сикорский Климентий Яковлевич (1882 года рождения) в апреле 1905 г. вернулся с Японской войны в д. Раздольная, имел ранения. После первой перестрелки пришел в деревню и собрал 8 человек, чтобы идти на помощь начальнику округа, но в итоге они раздумали. Потом Сикорский одел мундир и пошел в Сочи, но встретил В. Дурачевского, который его отсоветовал таким образом идти на выручку. Переодевшись в гражданскую одежду, вместе с отцом стражника Рябенко, Сикорский пытался 29 декабря 1905 г. проникнуть в осажденную казарму со стороны кладбища, но по ним 10 человек открыли ружейный огонь. При этом Сикорскому удалось попасть в казарму, откуда начальник округа отправил его в Сочи на разведку. Со слов Сикорского известно, что утром 29 декабря 1905 г. Бурджиниани, Торчинава и Григолия отбирали оружие в Раздольной у крестьян. После объявления царского Манифеста Порфирий Учадзе предлагал ему вступить в социал-демократическую организацию, но Сикорский отказался. Кроме этого, Сикорский указывал, что в деревне Раздольной некая Ольга Васильевна жила с виноторговцем, у них в доме печатались прокламации социалистической направленности, а после восстания они уехали в Керчь [10].

О политической агитации отдельных лиц, односельчанин Сикорского – Силецкий Филипп Григорьевич указывал следующее: «Ткач ходил по Раздольной с какими-то прокламациями не понятными, и вообще он тупой» [11].

Были и такие, которые призывали крестьян идти с оружием в Сочи и стрелять по осажденной казарме (Марфа Кругликова), а после восстановления местной администрации жители села, участвовавшие в революционном процессе, скрывались от властей, например – Иван Карлович Прейман [12].

Соответственно жителей села Раздольное очень раздражала активность восставших, которые отбирали оружие у крестьян. В этом деле участвовали 5 грузин и 2 русских, один из которых был Дроваковский. При этом Леонтий Сичинао, угрожал Раздольной расправой [13].

Поселяне из с. Мамайка, отправили в Сочи 8 крестьян, но по дороге *туземцы* отобрали у них оружие туземцы и они, кроме одного вернулись обратно в село [14].

Все указанные события подтвердил на следствии начальник Сочинского участка Яников Федор Иванович (участок – Адлер, Волковское общество, Веселое, Пластунка). Яников отметил, что крестьянам Алека систематически угрожали соседи из Пластунки. При этом, будучи в самом Алеке П. Учадзе и П. Гоцеридзе избили жену старосты Харитоновна [15].

Со слов И.Г. Прибуды старшины Волковского правления, которое расположено в 3 роте известно, что поселяне 4 роты не платили налоги в течение 6 лет, т.к. они переселенцы и это предусмотрено законодательством. До 6 декабря 1905 г. в **Воловском сельском обществе** все было относительно спокойно. После чего в село прибыли братья Жилинские, управляющий сочинскими имениями Зиновьевой агроном Александров и поселянин Лукаш [16].

На собранном сходе крестьян Лукаш агитировал присоединиться к приговору крестьян с. Марьина Роща Новороссийского округа и предлагал закрыть Волковское правление и выбрать новых старшину и старост в селах, которые будут выполнять свои обязанности на общественных началах, без какой-либо оплаты. Прибуда и Берзин не хотели подписываться под этим приговором, но после угроз они это сделали. При этом Берзина называли черносотенцем. После этого волковский староста Никита Вовк, судья Раевский и другие старосты – Иван Крылов и Дмитрий Чебурашкин сдали свои должностные знаки, которые передали Прибуде для хранения в шкафу сельского правления. Была составлена комиссия из В. Жилинского, Лукаша, Р. Соломахи, С. Потапова, И. Коваля и Я. Дудки, которые проверяли документацию правления. Выборов новых должностных

лиц более напоминали назначения, поэтому до начала вооруженного восстания в посаде Сочи (28 декабря 1905 г.) старшина Прибуда и писарь Делицын выполняли свои обязанности [17].

Из крестьян волковского общества были избраны новые должностные лица – 3 рота Коваль и Соломаха, 2 рота Потапов и Зайченко, 4 рота К. Городничий и Дудка и в д. Волковка Лукаш и В. Жилинский, деятельность которых для общества была незначительна [18].

Новые должностные лица, как указывал поселянин 2 роты Зайченко Карп Федорович собирали с крестьян повинности и выдавали квитанции из волостного правления, больше они ничего не делали, не считая проверки деятельности старшины Прибуды [19].

После начала столкновения с властями Владимир Жилинский прислал записку поселянам, сообщив, что в Сочи происходит бунт и что все желающие с оружием приглашаются в окружной центр [20].

От поселянина Ивана Ковалья старшина Прибуда узнал, что из Сочи пришли крестьяне И. Шаров и Н. Слободчук с запиской от *имеретин*, в которой, угрожая поджогами домов и расправой над жителями, грузины звали всех с оружием в Сочи на бой с местными властями [21].

Поселяне Волковского общества угрозы восприняли должным образом. Староста 4 роты Иван Крылов, озвучив крестьянам данные угрозы, повел в Сочи практически всех мужчин своего села в Сочи [22].

Во 2 роте проживало всего 8 крестьянских семей, из которых практически все пошли с оружием в Сочи – К. Щенников, И. Юдин, Ф. Зайченко, И. Звягинцев, Г. Кива, Г. Глуходедов, С. Потапов, Г. Асташкин и их сыновья, но как они сами отмечали – *пошли в Сочи с неохотой* [23]. Восемнадцатилетнего парня И. Юдина *туземцы* на сутки заперут в изолированном помещении, т.к. он отказывался стрелять по осажденной казарме [24].

Из не большого горного села Солох-Аул, где проживали поселяне – Гелета, Ф. Мелешко, И. Кошман, С. Меленко, Кейдин, Пацай, П. Чешко, также была отправлена вооруженная группа, которая носила в какой-то степени разведывательный характер для самих крестьян [25].

По некоторым архивным источникам цифры поселян из Волковского сельского общества представлены приблизительно, например – 19 человек: Крылов, Коваль, Погорелов, Светляк, Берзин, Соборный, Шевцов, Грянев, Погиба, Потапов, Звягинцев, Шепилов, Шкобура, Терещенко, Вегера, Николайчук, Афанасьев, Раевский и Колядзинский [26].

Выводы о причинах участия поселян Волковского сельского общества аналогичны с выводами следователей: «*Путем всевозможных угроз – в будущем лишитъ земли русских поселенцев, туземцы заставляли их примкнуть к революционному движению*» [27].

Волостной старшина **Адлерского сельского общества** Онуфрий Сидорович Лысый (1864 года рождения) указывал на то, что только поселяне Верхней Николаевки оказались подвержены пропаганде социалистов и отказались выплачивать подати [28].

После объявления царского манифеста, представители общественности Адлера Гамсахурдиа, Хвичия, Чечибаия, Янович собирали с жителей деньги для празднования дня Свободы. В Адлер с агитацией приезжал социал-демократ Н. Сальников. Через 2 дня на площади были накрыты столы с закуской и спиртными напитками. Собирались люди с красными флагами и социалистическими лозунгами. При этом собравшиеся позвали священника и отслужили молебен, после чего с портретами царя, иконами и песней «Спаси господи» прошли по Адлеру и на 3 дня закрыли торговлю в деревне. Лицам, сочувствующим местной администрации и царскому режиму в целом, таким как агент Российского общества пароходства и торговли Визир Алексей Васильевич объявлялся бойкот. Чтобы не усугублять ситуацию Визир извинился перед сторонниками социалистических партий и на манифестации понес красный флаг, который ему навязали. Как указывал сам Визир, в эти октябрьские дни, «*почти все русские примкнули к крайним партиям*» [29].

В тоже время, десятник строителей Черняев Василий Михайлович, как указано в протоколе сообщал следующее: «*я вступил в социал-демократическую партию, т.к. с не вступивших взыскивалось по 3 рубля*» [30].

Из трех человек (русский, грузин и армянин) в Адлере была организована народная милиция для охраны торговых заведений. Было решено взыскать деньги в Адлере с торговцев на милицию по поручению Павла Метаксы, который подписывал квитанции [31].

Представители адлерской организации социал-демократов разъезжали по соседним сельским населенным пунктам с политической агитацией. Например, Сальникову, приехавшему в Первинку, на сходе было сказано: «*нам и при старых законах живетъ хорошо*». После начала восстания жители Первинки передали оружие торговцу Кудинову, который оружие потом им вернул, а милиционеру Рябову дали денег, чтобы они охраняли их от абхазов, т.е. фактически откупились от активного участия, притом, что угроз от абхазов не поступало. Примерно также поступили поселяне из Молдовки, что подтвердил староста Кацер Семен Николаевич (1859 года рождения) [32].

После объявления царского манифеста в **Веселовское сельское общество** приезжали с агитацией Сальников и Сергеев, которые настаивали на устранении представителей прежней администрации и их заменой, предлагалось учредить народный суд и требовали присоединения к социал-демократической партии [33].

Священник в Веселом Пахослов Дмитрий Моисеевич жаловался на оскорбления, которые в отношении священно-служителей допускал Сальников, называя их «жирными» и т.д. [34]

Кроме этого, Сальников с применением силы отобрал должностной знак у старшины Веселовского сельского общества Султанова Василия Георгиевича (1853 года рождения), передал его поселянину Захарию Чернышенко, который вернул его обратно Султанову. Сальников требовал закрыть правление, пригрозил Султанову, чтобы тот не носил знак старшины, т.к. защиты ждать не откуда, потому что стражников нет. Султанов связался с начальником Сочинского округа, который обещал в случае надобности прислать конно-полицейских стражников. Султанов указывал, что из д. Веселой никто в посад Сочи с оружием не ходил, народный суд практически бездействовал [35].

Его слова подтвердил староста Веселой Жигна Акакий Васильевич (1860 года рождения). Также Сальников требовал не платить податей и не давать рекрутов. Организованный народный суд фактически рассмотрел одно дело и его решение не исполнялось [36].

Нужно отметить, что поселяне Веселого серьезно отнеслись к созданию народного суда. Председателем был избран Василий Чернышенко, секретарем Захарий Чернышенко, членами суда избрали Павла Чеботаря, Петра Шеметова, Николая Мельникова и Викентия Подбыльского. При этом председатель предлагал избирать 12 народных судей по принципу – присяжных и к указанным лицам добавились Иван Шулика, Павел Лизунов и Иван Шмат [37], но деятельность народного суда, как указывалось выше, так и не была востребована среди крестьян.

После начала вооруженного восстания адлерские торговцы Кудинов и Торчинава стали просить у старосты Жигны выделения средств на революционные нужды, но получили отказ. При этом поселяне рядом с деревней выставили пост охраны. Торговцы Феофан Тодуа и Дмитрий Тодуа приглашали принять участие поселян в вооруженном столкновении, но желающих не было [38].

В село Эстонку 30 декабря 1905 г. пришли из Адлера социал-демократ Янович, лавочник Кудинов, а также неизвестный кавказец. Они предложили эстонцам дать людей в боевую дружину для сопротивления властям. В случае отказа пригрозили: «*После нас придут другие и постреляют все село*». Эстонцы собрали с односельчан 91 руб., которыми снабдили 16 добровольцев и отправили их в Сочи [39].

В боевой отряд входили следующие поселяне Эстонки: Карл Ромм, Мик Мазикас, Константин Альпиус, Густав Краца, Густав Сейдеман, Иосиф Кельстрем, Ян Блок, Яков Танвиль, Август Юрнетсон, Ян Лосман, Иван Одыяк, Андрей Одыяк, Ян Тиль, Август Гендрих, Юрий Левке и Иван Корнев.

Когда отряд вооруженных эстонцев во главе с А. Яновичем проходил через д. Веселое с революционной песней «*Вставай, подымайся рабочий народ!*», Янович обратился за помощью к Захарию Чернышенко, но тот указал, что в деревне все решает прежний староста [40].

Аналогичная ситуация в **Пиленковском сельском обществе**. В декабре 1905 г. в Пиленково имело место два митинга, последний состоялся в канун Рождества, на котором активное участие принимал поселянин Малютин, выступали Кокырло, Надорашвили и Гамсахурдиа [41]. Они требовали не давать в армию новобранцев, не платить подати, уволить старшину Савтихова и писаря Девягина. С угрозами предлагали присоединиться к партии социал-демократов [42].

Старшина Савтихов Дмитрий Федосеевич (1866 года рождения) послал к начальнику Сочинского округа крестьян Грабко и Якова Зорин о плане дальнейших действий. В это время в деревню из Гагры прибыли сторонники социал-демократов с писарем Иванющенко и с флагом, на котором была надпись: «*Пролетарии всех стран соединяйтесь!*». Они пробыли не долго, и ушли в Сочи. Примерно 2 января 1906 г. в деревню опять пришли адлерцы лавочник Г. Гамсахурдиа, А. Саджа, Г. Надоришвили и 14 туземцев. Далее Савтихов уточняет: «*Мы оружие не дали, посты выставили, хотя они и так были в ночное время. Чтобы от нас отстали назойливые ораторы, мы после нового года выбрали старшиной Литвинова, а я всем управлял. Теперь Литвинов старшина*» [43].

Показания Савтихова подтверждает и избранный старшиной Литвинов Лазарь Денисович (1856 года рождения): «*На второй день после нового года пришел Кокырло и сказал, что социал-демократы взяли верх и мы должны провести выборы или будет плохо. Мы провели выборы, лишь бы отвязались. Избрали меня*» [44].

Староста д. Барановки Федоров Николай Алексеевич (1873 года рождения) также указывает, что к ним в это же время с агитацией приезжали П. Сергеев, А. Янович и требовали не давать рекрутов, не платить, чтобы этим добиться свержения правительства. Среди поселян были сочувствующие им Сафрон Середа и Андрей Семенов. Мы выбрали мнимых старосту и десятников, чтобы избавиться от назойливых ораторов. В итоге: «*Оружие не давали, грузины пытались его отобрать, но мы в них стреляли*» [45].

В **Айбгинском и Ахштырском сельских обществах** агитацию среди крестьян вели социал-революционеры учитель Славгородский в Айбге и писарь Головка в Ахштыре, который также агитировал в Ореховке, где составлял протокол о закрытии сельского правления [46].

Головка, как и Славгородский призывал поселян присоединиться к Всероссийскому крестьянскому союзу. Социалист-революционер Славгородский Евграф Дмитриевич родился в 1888, в начале XX в. окончил в Новороссийске педагогические курсы и стал учителем 1-го Айбгинского

училища. Как он сам указывал на следствии, читал крестьянам о Всероссийском крестьянском союзе из статей газет «Черноморское побережье» и «Сын отечества» [47].

Представитель социал-демократов Захарий Пономаренко агитировал в Михельрипше и призывал не давать рекрутов и не платить подати [48].

Из показаний поселянина Коника Афиногена Дормидонтовича известно, что писарь Головка предлагал закрыть сельское правление в Ахштыре в виду желания рассчитаться со службы, при этом старшина не возражал, а Пономаренко предложил выбрать новое правление и создать милицию и т.д., но было решено: «*Что пока нового закона не будет, делать ничего не будем*» [49].

Указанные события подтверждает и урядник С.Г. Продолинский (участок – Ермоловка, Ахштырь, Аибга, Михельрипш, Ореховка и два частных участка Шуринова и Шиловского), к которому в дом в деревне Ермоловка, во время вооруженного восстания, вторглись восставшие и нашли двух урядников его шурина Николая Яцкова с сыном, которых они арестовали, а хозяина обокрали. Восставшие хотели забрать и Продолинского, но т.к. он взятки не брал, что подтвердили жители деревни, от него отстали [50].

Урядник 11 участка (Красная Поляна, Медовеевская Поляна и Эсто-Садок) Ганин сообщает, что активную агитацию в **Медовеевской Поляне** проводил учитель Плохотников, который призывал не платить подати и не давать рекрутов. Его поддержали крестьяне Сахно и Михаил Украинцев, которые отобрали должностной знак у старшины Казакула и выставили кандидатуру Сахно для его избрания старшиной общества [51].

На следствии по делу о вооруженном восстании Сахно и Украинцев пояснили, что Казакула переизбрали не из-за агитации Плахотникова, который непосредственно принял участие в восстании [52], а в связи с тем, что общество выразило недоверие старшине. Когда в конце декабря 1905 г. поселяне проверили кассу правления, в ней не хватало 17 руб. 93 коп. и Казакулу было предложено вернуть не достающую сумму или от общества поступит властям жалоба [53].

После объявления царского манифеста в **Хосте** прошло два митинга, на которых выступал Сальников, призывавший население менять государственный строй на республиканский образ правления, но т.к. власти так просто на это не пойдут, то населению предлагалось вооружаться, чтобы отстаивать свои права. Представители Хостинской РСДРП за 4 руб. в месяц арендовали у Н.А. Михайлова комнату под бесплатную читальню, над которой появилась вывеска «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», против тех, кто не хотел вступать Хостин. РСДРП объявлялся бойкот [54].

Представители Хостинской РСДРП распространили свою деятельность на соседнее **Адлерское сельское общества** и стали наведываться в **Верхнюю и Нижнюю Николаевки**. В декабре 1905 г. Сальников, находясь в Хосте, назначил «десятником» поселянина Тимофея Буженко и отправил его агитировать в Верхнюю Николаевку, призывая крестьян не платить подать и сражаться с казаками, что подтвердил на следствии староста Загороднюк Артем Емельянович [55].

Со слов старосты Нижней Николаевки Школьников Трофима Павловича (1875 года рождения) известно: «*За неделю до Рождества к нам пришли Яичников, Ермолов и племянник Севрюка от Хостининской РСДРП и потребовали кассу для проверки. Я их знать не знаю, и они ушли*» [56].

После начала вооруженного восстания инженер из Хосты Петр Шелехов в грубой форме потребовал от селян Нижней Николаевки, чтобы они вооруженные шли в Сочи на помощь повстанцам. До этого приходил поселянин Ф. Бойко, который сообщил, что послан Хостинским комитетом, призывал брать оружие и идите в Хосту. У крестьян в селе было 6 ружей, Школьников взял с собой Т. Яровенко, В. Бабенко, А. Рожкова, С. Малова и Е. Байко, с которыми отправился в Хосту, но по дороге они оружие спрятали. Когда Школьников с товарищами пришел в Хосту к лидерам РСДРП в гостиницу Кирпичева, он заявил, что оружие им нужно, т.к. возможно ожидать нападение *туземцев*. На это Усов ответил, что надо бояться казаков, предложил организовать посты на шоссе, а если появится кто-либо из начальства, то сообщить в Хосту. Нижне-николаевцы вернулись домой и собрали сход по поводу оружия. На сход прибыл Шелехов из Верхней Николаевки с 24 вооруженными поселянами и расставил посты у шоссе. Более каких-либо действий поселяне не предпринимали [57].

Нужно отметить, что социал-демократы в Хосте после начала вооруженного восстания стали разыскивать представителей властей и лиц, им сочувствующих. Шелехов, Крайнев, Боруковский и Бастрыкин от имени социал-демократической организации 31 декабря 1905 г. арестовали А. Яцкова. Вечером того же дня созывали народный суд в состав которого входили: Усов, Шелехов и Тараненко. Эмоционально настроенные представители социал-демократической организации хотели отрубить голову учителю Рубаеву, но не решились. Кроме этого, в Хосте были расставлены посты у шоссе и у моря, а в Сочи отправились Яичников и Ермолов [58].

Во время обыска у жителей Хосты искали оружие социал-демократы Хабулава, Усов, Тараненко, Шелехов, начальник почтово-телеграфной конторы Пелипенко, Бенкевич и помощник лесничего Васютин. При этом имелись жалобы о пропаже денег и имущества. Например, Яцкова указывала, что во время обыска Тараненко похитил из буфета 7 рублей, а торговец Тарковский жаловался, что из лавки похитили спирт на сумму 800 рублей [59].

Революционный порыв завершился приходом верных правительству кораблей с вооруженным десантом 1 января 1906 г. Из показаний жителя Хосты Ирбе Ивана Михайловича известно, что

3 января 1906 г. на площади хоронили Багринского, погибшего 28 декабря 1905 г. во время перестрелки в Сочи, и т.к. в Хосте нет церкви насильно заставили священника из Верхней Николаевки отпевать тело Багринского [60].

Заключение

Таким образом, крестьяне сельских обществ Сочинского округа в период Первой Российской революции (1905-1907 гг.) фактически один на один остались с представителями социал-демократической партии, которые помимо агитации в большей степени пытались насильно втянуть крестьянство в вооруженный конфликт с местными властями.

Лидеры сельских обществ – старшины и старосты, действовали в сложившейся обстановке по своему усмотрению и пытались противостоять такому натиску со стороны агитаторов, т.е. переизбирали должностных лиц, создавали народные суды, создавали вооруженные отряды, передавали деньги и оружие представителям социал-демократов и т.д.

Агитация социал-революционеров в селах не была радикальной, а предложение вступать во Всероссийский крестьянский союз, отделение которого было создано в Новороссийском округе, носило рекомендательный характер, к тому же пути сообщения практически отсутствовали.

Примечания:

1. Первая революция в России: Взгляд через столетие // Ответственные редакторы: Корелин А.П., Тютюкин С.В. М., 2005. С. 354-356.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 584. Оп. 1. Д. 210. Л. 14.
3. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000. С. 50, 53.
4. Таран К.В. Сочинская республика 1905–1906 гг.: мифы и реальность // Русская старина. 2012. № 2 (6). С. 48-51; он же: Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции (1905–1907 гг.). Банска Быстрица, 2014.
5. Музей истории города-курорта Сочи (МИГКС). ОПИ. ОФ-10426/6. Л. 18.
6. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 37-38.
7. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/6. Л. 6-11.
8. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 84-85
9. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/16. Л. 63; МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 54-57.
10. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/6. Л. 81-82.
11. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 68.
12. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 18.
13. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 59, 60, 67.
14. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/16. Л. 51.
15. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/10. Л. 8, 16.
16. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 47.
17. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 48.
18. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 55.
19. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 65.
20. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 48.
21. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 49.
22. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 49.
23. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 52.
24. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 78.
25. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/14. Л. 58.
26. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 72. Л. 75.
27. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 72. Л. 170.
28. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/10. Л. 70.
29. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/10. Л. 83-84.
30. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/11. Л. 36
31. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/10. Л. 43, 48.
32. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/10. Л. 44, 47.
33. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 31.
34. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 32.
35. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 33.
36. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 34-35.
37. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 29-31.
38. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 34-35.
39. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 62. Л. 75-76.
40. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 43
41. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/10. Л. 9.

42. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 40.
43. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 41.
44. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 42.
45. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 41
46. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 44
47. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/5. Л. 169-170.
48. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 46.
49. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 49-50.
50. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/12. Л. 44
51. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/16. Л. 84.
52. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/16. Л. 85.
53. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/16. Л. 95-96.
54. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/9. Л. 97, 114.
55. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/9. Л. 119-121.
56. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/9. Л. 111-112.
57. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/9. Л. 112-113.
58. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/8. Л. 102-103.
59. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/6. Л. 129, 130, 135.
60. МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/8. Л. 120.

References:

1. Pervaya revolyutsiya v Rossii: Vzgl'yad cherez stoletie // Otvetstvennyye redaktory: Korelin A.P., Tyutyukin S.V. M., 2005. S. 354-356.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia. F. 584. Op. 1. D. 210. L. 14.
3. Tveritinov I.A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. Sochi, 2000. S. 50, 53.
4. Taran K.V. Sochinskaya respublika 1905–1906 gg.: mify i real'nost' // Russkaya starina. 2012. № 2 (6). S. 48-51; on zhe: Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Chernomorskoj gubernii v period Pervoi rossijskoj revolyutsii (1905–1907 gg.). Banska Bystritsa, 2014.
5. Muzei istorii goroda-kurorta Sochi (MIGKS). OPI. OF-10426/6. L. 18.
6. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 37-38.
7. MIGKS. OPI. OF-10426/6. L. 6-11.
8. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 84-85
9. MIGKS. OPI. OF-10426/16. L. 63; MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 54-57.
10. MIGKS. OPI. OF-10426/6. L. 81-82.
11. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 68.
12. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 18.
13. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 59, 60, 67.
14. MIGKS. OPI. OF-10426/16. L. 51.
15. MIGKS. OPI. OF-10426/10. L. 8, 16.
16. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 47.
17. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 48.
18. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 55.
19. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 65.
20. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 48.
21. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 49.
22. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 49.
23. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 52.
24. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 78.
25. MIGKS. OPI. OF-10426/14. L. 58.
26. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraia (TsDNIKK). F. 2830. Op. 1. D. 72. L. 75.
27. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 72. L. 170.
28. MIGKS. OPI. OF-10426/10. L. 70.
29. MIGKS. OPI. OF-10426/10. L. 83-84.
30. MIGKS. OPI. OF-10426/11. L. 36
31. MIGKS. OPI. OF-10426/10. L. 43, 48.
32. MIGKS. OPI. OF-10426/10. L. 44, 47.
33. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 31.
34. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 32.
35. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 33.
36. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 34-35.
37. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 29-31.
38. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 34-35.

39. TsDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 62. L. 75-76.
40. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 43
41. MIGKS. OPI. OF-10426/10. L. 9.
42. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 40.
43. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 41.
44. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 42.
45. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 41
46. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 44
47. MIGKS. OPI. OF-10426/5. L. 169-170.
48. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 46.
49. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 49-50.
50. MIGKS. OPI. OF-10426/12. L. 44
51. MIGKS. OPI. OF-10426/16. L. 84.
52. MIGKS. OPI. OF-10426/16. L. 85.
53. MIGKS. OPI. OF-10426/16. L. 95-96.
54. MIGKS. OPI. OF-10426/9. L. 97, 114.
55. MIGKS. OPI. OF-10426/9. L. 119-121.
56. MIGKS. OPI. OF-10426/9. L. 111-112.
57. MIGKS. OPI. OF-10426/9. L. 112-113.
58. MIGKS. OPI. OF-10426/8. L. 102-103.
59. MIGKS. OPI. OF-10426/6. L. 129, 130, 135.
60. MIGKS. OPI. OF-10426/8. L. 120.

УДК 94

Сельские общества на окраине Российской империи в условиях Первой русской революции (на примере сел Черноморской губернии)

Константин Викторович Таран

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат исторических наук

E-mail: taran.constantin@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов анализируется поведение сельских обществ в эпицентрах восстаний Первой русской революции. Автор отмечает, что крестьяне сельских обществ, например, Сочинского округа Черноморской губернии в период Первой русской революции (1905–1907 гг.) фактически были предоставлены самим себе. Оставшись в одиночестве с представителями социал-демократической партии, сельские общества были вынуждены решать: поддаться на революционную пропаганду или саботировать антиправительственную деятельность.

Ключевые слова: сельские общества; Российская империя; 1905-1907 гг.; Первая русская революция.

Copyright © 2015 by Sochi State University

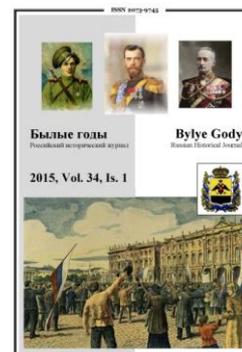
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 133-136, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).083: 94(82)

Naval Assistance to Spain and the Triple Entente

Nicholas W. Mitiukov

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Dr. (Technical)

Abstract

During the World War I Spain rendered military support to the Triple Entente, avoiding the regime of neutrality. Five trawlers, converted into minesweepers were sold to Russia and eight – to Italy. Data, concerning France, vary. There is information about no less than 27 trawlers. But probably 243 watercrafts were sold to France and 14 were contracted to build.

Keywords: World War I; complement; arms delivery; Spain; neutrality.

Введение

В советское время общепринятой считалась ленинская точка зрения, характеризовавшая Испанию, как дряхлую реакционную монархию. Среди прочих доказательств обычно приводились факты прогерманского "нейтралитета" Испании во время Первой мировой войны: то, что провалившиеся шпионы центральных государств находили убежище в Испании, то, что испанские власти прямо или косвенно способствовали действиям германских подводных лодок и т.п. При этом забывалось, что обычно шпионская сеть замыкается на нейтральную страну исключительно из-за удобства работы, а нормы нейтралитета допускают кратковременное базирование в нейтральных портах судов воюющих государств.

В настоящее время появились более взвешенные работы, показывающие, что из-за глубокого проникновения капитала стран Антанты в Испанию, в первую очередь британского, она просто не могла по экономическим причинам осуществлять активную поддержку враждебных Антанте государств [1]. Однако до сих пор аспекты военного сотрудничества Испании и Антанты комплексно в отечественной историографии не исследовались. Целью данной работы является рассмотрение достаточно узкого вопроса данного аспекта, а именно помощь Испании Антанте путем продажи кораблей и судов.

Материалы и методы

Ранее автор уже поднимал некоторые частные вопросы непрямого участия Испании в Первой мировой войне. В частности, рассматривались вопросы использования испанской стороной части интернированных на ее территории судов центральных государств [2]. Достаточно широко в отечественной литературе обсуждался и вопрос продажи испанских траулеров для российской Флотилии Северного Ледовитого океана [3–5], в которой принял участие и автор [6–7].

В работе использована отечественная и зарубежная справочная литература о корабельном составе стран времен Первой мировой войны, в первую очередь данные морских регистров и военно-морских справочников, которые дополнялись информацией периодической печати (в первую очередь испанской), мемуарной литературы и аналитическими работами отечественных и зарубежных историков. Методологической основой статьи стали методы историзма, системности и объективности.

Обсуждение

В 1914 г. началась Первая мировая война, в которой минному оружию довелось стать одним из наиболее эффективных средств борьбы на море. Между тем, несмотря на предвоенную гонку вооружений, ни одно и государств-участниц войны не оказалось готово к борьбе с минной опасностью. Считалось, что для надежного траления вполне хватит специально приспособленных для этой цели устаревших кораблей – миноносцев, минных крейсеров и др.

Однако размах войны на море показал, что тральные силы должны стать по-настоящему массовыми, ведь траление требовалось не только для проводки боевых эскадр, но и для плавания отдельных кораблей, конвоев и торговых судов. И как показал боевой опыт, лучше всего для этих целей подходят суда типа рыболовного траулера, способного на траление вдали от берегов, и при этом имевшего относительно небольшую стоимость.

Сильный корпус траулера, способный пережить тяжелые шторма, высокая мощность машин, достаточная для буксировки тралов с рыбой при относительно высокой скорости и большой автономности сделала траулеры идеальным кандидатом для роли мобилизованного тральщика. Разумеется, в наиболее лучших условиях оказался флот Великобритании, с практически неисчерпаемым запасом траулеров. А вот флоты России, Италии и Франции, относительно быстро реквизируя все более-менее пригодные суда, вынуждены были обратиться к их покупке в нейтральных странах.

В конце XIX века испанский рыболовецкий флот обогатился новым типом промысловых судов, водоизмещением от 150 до 500 т., для обозначения которых испанский язык обогатился словом "bou" (траулер). С началом боевых действий Великой войны испанские пароходные компании получили уникальную возможность выгодно продать воюющим государствам даже устаревшие единицы этого класса.

Понимая сложившуюся конъюнктуру рынка, торговые представители стран Антанты сформулировали необходимый перечень, ниже которых опускаться просто не было смысла, чтобы флот получил полноценную боевую единицу. Так российское морское ведомство определяло следующие минимальные параметры приобретаемых судов: постройка не ранее 1905 г., водоизмещение 400–500 т, мощность машин 400–500 л.с., наличие жилых помещений на 30 чел. К сожалению, не все эти пункты удавалось выдержать. Всего в Испании при посредничестве торгового дома "Ганс Смит", которым владел норвежский консул в Кронштадте Н.И. Классен-Смит, российской стороне удалось приобрести пять судов на общую сумму 1,115 млн рублей.

После покупки и переоборудования траулеры вошли в состав 1 отряда дивизии траления Флотилии Северного Ледовитого океана как тральщики Т-25–Т-29. Т-25 (бывш. "Villa de See", 1905 г., 475 т.) после войны стал траулером "Канин", позднее – "Сайда", погиб в 1962 г. в результате столкновения с греческим пароходом "Glifada". Т-26 (бывш. "Santiago", 1905 г., 475 т.) после войны стал траулером "Треска", переведен на Балтику и в 1941 г. затоплен в Пярну. Хотя на следующий год немцы его подняли, отремонтировать судно не удалось, его взорвали при подходе советских войск в 1944 г. Т-27 (бывш. "Erla", 1908 г., 491 т.) после войны стал траулером "Грумант", позднее – "Окунь", сдан на слом в конце 1940-х гг. Т-28 (бывш. "Avispa", 1901 г., 475 т.) после войны стал траулером «Камбала», затонул во время шторма в 1934 г., но был поднят и отремонтирован. В конце мая 1945 г. погиб а камнях у Шубинских островов. Т-29 (бывш. "Навага", 1903 г., 475 т.), после войны получил наименование "Навага", погиб на промысле со всей командой в 1936 г.

Если относительно испанской помощи России различий нет, то о проданных Италии судах имеется несколько точек зрения. По-видимому, можно говорить о восьми приобретенных траулерах. Все они вошли в состав "Реджина Марина" в начале 1916 г. Справочник Конвея сообщает о двух из них [8]. Траулер "María Isabel" (1898 г., 388 т.) после вооружения двумя 76-мм орудиями стал канонерской лодкой "Linosa" и находился в строю до 1923 г. "Mary" (1902 г., 562 т.) вошел в строй итальянского флота как тральщик "Palmaiola", но после Первой мировой войны использовался как канонерская лодка, и погиб под бомбами союзников в Сиракузах в 1943 г. Относительно остальных судов итальянского флота, данных об их приобретении в Испании справочник не содержит: разные главы писались разными авторами, из-за чего способ подачи материала различается – в разделе "Италия" отсутствует сведения о стране, в которой был приобретено судно. Испанский историк Р. Гонсалес Эчегарай дополняет этот список еще шестью судами (все это подтверждается Конвеем): "Cerboli" (быв. "Boadicea"), исключенная из списков флота в 1919 г., "Alicudi" (быв. "Algeckas") – в 1923 г., "Favignana" (быв. "Merse") – в 1920 г., "Filicudi" (быв. "Pedro"), потопленная у Трапани германской подводной лодкой 2 апреля 1917 г., "Panagia" (быв. "Fantasma") в 1923 г. стала гидрографическим судном "Scilla", а в 1935 г. – плавучим маяком, в 1943 г. ее захватили немцы и затопили, "Levanzo" (быв. "Tiburón") в итоге оказался плавучим маяком и затоплен в 1943 г.

Но наиболее масштабная помощь была оказана соседней Франции. Справочник Конвея [8] сообщает, что во французском флоте оказалось 98 бывших испанских траулеров, приобретенных начиная с 1915 г., четыре из которых были потеряны в боях. Поскольку детальные данные о них из-за столь большого количества единиц отсутствуют, перепроверить их сложно. Р. Гонсалес Эчегарай сообщает, что не менее 27 испанских траулеров оказались во французском флоте [9]. Из них непосредственно в Испании были приобретены восемь в июле 1917 г. и четырнадцать в 1916 г. Еще два

испанских траулера приобретены через Великобританию, один был захвачен в Бискайском заливе, объявлен военным призом и вооружен, остальные в годы войны различными путями оказались во французском рыболовном флоте и также оказались мобилизованными. Вообще же в Испании для нужд французского флота было приобретено в общей сложности 243 судна, еще на 14 были заключены контракты на постройку [9].

В основном суда получили во Франции наименования в честь птиц, растений, животных, насекомых или прилагательные. По крайней мере, один из них – "Zenobia", во французском флоте "Barbue", прошел через обе мировые войны. В ходе войны по разным причинам были потеряны: "Vaulour", "Capelan", "Fier", "Annihal", "Hardi" и "Fauson". Все остальные по окончании войны были проданы частникам, в основном французским.

Выводы

Испания оказала существенную военную поддержку Антанте своим корабельным составом. России было продано пять траулеров, Италии – восемь. Относительно Франции данные разнятся, имеются сведения о не менее чем 27 траулерах. Но, вероятно, всего во Францию продали 243 судна и еще на 14 были заключены контракты на постройку.

Примечания:

1. Креленко Д.М. Отдельные аспекты реализации испанского нейтралитета в Первой мировой войне // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 1. С. 67–75.
2. Mitiukov N.W. The Spanish Mercantile Fleet and the "Council of Captured Ships" // Voennyi Sbornik. 2014. № 4 (6). P. 236–240.
3. Андриенко В.Г. Тральщики севера, переоборудованные из траулеров и промысловых судов // Судостроение. 1989. № 11. С. 71–75.
4. Волков А.Е. Незаметные герои. Траулеры в составе Северного флота // Морская коллекция. 2011. № 6. 32 с.
5. Лапшин Р.В., Коробейников А.В. Белый флот гражданской войны. Ч. II. Ижевск: Иднакар, 2014. 294 с.
6. Лапшин Р.В., Митюков Н.В. Испанские суда в Русском военном флоте // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 8 (25). С. 98–113.
7. Mitiukov N.W., Lapshin R.W. Los bous de procedencia española incorporados a la flotilia del océano glacial ártico durante la primera Guerra mundial // Revista General de Marina. 2011. Diciembre. P. 873–881.
8. Conway's All the World's Fighting Ships: 1906-1921. London: Conway Maritime Press, 1985. 439 p.
9. Gonzalez Echegaray R. Vida naval de los bous españoles // Revista General de Marina. 1972. T. 183. Noviembre. P. 451–466.

References:

1. *Krelenko D.M.* Otdel'nye aspekty realizacii ispanskogo nejtraliteta v Pervoj mirovoj vojne // Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2013. T. 13. № 1. S. 67–75. (In Russian)
2. *Mitiukov N.W.* The Spanish Mercantile Fleet and the "Council of Captured Ships" // Voennyi Sbornik. 2014. № 4 (6). P. 236–240.
3. *Andrienko V.G.* Tral'shhiki severa, pereoborudovannye iz traulerov i promyslovyh sudov // Sudostroenie. 1989. № 11. S. 71–75. (In Russian)
4. *Volkov A.E.* Nezametnye geroi. Traulery v sostave Severnogo flota // Morskaja kollekcija. 2011. № 6. 32 s. (In Russian)
5. *Lapshin R.V., Korobejnikov A.V.* Belyj flot grazhdanskoj vojny. Ch. II. Izhevsk: Idnakar, 2014. 294 s. (In Russian)
6. *Lapshin R.V., Mitiukov N.V.* Ispanskije suda v Russkom voennom flote // Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii. 2014. № 8 (25). S. 98–113. (In Russian)
7. *Mitiukov N.W., Lapshin R.W.* Los bous de procedencia española incorporados a la flotilia del océano glacial ártico durante la primera Guerra mundial // Revista General de Marina. 2011. Diciembre. P. 873–881.
8. Conway's All the World's Fighting Ships: 1906-1921. London: Conway Maritime Press, 1985. 439 p.
9. *Gonzalez Echegaray R.* Vida naval de los bous españoles // Revista General de Marina. 1972. T. 183. Noviembre. P. 451–466.

УДК 94(47).083: 94(82)

Военно-морская помощь Испании и Антанте

Николай Витальевич Митюков

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Доктор технических наук

Аннотация. Во время Первой мировой войны Испания в обход режим нейтралитета оказала существенную военную поддержку Антанте. России было продано пять траулеров, переделанных в тральщики, Италии – восемь. Относительно Франции данные разнятся, имеются сведения о не менее чем 27 траулерах. Но, вероятно, всего во Францию продали 243 судна и еще на 14 были заключены контракты на постройку.

Ключевые слова: Первая мировая война; корабельный состав; поставки вооружений; Испания; нейтралитет.

Copyright © 2015 by Sochi State University

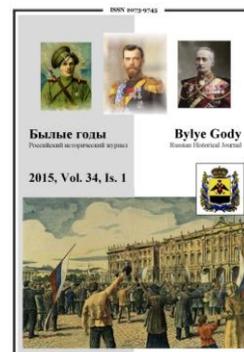
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 137-144, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

Kalmyk Steppe During the World War I: the Question of the Transition to the Cossack Estate

¹ Irina V. Lidzhieva

² Valery V. Batyrov

³ Ludmila V. Okonova

¹ Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Ilishkina street 8, Elista, Republic of Kalmykia, 358000

PhD (History)

E-mail: irina-lg@yandex.ru

² Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Ilishkina street 8, Elista, Republic of Kalmykia, 358000

PhD (History)

E-mail: valerabatyrov@gmail.com

³ Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Ilishkina street 8, Elista, Republic of Kalmykia, 358000

PhD (History)

E-mail: okonova.lv@gmail.com

Abstract

This article is devoted question of the transition of the population of the Kalmyk steppe to the Cossack estate of the Russian Empire during the World War I. Limited the rights of the Kalmyk people, a permanent loss of their lands, permanent peasant colonization led the Kalmyk society has to come a long way from a complete denial of the transition to the Cossack estate in the XIX century to the only possibility to save his people and culture. Cossack's self-government had a number of advantages over the existing self-government in the Kalmyk steppe, which was legalized in 1847 – the Regulations on the management of the Kalmyk people. And yet, the question of the transition Kalmyks to the Cossack estate during of the World War I, despite the efforts made by both the of intellectuals and clergy was not resolved positively, due to the negative attitude towards this issue by the central and local authorities. And only February revolutions and October revolutions in 1917 opened the way for a positive solution of the transition Kalmyks to the Cossacks, but by the time any other alternatives of autonomization of the Kalmyk people, and idea of the transition the Kalmyks to the Cossack estate of was more irrelevant.

Keywords: World War I; Cossacks; Kalmyk steppe; history of Russia in the XIX; History of Kalmykia in the XIX; domestic policy; social history.

Введение

Российское казачество на фронтах России призванное способствовать колонизации новых земель российскими поселенцами традиционно формировалось из представителей полиэтничной среды. С момента добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства в середине XVII в. они были обязаны нести кордонную службу на его южных границах, а также принимать участие в военных кампаниях, которые вела Россия. Кроме того в разные периоды российской истории калмыки привлекались и к казачьей службе и в начале XIX в. активно участвовали в Отечественной войне 1812 г., Заграничном походе 1813-1814 гг. в составе русской армии.

Материалы и методы

Основным источником для написания статьи послужили архивные материалы: Национального архива Республики Калмыкия, Государственного архива Ставропольского края, Государственного архива Российской Федерации. Кроме того были использованы опубликованные источники дореволюционных и современных авторов.

Методологической основой исследования стал диалектико-материалистический анализ деятельности исторических событий и фактов, который позволил рассмотреть события, происходящие в Калмыцкой степи, связанные с попыткой перевода калмыков в казачье сословие в условиях Первой мировой войны.

Обсуждение

Надо отметить, что исследуемая в статье тема не получила достаточной разработки в исторической литературе. Главной особенностью дореволюционных трудов является то, что они не привели к созданию обобщающих работ, посвященных вопросам перехода калмыков в казачье сословие в указанный период. Дореволюционная историография представлена работами И.А. Бирюкова, В.В. Скворцова [1; 2], В этих публикациях рассматривались некоторые аспекты практического опыта перехода отдельных групп калмыков в казачье сословие в течение XVIII–XIX вв.

Литература, изданная после октября 1917 г., носила скорее публицистический характер. В ней содержалось множество интересных, но малозначительных фактов, при этом отсутствовал научный анализ. В современный период среди наиболее значимых работ по исследуемой проблематике, следует упомянуть Наберухина А.И., Орехов И.И., Очирова У.Б., Антропова О.О., и др. [3; 4; 5; 6; 7], которые констатируют факта наличия идеи «оказачивания» в Калмыцкой степи. Определенный интерес для нашего исследования представляют также материалы конференций по истории казачества. Признавая, несомненно, значительный вклад исследователей проблемы перехода калмыков в казачье сословие, следует указать, что данная тема до настоящего времени не получила должного освещения.

Результаты

На протяжении всего XIX в. в российском правительстве в отношении калмыков преобладала точка зрения, достаточно ясно выраженная сенатором П. П. Гагариным¹, в его докладной записке («отношении») от 7-го мая 1844 г на имя Министра Государственных имуществ. По мнению сенатора, «самую главную пользу, полученную от Калмыков, извлек Гений Петра Великого, он, проходя с войсками своими Астраханскую губернию, призвал под знамена свои конницу из 40 000 Калмыков» [8]. Участие калмыков в войнах России признавалось за главное достоинство нахождения калмыцкого народа в составе России.

Исходя из таких представлений о «полезности» калмыков на протяжении всей первой половины XIX в. в недрах администрации Астраханской губернии время от времени рождались идеи о переводе калмыков в казачье сословие. Одна из таких идей была связана с именем астраханского военного губернатора Иван Семеновича Тимирязева (1790-1867 гг.), который весной 1834 г. был направлен императором Николаем I в Астрахань. Тимирязев И. С. стал новым Астраханским военным губернатором, управляющим гражданской частью и командиром Астраханского казачьего войска. Как наказной атаман Астраханского казачьего войска И. С. Тимирязев столкнулся с проблемой недостаточного количества казаков для предупреждения набегов со стороны казахов Букеевской Орды [9].

В 1836 г. Иван Семенович Тимирязев инициировал подготовку проекта по образованию особого казачьего калмыцкого полка, на который предполагалось возложить всю кордонную службу [10]. Однако, несмотря на поддержку этого проекта со стороны военного министра и самого императора, проект формирования калмыцкого полка был достаточно несвоевременным, который создавался во многом, волевым решением военного губернатора. При этом надо указать, что у владельцев, правителей и опекунов калмыцких улусов, а также во всем калмыцком обществе идея перехода в казачество встретило довольно сильное сопротивление. Надо отметить, что в первой половине XIX в. переход калмыков в казачество был нецелесообразным и не отвечал потребностям калмыцкого общества.

Несколько позднее в 1890 г. военное ведомство последний раз предложило привлечь калмыков на военную службу в рядах Астраханского казачьего войска. Однако к тому времени в военных кругах Российской империи под влиянием неудачной Крымской кампании, а также недавних военных реформ стало преобладать мнение об утрате казачеством своих прежних боевых качеств. Данное мнение подтверждалось тем, что иррегулярная казачья конница в условиях современных европейских войн заметно уступала по своим боевым качествам регулярной кавалерии, вследствие низкого уровня подготовки казачьих офицеров, сложностями перехода казаков на новые виды вооружения, слабой организации боевой подготовки и низкого общего уровня образованности.

¹ Гагарин Павел Павлович, князь, государственный деятель (1789–1872). Сенатор с 1831 г., Гагарин в начале сороковых годов возглавлял ревизию в Астраханской губернии.

Наконец, все более возрастающий рост государственных затрат на содержание казачьих войск подрывали идею их самообеспечения и дешевизны [11]. Последними препятствиями на пути калмыков в казачество стали трудности организации управления в степи и обеспечения калмыков землей, но главным образом то, что тогда бы калмыки совершенно подавили бы численностью астраханских казаков, которых в 1880 г. насчитывалось 24543 чел. [2, с. 131].

Однако, надо отметить, что отдельные этнотерриториальные группы калмыков проживающие за пределами Калмыцкой степи давно уже входили в состав казачьего сословия. Следует отметить, что в отличие от калмыков Астраханской губернии они имели значительную социальную автономию: неотчуждаемые земли, освобождались от налогов и т. д.

На фоне непрекращающегося, на протяжении всего XIX – начала XX вв. планомерного наступления российских властей на права калмыцкого народа, широкую крестьянскую колонизацию на территории его улусов, казачество выглядело наиболее перспективной моделью для сохранения калмыков, как этноса в составе России.

Казачеству была присуща самобытная система местного самоуправления. Как отмечает Булычева Н. В. «Самоуправление донцов изначально основывалось стихийно в соответствии с архаичными правовыми обычаями по которым учреждались войсковой и станичный круг («сбор») [12]. Так, например калмыки, проживавшие на территории Войска Донского, главным образом в Сальском округе, были переведены в казачество и призывались в донские казачьи полки на общих основаниях. Часть калмыков даже обучались в Новочеркасском казачьем военном училище и получили офицерские звания. К началу мировой войны в составе войска Донского было 13 калмыцких станиц, ведущих оседлый образ жизни и занимавшихся земледелием и животноводством [13]. Также небольшие группы калмыков находились в составе Оренбургского, Астраханского и Терского казачьих войск.

Численность войсковых казаков в 1897 г. [14; 15; 16; 17]

Монголо-бурятский (калмыцкий) язык			
Войсковые казаки	Мужчин	женщин	итого
Донские	13 872	13 327	27 199
Оренбургские	643	552	1 195
Астраханские	94	92	186
Терские	31	11	42
Итого	14 640	13 982	28 622

Как было уже отмечено, в намного более тяжелом положении находились калмыки Астраханской губернии. Уже к началу XX в. Калмыцкая степь была охвачена кольцом русских и украинских поселений, которые располагались также и внутри степи по пересекавшим ее трактам, что в условиях земельного голода привело к кризису калмыцкого скотоводства, массовому обеднению населения и, в конечном итоге, поставило калмыцкий народ на грань выживания [18]. Кризис привел к тому, что почти все современники отмечали бедственное положение калмыков. Так, один из исследователей калмыцкого народа, Г.Н. Прозрителев писал, что «крайне интересным является вопрос о необыкновенно быстром падении этого народа ... От отважного, героически храброго воина он к концу XIX-го века сходит на степень простого степного хищника ...» [19, с. 3]. Несмотря на столь пессимистичную оценку со стороны видного исследователя Г.Н. Прозрителева, хотелось бы отметить, что калмыки еще не раз в истории доказывали свою репутацию «храброго воина». Но между тем мысль о «вымирании» калмыков не покидала российскую интеллигенцию. В связи с этим интересно письмо писателя и журналиста В. А. Гиляровского астраханскому коллекционеру, основателю Астраханской картинной галереи П. М. Догадину от 8 апреля 1915 г.: «Дорогой Павел Михайлович! ... Доброе дело, что у вас открылся музей. Подберите побольше калмыцкого, всего, до самых мелочей: аркан волосяной, нагайки разных сортов, предметы охоты. Помните, что это последние номады в Европе и скоро исчезнут. Оставьте память об их быте, запишите фонографом калмыцкие песни. Позаймитесь калмыцким бытом, побольше фотографий типов кибиток, сцен из жизни!» [20].

К началу XX столетия Калмыцкая степь полностью находилась под юрисдикцией российского законодательства, некогда существовавшие права и привилегии были ликвидированы. В этих условиях все большую актуальность приобрел проект о переходе калмыков в казачье сословие. По мнению представителей калмыцкой элиты, только казачество как своеобразная форма автономии могла позволить калмыкам решить земельный вопрос. Военная кампания I мировой войны предоставила возможность для инициирования решения вопроса о переходе калмыков в казачье сословие.

Еще на 15 сентября 1906 г. в урочище Цаган-Аман планировалось проведение съезда сельскохозяйственного общества астраханских калмыков, в повестку которого предполагалось внести вопрос «О введении воинской повинности в Калмыцкой степи». Одним из инициаторов был владелец

Малодербетовского улуса Данзан Давидович Тундутов¹ и его сторонники, отмечавшие «ненормальность исключения калмыков из числа русско-подданных, отбывающих такую повинность, предлагали ввести в порядке комплектования специальных калмыцких частей на особых условиях» [21]. Под особыми условиями подразумевалась возможность перевода всего калмыцкого народа в казачье сословие, создания калмыцкого казачьего войска или его слияния с Донским или Астраханским. Введение воинской повинности, по мнению Наберухина А. И., если бы оно осуществлялось на общих основаниях, означало бы расширение гражданских прав калмыков, существенный шаг вперед к равноправию калмыцкого народа [3, с. 62].

Начало Первой мировой войны стало удобным поводом для вопроса о введении воинской повинности среди калмыков. Малодербетовский нойон Д.Д. Тундутов, совместно с Н. Очировым в 1914 г. снова подняли вопрос о переводе калмыков в сословие казачества. Д.Д. Тундутов, как и многие другие видные деятели калмыцкого народа, видел, что калмыцкий народ теряет свои земли в результате захвата земель русским крестьянством соседних сел. Оптимальным выходом из сложившейся ситуации он видел переход в казачье сословие. В кампании 1914 г. за перевод калмыков в казачество приняли участие нойоны, зайсанги, группа интеллигенции и буддийское духовенство. Оказывание давало возможность закрепить все земельные участки за калмыками. Эта инициатива была выдвинута в условиях разрабатываемого проекта МВД о землеустройстве астраханских и ставропольских калмыков, по которому предполагалось новое изъятие земельных излишков у калмыков и передача их русским крестьянам. К тому времени Государственной Думой был уже утвержден другой проект МВД о передаче русским крестьянам, так называемой 10-верстной полосы, проходящей по побережью Волги.

С 1 января 1915 г. на всех «инородцев», не отбывавших воинской повинности, было распространено «положение о военном налоге» [22]. Размер налога исчислялся пропорционально кибиточной подати, а для тех, кто не платил таковые – в соответствии с размером хозяйственного имущества. Согласно указу императора Николая II от 25 июня 1916 г. «О мобилизации «инородческого» населения Астраханской губернии Сибири и Средней Азии для работ по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии» [23], мужское инородческое население в возрасте от 19 до 43 лет включительно привлекалось на тыловые работы.

В делопроизводственной документации органов местного самоуправления, отложившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, отражены патриотические настроения в калмыцком обществе, связанные с началом военных действий российской армии в ходе Первой мировой войны. Постановлением улусных и аймачных сходов принимались решения о принятии населением Калмыцкой степи активного участия в «защите Нашего Белого Царя и родины в столь трудную минуту» [13]. Подобные формулировки отражали патриотическое настроение населения Калмыцкой степи.

В таких условиях частное мнение отдельных представителей калмыцкой элиты о переходе в казачество, как единственной возможности сохранить калмыцкие земли, все более возобладало в калмыцком обществе. 4 декабря 1914 г. на станции Минеральные Воды Владимирской железной дороги делегация Большедербетовского улуса от имени всего калмыцкого народа вручила императору Николаю II «Желательные мероприятия», одним из пунктов которых являлось «Распространение на калмыков закона о привлечении к всеобщей натуральной воинской повинности» [24]. Следствием указанной встречи стало распоряжение министерства внутренних дел на имя Астраханского губернатора о предоставлении министру приговоров калмыцкого общества о желании калмыков перейти в казачье сословие. В течение 1915–1916 гг. ряд улусных сходов поддерживали идею оказывания. Участники сходов связывали с ней надежды на национальное равноправие, прекращение расхищения земель, право распоряжаться общественным капиталом. Заручившись соответствующими документами – приговорами улусных сходов Д. Тундутов с Н. Очировым вошли с ходатайством в штаб армии главнокомандующего Н.Н. Романова. Депутация калмыков (Н. Очиров, А. Амур-Санан, Е. Чонов и один представитель из Маньчского улуса) вручила ходатайство сначала начальнику штаба главнокомандующего, генералу Янушкевичу, адъютантом которого был Д. Тундутов, а затем самому главнокомандующему Н.Н. Романову.

Но, несмотря на указанные действия решением Государственного совета от 15 августа 1915 г. законопроект о переходе калмыков в казачество был отклонен. В телеграмме Астраханского

¹ Нойон Данзан Давидович Тундутов родился в 1888 г. в семье нойона Церен-Давида Тундутова, который управлял Малодербетовским улусом с 1879 по 1892 гг. Получил образование в Катковском лицее (г. Москва). В 1908 г. окончил Пажеский корпус, затем служил в Гродненском полку (г. Варшава), где женился на дочери полковника Бригера Ксении Александровне. В 1909 г. Д. Тундутов вместе с астраханским губернатором И. Н. Соколовским возглавил депутацию астраханских калмыков, которая выезжала на встречу Николаем II по случаю 300-летия добровольного вхождения калмыков в состав России. От всего калмыцкого народа он зачитал императору приветственный адрес. В 1911 г. вышел в запас и два года путешествовал по Европе. С началом Первой мировой войны вернулся в строй, сначала офицером, состоявшим в распоряжении начальника Генерального штаба генерала Я. Г. Жилинского, затем адъютантом начальника Генштаба генерала Н. Н. Янушкевича. С 1915 г. адъютант великого князя Николая Николаевича (Младшего) — наместника Кавказа и командующего Кавказским фронтом. Награжден Аннинским темляком и орденом Почетного Легиона.

губернатора И.Н. Соколовского от 13 октября 1916 г. отмечено, что «калмыки строевой службе не соответствуют, о чем подробно изложено в копии письма моего на имя Управляющего Земским Отделом от 2 апреля 1915 г. за № 3269» [25]. Опасения астраханских властей по поводу возможности утери славянского большинства в Астраханском казачьем войске после вхождения туда калмыков, а также нерешенность земельных проблем в Калмыцкой степи привели к тому, что негативное мнение губернатора к этой идее приостановило движение калмыцкого народа к казачьему сословию.

21 октября 1916 г. из Петрограда последовала телеграмма на имя Астраханского губернатора о «Всемилоостивейшем соизволении разрешить инородцам взамен принудительных работ поступать охотниками в казачьи части, но без зачисления в войсковое сословие [26]. То есть выполняя те же обязанности, что и казаки, инородцы добровольно поступившие на службу не получали никаких политических и экономических льгот, которыми пользовалось казачество. Так, например 27 октября 1916 г. на заседании Северного аймачного схода Малодербетовского улуса Попечитель Каллистов и его помощник Бондаренков объявили Высочайшее соизволение о разрешении инородцам поступать на службу в действующие казачьи части вместо тыловых работ [27].

После Февральской революции и отречения царя Николая II, Временное правительство в декларации от 3 марта 1917 г. было вынуждено пообещать национальным меньшинствам «широкое самоуправление» на основе «национально-культурного самоопределения». Под влиянием этого документа Астраханский губернский комитет 5 марта предложил заведующему Управлению калмыцким народом Б.Э. Криштафовичу созвать съезд калмыцких представителей для конструирования новых органов управления в степи. 26 марта 1917 г. открылся первый съезд представителей калмыцкого народа (г. Астрахань, 26-31 марта 1917 г.). Съезд упразднил попечительскую власть и создавал выборной коллегиальный орган — Центральный комитет по управлению калмыцким народом (ЦК УКН).

Для решения главного вопроса об определении статуса взаимоотношений ЦК УКН с центральной властью и правового оформления неприкосновенности калмыцких земель Д. Тундутов и Н. Очиров по поручению ЦК УКН прибыли в Петроград, где к ним присоединился представитель Большедербетовского улуса Е. Чонов. Однако, их встреча с председателем Временного правительства князем Г.Е. Львовым в начале июня 1917 г. окончательно развеяла иллюзии о национальной автономии. Собравшиеся 6 июня 1917 г. представители калмыцкого народа Астраханской, Ставропольской губерний и Терской области, еще надеялись на предоставление автономии. Однако прибывшие прямо с вокзала на съезд Д. Тундутов и Н. Очиров доложили делегатам, что Г.Е. Львов крайне негативно отнесся к желанию калмыков получить автономию. Учитывая реальную обстановку было решено вновь вернуться к идее перевода калмыков в казачье сословие [3].

Таким образом, следует отметить, что царское правительство предпринимало меры по переводу национальных меньшинств в казачье сословие. Но вместе с тем, не доверяя полностью инородцам, не торопилось проводить эти мероприятия в жизнь. Кроме того перевод в казачье сословие предусматривал наделение земель, против чего выступал Астраханские губернские власти.

Пропаганда «казачьей идеи» образованными представителями калмыцкого общества придавало ей значимость и привлекало широкие массы населения. Как свидетельствовал «Астраханский листок» от 4 августа 1917 г., за переход в казачество высказывались даже те улусы, которые до этого были против. Главная причина «желания калмыков стать казаками усматривалась в их стремлении «сохранить в неприкосновенности свои земли от уравнительной разверстки» [28].

Широко развернутая агитация проводилась и буддийским духовенством, и интеллигенцией. В конце июля 1917 г. на объединенном заседании делегатов съездов калмыцкого духовенства и 2-го съезда представителей калмыцкого народа было принято решение о присоединении к донскому казачеству [29]. Постановлением 1-го казачьего круга, который состоялся в середине ноября 1917 г. в Яшкуле под председательством Д.Д. Тундутова и при участии атамана Астраханского казачьего войска И.А. Бирюкова было произведена смена названий органов управления. Так Центральный исполнительный комитет по управлению калмыцким народом был переименован в войсковое правительство, улусные земские управы в окружные управления, а председатели стали именоваться атаманами, областное земское собрание — «Малым Законодательным Кругом Казачьего Войска» [30].

Оформление системы казачьего управления в калмыцком обществе было закреплено решениями малого законодательного круга калмыцкой части Астраханского казачьего войска, который проходил в Астрахани с 15 по 24 декабря 1917 г. На совместном заседании общевойсковой и Калмыцкого малых законодательных кругов 16 декабря состоялся акт присоединения калмыцкой части к Астраханскому казачьему войску.

Заключение

Таким образом, самобытное казачье самоуправление согласно имперскому законодательству утратившее некоторые древние привилегии к концу XIX в. все же имело преимущества над существовавшим самоуправлением в Калмыцкой степи, которое было узаконено в 1847 г. Положением об управлении калмыцким народом, что обусловило тенденции по переходу калмыков в казачество.

Вопрос о переходе калмыков в казачье сословие в годы Первой мировой войны, несмотря на усилия, приложенные как со стороны интеллигенции, так и духовенства не был решен положительно. И только февральская и октябрьская революции 1917 г. открыли дорогу для положительного решения «оказачивания» калмыков, но к тому времени возникли другие альтернативы автономизации калмыцкого народа, и идея перехода калмыков в казачье сословие оказалась более неактуальной. В условиях ограничения прав калмыцкого народа, постоянной утери своих земель, и перманентной крестьянской колонизации калмыцкое общество прошло большой путь от полного отрицания перехода в казачье сословие, до единственной возможности сохранить свой народ и культуру.

Примечания:

1. Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. Ч. 1. Саратов: типо-лит. П.С. Феокритова, Соборная пл., Соб. Д., 1911. 630 с.
2. Скворцов В.В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П.С. Феокритова, 1890. 415 с.
3. Наберухин А.И. Калмыкия в трех революциях и гражданской войне. Элиста: Калм. книжное издат-во, 1987. 159 с.
4. Орехов И.И. Первая мировая война и развитие калмыцкого общества // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып.5. Серия историческая. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1967. С.77-117.
5. Очиров У.Б. Калмыцкие полки Астраханского казачьего войска в 1917–1920 гг. // Новый исторический вестник. №15. 2006. С. 130-144.
6. Антропов О.О. Астраханская армия: война и политика // Новый исторический вестник. №1. 2000. С. 39-62.
7. Антропов О.О. Астраханские казаки и калмыки в борьбе с большевиками (конец 1917 – начало 1919) // Новый исторический вестник. 2007. №2. С. 231-244.
8. Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК). Ф. 7. Оп. 4. Д. 24. Л. 50.
9. Бузгулов Д. «Не взыскания, а награды заслуживает...». Тимирязев И. С. // Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. Астрахань: Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 1997. С. 81-94.
10. НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 2.
11. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX века // Tartaria Magna. №1. 2011. С. 18
12. Булычева Н.В. Казачество Дона XV – начала XX вв. (историко-правовой аспект). Ростов/Д: ДЮИ, 2004. 63 с. С. 18.
13. НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 224. Л. 435.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетр. II. СПб.: Изд-во Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел, 1904. С. 150-161.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб.: Изд-во Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел, 1904. С. 158-167.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXVIII. Терская область. СПб.: Изд-во Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел, 1905. 210-227.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XII. Область Войска Донского. СПб.: Изд-во Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел, 1905. С. 228-245.
18. Лебединский А. К вопросу о вымирании калмыков. Астрахань: Калмоблиздат, 1927. 79 с.
19. Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1912. Репринтное воспроизведение изд. 1912 года с комментариями и иллюстрациями изд-ва «Эбелек», 1990. 232 с.
20. Архив фондов Астраханской картинной галереи им. Б.М. Кустодиева. Письмо № 8. Гиляровский В.А.- Догадину П.М. 8.04.1915.
21. НА РК. Ф. 9. Оп. 10. Д. 1. Л. 28
22. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с. С. 376.
23. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. Под ред. А.В. Пяскового М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 792 с. С. 25-26
24. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 249. Оп. 2. Д. 2360. Л. 24.
25. НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 224. Л. 110.
26. НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 224. Л. 156.
27. Джалаева А.М. За отсутствием состава преступления // Теегин герл. 1996. №7. С. 8.
28. Астраханский листок. 1917. 4 августа.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 110. Оп. 1. Д. 3. Л. 56
30. НА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

References:

1. Biryukov, I. A. History of Astrakhan Cossack troops. H. 1. Saratov: tipo-lit. P.F. Theokritoff, Cathedral square, the FDS. D., 1911. 630 p.
2. Starlings centuries of Historical and statistical sketch of the Astrakhan Cossack host. Saratov: Type. P.F. Foretova, 1890. 415 p.
3. Naberukhin A. I. Kalmykia in three revolutions and civil war. Elista: Kalm. book publishing house, 1987. 159 p.
4. Orehov I.I. The First world war and the development of Kalmyk society // scientific notes of KNIELE. Vol.5. The historical series. Elista: Kalmyk publishing house, 1967.P. 77-117.
5. Ochirov U. B. Kalmyk shelves Astrakhan Cossack army in 1917 - 1920 // New historical journal. №. 15. 2006. 3. 130-144.
6. Antropov O.O. Astrakhan army: war and politics // The New historical journal. №. 1. 2000. S. 39-62.
7. Antropov O.O. Astrakhan Cossacks and Kalmyks in the fight against the Bolsheviks (late 1917 - early 1919) // New historical journal. 2007. №. 2. P. 231-244.
8. The state institution of the Republic of Kalmykia "National archives" (NA RK). F. 7. In. 4. D. 24. P. 50.
9. Bungolow D. "Not punishment, and deserves the award...". Timiryazev I. C. // Astrakhan governors. History essays. Astrakhan: Publishing and printing complex "Volga", 1997. With 81-94.
10. NA RK. F. 7. In. 4. D. 12. P. 2.
11. Remnev A. C., Suvorov N. G. Cossacks in colonization of the late XIX - early XX century // Tartaria Magna. №. 1. 2011. P. 18
12. Bulychev, N. Century the Cossacks of the don of the XV - beginning of XX centuries (historical and legal aspect) Rostov/D: DHUYS, 2004. 63 p. P. 18
13. NA RK. F. 9. In. 2. D. 224.P. 435.
14. The first General census of the population of the Russian Empire, 1897, II. Astrakhan province. Tetr. II. SPb.: Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. P. 150-161.
15. The first General census of the population of the Russian Empire, 1897 XXVIII. Orenburg province. SPb.: Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. P. 158-167.
16. The first General census of the population of the Russian Empire, 1897 LXVIII. Terek region. SPb.: Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905. 210-227.
17. The first General census of the population of the Russian Empire, 1897, XII. The Region Of The Don Army. SPb.: Publishing house of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1905. P. 228-245.
18. Lebedinsky A. To the question of the extinction of the Kalmyks. Astrakhan: Kiloblaster, 1927. 79 p.
19. Prozritelev, N. The military past of our Kalmyk. Stavropol: The Provincial Government Printing Office, 1912. Reprint reproduction ed. 1912 with comments and illustrations ed-VA "Belek", 1990. 232 p.
20. The archive collections of the Astrakhan picture gallery of. B. M. Kustodiev. Letter №. 8. The Gilyarovskiy C. A. - Dogadin P. M. 8.04.1915.
21. NA RK. F. 9. In. 10. D. 1. P. 28
22. Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period. M.: Nauka, 1967. 480 p. P. 376
23. The revolt of 1916 in Central Asia and Kazakhstan. The collection of documents. Edited by A.C. Pyaskovsky. M.: Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1960. 792 p. P. 25-26.
24. State archive of the Stavropol territory (GASK). F 249. Op. 2. D. 2360. P. 24.
25. NA RK. F. 9. In. 2. D. 224. P. 110.
26. NA RK. F. 9.In. 2. D. 224. P. 156.
27. Galaev A. M. For lack of corpus delicti // Teegen girl. 1996. №. 7. P. 8.
28. Astrakhan sheet. 1917. on 4 August.
29. State archive of the Russian Federation (GARF). F. 110. In. 1. D. 3. P 56.
30. NA RK. F. 4. In. 1. D. 2. P. 39.

УДК 93

**Калмыцкая степь в годы Первой мировой войны:
к вопросу о переходе в казачье сословие**

¹ Ирина Владимировна Лиджиева

² Валерий Владимирович Батыров

³ Людмила Вячеславовна Оконова

¹ Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Российская Федерация
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8

Кандидат исторических наук

² Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Российская Федерация
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8

Кандидат исторических наук

³ Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Российская Федерация
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8

Кандидат исторических наук

Аннотация. Статья посвящена вопросам перехода населения Калмыцкой степи в казачье сословие Российской Империи в годы Первой мировой войны. В условиях ограничения прав калмыцкого народа, постоянной утери своих земель, и перманентной крестьянской колонизации калмыцкое общество прошло большой путь от полного отрицания перехода в казачье сословие в XIX в., до единственной возможности сохранить свой народ и культуру. Казачье самоуправление имело ряд преимуществ над существовавшим самоуправлением в Калмыцкой степи, которое было узаконено в 1847 г. Положением об управлении калмыцким народом. Тем не менее, вопрос о переходе калмыков в казачье сословие в годы Первой мировой войны, несмотря на усилия, приложенные как со стороны духовенства, так и интеллигенции не был решен положительно, ввиду отрицательного отношения к этому вопросу со стороны как центральных, так и местных органов власти. И только февральская и октябрьская революции 1917 г. открыли дорогу для положительного решения «оказачивания» калмыков, но к тому времени возникли другие альтернативы автономизации калмыцкого народа, и идея перехода калмыков в казачье сословие оказалась более неактуальной.

Ключевые слова: Первая мировая война; казачество; Калмыцкая степь; История России XIX в.; История Калмыкии XIX в.; внутренняя политика; социальная история.

Copyright © 2015 by Sochi State University

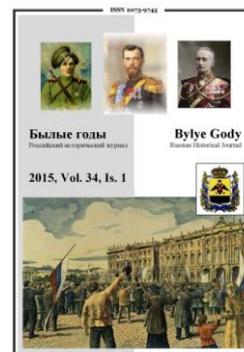
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 145-151, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Economy of the Cities of Kursk Province in the Years of the First World War

¹ Elena S. Ustinovich

² Fedor A. Gavrikov

³ Galina N. Sukhorukova

⁴ Oleg E. Chuikov

¹ Plekhanov University, Russian Federation
117997, Moscow, Stremyanny lane, 36
Doctor of political Sciences, Professor
E-mail: eustinovich@list.ru

² Plekhanov University, Russian Federation
117997, Moscow, Stremyanny lane, 36
PhD (history), Associate Professor
E-mail: gavrikovf81@mail.ru

³ Plekhanov University, Russian Federation
117997, Moscow, Stremyanny lane, 36
PhD (economic), Associate Professor
E-mail: sukhorukova.l@list.ru

⁴ Southwestern state University, Russian Federation
305040, Kursk region, Kursk, street 50-years of October, 94
PhD (sociology), Associate Professor
E-mail: chuikov-ru@mail.ru

Abstract

The first world war had a negative impact on the economy of the cities of Kursk province. From the first moment of the beginning of military mobilization all the normal life of the city Department of local cities stopped. The war has interfered with the normal life of cities, the inhabitants of which had to do is not peculiar Affairs: equipment barracks, mobilization, survey of families called. On all these measures of money from the cities were not, so they had to take them on loan from private and state banks under considerable interest. The funds were allocated a very small size, and even then only on the most urgent activities. The war hurt the construction and improvement of cities, it adversely affected the work of banks, decreased production, a reduction in trade. During the war worsened the food situation of the country. Increased urban population, and especially the army showed a great demand for food. The country began to feel the lack of food, the price of food began to rise.

Keywords: cities; war; crisis; Kursk Province; mobilizing; economy.

Введение

Участие России в первой мировой войне потребовало колоссального напряжения всех материальных и человеческих ресурсов страны. В последние годы возрос интерес исследователей к проблемам развития российских регионов в период Первой мировой войны. Участие России в первой мировой войне потребовало колоссального напряжения всех материальных и человеческих ресурсов страны. С одной стороны на волне патриотических настроений в стране развернулось широкое движение по оказанию помощи фронту, с другой – боевые неудачи и политические просчеты государства привели к кризисным явлениям в экономике страны.

Методы и материалы

К основным источникам нашего исследования относятся материалы Государственного архива Курской области, журналы заседаний земских собраний Курской губернии, периодические издания Курской губернии периода Первой мировой войны. В статье использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие выдвигать конкретные задачи для научного решения проблемы в их последовательном развитии во времени, а также в сравнении с аналогичными процессами, протекавшими в стране. Особое внимание уделяется статистическому методу, который использовался при обработке опубликованных и архивных данных о состоянии экономики городов Курской губернии, финансовом положении городов.

Обсуждение

С первого же момента начала военной мобилизации вся нормальная жизнь городского управления курских городов приостановилась, в начале – в связи с работами по мобилизации, а затем – из-за обследования семейств нижних чинов призванных из запаса на предмет выдачи им пособий. Назначение города Курска распределительным эвакуационным пунктом для раненых и связанная с этим работа по оборудованию лазаретов и по размещению их, совершенно не давали возможность заниматься намеченными ранее работами по улучшению хозяйственного и финансового положения городов.

В годы Первой войны в губернии разразился продовольственный кризис. Уже 25 июля 1914 г. губернатор требует от городских глав немедленно выработать таксы на хлеб, булки, мясо, свежую рыбу. На городские управы ложилась обязанность довести данные постановления до сведения торговцев. «Фирмы, конторы, купцы и другие лица, занимающиеся поставкой и продажей означенных продуктов, не должны были допускать произвольного увеличения цен на предметы таксы, издаваемой городскими управлениями» [1]. Полиции строго предписывалось преследовать несанкционированный рост цен. В случае нарушения виновный в этом мог понести наказание в административном порядке (тюрьма или арест до 3-х месяцев или штраф до 3-х тыс. руб.) [3].

Однако, несмотря на принимаемые меры, цены продолжали расти. Даже по официальным данным цена на 1 пуд пшеничной муки с июля 1914 г. по март 1915 г. выросла от 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 90 коп., на 1 пуд гречневой крупы высшего сорта с 1 руб. 60 коп. до 2 руб. 50 коп., на 1 пуд ржаной муки с 1 руб. до 1 руб. 40 коп., на пуд антрацита с 38 коп. до 40 коп. [5]

Начало войны и закрытие западных границ вызвало некоторый застой в хлебных операциях. С нарушением железнодорожного товарного движения состояние хлебного рынка стало особенно тяжелым. Все это понижало или остановило рост цен на хлеб, особенно с появлением крупного потребителя в лице армии, потреблявшей массу продовольственных продуктов. Поэтому с началом октября 1914 г. торговые операции с хлебом все более усиливаются, что привело к росту цен. Запрещение вывоза хлеба (овса и ячменя) за пределы Курской губернии последовало только в феврале 1915 г., т.е. когда большая его часть была вывезена, но запрет не распространился на скупаемый в больших размерах для нужд армии хлеб [7].

Что же касается мяса, то цена на него в начале войны была даже ниже, чем в соответствующие месяцы предыдущего года. Падение стоимости было вызвано, с одной стороны, недостатком кормов для скота, а с другой появлением на рынке большого количества битой птицы, которая с объявлением войны уже не могла быть вывозима за границу. Однако, с началом весны 1915 г. когда местный скот был распродан спрос во многих городах усилился. Еще большую нужду испытывали города Курской губернии, из-за затруднительного подвоза дров и угля. Цены на дрова стали очень высокие. Например, в г. Курске в марте 1915 г. они поднялись до 52 руб., а позднее до 75 руб. за кубический сажень, так что вопрос о топливе, но ставил горожан в весьма тяжелое положение [9]. Цена на топливо была высокая еще из-за того, что перевозка грузов со станции «Курск-город» и «Курск-Ямская» была крайне сложной.

Рост или падение цен часто носили сезонный характер. Так, зимой 1915 г. Рыльский городской голова просил думу «выработать новую таксу на хлеб, так как такса, утвержденная 9 августа 1914 г. совершенно не соответствовал ценам на ржаную и пшеничную муку, которая к тому времени уже весьма возросла и продолжала расти»¹². Дума дала свое согласие. Цены были установлены следующие: на пуд ржаной муки – от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 40 коп., фунт ржаного хлеба – 3 коп., фунт пшеничного хлеба 1 сорта – 7 коп., 2 сорта – 6 коп. [3].

Правительственные органы, чтобы как-то нормализовать ситуацию запрещали вывоз продуктов из определенных районов, устанавливали обязательные цены, в отдельных случаях проводили реквизиции продуктов. Их заготовкой занялись городские управы, земство, кооперация. При Союзе городов 21 апреля 1915 г. было образовано экономическое совещание, имевшее своей целью, прежде всего, обследование причин удорожания продуктов и выявление мер борьбы с этим явлением.

В связи с чем, при министерстве торговли и промышленности был образован Главный продовольственный комитет. 17 августа 1915 г. было создано особое совещание по продовольственному делу, и 31 августа открылось его первое учредительное заседание. На нем были выдвинуты основные цели организации: во-первых, обеспечение своевременной заготовки и

доставки продовольствия фуража для армии; во-вторых, в качестве второй общей задачи совещания было устранение чрезмерной дороговизны продуктов питания [11].

Основной причиной роста цен многие видели в разгуле спекуляции и недобросовестности продавцов и производителей. И действительно, они обходили все запреты и ограничения, продукты исчезали из магазинов, чтобы появиться из-под полы по повышенным ценам. В октябре 1915 г. в г. Белгороде очень быстро стали расти цены на хлеб и топливо, хотя открытых знаков неудовольствия не наблюдалось, но ропот недовольства уже начал распространяться.

Сильнее всего война отразилась на бюджетах и финансовом положении городов. По положению 1915 года об общественном управлении городов в предметы ведения последних входило:

- 1) заведование установленными в пользу городских поселений сборами и повинностями;
- 2) заведование капиталами и другим имуществом городских поселений;
- 3) попечение об устранении недостатка продовольственных средств способами, имеющимися для этого в распоряжении общественного управления;
- 4) содержание в исправности и устройство состоящих в ведении общественного управления улиц, площадей, набережных, тротуаров, садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, прудов, мостов и т. д.;
- 5) попечение бедных, прекращение нищенства не успевал за ростом дороговизны жизни, что помощь семьям призванных оказалась, но её объём (особенно размеры денежного устройства благотворительных и лечебных заведений и заведывание ими на одинаковых с земскими учреждениями основаниях);
- 6) Попечение о лучшем устройстве городского поселения по утвержденным планам;
- 7) Попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведывании учебными заведениями;
- 8) Попечение об устройстве общественных библиотек, музеев, театров и других подобного рода общепользных учреждений[2].

Бюджеты городов были составлены, в основном, с превышением доходов над расходами, существовавший дефицит компенсировался остатками денег за прошлый год (таблица 1).

Если сравнить бюджеты 1912 и 1915 г., то видно, что их денежное наполнение значительно увеличилось для всех городов губернии. Так, бюджет Курска, его доходная часть увеличилась на 16 %; Дмитриева – на 111 %; Грайворона – на 4,7 % [2].

Таблица 1.

Доходы и расходы городов Курской губернии накануне и во время Первой мировой войны [1]

Города	1912		1914		1915	
	Приход, руб.	Расход, руб.	Приход, руб.	Расход, руб.	Приход, руб.	Расход, руб.
Курск	544648	549585	642873	641077	632762	627701
Белгород	251378	249417	367422	365861	322909	321909
Грайворон	109241	101128	115252	112085	114410	115807
Дмитриев	49021	46412	51950	45446	103599	94487
Короча	49318	49059	57513	58291	61096	60498
Льгов	30508	28427	33373	35055	31063	30265
Нов. Оскол	15208	16014	19692	18328	19901	19488
Обоянь	33875	33985	28950	33670	39715	43616
Путивль	27738	29869	29938	30540	34421	34366
Рыльск	91225	90321	91848	91619	88786	89361
Стар. Оскол	72623	68223	106363	95384	278452	273693
Суджа	27987	26983	31711	29974	35970	34790
Тим	12169	14363	16867	16871	21363	20710
Фатеж	23232	23291	28140	28430	30124	29856
Щигры	31070	31066	38700	38688	45012	45017
Богатый	540	540	489	489	708	706
Мирополье	337	818	1003	1065	1158	1187
Хотмыжск	–	–	1044	1043	1373	1048
Итого	1370724	1359507	1663137	1644528	1863829	1844554

Анализируя эти цифры, нельзя забывать и об инфляции. В период с 1913 г. до начала 1916 г. индекс цен изменился в следующем диапазоне – от 100 % в 1913 г. до 172,4 % в 1915 г. Инфляция на кустарные изделия к 1915 г. достигла 200–300 %⁴. Уже в канун 1915 г., то есть спустя полгода после

начала военных действий, курс рубля снизился до 80 копеек, к февралю 1917 г. он упал до 55 копеек, а на внутреннем рынке он составлял всего 27 копеек[2]. На фоне этих цифр рост доходов бюджетов Курских городов не кажется таким уж большими затраты на войну лишали городские управления возможности продолжить постройку школьных зданий, так как таковые возводились на объединенные средства, получаемые от министерства народного просвещения в виде ссуд и пособий, и деньги города. Вследствие этого из сметы доходов и расходов были исключены средства, поступающие на школьное строительство.

Война больно ударила по строительству и благоустройству городов, т.к. на средства городских общественных управлений в 1914 г. производились строительные работы. На благоустройство города тратились небольшие деньги, причем, в основном, они шли на мелкое строительство и ремонт зданий. Большая часть строительства и ремонта в 1914 г. была посвящена обустройству казарменных и других воинских помещений (таблица 2).

В связи с нехваткой денег в Курске были вынужден ввести с 1917 г. сборы: а) с собак в размере 1-го рубля с каждой в год; б) за пользование городскими витринами по 3 руб. от каждой афиши, кроме того, 3) увеличить сбор с извозного промысла с 3 до 5 рублей с каждой легкой лошади и с 2 до 5 рублей с каждой ломовой [4].

Зачатки экономического кризиса в г. Курске проявили себя уже в начале 1915 г. Так, газета «Курская быль» от 22 февраля писала: «Пожарная часть в плачевном состоянии – рукава худые, как решето, лестницы не достают на 2–3 аршина до верхних этажей городских построек. Город задолжал, и нет денег. Необходимо было также выделить 5 тыс. руб. на обследование электрического освещения, и 10 тыс. руб. на учреждение инвентарного отдела [7].

Таблица 2.

Размеры воинской квартирной повинности в уездном городе Рыльске 1915 и 1916 гг. [3]

Наименование расходов	1915 г.	1916 г.
1. Наем квартир для приезжих офицеров	75 р.	75 р.
2. На наем помещения для войск (кроме казенных зданий)	690 р.	750 р.
3. Отопление казарменных помещений	498 р. 75 к.	682 р. 50 к.
4. Освещение помещения воинского управление и сборного пункта	250 р.	350 р.
5. На хозяйственные расходы, ремонт и возобновление казарменной утвари, поставку воды, дезинфекцию помещения, очистку отхожих мест и пр.	600 р.	800 р.
6. На ремонт воинских помещений, принадлежащих городу	800 р.	800 р.
7. Чрезвычайные расходы, вызванные обстоятельствами военного времени: содержание городского лазарета для раненых	3000 р.	3600 р.
8. Квартирное довольствие выздоравливающих команд, военнопленных нижних чинов, пособие семействам городских служащих, на содержание особого городского попечительства	1000 р.	1400 р.
9. Расходы по проводам из города эшелонов мобилизованных запасных воинов и ратников ополчения (Расход этот по составленному соглашению распределялся пополам между городом и уездным земством)	1185 р. 20 к.	200 р.
Итого:	8098 р. 95 к.	7857 р. 50 к.

Незавидное финансовое положение городов вызывало явное опасение. Так, служащие губернского управления обратились к Льговской городской управе со следующим заявлением: «Мы позволяем себе коснуться некоторых сторон деятельности управы и остановить ваше внимание на финансовом положении. Известно, что финансовая сторона управы находится в печальном состоянии. Несмотря на повышение некоторых налогов, например, налоги с недвижимого имущества, едва ли удастся покрыть статьи расходов и вновь прибегнуть к обыкновенному способу покрытия расходов – займов» [5]. Служащие указывали, что подобная практика происходит почти ежегодно, но «источников погашения их не видно, задолженность растет ежегодно и, наконец, должен же быть положен когда-либо конец этому ненормальному явлению». Так как будущее также выглядело безрадостно, служащие предлагали «управе развить более широкую и плодотворную деятельность во всех областях городской жизни», но, понимая, «что все благие начинания сделать что-либо для города и его жителей остаются бесплодными, раз они не могут иметь под собой финансовой помощи». Вследствие этого управе для улучшения городского бюджета, а также для равномерного распределения и удешевления жизненных продуктов предлагалось открыть городские лавки для продажи мяса, общепотребительных товаров (ситца, полотна и прочее), а также обуви [6].

После Февральской революции ситуация с бюджетами городов не изменилась. 1 июня 1917 г. Курская городская дума обратилась к МВД с ходатайством следующего содержания: «ввиду безвыходного финансового положения города дума просит о разрешении об увеличении кредита в городском банке до половины основного капитала банка». Капитал последнего выражался в сумме 510800 рублей. Правление банка изъявило согласие. Поддержал ходатайство и губернский комиссар [7].

К октябрю 1917 г. положение стало критическим. Льговская управа сообщала, что «источники городских доходов настолько исчерпаны, что в недалеком будущем управа не видит возможности поступления в кассу сумм на необходимые текущие расходы, поэтому всякое ассигнование, хотя и незначительной суммы, ставит управу в затруднительное положение» [15].

В чем же причина такого состояния городских бюджетов. Основным налогом, шедшим в городской бюджет, как и до войны, оставался налог с недвижимого имущества. Значительных изменений, кроме увеличения суммы налога с губерний, война не принесла. По предложению Департамента окладных сборов сумма, которая должна была быть собрана с губерний, увеличилась до невероятных размеров в 205 тыс. руб. [7] Но сборы не могли дать этой суммы. Более того, от налогов освобождались семьи нижних чинов, находящихся в действующей армии.

На ситуации с закрытием спиртной торговли хотелось бы остановиться подробнее, так как этот запрет был введен с началом войны. Казенные винные лавки, трактиры, пивные и ренсковые погреба с 7 августа 1914 года открывались на 3 часа в сутки с 10 часов утра до 1 часа дня [8], то есть в самое неудобное для покупателей время.

4 августа 1914 г. вышло объявление губернатора, в котором запрещалось:

- 1) распитие крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и других открытых местах;
- 2) появляться в общественных местах, в черте усадебной оседлости селений и на проезжих дорогах в состоянии явного опьянения;
- 3) хранение крепких напитков в помещениях частных лиц в количестве, явно превышающем потребности лиц, населяющих эти помещения.

За нарушения постановления предусматривался – арест на 3 месяца или штраф до 3 тыс. рублей [9].

К 16 ноября 1915 г. в 11 городах района Курского акцизного управления, по приговорам городских дум была прекращена торговля крепкими напитками в Курске, Дмитриеве, Короче, Льгове, Новом Осколе, Обояни, Путивле, Фатеже, Щиграх, Белополье, Мирополье [10].

Запрет торговли спиртным вызвал негативные экономические последствия. Так, в отчете по казенной продаже напитков отмечалось, что валовый доход от казенных винных операций в 1914 году уменьшился по сравнению с 1913 г. на 51,27 %. Уменьшение доходов объяснялось прекращением торговли крепкими напитками с началом военных действий [11].

Запрет на продажу спиртных напитков сильно ударил по бюджетам городов. В объяснительной записке к смете доходов и расходов города Обояни указывалось, что «сумма доходов в 1916 году по сравнению с 1915 г. уменьшилась на 1653 р. 39 коп.» [12]. Это уменьшение объяснялось главным образом «неполучением доходов с заведений трактирного промысла и пивных лавок».

Попытка решить проблему уменьшения дохода за счет заведений, не торгующих крепкими напитками, не увенчалась успехом. Доход от 2-х новых предприятий составил 100 руб., тогда как 3 закрытых трактира давали прибыль в 580 руб. Заведения без торговли спиртным не могли платить таких сборов, как торгующие ими. Сбор с 2-х открытых составлял 75 и 25 рублей, тогда как один буфет общественного клуба платил 200 рублей сбора. В Щиграх сбор с торгов и промыслов сократился на 392 руб. 60 коп. из-за сократившейся доходности трактирного сбора [13].

Кроме уменьшения дохода городских бюджетов закон имел и другое негативное последствие – это незаконное производство и продажа спиртосодержащих жидкостей. Так в Курске за Херсонскими воротами около военных казарм процветала торговля самогонном. Ни суровые штрафы, ни даже тюремное заключение не остановили нелегальную продажу спиртного. Государство понесло значительные убытки, а пьянство остановлено не было [13].

Одним из основных способов пополнения дефицитов бюджетов городов был заем денег у государственных и коммерческих банков. Война повлекла за собой и возросшую потребность населения в денежных средствах. Возросло количество клиентов банков, а также число выдаваемых ссуд под залог в ломбардах. Приток в банки большого количества свободных денег стал для последних большой проблемой. В том же 1916 г. деятельность Льговского городского общественного банка Н. Дерюгина протекала в сложной обстановке. Причиной этому стало частое закрытие станций для приема частных грузов. Реквизиция отправленных грузов в дороге в сильной степени парализовало местную торгово-предпринимательскую деятельность, а неполучение месяцами выписанных, погруженных и отправленных товаров – вследствие расстройств железнодорожного сообщения. Уменьшение выписки товаров привело к сокращению учетно-ссудных операций и концентрации у жителей большого количества свободной наличности, а – отсюда громадный приток денег на текущие счета и вклады, несмотря на выпущенные правительством займы и открытие текущих счетов в казначействах, а также открытие ссудо-сберегательных касс при почтовых

отделениях[14]. Призванные под знамена на защиту Родины многие клиенты банка так же не имели возможности завершить свои расчеты.

Заключение

Экономическая ситуация в городах Курской губернии в годы Первой мировой войны была напряженной, а к октябрю 1917 г. – близкой к катастрофе. Уменьшение производства, сокращение торговли, вызвали накопление у некоторой части населения большого количества наличных денег, которые они понесли в банки, но, в свою очередь, последним некуда их было вкладывать. Уменьшение доходных статей их бюджетов, в частности, налога по трактирному сбору, уменьшение торговой активности, расстройство работы железнодорожного транспорта, привело к уменьшению расходов на такие сферы как образование, городское благоустройство, и. т.д. Военные трудности вызвали кризисные явления и в продовольственном снабжении населения городских центров. Натурализация крестьянского хозяйства негативно сказалась на положении горожан: на продовольственном рынке наблюдался прогрессирующий рост цен, рост заработной платы не успевал за ростом цен, в ряде городов уже в 1914 году появился недостаток продуктов и предметов первой необходимости.

Примечание:

1. Обзоры Курской губернии за 1912, 1914, 1915 гг. Курск, 1913, 1915, 1916.
2. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 13.
3. Государственный архив Курской области. Ф. 302. Оп. 1. Д. 670. Л. 147; Д. 696. Л. 202.
4. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2218. Л. 34, 102, 103
5. ГАКО. Ф. 54. Д. 2213. Л. 144.
6. ГАКО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 9. Л. 34, Л. 479
7. Кравцова Е.С. Налоги в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии): Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. С. 155.
8. Курская быль. № 172. 1914. 2 августа. С. 2.
9. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8524. Л. 63.
10. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1916. Л. 8.
11. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 691. Л. 31–32.
12. ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.
13. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 694. Л. 3.
14. ГАКО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 9. Л. 47.
15. Gavrikov F.A., Chuikov O.E. The role of public organizations of Kursk province in helping the front in the First world war // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 33 (3). С. 309.

References:

1. Reviews of Kursk province 1912, 1914, 1915. Kursk, 1913, 1915, 1916.
2. Kitanine T.M. War, bread and revolution. L., 1985. P. 13.
3. State archive of the Kursk region. F. 302. Inv. 1. D. 670. B.147; D. 696. P. 202.
4. SAKR. F. 54. Op. 1. D. 2218. P. 34, 102, 103.
5. SAKR. F. 54. D. 2213. P.144.
6. SAKR. F. 373. Inv. 1. D. 9. P. 34, P. 479
7. Kravtsova E. S. Taxes in Russia in the late XIX - early XX centuries (for example, Kursk province): Diss. ... candles. East. Sciences. Kursk, 2003. P. 155.
8. Kursk was. No. 172. 1914. on 2 August. P. 2.
9. SAKR. F. 1. Inv. 1. D. 8524. P. 63.
10. SAKR. F. 37. Inv. 1. D. 1916. P. 8.
11. SAKR. F. 1642. Inv. 1. D. 691. P. 31-32.
12. SAKR. F. 377. Inv. 1. D. 33. P. 2.
13. SAKR. F. 302. Inv. 1. D. 694. P. 3.
14. SAKR. F. 373. Inv. 1. D. 9. P. 47.
15. Gavrikov F.A., Chuikov O.E. The role of public organizations of Kursk province in helping the front in the First world war // Bylye Gody. Russian historical journal. 2014. No. 33 (3). P. 309.

УДК 94

Состояние экономики городов Курской губернии в годы Первой мировой войны

¹ Елена Степановна Устинович

² Федор Алексеевич Гавриков

³ Галина Николаевна Сухорукова

⁴ Олег Евгеньевич Чуйков

¹ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация
117997 г. Москва, Стремянный пер., 36
Доктор политических наук, профессор
E-mail: eustinovich@list.ru

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация
117997 г. Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: gavrikovf81@mail.ru

³ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация
117997 г. Москва, Стремянный пер., 36
Кандидат экономических наук
E-mail: suhorukova.l@list.ru

⁴ Юго-западный государственный университет, Российская Федерация
305040 Курская область, г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94
Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: chuikov-ru@mail.ru

Аннотация. Первая мировая война оказала негативное влияние на экономику городов Курской губернии. С первого же момента начала военной мобилизации вся нормальная жизнь городского управления местных городов приостановилась. Война вмешалась в нормальную жизнь городов, жителям которых пришлось заниматься не свойственными делами: оборудованием казарм, мобилизацией, обследованием семей призванных. На все эти мероприятия денег у городов не было, поэтому им пришлось брать их в займы у частных и государственных банков под значительные проценты. Деньги выделялись весьма в малых размерах, да и то только на самые неотложные мероприятия. Война больно ударила по строительству и благоустройству городов, она неблагоприятно повлияла и на работу банков, произошло уменьшение производства, сокращение торговли. В годы войны обострилось продовольственное положение страны. Увеличившееся городское население, и особенно, армия предъявляли большой спрос на продукты питания. В стране стал ощущаться недостаток продовольствия, цена на продукты питания стали повышаться.

Ключевые слова: города; война; кризис; Курская губерния; мобилизация; экономика.

Copyright © 2015 by Sochi State University

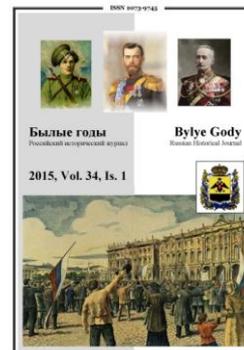
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 152-158, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 63.3(0)6

Prisoners of War of the Triple Alliance within Kazakhstan

¹ Gulzhaukhar K. Kokebayeva

² Nurzipa K. Alpysbayeva

³ Shotbek T. Bulgauov

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

71, al-Farabi avenue, Almaty 050038

¹ Dr. (History), Professor

E-mail: kokebayeva@mail.ru

² PhD (History), Associate Professor

E-mail: nurzipakz@mail.ru

³ PhD (History), Senior Lecturer

E-mail: bulgauov.sh@mail.ru

Abstract

The work studies the problem of the detention of prisoners of war of the Triple Alliance in the camps, located within Kazakhstan. During the first months of war, the Russian authorities treated the prisoners of war in accordance with 'Convention on the Treatment of the Prisoners of War', approved by the Emperor of Russia. The content of this document corresponded to the Hague Convention with Respect to the Laws and Customs of War on Land. The major areas of the detention of prisoners of war were Turkestan and Omsk Military Okrug, combining all military institutions of the Steppe Governorate General, including the ones of North-Eastern and Central Kazakhstan. The source base of the research is the materials of Kazakhstan and German archives, the recollections of the former prisoners of war and the published collections of documents and materials.

Keywords: prisoners of the World War I; the Hague Convention; detention; the Triple Alliance; Turkestan; camp; Red Cross Society; National Committee for Prisoner of War Affairs.

Введение

Идеи французской революции о свободе, равенстве и братстве, учение просветителей, великие научные открытия, словом все многовековые достижения человеческого ума не смогли предотвратить две мировые войны, которые произошли всего за несколько десятилетий. Обе мировые войны были катастрофами в том смысле, что одна из них, а именно первая мировая война обнажила кризисные явления в существующей европейской цивилизации, а вторая война была завершающим этапом в развитии и углублении этого кризиса. Изучение таких грандиозных явлений, как мировые войны, никогда не может считаться завершенным. Если даже из архивных тайников будет извлечен последний документ, раскрывающий еще не изученный аспект этих событий, все равно остаются вопросы, требующие исторического осмысления, объяснения и анализа.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются материалы казахстанских и германских архивов, воспоминания бывших военнопленных, а также опубликованные сборники документов и материалов. При изучении общемировых аспектов исследуемой проблемы использована концепция о многообразности и альтернативности исторической реальности. Современный этап развития мировой истории представляет собой весь исторический опыт, накопленный человечеством, разнообразные пути и формы общественного развития и позволяет понять место, направленность и

смысл исторических событий, целостность и взаимозависимость мирового исторического процесса. При проведении исследований применялись известные философские методы, как предположение и опровержение; общие научные методы, как анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, индукция, дедукция и аналогия, также и специфические методы исторической науки, как принцип историзма.

Обсуждение

В изучении проблемы истории военнопленных первой мировой войны можно выделить два периода: советский и постсоветский. В первый период были изучены только некоторые аспекты этой проблемы, в частности, участие военнопленных в революционных событиях и гражданской войне в России, в восстановлении и развитии экономики, в общественной и культурной жизни Советской страны. В постсоветский период в России началось интенсивное изучение исследуемой проблемы, условия содержания и трудоустройство военнопленных в лагерях России отражены в основном в отдельных статьях и диссертациях. Более крупные исследования представлены работами, посвященными изучению вопросов размещения и условия содержания военнопленных в регионах России. История военнопленных Центральных держав интенсивно разрабатывается западными исследователями. Крупномасштабное исследование истории военнопленных первой мировой войны представлено в работе австрийских ученых Х. Ляйдингера и И. Морица. На основе анализа обширного документального материала авторам удалось раскрыть проблему военного плена в контексте кардинальных изменений, происходивших в Европе в первые послевоенные годы [1]. История содержания австро-венгерских и немецких военнопленных в России и создания воинских частей из военнопленных представлены в работе Р.Нахтигала [2]. Изучением истории военнопленных армии Центральных держав в России занимается немецкий ученый Г. Вурцер [3]. В работе дается подробное описание жизни военнопленных в лагерях: условия содержания, трудоустройство, духовная жизнь, отправление религиозных обрядов, проверка лагерей представителями Красного Креста.

Результаты

В период первой мировой войны в России содержались 2 322 378 военнопленных армий Центральных держав, из них 2 082 немецких офицеров и 165 000 солдат, 54 146 австро-венгерских офицеров и 2 050 000 солдат, 950 турецких офицеров и 50 000 солдат, 200 болгарских офицеров и солдат [4, с.106; 5, с.8].

Обращение российских властей с военнопленными в первые месяцы войны определялось «Положением о военнопленных», утвержденным императором России в 1904 году. 7 октября 1914 года император утвердил новое «Положение о военнопленных». Содержание этого документа в основном соответствовало II-главе Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, подписанной 42 государствами 18 октября 1907 года. Согласно конвенции, военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен, требуется гуманное отношение к ним. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью. Заключение их в лагере или каком-нибудь другом месте применяется лишь как необходимая мера обеспечения безопасности и исключительно пока существуют обстоятельства, вызывающие эту меру. Государство может привлекать военнопленных к работам в соответствии с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям. Содержание военнопленных возлагается на правительство, во власти которого они находятся. Если между воюющими не заключено особое соглашение, то военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен. Военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга государства, где они задержаны, под условием возмещения этих расходов их правительством. Военнопленному предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов. Каждый военнопленный обязан объявить свое настоящее имя и чин, и в случае нарушения этих правил он подвергается ограничению тех преимуществ, предоставленных Конвенцией пленным его разряда. Военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся, всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости. С открытия военных действий в каждом из воюющих государств, а также и в нейтральных государствах в том случае, если они приняли на свою территорию воюющих, учреждается справочное бюро о военнопленных. Бюро составляет именную карточку о каждом военнопленном, где указываются номер, имя, фамилия, возраст, место происхождения, чин, войсковая часть, день и место взятия в плен, получения ран и смерти, место заключения, а также особые сведения. Именная карточка передается правительству другого воюющего после подписания мира. По заключении мира отправка военнопленных на родину должна быть произведена в возможно близкий срок. В 25-статье третьей главы Конвенции указывалось, что обязанности воюющих сторон по уходу за больными и ранеными определяются Женевской конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 6 июля 1906 года. Были и некоторые

расхождения между Гаагской конвенцией и «Положением о военнопленных». Например, согласно статье 6 Гаагской конвенции труд военнопленных оплачивается по расчету цен, существующему для чинов местной армии за исполнение тех же работ, а если такого расчета нет, то по ценам, соответственным произведенным работам, заработок пленным назначается на улучшение их положения, а остаток выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию. А в пункте 13 «Положения о военнопленных» указывалось, что производимые военнопленными работы оплате вознаграждением не подлежат.

В начальный период войны ни Россия, ни Германия и Австро-Венгрия не были готовы к принятию такого большого числа военнопленных. Российское правительство решило размещать военнопленных на территории к востоку от Урала. Основными транзитными пунктами пересылки военнопленных на восток стали Оренбург, Самара и Екатеринбург. Основным районом размещения военнопленных стали Туркестан и Омский военный округ, в состав которого входили все военные учреждения Степного генерал-губернаторства, в том числе Северо-Восточного и Центрального Казахстана. В Томске, Кургане, Барнауле, Ақмолинске, Петропавловске, Семипалатинске, Павлодаре и других городах военнопленных размещали на частных квартирах. Так, 27 августа 1914 года Ақмолинский губернатор отправил Степному генерал-губернатору телеграмму о том, что в Ақмолинске подготовлены квартиры для размещения 120 военнопленных, телеграммы аналогичного содержания были отправлены из Петропавловска и Омска. Но количество военнопленных быстро увеличивалось, в апреле 1915 года в Омском военном округе было 130 477 военнопленных и 3 029 военнообязанных (гражданских пленным), из них 12 773 – немцы, 12 197 – венгры, 89 015 – славяне, 12 836 – румыны, 2 346 – итальянцы, 347 – турки, 827 – евреи, 38 – эльзас-лотарингцы, 95 – боснийцы и герцоговинцы, 3 – армяне, 1 – грек [6].

8 сентября 1914 года начальниками военных гарнизонов сибирских и североказахстанских городов была получена инструкция от штаба войск Омского военного округа следующего содержания: «Военнопленные прибывают в таком большом количестве, что приходится размещать их тесно. Необходимо соблюдать, чтобы такие условия размещения не повлекли за собою усиленные заболевания и чтобы военнопленные не подвергались бы лишениям, не вызываемых необходимостью. Поэтому приказываю: 1) надлежит за надлежащим размещением военнопленных в возможно удобных по местным обстоятельствам условиях; 2) установить в отношении военнопленных надлежащий санитарный надзор; 3) надлежит, чтобы они были снабжены необходимою одеждою и бельем; 4) иметь постоянное наблюдение за добросовестностью пищи, приготовляемой для военнопленных; 5) отправлять их в баню не менее 2 раз в месяц; 6) вообще жизнь пленным по возможности обставить применительно к жизни частей русских войск» [7].

Летом 1915 года началось строительство лагерей и в других местах размещения военнопленных. К 1917 году в России всего насчитывалось более 400 лагерей для военнопленных, в том числе в Омском военном округе – 28, Иркутском – 30, Петропавловском – 15, Туркестанском – 30, Московском – 128, Казанском – 113. В Туркестане находились около 200 000 военнопленных, из них 82 425 австрийских и 3 812 германских пленным содержались в 25 лагерях, находящихся в разных частях Туркестана [8, с.48]. Как отмечает медсестра Э.Брендштрём, побывавшая в лагерях военнопленных в Сибири и Туркестане, у местного населения военнопленные находили доброту и сердечность, пленным тоже был интересен имеющий многовековую историю Туркестан с его уникальной восточной культурой.

По «Положению о военнопленных» предусматривалось учреждение справочного бюро о военнопленных при Российском Обществе Красного Креста, состоящем под покровительством государыни Марии Федоровны. Все списки военнопленных, составленные в соответствии с требованиями, изложенными в 15-м приложении Гаагской конвенции, направлялись в Петроград, в Центральное справочное бюро о военнопленных [9]. Общества Красного Креста воюющих стран обменивались списками военнопленных, а также разыскивали пропавших без вести военнослужащих. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан хранится документ на немецком языке, содержащий обращение к военнопленным с просьбой ознакомиться со списком 502 немецких военнослужащих, пропавших без вести и сообщить сведения о них в Справочное бюро в Падерборне [10]. Общества Красного Креста Германии, Австрии и нейтральных стран посещали лагеря военнопленных, проверяли их санитарное состояние, оказывали помощь военнопленным. В апреле 1915 года Американское Общество Красного Креста выделило 15000 рублей для покупки одежды и улучшения санитарного обслуживания военнопленных. Представитель этой организации Р.А.Берр просил Командующего войсками Омского военного округа «упомянутую сумму употребить на пользу военнопленных, не взирая на национальность». В июне 1915 года по просьбе посольств США и Великобритании в Петрограде военным министерством России было дано разрешение представителю северо-американской филантропической организации «Международное Христианское общество» объездить лагеря, где размещались германские и австро-венгерские военнопленные. Отзывы по результатам проверки положения военнопленных в городах Курган, Петропавловск, Омск, Новониколаевск и Томск оказались весьма положительными [11].

Военнопленные содержались при местных войсках в виде команды. Команды военнопленных при войсках касательно общего благоустройства и внутреннего порядка должны были содержаться на

тех же основаниях, как и местные части. По инструкции, утвержденной Командующим войсками Омского военного округа 11 мая 1915 года, наличный состав военнопленных каждого лагеря делился на роты с численностью 250 человек, по возможности одной национальности, в каждом бараке размещались по две роты; каждая рота делилась на четыре взвода, каждый из которых делится на четыре отделения; ротами и взводами руководили начальники, назначенные из ратников Государственного ополчения, они пользовались дисциплинарными правами; отделениями руководили пленные унтер-офицеры, которые не пользовались дисциплинарными правами; пленные офицеры и солдаты не могли носить погоны, петлицы, кокарды и др. знаки отличий.

За военнопленными, в особенности за офицерами, был установлен строгий надзор, за нарушение полагалось наказание, соответствующее законам военного времени. Военнопленным запрещалось подходить к железнодорожным линиям и вокзалам; виновных в нарушении этих правил отправляли в гауптвахты. Всем начальникам гарнизонов предписывали устанавливать особый надзор над немецкими офицерами. Однако отношение российских властей к военнопленным разных национальностей не было одинаковым. Всем нижестоящим инстанциям предписывалось более мягкое отношение к военнопленным славянского происхождения, выходцам из Эльзаса и Лотарингии, румынам и итальянцам. В телеграмме Главного управления Генерального Штаба к Командующему войсками Омского военного округа, отправленной 17 октября 1914 года из Петрограда, указывалось: «Ввиду особого характера настоящей войны и отношения к нам различных славянских народностей Военным Министерством по соглашению с Министерством Иностранных Дел выработан по отношению к военнопленным славянам всех национальностей, в том числе и полякам, как обнаруживающим дружественное тяготение к России, а равно и военнопленным эльзац-лотарингцам, ряд нижеследующих льготных мер, подлежащих ныне обязательному применению во всех пунктах постоянного квартирования военнопленных» [12].

Военнопленные славяне и эльзац-лотарингцы поселялись в более западных районах и теплых помещениях. Эти категории военнопленных освобождались от принудительных работ, их увольняли на оплачиваемые работы на частных хозяйствах. Попавшие в первые месяцы войны в Иркутский округ военнопленные славяне и эльзац-лотарингцы подлежали отправке в западные районы. Военнопленные славяне, оставшиеся в лагерях, в основном работали в канцелярии, кухне, госпитале, а в рабочих командах занимали руководящие посты.

В центральных городах России создавались различные общества по оказанию помощи славянским военнопленным. 30 октября 1914 года Министерство внутренних дел утвердило Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах. Деятельность этого общества не ограничивалась организацией помощи военнопленным, его деятели участвовали и в пропагандистской работе среди пленных. Местные власти всячески старались культивировать среди военнопленных идею единения славянских народов. Пленные славяне также старались воспользоваться доброжелательностью органов власти и возбуждали перед областными организациями ходатайства о принятии их в русское подданство. Министерство внутренних дел постоянно переписывалось со Штабами военных округов об облегчении участи военнопленных славян. В письме к Командующему войсками Туркестанского военного округа от 30 августа 1915 года МВД, выражая недовольство по поводу неправильного обращения с военнопленными славянского происхождения, указывало также основные причины особого отношения к ним: «Главные недостатки следующие: славян не отделяют от немцев и мадьяр, их заставляют повиноваться их прежнему начальству... На жалобы и просьбы военнопленных славян подлежащие военные власти не обращают внимания. Причина обыкновенно в непонимании дела. Это лучше всего иллюстрируется случаем, бывшим в Омске, где расследование споров военнопленных славян с немцами было поручено офицеру-киргизу, который никак не мог понять сепаратистских стремлений славян, их ненависти к Австрии, их симпатии к России и объявил им: «Вы прежде всего австрийские офицеры и честь Австрии вам должна быть дорога» и т. д. ... Между тем дело можно бы при помощи военнопленных славянских интеллигентов, горячо преданных России, и русских общественных сил без лишней траты времени и денег организовать так, чтобы сохранить не только существующие уже симпатии военнопленных славян к России, но и развить среди сотен тысяч южных и западных славян, которые по тем или другим причинам относились до сих пор равнодушно или недружелюбно к России. Было бы грешно не использовать возможности воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей. ... Славянские симпатии к России и распространение русского культурного влияния на западных и южных славян имеет для России первостепенное значение. Это показывает пример настоящей войны, в которой при исключительно благоприятных для России условиях, когда все великие державы и даже Япония на нашей стороне, великая Россия нуждается в помощи маленьких балканских государств – Болгарии, Румынии, Греции. Вопрос о военнопленных славян, в особенности о русских галичанах, касается непосредственно Министерства Внутренних Дел ввиду предстоящего присоединения Карпатского Руси. Для внутренней политики России не безразлично, возвратятся ли военнопленные русские галичане на родину с окрепшими симпатиями к Русскому государству, или же разочарованные, оскорбленные в лучших своих чувствах» [13].

Однако отделение славянских военнопленных и размещение их в так называемых «более теплых» местах не всегда благоприятствовали созданию хороших условий для них. Так, славянский

лагерь Кара-Калла в Туркестане находился в знойной пустынной степи, военнопленные, чтобы попасть в этот лагерь, пешком преодолевали 100 км пути при пылающей жаре [14, с. 95]. По сведениям А. Эпштайна, полученным от пленных врачей, к концу 1915 года из 200 тыс. военнопленных в Туркестане погибли 22 тыс. от разных болезней [15, с. 17].

В лагерях не было возможности расселения военнопленных по национальностям. Размещение в одном бараке представителей разных национальностей затрудняло адаптацию пленных к лагерным условиям. Военнопленные неславянских национальностей объединялись в четыре группы: немцы-германцы, немцы-австрийцы, венгры и турки. Австрийцы были общительными и быстрее приспосабливались к условиям плена. Германцы отличались организованностью и хорошим чувством товарищества внутри группы. Венгерская группа держалась обособленно, большинство из них не говорили по-немецки и не общались с другими пленными. Самой малочисленной была турецкая группа, однако из-за плохой адаптации к суровому климату Сибири смертность среди них была выше, чем в других группах. Бывший военнопленный, писатель Эрвин Эрх Двингер отмечает большую поддержку, оказываемую местными мусульманами туркам: «Вчера мы были приглашены в гости турецкими офицерами. ...Они принимают наше боевое товарищество всерьез и торжественно, и их угощение бывает всегда обильным и по-восточному растягивается надолго. Благодаря их связям с русскими татарами, являющимися мусульманами, для них возможно многое, что недоступно для нас. Да, их религия является прочным мостом» [16, с. 227]. Чтобы разнообразить лагерную жизнь военнопленные создавали хоры, оркестры и театры, устраивали концерты, сочиняли юмористические стихи, диалоги и пантомимы. На самодельных сценах лагерных театров звучали известные оперетты, текст и музыка которых записывались военнопленными по памяти. Для создания театров выделяли отдельные бараки. С разрешения комендантов пленные получали русские газеты, некоторые важные газетные статьи переводились владеющими русским языком военнопленными и распространялись во всех бараках лагеря. В некоторых лагерях военнопленные сами издавали газеты, однако в связи с запрещением использования печатающих аппаратов, большинство газет расписывались от руки и снабжались рисунками пленных.

Приход большевиков к власти изменили правовое положение военнопленных. Советское правительство объявило всех военнопленных свободными гражданами и наделяло их такими же правами, какими обладали граждане Советской России. Вначале основная масса военнопленных с радостью восприняла свободу, дарованную советской властью. Бывший военнопленный Р. Кёстенбергер вспоминает, что военнопленные в Ташкенте, полностью изолированные от внешнего мира, в 1918 году приобрели долгожданную свободу, лагерь был расформирован, и каждый мог работать в городе свободно по своей специальности [17, с.10]. В некоторых лагерях в режиме содержания пленных не было особых изменений, видимо, отношение к военнопленным зависело от того, какая из противоборствующих сторон (большевики или их противники) имели в данном регионе наибольшее влияние.

Большевистская власть решила использовать военнопленных в осуществлении идеи мировой революции. С этой целью их втянули в политическую борьбу в России. В апреле 1918 года проходил Всероссийский съезд иностранных военнопленных, в котором приняли участие 400 представителей военнопленных из Сибири, Урала и Туркестана. На съезде был принят «Манифест ко всем военнопленным». В июле 1918 года в Ташкенте проходил митинг с участием военнопленных. Представитель советской власти выступил приветственной речью, обращался к военнопленным как к свободным гражданам, и выступавшие военнопленные выразили готовность защищать государство рабочих и крестьян. Военнопленным солдатам разрешалось ходить в городе без конвоя, участвовать в митингах и собраниях, организованных большевиками. В июле 1918 года Германская Главная комиссия по делам пленных сообщила народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину об обнаружении в среде немецких военнопленных листовок и литературы, призывающих рабочих зарубежных стран к мировой революции [18].

Заключение

Гражданская война ухудшила положение военнопленных. Кроме нехватки продовольствия военнопленные испытывали тяготы вследствие разделения некогда единого Российского государства на враждебные стороны. Военнопленные в европейской части России, находящиеся в сфере власти большевиков, подчинялись распоряжениям Центральной коллегии о пленных и беженцах. Военнопленные в Туркестане, Сибири и на Дальнем Востоке попеременно попадали под власть советского правительства, местных национальных правительств или различных белогвардейских правительств. При смене власти в этих регионах обязательно страдала какая-либо часть военнопленных.

Примечания

1. Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft. Revolution. Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für der Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917-1922. Wien - Köln - Weimar: Böhlau, 2003. 754 p.

2. Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918. Remshalden: Verlag Greiner, 2003. 391 p.
3. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. – Göttingen: V. und R Unipress, 2005. 626 p.
4. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.
5. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914-1920. Von Elsa Brändström. Berlin, 1922.
6. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Лл. 2, 4-5, 114-120.
7. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 34.
8. Scharping K. In russischen Gefangenschaft. Die kulturellen und wirtschaftlichen Leistungen der deutschen Kriegsgefangenen in Russland. Berlin, 1939. 119 p.
9. ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.1282. Л.34; Ф.369. Оп.1. Д.1348. Л.94.
10. ЦГА РК. Ф.50. Оп.2. Д.15. Л.196.
11. ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.1282. Лл.105, 137, 171.
12. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 39-41.
13. ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 320. Л. 2.
14. Cartellieri G. Hilfsplatz D7 vermisst. Erlebnisse eines Kriegsgefangenen Arztes. Karlsbad-Drahowitz; Leipzig, 1936. 94 p.
15. Kriegsgefangen in Turkestan. Erinnerungen von G. Popper und A. Epstein. Geschildert von A.Epstein. Wien: Im Selbstverlag, 1935. 58 p.
16. Dwinger E.E. Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch. – Jena, Diederichs, 1929. 306 p.
17. Köstenberger R. Sechs Jahre in Turkestan. – Graz: Verlag von Mosers Buchhandlung, 1923. 107 p.
18. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), Botschaft Moskau 49, B 22 68/18.

References

1. Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft. Revolution. Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für der Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917-1922. Wien - Köln - Weimar: Böhlau, 2003. 754 p.
2. Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918. Remshalden: Verlag Greiner, 2003. 391 p.
3. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen: V. und R Unipress, 2005. 626 p.
4. Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: Poteri vooruzhennykh sil: statisticheskoe issledovanie. M.: OLMA-PRESS, 2001. 607 p.
5. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914-1920. Von Elsa Brändström. Berlin, 1922.
6. TSGA RK. F. 64. Op. 1. D. 1282. Ll. 2, 4-5, 114-120.
7. TSGA RK. F. 64. Op. 1. D. 1282. L. 34.
8. Scharping K. In russischen Gefangenschaft. Die kulturellen und wirtschaftlichen Leistungen der deutschen Kriegsgefangenen in Russland. Berlin, 1939. 119 p.
9. TSGA RK. F.64. Op.1. D.1282. L.34; F.369. Op.1. D.1348. L.94.
10. TSGA RK. F.50. Op.2. D.15. L.196.
11. TSGA RK. F.64. Op.1. D.1282. Ll.105, 137, 171.
12. TSGA RK. F. 64. Op. 1. D. 1282. L. 39-41.
13. TSGA RK. F. 41. Op. 1. D. 320. L. 2.
14. Cartellieri G. Hilfsplatz D7 vermisst. Erlebnisse eines Kriegsgefangenen Arztes. Karlsbad-Drahowitz; Leipzig, 1936. 94 p.
15. Kriegsgefangen in Turkestan. Erinnerungen von G. Popper und A. Epstein. Geschildert von A.Epstein. Wien: Im Selbstverlag, 1935. 58 p.
16. Dwinger E.E. Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch. Jena, Diederichs, 1929. 306 p.
17. Köstenberger R. Sechs Jahre in Turkestan. – Graz: Verlag von Mosers Buchhandlung, 1923. 107 p.
18. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), Botschaft Moskau 49, B 22 68/18.

УДК 63.3(0)6

Военнопленные стран Тройственного Союза на территории Казахстана

¹ Гульжаухар Какеновна Кокебаева

² Нурзипа Кумишбаевна Алпысбаева

³ Шотбек Турсынбекович Булгауов

¹⁻³ Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

050038 Алматы, пр.аль-Фараби, 71

¹ Доктор исторических наук, профессор

E-mail: kokebayeva@mail.ru

² Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: nurzipakz@mail.ru

³ Кандидат исторических наук, ст. преподаватель

E-mail: bulgauov.sh@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема содержания военнопленных стран Тройственного Союза в лагерях, расположенных на территории Казахстана. Обращение российских властей с военнопленными в первые месяцы войны определялось “Положением о военнопленных”, утвержденным императором России. Содержание этого документа в основном соответствовало Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Основным районом размещения военнопленных стали Туркестан и Омский военный округ, в состав которого входили все военные учреждения Степного генерал-губернаторства, в том числе Северо-Восточного и Центрального Казахстана. Источниковой базой исследования являются материалы казахстанских и германских архивов, воспоминания бывших военнопленных, а также опубликованные сборники документов и материалов.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны; Гаагская конвенция; размещение; Тройственный Союз; Туркестан; лагерь; Общество Красного Креста; Центральная Коллегия по делам военнопленных.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 159-166, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94«1914/1918»

Research and protection of natural resources of the Southern Russia during the First World War

Anna N. Eremeeva

Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov, Southern branch,
Russian Federation
Dr. (History), Professor

Abstract

This article is provided the historical analysis of the main directions in the research and protection of natural resources of the Southern Russia in the conditions of the First World War. It is based on the materials from the funds of central and regional archives, periodical publications, and little-known scientific and scientific-popular works of 1914-1917. Author deals with the old, ongoing projects as well as the new ones which were the response to the challenges of war. The activities of state and public structures in “mobilization” of science are elucidated. The close connection of many research initiatives and development of recreational area in the South of Russia is shown.

Keywords: First World War; South of Russia; research of natural resources; "mobilization" of science; the nature conservancy

Введение

Важной составляющей политики Российской империи в годы Первой мировой войны был курс на мобилизацию собственных ресурсов, преодоление зависимости от прежних зарубежных партнеров, среди которых ведущее место занимала Германия. Реализация данного курса в экстремальных условиях проходила ускоренными темпами, путем координации усилий сплоченных патриотическим порывом экспертов официальных структур, научных, образовательных организаций, всего населения.

Большой исследовательский интерес представляет опыт организации и решения задач в области эффективного использования природных ресурсов Юга России в годы Первой мировой войны. Ранее он анализировался в связи с воссозданием истории Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) [1], биографий видных российских ученых – академиком В.И. Вернадского, А.Е. Ферсмана, И.М. Губкина, И.П. Бородина и др. В фундаментальном издании «Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны» (СПб., 2007) рассмотрены некоторые направления в изучении природных ресурсов, изменения в тематике естественнонаучных исследований, обусловленные «мобилизацией интеллекта». Проблемы природопользования в большей или меньшей степени затрагивались авторами работ по истории курортного дела, отдельных курортных местностей [2].

В фокусе внимания данной статьи – основные направления исследования и охраны природных богатств Юга России в условиях Первой мировой войны.

Материалы и методы

Источниковая база работы включает делопроизводственную документацию государственных, научных, образовательных учреждений, общественных организаций, официальную и частную переписку, периодические издания, научные и научно-популярные труды 1914–1917 гг. Многие документы из центральных и региональных архивов впервые вводятся в научный оборот. Специфика темы и ее источниковое обеспечение обусловили использование реконструктивного, историко-генетического и сравнительно-исторического методов. Исследование и охрана природных богатств

рассматривается в контексте как перспективных, так и насущных задач воюющей страны, в тесной связи с предшествующими практиками.

Обсуждение

Проблема рационального использования богатейшего природного потенциала России, в частности, российского Юга, принадлежит к числу «вечных». Ее отдельные аспекты актуализировались в связи с конкретными задачами государства, циркулирующими в обществе идеями.

К решению разнообразных проблем природопользования традиционно привлекались сотрудники высших учебных заведений, опытных станций, ботанических садов, члены региональных отделений научных обществ (Императорского русского географического общества – ИРГО, Императорского русского технического общества – ИРТО, медицинских объединений), горных клубов, краеведческих организаций.

Буквально накануне войны обсуждалась проблема рационального использования природных богатств в связи с курсом на оптимизацию функционирования рекреационных территорий. В зоне повышенного внимания оказался Юг России. В 1911 г. в Петербурге было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа в отношении историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом, одним из первых шагов которого стала выставка «Русская Ривьера» (1913–1914 гг.). С 8 по 17 ноября 1913 г. в рамках выставки работал съезд деятелей Черноморского побережья Кавказа. В 1912 году в Тифлисе возник Главный комитет поощрения туризма на Кавказе с многочисленными представительствами. На XIII (оказавшемся последним) съезде русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе в июне 1913 г. значительная часть докладов была посвящена освоению природных ресурсов Кавказа.

Сравнительно новой темой в рамках природопользования стала охрана природы. Природоохранные публикации известных ученых – И.П. Бородина, Д.Н. Анучина, В.В. Докучаева, Г.А. Кожевникова, А.П. Семенова-Тян-Шанского, краеведов, писателей, общественных деятелей, международных съезды (VIII Международный зоологический конгресс (1910 г.), Конференции по международной охране природы (1913 г.)) способствовали постепенному формированию представлений о негативных последствиях потребительской ориентации общества. В результате инициатив «снизу» стали возникать охраняемые природные зоны. На Юге это были участки степи в низовьях Днепра в поместье Ф.Э. Фальц-Фейна Аскания-Нова, в области Войска Донского у Персияновки (участок находился в ведении Донского политехнического института). Заповедными объявлялись реликтовые рощи эльдарской и пицундской сосны, Лагодехское ущелье и др.

С 1909 г. Академия наук создала Межведомственную комиссию, наметившую территорию Кавказского государственного заповедника, однако процесс его создания растянулся на годы.

В марте 1912 г. была основана Постоянная природоохранительная комиссия при ИРГО; практически сразу возникли аналогичные структуры при региональных отделениях Общества. Сотрудник Тифлиского ботанического сада Д.И. Сосновский, ранее обосновавший уникальность Лагодехского ущелья как заповедной зоны, в многократно перепечатанной позже статье «Охрана памятников на Кавказе» отмечал, что «вопрос об охране памятников природы, который за короткое время сделался в Западной Европе одним из наиболее животрепещущих вопросов, мало по малу перебрался к нам в Россию и начинает здесь постепенно приобретать права гражданства». Сосновский перечислил имеющиеся и перспективные объекты охраны. В числе последних – роща Крымской сосны близ села Архипо–Осиповка Черноморской губернии, заросли Царственного папоротника близ Адлера [3].

24 апреля 1914 г. Николай II подписал закон о санитарной и горной охране лечебных местностей, еще более заостривший внимание общества на проблеме природопользования в курортных зонах.

Начало войны привело к необходимости быстрой перестройки стратегически важных отраслей с опорой на собственные силы и ресурсы. Государство взяло на себя роль координатора деятельности исследовательских учреждений, работавших на оборону. Для этого были учреждены Особое совещание по обороне государства при военном министре, Центральный военно-промышленный комитет во главе с А.И. Гучковым и Химический комитет, созданный на основе Комиссии по производству взрывчатых веществ при Главном артиллерийском управлении. Впервые появившееся в России как самостоятельная структура Министерство земледелия (октябрь 1915 г.) было призвано способствовать постановке работы различных отраслей сельского хозяйства, лесоводства и промыслов с учетом последних научных разработок [4]. Деятельность КЕПС, созданной по инициативе Академии наук, предполагала проведение комплексных научных исследований, учет природных ресурсов в масштабах страны. К помощи исследовательским учреждениям привлекались Всероссийские земский и городской Союзы.

Были задействованы силы профессуры высших учебных заведений, в т.ч. Юга, где в годы Первой мировой войны к имеющимся добавились эвакуированные вузы, прежде всего, Варшавский университет, переехавший в Ростов-на-Дону.

Война не прервала плановых исследований природных ресурсов региона, хотя их финансирование нередко урезалось. Геологический комитет и другие учреждения продолжали здесь довоенные проекты и начинали новые. Геологоразведочные работы нередко были связаны с интенсивным дорожным строительством. Так, сотрудником Геологического комитета, знатоком геологии Кавказа С.И. Чарноцким проводились инженерно-геологические изыскания по линии строящейся железной дороги Армавир-Туапсе. Почвы и грунты по этой же линии исследовал С.А. Яковлев.

Основоположник технической петрографии Д.С. Белянкин изучал горные породы проектируемого, но так и не построенного, Архотского тоннеля на предполагаемой трассе железной дороги Тбилиси-Владикавказ [5]. Геологические изыскания участка пути от Сочи до Хосты через Мацесту проводил Н.Н. Яковлев.

Продолжались исследования южных нефтяных месторождений, основные из которых находились, как известно, в районе Баку, Грозного и в Кубанской области. Выдающийся специалист в области нефтехимии И.М. Губкин обследовал северо-западную часть Апшеронского полуострова. К.А. Прокопов на основе детальных геологических съемок оценил значимость Новогрозненского и ряда других нефтяных месторождений. В 1915 г. в печати появились сообщения о находках нефти в Дзонахском районе, по долине реки Аргун, близ села Воздвиженского. Исследуя нефтяные месторождения станиц Ахтырской и Абинской Кубанской области, К.А. Прокопов дал заключение об их перспективности, что отличалось от мнения коллег-предшественников [6].

По заданию Геологического комитета двумя экспедициями исследовались каменноугольные отложения в Баталпашинском отделе Кубанской области. Находки, особенно в районе Малой Лабы и Большого Зеленчука, стимулировали проведение в 1917 г. и в последующие годы детальных изысканий [7].

В рамках гидрологических исследований проводились работы в районе рек Северного Кавказа (Ардона, Уруха, Чегема, низовий Терека и др.), Алханчуртской долины с целью выбора мест, подходящих для водохранилищ [8]. В Ставропольской губернии под руководством известного почвовед С.А. Захарова и А.П. Иванова решалась проблема водоснабжения региона. Партия Крымских водных изысканий Отдела земельных улучшений Министерства земледелия исследовала горную часть полуострова.

Экспедиции по поиску полезных ископаемых с целью поставки сырья заводам Главного артиллерийского управления, располагавшимся на Юге, инициировались местными администрациями. Отметим, что участники данных экспедиций были хорошо осведомлены об исследованиях Геологического комитета, КЕПС и т.д. Ведь отчеты об их деятельности оперативно публиковались и аккуратно рассылались в провинцию. Аналогично поступали высшие учебные заведения и научные общества регионов. Это подтверждается обилием почтовых карточек с просьбами о присылке и подтверждениями о получении изданий в соответствующих архивных фондах, ссылками на новейшие отечественные труды, в том числе и региональные, в научных изданиях военных лет.

Ведущим специалистам в естественнонаучной области Юга России поручали составлять сводные аналитические обзоры. По заданию КЕПС профессор Донского политехнического института П.П. Сущинский написал «Очерк месторождений вольфрамов и оловянных руд в России». 12 ноября 1915 г. он сообщил ученому секретарю Комиссии А.Е. Ферсману, что заканчивает данный труд [9], а уже в 1916 г. иллюстрированная брошюра была издана в Петрограде.

Инициатива проявлялась и «снизу», о чем свидетельствует многочисленные письма в КЕПС из регионов. Одно из них – В.И. Вернадскому от профессора Донского политехнического института, местного уроженца Н.М. Абрамова, датированное 27.11.1915 г.: «Узнав из газет об организации под Вашим председательством Комиссии по изучению естественных производительных сил России и живо интересуясь этим, прошу <...> поставить в известность о целях и задачах. <...> Отдельной посылкой посылаю добытые данные о свойствах южнорусских естественных каменных материалов» [10].

Практически в каждой области и губернии Юга создавались новые научно-исследовательские структуры или подразделения имеющихся организаций, направленные на оптимизацию использования природных ресурсов. Приведем примеры, касающиеся Кубанской области. Кубанское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, действовавшее с 1912 г., выступило инициатором объединения «прогрессивных сил Кубани стремившихся найти выход из критического положения экономики края в годы Первой мировой войны». В 1915 г. Общество приняло решение об учреждении почвенного и метеорологического комитетов. Перед первым была поставлена задача по созданию почвенной карты области, а перед вторым – устройство самостоятельной метеорологической сети [11]. В Обществе любителей изучения Кубанской области накануне войны появилась секция любителей природы. В годы войны начали работать комиссии секции – экскурсионная, геологическая, ботаническая, зоологическая, по изучению водоемов [12].

Проблемы природопользования активно обсуждались в Ставропольском обществе для изучения Северо-Кавказского края в естественноисторическом, географическом и антропологическом

отношении, Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы, Новороссийском обществе естествоиспытателей (Одесса) и др.

Юг России представлялся перспективным с точки зрения обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем и медикаментами. Колоссальный дефицит взрывчатки преодолевался путем создания в рекордно короткие сроки многочисленных заводов. Основу для изготовления тротила – толуол – с 1915 г. стали производить из сырой нефти в Баку. КЕПС и Военно-химический комитет обсуждали возможности использования в стратегических целях майкопской нефти.

Руководство санитарной и эвакуационной части русской армии, Общество Красного креста и другие организации озадачивали ученых и предпринимателей на предмет добычи йода. Ведь собственного производства в России не было; импорт до войны шел в основном из Германии. В разных регионах страны начали проводиться опыты: исследовались йодсодержащие водоросли омывающих Россию морей, воды сборных канав, идущих от нефтяных промыслов Баку, грязи сопок и соляных озер. В Екатеринославе под руководством профессора Горного института Л.В. Писаржевского был получен йод из черноморских водорослей; в 1915 г. в городе начал работать первый в России завод по производству йода. На Севере налаживалось промышленное производство йода из беломорских водорослей.

В фондах Редакционного комитета КЕПС сохранился один из документов, касающихся перспектив добычи йода на Юге – доклад 1915 г. приват-доцента Дыбского и студента Григоровича «Йод на Керченском и Таманском полуостровах» с подробным описанием грязевых вулканов на косе Чушка, мысе Малые Пеклы, у Бугазского гирла (40 верст западнее Анапы), вулканов «Синяя балка», «Цимбалы» у станицы Ахтанизовской и др. По мнению составителей доклада, гора Гнилая у Темрюка «может служить для лечебных целей, для получения чистого йода» [13]. Копия доклада была отправлена академику В.И. Вернадскому по его просьбе.

С 1916 г. на этой же территории работала комиссия в составе академика Н.И. Андрусова, профессора (будущего академика) А.Е. Ферсмана, химика, основоположник науки о грязевых вулканах Э.А. Штебера. Выяснялась возможность добычи бора, йода и серы [14].

В 1916 г. отдельным оттиском «Известий Академии наук» вышло исследование химика В.Н. Бекетова «Йод, бром и борная кислота в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове».

В годы войны на медицинских съездах (Пироговского общества врачей, санитарных отделов Военно-промышленных комитетов) активно обсуждались лекарственные возможности растительного сырья, перспективы сбора дикорастущих лекарственных растений и плановые посадки наиболее перспективных из них. К разведению лекарственных растений призывало и Министерство земледелия. На эту тему публиковались научные и научно-популярные труды. Соответствующие работы велись в ботанических садах – Никитском, Тифлисском, Батумском, на опытных станциях, в т.ч. Сочинской сельскохозяйственной и Гагринской климатической.

Член-корреспондент Академии наук, директор Никитского ботанического сада Н.И. Кузнецов полагал, что в Крыму, прежде всего, нужно разводить белладонну (для атропина), белену и дурман. Важной представлялась и группа растений, дающих эфирные масла – лаванда, розмарин, рута, шалфей, Melissa. Ученый писал: «Южный берег Крыма, одевшись серебристыми рощами маслин, плантациями растений, дающих эфирные масла, шафранниками, белладонниками, чередующимися с виноградниками и табачными плантациями на новых местах, – будет иметь тот культурный хозяйственный вид, которого ему так не достает до сих пор» [15].

В Кубанской области в 1916–1917 гг. был организован сев клещевины (основы для производства медицинского касторового масла), сбор лекарственных растений, открылись питомники при Кубанской сельскохозяйственной опытной станции, при четырех опытно-показательных хозяйствах области – в станицах Славянской и Уманской, Майкопском и Лабинском отделах [16].

В ликвидации дефицита дубильных веществ, жизненно важных для кожевенной промышленности, большую роль сыграла Научно-техническая комиссия по исследованию дубильных материалов Кавказа при Закавказском комитете Всероссийского земского союза [17]. Самое активное участие в ее работе приняли ботаники Тифлисского ботанического сада П.И. Мищенко, Н.А. Максимов, В.М. Савич. Последний возглавил построенный в короткие сроки завод дубильных экстрактов в Майкопе.

Изучение флоры (и фауны) не всегда было жестко привязано к насущным потребностям воюющей страны. Ученым предоставлялись финансовые и организационные возможности продолжения прежних исследований.

В 1916 г. Общество естествоиспытателей при Варшавском университете обратилось к губернатору Черноморской губернии с просьбой оказания содействия и выдаче «открытого листа на взимание при разездах земских лошадей» В.Ф. Хмелевскому, командируемому в Черноморскую губернию «для флористических исследований и для сборов ботанических коллекций» [18]. Заметим, что Хмелевского к тому времени хорошо знали в регионе как знатока природы Красной Поляны. Профессор того же университета А.Н. Бартнев, ранее изучавший стрекоз Сибири и Урала, был командирован в Нальчик для изучения местных стрекоз [19].

Ботанические экспедиции направлялись на турецкие территории, занятые русской армией. Экстраординарный профессор Женского медицинского института А.С. Гинзберг сообщал в

Министерство народного просвещения, что «за время двукратного пребывания на Черноморском побережье и ознакомлением с условиями культуры лекарственных и иных полезных растений» им был обследован берег до Батума; следующими целями были Зачорохский край и Трапезунд [20]. Растительность (нагорья, суходольные и сырые луга, солончаки и редкие лесные насаждения) Турецкой Армении исследовались по заданию Переселенческого управления Министерства земледелия экспедицией под руководством известного ботаника и географа, профессора Томского университета В.В. Сапожникова (1916 г.). По распоряжению командующего Кавказской армией Н.Н. Юденича экспедиции были предоставлены лошади, арбы и охрана. Территория исследования во время военных действий практически обезлюдела, некого было спросить о характере земледелия. Пахотные поля не были засеяны и заросли сорняком. Многочисленные группы животных несли угрозу инфекционных заболеваний. Несмотря на это, ученым «удалось познакомиться с типичными насаждениями Армении и собрать порядочные коллекции» [21].

Толчком к интенсивному исследованию целебных вод и грязей стало превращение южных территорий в госпитальную базу и продолжавшийся (даже интенсифицировавшийся в годы войны) курс на развитие курортов. По инициативе Медицинского совета Министерства внутренних дел 7–11 января 1915 г. в Петрограде был проведен I Всероссийский съезд по улучшению отечественных лечебных местностей. Труды Съезда были опубликованы «по горячим следам». Появилось Всероссийское общество для развития и усовершенствования русских лечебных местностей с многочисленными провинциальными отделами. В мае 1915 г. возникло Кавказское общество содействия развитию лечебных мест. В мае 1917 г. состоялся I съезд по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе.

Как в ранее издававшихся, так и в новых («Целебные силы России», «Целебный Кавказ», «Русская Ривьера») журналах печаталась информация о минеральных источниках и, в целом, о природных ресурсах Юга. В виде брошюр выходили оттиски наиболее ценных журнальных статей. Одно из свидетельств публикационной активности военных лет – солидная выставка новейшей литературы, сформированная в процессе подготовки I съезда по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе [22].

С довоенных времен исследования минеральных источников на Юге России проводили специалисты Геологического комитета, химики, геологи, гидрологи региональных организаций. Большую активность проявляли ученые Новороссийского университета и Одесского отделения ИРТО, где молодым химиком Е.С. Бурксером в 1910 г. была создана первая в России радиологическая лаборатория.

В годы войны поиск, исследование и учет минеральных источников Кавказа и Крыма продолжались достаточно интенсивно. Министерство внутренних дел циркуляром от 18 сентября 1915 г. предложило губернаторам «в заботах о наилучшем использовании лечебных местностей» привлечь к этому делу органы местного самоуправления. Им надлежало предоставить полную информацию о казенных землях вокруг источников минеральных вод, грязевых озер, мест купаний и т.д. на предмет постройки там сооружений [23].

В архивном фонде Новороссийского университета, в деле о разрешении отпусков служащим университета в 1916 г. имеется документ от Попечителя Одесского учебного округа на имя ректора с согласим «на выдачу профессору Стадникову 300 рублей из специальных университетских средств для покрытия расходов по поездке на Кавказ для исследования грязей Кубанской области по поручению Его Императорского Высочества Принца Ольденбургского» [24] (верховного начальника санитарной и эвакуационной части). Соответствующее донесение было направлено Попечителем в Министерство народного просвещения [25].

В разведке новых источников на Кавказских Минеральных Водах и в районе Мацесты деятельное участие принимал выдающийся исследователь А.Н. Огильви. Горным инженером и гидрологом Н.Н. Славяновым, ранее обнаружившим множество источников, в Железноводске в рамках экспедиции 1916 г. на северном склоне Железной горы был открыт новый, получивший название Славяновский.

Е.С. Бурксер из Одессы сообщал В.И. Вернадскому об исследованиях в 1915 г. грязевых озер в Бессарабии, Таврической губернии, Кубанской области, а также минеральных вод, включая группы Горячего Ключа и источники у подножья Эльбруса [26]. С 1916 г. письма Бурксера написаны на бланке того же Одесского отделения ИРТО, но вместо надписи «Химический отдел, радиологическая лаборатория» появляется следующая – «Лаборатория экспедиции для исследования радиоактивности и физико-химических свойств источников и лечебных грязей Юга России» [27].

Группа столичных ученых во главе с Г.В. Вульфом в 1915 и 1916 гг. проводила исследования соляных озер Западной и Юго-Западной части Ставропольской губернии, выясняя их пригодность для лечебно-курортных целей.

Интерес к разработке минеральных вод и грязей стимулировал активность разного рода организаций в плане строительства путей сообщения, сооружений. Составители дважды изданной в 1915 г. в Петрограде брошюры «Владикавказская железная дорога и лечебные местности» ориентировали читателей на то, что интенсивное железнодорожное строительство сделает российские курорты не менее привлекательными, чем зарубежные.

Создавались проекты благоустройства отдельных «точек». В 1915 г. в процессе очередного обследования Суджукской лагуны, расположенной к югу от Новороссийска, были отмечены ее высокие бальнеологические свойства. Гласный городской думы Новороссийска И.Ф. Басов выступил на I Всероссийском съезде по улучшению отечественных лечебных местностей и в прессе с предложением создать около озера грязе-свето-водолечебницу, гостиницу, бараки для военных, провести водопровод к озеру и Мысхаковскому берегу. Попутно было высказано мнение о необходимости соединить трамваем через город близлежащие территории – Широкою Балку и Кабардинку [28]. В докладе доктора В.С. Милошевского – представителя от Новороссийска на I съезде по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе – предлагался проект курорта-сада возле Суджукского озера. С помощью правительственных субсидий уже в ближайшее время гарантировалось грязелечение раненых воинов [29]. Идеи эти так и остались на бумаге. Инфраструктурные предложения регулярно обосновывались в периодических изданиях, прошениях во всевозможные инстанции.

Проблема охраны природы в условиях войны неизбежно отошла на второй план, хотя затрагивались учеными, общественными деятелями, официальными лицами в связи с вопросами рационального природопользования, образовательными задачами. Попечитель Одесского учебного округа просил министра народного просвещения обратить внимание на заповедник Ф.Э. Фальц-Фейна Аскания Нова. До войны он ежегодно привлекал более 10000 человек, в 1915 г. там было менее 1000 посетителей, а в следующем году (по состоянию на 1 августа) – 1148, в т.ч. 24 группы учащихся в составе 665 человек. Содержание заповедника и готовность Ф.Э. Фальц-Фейна содействовать учебным заведениям (передавать в их музеи скелеты и чучела диких животных), по мнению автора записки, были достойны «поощрительной благодарности» [30].

В 1917 г. Новороссийское и Бессарабское общества естествоиспытателей совместно с Крымско-Кавказским горным клубом, Южнорусским энтомологическим обществом разработали текст обращения к учреждениям Временного правительства для представления в Учредительное собрание. Речь шла об охране памятников южнорусской природы «путем объявления их национальной собственностью». Особое внимание обращалось на защиту заповедника Аскания Нова [31].

Продолжалась работа по выработке концепции отечественных заповедных зон. Непосредственно перед Февральской революцией в Забайкальской области основали государственный Баргузинский соболиный заповедник. Весной 1917 г. на месте царского заказника создается Национальный заповедник в Крыму.

Было разработано положение о Кавказском государственном заповеднике «для сохранения на вечные времена в первобытной неприкосновенности местной природы с ее представителями растительного и животного царства, особенно зубров». Подчеркивалось, что территория заповедника станет «неотчуждаемой собственностью государства». В Комитет Кавказского заповедника при Академии наук должны были войти 3 академика – зоолог, ботаник и географ, представители научных обществ. В штате заповедника, помимо четырех научных сотрудников, предполагалось иметь 64 стража [32].

В записке географа, члена КЕПС от Русского географического общества В. Семенова-Тян-Шанского «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» (2.10.1917 г.) обосновывалась необходимость основания в России не менее 46 национальных парков, в т.ч. в Европейской России с Крымом – не менее 22, на Кавказе – не менее 4 (имелись ввиду горнолесные заповедники Кубанский, Дагестанский, Лагодехский, Черноморский). Охраняемые природные территории должны были быть объявлены национальными парками [33].

Заключение

Как видим, годы Первой мировой войны стали временем достаточно интенсивного исследования природных ресурсов Юга России. В регионе продолжались довоенные проекты и начали реализовываться новые, которые можно рассматривать как ответы на вызовы войны. Активное исследование минеральных источников было связано с формированием госпитальной базы, расширением и благоустройством рекреационной территории на Юге. Даже в экстремальных военных условиях шла подготовка к созданию охраняемых природных зон.

Дальнейшие события несколько затормозили осуществление намеченных планов, но в целом, не изменили подходов к исследованию и охране природных ресурсов. На Юге, как и в столицах, интенсивная научная и организационная деятельность в условиях войны стимулировала создание новых научно-исследовательских структур, таких, например, как Совет исследования и изучения Кубанского края, а также высших учебных заведений. В период «деникинщины» рекреационные и экологические идеи 1914-1917 гг. развивались Комитетом по устройству Черноморского побережья. Во врангелевском Крыму по инициативе В.И. Вернадского была основана и развернула активную деятельность КЕПС Крыма. В советской период руководители партии и государства использовали знания и опыт организаторов и непосредственных исполнителей как «мобилизационных», так и рассчитанных на перспективу проектов периода Первой мировой войны.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00018.

Примечания:

1. Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб.: Наука, 1999. 184 с.
2. См. напр.: Черкасов А.А. Центр и окраины: Сочи в период царствования Николая II. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009. 242 с.
3. Сосновский Д.И. Охрана памятников на Кавказе // Бюллетень Общества любителей изучения Кубанской области. 1914. №1. С. 15-18.
4. Колчинский Э. И. Первая мировая война и некоторые векторы трансформации науки в Германии и России // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / отв. ред. Э. И. Колчинский и Д. Байрау; ред.-сост. Ю. А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 17.
5. Белянкин Д.С. К петрографии Архотского тоннеля. СПб, 1914. 24 с.
6. Прокопов К.А. О некоторых нефтяных месторождениях Кубанской области // Поверхность и недра. 1917. №2-3 (11-12). С. 116-119.
7. Робинсон В.Н. Краткий географический очерк месторождений ископаемых углей каменноугольной системы в Кубанском крае. Краснодар, 1922. 15 с.
8. Геологическая изученность СССР. Т. 19. Северный Кавказ. Период 1800-1917. Вып. 1. Опубликованные работы. Нальчик, 1973. С. 295.
9. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – ПФА РАН). Ф. 132. Оп. 1. Д. 113. Л. 28.
10. ПФА РАН. Ф. 132. Оп. 1. Д. 113. Л. 36.
11. Бридня О.П. Работа Кубанского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности в годы Первой мировой войны // Российское общество и войны XX века: материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 24.
12. В ОЛИКО // Кубанская мысль. 1915. 24 октября. С. 3.
13. ПФА РАН. Ф. 132. Оп. 1. Д. 113. Л. 65-73.
14. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 55. Л. 8, 128.
15. Кузнецов Н.И. Ближайшие задачи культуры и сбора лекарственных растений на южном берегу Крыма. Ялта, 1917. С. 27.
16. Говорков Н. Секция лекарственных растений // Известия Совета обследования и изучения Кубанского края. Вып. 5. Екатеринодар, 1918. С. 105.
17. Федотова А.А. Российские ботанико-географы в годы «Второй Отечественной» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. С. 375-377.
18. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 437. Л. 101.
19. Государственный архив Ростовской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 85 Л. 93.
20. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 598. Л. 156.
21. Сапожников В.В. Растительность Турецкой Армении. Исследование 1916 г. Томск, 1917. С. II-III.
22. ГАКК. Ф. 427. Оп. 1. Д. 385. Л. 42 – 48.
23. Циркуляр о лечебных местностях // Целебный Кавказ. 1915. №1-2. С. 55.
24. Государственный архив Одесской области. Ф. 42. Оп. 35. Д. 681. Л. 11.
25. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 598. Л. 52.
26. Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 518. Оп. 3. Д. 209. Л. 17.
27. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 209. Л. 19а.
28. Басов И.Ф. Новороссийские лечебные местности // Русская Ривьера. 1915. №3-4. С. 43-48.
29. Отчет о работах I съезде по устройству и улучшению лечебных мест на Кавказе // Целебный Кавказ. 1917. №2. С. 34.
30. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 552. Л. 247.
31. Записки Новороссийского общества Естествоиспытателей. Т. 42. Одесса, 1918. С. 4.
31. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392. Л. 2-4.
32. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392. Л. 14-20.

References:

1. Kol'tsov, A.V. The creation and activities of the Commission for the study of natural productive forces of Russia. 1915–1930. SPb.: Nauka, 1999. 184 p. (in Russian).
2. See for example: Cherkasov, A.A. Center and margin: Sochi during the reign of Nicholas II. Sochi: RIO SGUTiKD, 2009. 242 p. (in Russian).
3. Sosnovskij, D.I. Conservation of monuments in the Caucasus // Bulletin of the society of buffs of the study of the Kuban region. 1914. №1. P. 15-18 (in Russian).
4. Kolchinskij, E.I. The First World War and some vectors of the transformation of science in Germany and Russia // Science, technology and society in Russia and Germany during the First World War / E.I. Kolchinskij, D. Bajrau, Yu. A. Lajus (eds). SPb.: Nestor-Istoriya, 2007. P. 17 (in Russian).
5. Belyankin, D.S. About the petrography of Arkhotky tunnel. SPb., 1914. 24 p. (in Russian).

6. Prokopov, K.A. Some oil fields of the Kuban region // The surface and subsoil 1917. №2-3 (11-12). P. 116-119 (in Russian).
7. Robinson, V.N. A brief geographical essay on deposits of fossil coals of the Carboniferous system in the Kuban region. Krasnodar, 1922. 15 p. (in Russian).
8. Geological studies of the USSR. Vol. 19. The North Caucasus. 1800–1917. Issue 1. Published works. Nal'chik, 1973. P. 295 (in Russian).
9. St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (hereinafter – PFA RAN). F. 132. Op. 1. D. 113. L. 28.
10. PFA RAN. F. 132. Op. 1. D. 113. L. 36.
11. Bridnya, O.P. The work of the Kuban society of agriculture and agricultural industry during the First World War // the Russian society and war in the twentieth century: materials of scientific-practical conference. Krasnodar, 2004. P. 24 (in Russian).
12. In OLIKO // Kuban Thought. 1915. October, 24 (in Russian).
13. PFA RAN. F. 132. Op. 1. D. 113. L. 65-73.
14. State Archives of the Krasnodar Region (hereinafter – GAKK). F. R-9. Op. 2. D. 55. L. 8, 128.
15. Kuznecov, N.I. The next tasks in the culture and collection of medicinal plants on the southern coast of Crimea. Yalta, 1917. P. 27 (in Russian).
16. Govorkov, N. Section of medicinal plants // Herald of the Board of research and study of the Kuban region. Vol. 5. Ekaterinodar, 1918. P. 105 (in Russian).
17. Fedotova, A.A. Russian phytogeographers during the “Second Patriotic War” // Science, technology and society in Russia and Germany during the First World War. P. 375-377 (in Russian).
18. GAKK. F. 468. Op. 2. D. 437. L. 101.
19. State Archives of the Rostov region. F. 527. Op. 1. D. 85. L. 93.
20. Russian State Historical Archives (hereinafter – RGIA). F. 733. Op. 156. D. 598 L. 156.
21. Sapozhnikov, V.V. Flora of Turkish Armenia. The study of 1916. Tomsk, 1917. P. II-III (in Russian).
22. GAKK. F. 427. Op. 1. D. 385. L. 42–48.
23. Circular of therapeutic areas // Healthful Caucasus. 1915. №1–2. P. 55 (in Russian).
24. The State Archives of Odessa region. F. 42. Op. 35. D. 681. L. 11.
25. RGIA. F. 733 Op. 156. D. 598. L. 52.
26. The archives of the Russian Academy of Sciences (hereinafter – ARAN). F. 518. Op. 3. D. 209. L. 17.
27. ARAN. F. 518. Op. 3. D. 209. L. 19a.
28. Basov, I.F. Novorossiysk therapeutic areas // Russian Riviera. 1915. №3-4. P. 43-48 (in Russian).
29. Report on the work of the first Congress of the landscaping and improvement healthful places in the Caucasus // Healthful Caucasus. 1917. №2. P. 34 (in Russian).
30. RGIA. F. 733 Op. 156. D. 552. L. 247.
31. Notes of Novorossiysk society of Naturalists. Vol. 42. Odessa, 1918. P. 4 (in Russian).
31. RGIA. F. 733. Op. 156. D. 392. L. 2-4.
32. RGIA. F. 733. Op. 156. D. 392. L. 14-20.

УДК 93/94«1914/1918»

Исследование и охрана природных ресурсов Юга России в годы Первой мировой войны

Анна Натановна Еремеева

НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Южный филиал, Российская Федерация
350063, Краснодар, ул. Красная, 28, оф. 28
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: eranna2000@mail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов центральных и региональных архивов, периодической печати, малоизвестных научных и научно-популярных работ 1914–1917 гг. анализируются основные направления в исследовании и охране природных ресурсов Юга России в условиях Первой мировой войны. Автор рассмотрела как продолжавшиеся, так и новые проекты, возникшие в ответ на вызовы войны, деятельность государственных и общественных структур в области «мобилизации» науки. Отмечена тесная связь многих исследовательских инициатив 1914–1917 гг. с развитием рекреационной зоны на Юге России.

Ключевые слова: Первая мировая война; Юг России; исследование природных ресурсов; «мобилизация» науки; охрана природы.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 167-173, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470) «19/...»

The problem of recognition of the USSR in 1924 and the Soviet-Chinese relations are based on the regional press

¹ Vladimir G. Dazischen

² Larisa A. Kutilova

¹ Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation
Svobodny Prospect 82a, Krasnoyarsk, 660041

Dr. (Histori), Professor

E-mail: dazishen@mail.ru

² Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation
Svobodny Prospect 82a, Krasnoyarsk, 660041

RhD (Histori), Assistant Professor

E-mail: kutilovala@rambler.ru

Abstract

On the basis of selected publications of the regional newspaper "Krasnoyarsk Worker" the authors analyze the foreign policy priorities of the Soviet Union in 1924. The most important problem of diplomatic recognition is viewed through the prism of relations with China and publications on this topic in the regional press that performs a main function in shaping public perceptions of the Soviet people in the sphere of international relations. The particular importance is given to the newspaper coverage of the issue of the Chinese Eastern Railway and the line of argument that allowed the Soviet government to raise the issue of its ownership in the agenda during the preparation of the Sino-Soviet treaty in 1924.

Keywords: The regional press; "Krasnoyarsk worker"; foreign policy; Soviet-Sino relations; 1924; diplomatic recognition of the USSR.

Введение

Материалы средств массовой информации, в том числе региональной прессы, служат важнейшим источником для исследователя-историка. В советские годы вся периодическая печать в стране находилась под полным контролем партийных органов. Содержание ключевых публикаций соответствовало политическим установкам власти и корректировалось в зависимости от них. Газета «Красноярский рабочий», одно из старейших изданий в нашей стране (ее первые номера увидели свет еще в декабре 1905 г.), к середине 1920-х гг. также приобрела классовый характер, став газетой «нового типа» и выступала в роли партийного органа региональной власти - Енисейского губкома РКП(б), губисполкома и губпрофсовета. Лейтмотивом внешней политики Советского государства в 1924 г. стала тема «неизбежного» признания СССР другими государствами, неудивительно, что именно она является ведущей в публикациях газеты «Красноярский рабочий» по международной тематике. Изучение как всей темы, так и раздела, связанного с признанием Советского Союза Китаем, ее комплексный анализ с необходимостью требуют обращения к материалам региональных средств массовой информации.

Материалы и методы

В данной работе основным историческим материалом для исследования стали публикации газеты «Красноярский рабочий» за 1924 г. Цель проведенной работы – систематизировать материалы по проблемам внешней политики Советской страны, на их основе выявить ее приоритеты; определить соотношение западного и восточного векторов политики в середине 1920-х гг. и роль Китая во внешней политике СССР; выявить мотивы поведения Советской страны по отношению к Китаю и их

отражение в газете; проанализировать особенности риторики публикаций; на основе рассмотренного материала определить особенности процесса формирования представлений читателей региональной прессы по внешнеполитическим проблемам и механизмы пропаганды по вопросам внешней политики советской власти на региональном уровне. Тема рассмотрена на широком внешнеполитическом материале в сопоставлении с материалом по странам Запада, сравнительно-исторический анализ становится основой выводов о приоритетах внешней политики СССР.

Обсуждение

Лейтмотивом публикаций в рамках международной тематики в 1924 г. стала тема неизбежности признаний Советского Союза зарубежными странами, основное внимание при этом уделялось позиции Великобритании. До конца апреля 1924 г. она выступает индикатором и катализатором изменения политики в отношении СССР других ведущих стран Запада. Значимые публикации по теме всегда отражают траекторию развития событий, выступая своеобразным рупором советского дипломатического ведомства. Агрессивность тона публикаций является отражением агрессивного настроения советской страны, требующей признания. Иногда признание становится инструментом угроз и шантажа: «Мы снова должны повторить слова Ленина: «Чем позже признание, тем хуже условия этого признания (для признающих стран - В. Д., Л. К.)», - отмечал Л. Каменев в выступлении на Втором съезде Советов [1, 2 февраля]. 1 февраля Великобритании официально признала Советский Союз, поэтому камертоном последующих публикаций «Красноярского рабочего» все чаще становится позиция Франции. Рассказывая о противниках страны Советов, газета подчеркивает особо негативную роль французского премьера Раймона Пуанкаре, называя его главным кровавым империалистом, с ним связывая агрессию, войну и интервенцию.

Публикации по поводу отношений с Великобританией и Францией активизировали интерес газеты к теме признания советской страны Китаем, поскольку, по утверждениям советского внешнеполитического ведомства, только Франция и Великобритания удерживали Китай в его стремлении наладить отношения с СССР. Уход «Национального блока» в оппозицию во Франции весной 1924 г. сопровождается уходом Р. Пуанкаре, от которого, по мнению газеты «Красноярский рабочий», всецело зависела позиция Китая. Его отставка, по мнению авторов публикаций в газете, способствует «улучшению позиций Китая, обретению им свободы в своих действиях» [1, 30 марта]. Р. Пуанкаре, безусловно, демонизируется, выступая «вершителем судеб» не только западных, но и колониальных стран и народов [1, 20 марта, 30 марта, 4 июня]. Газета явно преувеличивает степень влияния именно Франции на политическое поведение Китая и степень интереса Франции к КВЖД. Франция действительно проявляла интерес к установлению контроля над КВЖД, но в первую очередь к этому стремились США и Япония [2, с. 132].

Рассмотренные события заставили редакцию «Красноярского рабочего» обратить внимание на китайскую тематику. Прежде проблемы Китая и взаимоотношений с ним появлялись на страницах газеты достаточно редко. Чаще всего это были сюжеты о русских селах в Урянхайском крае, о взаимоотношениях с китайскими купцами, которые успешно выстроили систему торговли с местным населением - хорошо изучили спрос, смогли под него подстроиться, создав собственную систему взаиморасчетов, в которой роль денег играет «дешевая и прочная» китайская ткань [1, 4 января]. По сообщениям газеты, китайская торговля в Урянхайском крае вполне успешна, потому что китайцы предлагают те товары, которые не могут предложить русские - табак, зеленый чай, ткани и др. Советская же торговля не может конкурировать с китайской. В газете называются основные причины таких неудач. Так, советские торговые представители плохо подбирают товар, не знают потребностей края, не имеют авторитета у жителей. Изредка звучит тема политических беженцев, «харбинских белогвардейцев», есть публикации о бесчинствах китайских банд в пограничье [1, 4, 6, 15, 25 января и др.]. Однако в целом публикации по китайской тематике носят спорадический характер, их мало и они не информативны, например, новости о политических событиях в Китае публикуются с большим опозданием в 5 и более дней.

О миссии Л. Карахана и ее задачах газета начинает подробно информировать читателей только в конце марта, решая задачу информационного сопровождения одного из предстоящих внешнеполитических соглашений. Как известно, миссия Карахана работала в Пекине с сентября 1923 г. и вела одновременно переговоры с китайским (пекинским) правительством и Японией. Начиная с 20 марта обсуждение советско-китайских отношений в газете активизируется, поскольку, как утверждается в публикациях, сняты основные препятствия для их нормализации: отстранены от власти «империалисты-ростовщики» в Великобритании и Франции, колониальная политика которых строилась на попытках помешать Китаю выстраивать самостоятельную внешнюю политику. Кроме того, она заключалась в стремлении завладеть КВЖД. Причиной отсутствия «явного стремления китайского МИДа к ведению предметных переговоров и установлению дипломатических отношений» [2, с. 133] газета называет исключительно давление «стран-опекунов» Китая. «Красноярский рабочий» приветствует распад правительства «Национального блока» во Франции, а потом и уход в отставку Пуанкаре, расценивая событие как ликвидацию основных препятствий в деле подписания советско-китайского договора [1, 30 марта]. Исключив крайний идеологический флер и

агрессивную риторику публикаций, необходимо подчеркнуть, что укрепление международных позиций СССР, его признание странами Запада и изменение политической ситуации в Великобритании и Франции на деле были важнейшими обстоятельствами для активизации политики в отношении Китая.

Собственно позиция Китая по поводу признания СССР и наличие внутри-китайских противоречий исследовались газетой дважды. 20 марта впервые появляется не просто заметка, а передовица о Китае, ее тематику продолжает статья «Что творится в Китае?» от 6 апреля [1, 20 марта, 6 апреля]. В публикациях утверждается, что это иностранные капиталисты запретили пекинскому правительству заключать договор с СССР. В числе стран, которые контролируют внешнюю политику Китая, названы Франция, США и Япония.

Особенное неприятие авторов публикаций в «Красноярском рабочем» вызывает Франция, которая предъявляет претензии на КВЖД и концессию в Ханькоу [3]. Поведение «империалистов» охарактеризовано как угрожающее, поскольку они требуют от китайского правительства отказаться от утверждения соглашения о восстановлении дипломатических отношений с СССР. При этом само событие – утверждение дипломатических отношений 14 марта – осталось без внимания газеты. Процесс выработки соглашения тоже не освещался. О нем речь зашла только в названной публикации 20 марта, когда понадобилось объяснить, почему пекинское правительство отказалось утвердить соглашение о восстановлении нормальных отношений между двумя странами. Как известно, процесс установления дипломатических отношений СССР с Китаем растянулся на несколько этапов. Один из них хронологически относился к февралю-середине марта 1924 г. и завершился подписанием 14 марта соглашения между руководителем советской миссии в Пекине Л.М. Караханом и китайским дипломатическим представителем Ван Чжэнтингом. Выбор ответственного за подписание договора с Советской страной подчеркивал отсутствие у пекинского правительства реального желания подписывать договор, не удивительно, что после 14 марта подписанный Ван Чжэнтингом договор был дезавуирован. Вполне резонно газета поднимает вопрос о том, есть ли в Китае такая организованная сила, которая могла бы считать себя представителем всего китайского народа? Такого объединенного центра нет – констатирует «Красноярский рабочий». Нужно отметить при этом, что неясность внутриполитического положения Китая не позволяла СССР делать ставку исключительно на пекинское правительство в качестве «своего единственного партнера по переговорам, поскольку оно контролировало лишь малую часть Китая» [4, с. 332]. Действительно, например, известное обращение советского правительства 25 июля 1919 г. было адресовано двум правительствам Южного и Северного Китая, а также китайскому народу [5, с. 221-223]. Данное обстоятельство даже насторожило китайских дипломатов [6, с. 18]. Другим важным фактором была зависимость пекинского правительства от западных стран. Учитывая сложность ситуации внутри Китая и вокруг переговоров с ним, «Красноярский рабочий» пытается подробно объяснить читателю неоднозначность, противоречивость процесса переговоров и причины срыва его на одном из этапов.

Публикации рассказывают, что империалисты разрывают Китай на части, на зоны влияния, натравливают одну часть Китая на другую, хотят держать страну в постоянных братоубийственных схватках, которые облегчали бы им возможность распоряжаться богатствами Китая. Причем в отличие от большинства публикаций, написанных официально-деловым стилем, рассматриваемые статьи содержат известную долю эмоциональности. В них отмечается, что фактически территория Китая распалась на ряд крупных провинций, каждая из которых имеет свое правительство: «Южный Китай - столица Кантон - имеет своим президентом известного реформатора и решительного противника Японии, сторонника федеративной китайской республики Сунь Ять Сена, вождя революции 1911 г. Призрачное Пекинское правительство в среднем Китае во главе с президентом Цао Кунем не признает самостоятельности Южного Китая и опирается на штыки маршала У Пей фу. В северном Китае (Манчжурия) орудуют сторонники Японии... Южная Манчжурия вообще является японской колонией. В Тибете утвердился Англия... Маршала У Пей фу поддерживают Англия и Америка в противовес Чжан Дзо Мину, которого поддерживает Япония, чтобы монархию в Пекине передать японскому принцу, чтобы распространить влияние на срединный и северный Китай» [1, 6 апреля].

Интересы Китая, констатирует «Красноярский рабочий», отодвинуты в сторону, на первый план выдвигается внутренняя борьба провинций между собой. При этом газета утверждает, что единственным цементом независимости Китая являются общественные организации, носители национальной культуры и единства. Например, сообщила газета, накануне приезда делегации Л.М. Карахана в Пекине открылось экстренное заседание членов Ассоциации китайско-русского сближения, члены которой решили «организовать встречу советских посланников на вокзале и митинги в учебных заведениях» [там же]. Участники ассоциации, по сообщениям газеты, – профессура, студенты, а также партия Гомиьдан – сознают всю губительность положения Китая. В этой ситуации подписание советско-китайского договора является для Китая демонстрацией его независимости. Советская пропаганда, таким образом, при обсуждении проблем установления дипломатических отношений между СССР и Китаем упор делает на плюсах для Китая, о

преимуществах для Китая; о побудительных мотивах СССР добиваться признания Китаем не говорится.

Стремясь подчеркнуть значение вопроса о КВЖД в рамках ведущихся переговоров, газета помещает информацию о претензиях на дорогу «империалистов, хозяйничающих в Китае как в собственном кармане» [там же]. Позицию мировых стран, грозящих Китаю мстостью по наущению Франции, определяет, по мнению газеты, тот самый всемогущий Р. Пуанкаре. Этот «зловный империалист» только и знает, что готовить «холопов» Франции к войне будь то в районе КВЖД или на советско-польской границе. По мнению газеты, под его дудку пляшет не только «дряблкое Пекинское правительство», но и Америка и Япония. Становится понятно, почему роль других стран, в том числе Японии и США, в китайских событиях уходит на второй план. По мнению газеты, политику в Китае определяет Франция [там же].

В то же время сложность ситуации вокруг КВЖД заставляет издание наконец объяснить все перипетии вокруг нее. Появляются более подробные публикации по этой теме [1, 20, 23 марта, 6, 19, 25 апреля, 16 мая]. История управления дорогой после октября 1917 г. и до Вашингтонской конференции (1921-1922 гг.) представлена на страницах газеты как цепь разного рода авантур, мошенничеств, спекуляций со стороны и белогвардейцев и западных стран. Вышедшая из-под советского управления дорога превратилась в объект «международной спекуляции и международного авантюризма». Бессменный управляющий КВЖД до апреля 1918 года Д. Л. Хорват [7] тоже оказался «темным дельцом» [1, 20 марта]. Подобного рода характеристику он заслужил, поскольку активно участвовал в Белом движении, при нем, начиная с ноября 1918 г., «дорога подпитывала денежными средствами колчаковскую авантюру и служила одновременно военной артерией», по которой шла доставка оружия сибирским контрреволюционерам, иностранным войскам и белогвардейским шайкам [там же]. За попытками Китая вернуть себе контроль над дорогой «в ущерб законному владельцу СССР» издание вновь видит закулисные интриги французских ростовщиков. Одновременно осуждается позиция, выработанная на Вашингтонской конференции относительно КВЖД, согласно которой мировые державы в столице США якобы передали право опеки над дорогой пекинскому правительству (до появления законного русского правительства) [1, 20 марта].

На деле в Вашингтоне обсуждение вопроса о КВЖД вызвало серьезную дискуссию. В столице США было принято несколько документов, которые продемонстрировали наличие противоречий у участников конференции по вопросу КВЖД, они же предопределили расплывчатость окончательных формулировок. Например, делались заявления о продлении действия межсоюзного соглашения 1919 г., а резолюция участников конференции от 4.02.1922 г. подчеркивала, что обсуждение основных вопросов функционирования дороги будет продолжено по дипломатическим каналам. В итоге техническая комиссия Вашингтонской конференции подтвердила необходимость возвращения КВЖД России и выразила стремление не допустить передачи прав собственности на нее другим странам, под которыми, таким образом, подразумевались и Китай и Япония [8].

Настрой публикаций в газете по проблеме КВЖД таков, что отражает стремление советских СМИ уверить читателей, будто позиция Китая по КВЖД является исключительно просоветской: Китай поддерживает СССР в стремлении вновь закрепить за собой дорогу. Интересный текст помещен в газете за 27 апреля [1, 27 апреля]. В нем в виде притчи для рабочих железнодорожных мастерских рассказывается о ситуации вокруг КВЖД и советско-китайского договора: КВЖД построена на наши деньги, с Китаем мы о ней сговорились, но явились Франция и Япония и заявили: «Не смей», китайцы испугались и не подписали договор. Таким образом, в срыве договоренностей газета обвиняет Францию и Японию, а самым сложным вопросом во время переговоров вполне резонно считает вопрос о КВЖД. Право пекинского правительства на эксплуатацию дороги, полученное им от созданного в 1919 г. Межсоюзнического комитета, отвергается, называется «мошеннической сделкой», совершенной «под шумок». Усилия пекинского правительства по «китаизации» дороги и изменению порядка управления ею названы газетой незаконными. Они поставлены в один ряд со стремлением «обнаглевших империалистов» продолжать колониальную эксплуатацию Китая. Жизненные интересы многомиллионного китайского народа связаны в публикации с возвращением КВЖД Советскому Союзу [1, 20 марта, 26 апреля], поскольку «передать КВЖД Китаю – значит передать ее японцам и белогвардейцам» [9].

Тон статей в целом соответствует общей тональности публикаций разоблачающего характера, когда речь идет о политике западных стран; преобладает использование уже оформившихся штампов и даже оскорблений – «жадные к наживе ростовщики», «нервничающие господа», «авантюристы и спекулянты», «лапы загребушие», «пляшут под дудку» и т.п. Спустя 5 лет Чан Кай ши актуализировал тему советско-китайских договоренностей 1924 г. Вопрос о КВЖД он назвал первоочередным, все другие – вопросами второй очереди. Выступая с речью на заседании ЦК Гоминьдана 15 июля 1929 г., он признал принадлежность дороги России в числе тех уз, которые связывают Китай, и поставил задачу устранения таких уз. Чан Кай ши назвал СССР империалистической державой, которая наряду с Третьим Интернационалом пытается защитить свои права и привилегии на территории Китая. Советско-китайский договор в выступлении указан был в числе неравноправных империалистических, а провозглашенная программа устранения неравных договоров требовала передачи КВЖД Китаю [10]. При этом лидер Гоминьдана отметил, что красный

(советский) империализм гораздо более опасен, потому что рядится в одежды друга и соратника: «Красный» империализм является поэтому более опасным, чем империализм «белый», так как наличие первого более трудно установить» [там же].

23 марта в газете «Красноярский рабочий» публикуются сведения о переговорах Л.М. Карахана с новым главой китайской делегации Ку Веллингтоном, который просит отменить трехдневный срок, данный китайскому правительству для принятия решения по поводу соглашения от 14 марта. В ответ Карахан отклоняет предложение [1, 23 марта]. Появляется информация о том, что Карахана посетили делегации различных китайских обществ, в том числе студенческих, представители которых просили главу советской делегации не уезжать из Китая вследствие прерванных переговоров. По сообщениям газеты, китайцы сами просят советского представителя отказаться от 3-хдневного срока, чтобы китайский народ имел время для давления на китайское правительство. «Красноярский рабочий» рассказывает о просоветских силах влияния, которые воздействуют на правительство Китая через просоветские организации (например, через Ассоциацию китайско-русского сближения). 3-хдневный срок используется ими как инструмент давления и подталкивания к выгодному решению, поскольку из заметки 23 марта узнаем, что Карахан и не собирался уезжать после истечения ультимативного срока, а останется в Китае и будет ждать распоряжений Советского правительства [там же]. Рассказывая о просоветских силах влияния, газета помещает заметки о митингах и листовках с требованием немедленного признания СССР, часто их проводят неназванные общественные организации и города. В ряду таких настоятельных шагов стоит также требование Г.В. Чичерина, высказанное им во время встречи с китайским представителем в Москве Лидзяо; советский дипломат предупреждает китайское правительство, что отказ подтвердить подписанное 14 марта соглашение будет иметь последствия [1, 23 марта]. Серьезность подобного рода «угроз» приводит к тому, что Пекинское правительство, на которое сделали ставку в Москве, начинает колебаться. В заметке от 6 апреля сообщается, что «Пекин уже колеблется...», несмотря на давление империалистов [1, 6 апреля].

Таким образом, в газете «Красноярский рабочий» нашли отражение только два из нескольких раундов переговоров между СССР и Китаем, относящиеся хронологически к первой половине 1924 г. Безусловно, демонизируя западные страны, тем не менее, газета в целом верно отмечает, что изменение позиций Пекина после 14 марта связано с давлением западных держав и Японии [2, с. 134].

Отметим, что подробности договоренностей, наличие разных позиций внутри руководства внешнеполитического ведомства СССР, их эволюция газетой не обсуждаются, речь идет только о политических маневрах вокруг переговорного процесса. Более подробно освящается тема КВЖД, однако обстоятельно и всесторонне она также не рассматривается. В целом китайская тематика находится на периферии интересов региональной прессы, после мартовской активности в этом вопросе и нескольких подробных публикаций проблемы советско-китайских отношений перестают волновать газету. Ни ход переговоров, ни их содержание больше не освящаются. В публикациях апреля тема постепенно уходит, а в мае практически пропадает: лишь иногда рассказывается о китайских «опекунах», которые грозят Китаю оружием; в который раз повторяется, что это империалисты запрещают Китаю подписывать договор с СССР и т.д. и т.п. Данное обстоятельство связано как с тем, что публикации в прессе играли исключительно пропагандистскую роль, сопровождая разного рода дипломатическую активность и внешнеполитические усилия советской власти, так и с тем, что на завершающем этапе переговоры с Китаем шли строго секретно.

Сообщение о подписании советско-китайского договора появилось на страницах газеты 3 июня. В тексте подчеркивается, что готовилось оно в тайне, также отмечается, что сам факт подписания договора не означает, что не будет трудностей при его претворении в жизнь. Напротив, газета приводит слова Л.М. Карахана: «...предстоит борьба за претворение соглашения в жизнь, так как были попытки помешать. Хотя Китай еще слаб, надеемся, что вместе с СССР он сможет сопротивляться попыткам империалистов вмешаться» [1, 3 июня]. Публикация сопровождается картой КВЖД и портретом Веллингтона Ку. Однако при всем внимании к этому, безусловно, важнейшему событию международной жизни, передовицей в номере стала статья о взрыве пороховых складов в Бухаресте [там же]. Обсуждение темы признания Китаем продолжено было в последующих номерах в течение июня, но речь в них идет только о поздравлениях, приветственных телеграммах, о надеждах, что «оба правительства и народы будут идти рука об руку и заставят международную дипломатию считаться с коренными изменениями, произошедшими после Великой Октябрьской революции» [1, 4 июня]. Подробно содержание подписанных договоров не анализируется, подчеркивается их значение. Опираясь на мнение главы советской миссии Л. Карахана, газета отмечает: «...впервые договор установил принцип полного равноправия и взаимности сторон» [там же], утверждается, что советско-китайский договор был первым, который реально учитывал права и интересы Китая. Действительно, несмотря на существующие в исторической науке разные оценки, в целом российские историки высоко оценивают этот договор как пример равноправия и отмены привилегий, которыми продолжали пользоваться западные страны [2, с. 135]. С другой стороны, существовали иные трактовки, например, которые давал ему Чан Кай ши,

называвший принадлежность дороги России в числе империалистических уз, которые необходимо устранить, а сам договор неравноправным, империалистическим.

Заключение

Подведем итоги проведенному исследованию. Безусловно, средства массовой информации, в нашем случае региональная газета «Красноярский рабочий», предоставляет важный исторический материал, в том числе по проблемам внешней политики и международных отношений. Будучи органом партийной власти, она выступала в 1924 г. в роли разоблачителя «империалистической» политики западных стран, которая противостоит советской внешней политике. Наибольший объем публикаций за это время посвящен западным странам. Рассматривая тему признания СССР, газета в первую очередь обсуждает позицию Великобритании, которая выступает индикатором поведения всех других стран. В то же время двойственность выводов публикаций подтверждает суждение газеты о том, что Китай, например, более всего зависит от Франции. Французский политик Раймон Пуанкаре представлен в образе крайнего реакционера и кровавого империалиста, под дудку которого пляшет не только Запад, но и Китай. Количество публикаций по международной тематике вполне отражает иерархию среди проблем и задач советской внешней политики. Китайская проблематика находится на периферии внимания газеты, материал о Китае появляется в газете редко, активизируясь только в марте-апреле и конце мая-июне 1924 г. Таким образом, активность публикаций зависит напрямую от хода переговорного процесса по поводу подписания договора с Китаем о признании СССР. Несколько крупных публикаций имеют характер «установочных», концептуально раскрывая позицию советского руководства по отношению к Китаю. В них отмечается важнейший фактор советско-китайских отношений: отсутствие единства Китая, внутренняя борьба и невозможность сделать ставку на единственную силу в Китае, недаром чаще всего то правительство, с которым идут переговоры, называется «дряблым Пекинским правительством». Вполне резонно подчеркивается важность вопроса о КВЖД, в то же время аргументируется необходимость ее передачи Советскому Союзу, такого рода акт представлен как отражающий интересы китайского народа. Аналитические статьи по теме в газете нет, как и не представлены мнения специалистов по проблеме. Для публикаций характерны идеологические штампы, пропагандистские клише, преувеличение, односторонность подачи информации, иногда агрессивность, в целом они играют не столько информационную, сколько пропагандистскую роль, формируя довольно одномерное представление по проблеме отношений с Китаем. «Красноярский рабочий» выполняет задачу разъяснения правительственной политики и в ее русле формирует общественные представления по поводу важнейших внешнеполитических событий, будь то Запад или Китай.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ № 13-11-2405.

Примечания:

1. Красноярский рабочий. 1924.
2. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. 704 с.
3. О концессии в Ханькоу см.: Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. М.: Директ-Медиа, 2014. 593 с.
4. Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918-1939. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 640 с.
5. Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 3. 1 января 1919 г. 30 июня 1920 г. 778 с.
6. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920-1922). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.riatr.ru/2007/ATR2007-3-WEB/03p17-26.pdf>.
7. О Хорвате см., напр.: Луговая А.В. Политическая деятельность генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата в 1917–1920 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2012. № 2. С. 149-155.
8. См., напр.: Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: БГУ, 1999. 316 с.; Мировицкая Р. А. Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII: ежегодное издание. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 341 и др.
9. Цит. по: Пескова Г. Н. Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем, 1917-1924 // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 121.
10. Речь Чан Кайши о советско-китайских отношениях, произнесенная в ЦК Гоминьдана 15 июля 1929 г. // Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000. Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910-1940-х годов. Сост. А.В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.obraforum.ru/lib/book2/45.htm>.

References:

1. Krasnoyarsk Worker. 1924.
2. Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations / Edited by A. B. Lukin. Moscow, Ves' mir Publ, 2013. 704 p. (In Russian).
3. Concession in Hankou, see: Datsyshen V. G. History of Russian-Chinese relations in the late XIX – early XX. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 593 p.
4. Sidorov A. U., Kleimenova N. E. History of international relations. 1918-1939. Moscow, SAO Zentrpoligraf Publ., 2008. 640 p. (In Russian).
5. Documents of Soviet foreign policy. Moscow, Gospolitizdat Publ, 1958. V. 3. 1 January 1919 – 30 June 1920. 778 p.
6. Ornazkaya T. A., Zipkin U. N. Relations with the Far Eastern Republic of China (1920-1922). [Electronic resource]. URL: <http://www.riatr.ru/2007/ATR2007-3-WEB/03p17-26.pdf>. (In Russian).
7. O Khorwate see, e.g.: Lugowaya A. V. Political activities of Lieutenant-General D.L. Croat in the 1917-1920 // Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History. 2012. No. 2. Pp. 149-155. (In Russian).
8. See, e.g.: Ablova N. E. History of the CER and the Russian emigration in China (first half of the twentieth century.). Minsk: BGU publ., 1999. 316 p.; Mirovizkaya R. A. Essay on the history of early Russian-Chinese relations (20-ies of XX century) // China in the global and regional politics. History and modernity. Iss. XVII: annual publication. Moscow, IDW RAN Publ., 2012. P. 341. (In Russian).
9. Quoted by: Peskova G. N. Formation of diplomatic relations between Soviet Russia and China, 1917-1924 // Modern and Contemporary History. 1997. No. 4. P. 121. (In Russian).
10. This Chiang Kai-shek of the Soviet-Chinese relations, delivered in the KMT Central Committee July 15, 1929 // System history of international relations in four volumes. Events and documents. 1918-2000. Managing Editor A.D. Bogaturov. Volume Two. Documents 1910-1940's. Compiled by A.V. Mal'gin. Moscow, Moscow Worker Publ., 2000. [Electronic resource]. URL: <http://www.obraforum.ru/lib/book2/45.htm>. (In Russian).

UDC 94(470) «19/...»

**Проблема признания СССР в 1924 году и советско-китайские отношения
по материалам региональной прессы**

¹ Владимир Г. Дацышен

² Лариса А. Кутилова

¹ Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, Российская Федерация
660041 Красноярск, проспект Свободный, 82а

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: dazishen@mail.ru

² Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, Российская Федерация
660041 Красноярск, проспект Свободный, 82а

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: kutilovala@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе массива публикаций региональной газеты «Красноярский рабочий» анализируются приоритеты внешней политики Советского Союза в 1924 г. Важнейшая проблема дипломатического признания рассмотрена через призму отношений с Китаем и публикаций на эту тему в региональной прессе, которая выполняет важную роль в формировании общественных представлений советских людей в сфере международных отношений. Особое значение уделяется освещению в газете вопроса о КВЖД и той аргументации, которая позволяет Советской власти поставить вопрос о ее принадлежности в повестку дня во время подготовки советско-китайского договора 1924 г.

Ключевые слова: Региональная пресса; «Красноярский рабочий»; внешняя политика; советско-китайские отношения; 1924 год; дипломатическое признание СССР.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 174-184, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(571)

Gathering Edible as a Survival Strategy and Life Support System of the Siberian Rearward Village in Wartime Daily Living 1941–1945 on the Oral Historical Sources

Tatiana K. Shcheglova

Altai State Pedagogical Academy, Russian Federation
Altai Region, Barnaul, 55 Molodezhnaya Str., 656031
Dr (History), Professor
E-mail: tk_altai@mail.ru

Abstract

This paper explores the life support system of disabled population of Siberian rearward village in the Great Patriotic War 1941–1945 by means (techniques) and sources of oral history and Russian [version of] ethnology. The analysis of field data 1990–2014 demonstrates, that there was older generation being once de-peasantified in 1920s-30s, which developed in rural areas a set of behavioral actions and occupations, contributory to survival strategies of peasant family, based on resources of feeding environment and traditional culture of life support. Gathering of edible became one of the main means of child survival – this paper discusses its variations and patterns, as well edible plants, berries and mushrooms. According to research done, gathering edible was group-organized under supervision and with participation of grannies or individual expenditure - a kind of subsistence food that lies under the feet. An effort is taken to identify patterns and variations of gathering edible. It's proven that together with direct eating plants, family economy included preservation of natural edible in store for a long Siberian winter. The paper covers blank grass as impurities in the flour to bake bread, as well a base for porridge, features restrictions and punishments not only for gathering crumbled wheat spikelets on collective farm fields, but also suppression cases in the vicinity of the villages.

Keywords: the Great Patriotic War; rearward Siberian village; disabled population; life support system; food; gathering edible; survival strategy; eyewitness; participants; respondents.

Введение

Великой Отечественной войне посвящено много работ. Но остаются малоизученными проблемы, требующие новых подходов, методов, источников. В первую очередь это касается антропологических аспектов. Если тема «Человек на войне», благодаря усилиям исследователей [1], проработана, то с позиций антропологии «Человеку тыла», уделялось меньше внимания. Перспективы изучения связаны с новыми походами в истории и этнологии и новыми направлениями исторических исследований. В данной публикации автор опирается на «устную историю» (oral history) с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий, и этнологию с ее концепцией теории культуры жизнеобеспечения [2, с. 22].

Автором ставится проблема изучения стратегии выживания тыловой деревни на примере сибиряков и адапционных функций культуры жизнеобеспечения в условиях военного времени. Для них, условия даже с учетом тяжелой социально-экономической ситуации можно характеризовать как повседневные, в отличие от массовых потоков принудительных переселенцев в сибирскую деревню в 1941–1945 гг. для которых они были экстремальными. Поэтому автор ограничивается сибиряками и считает, что поставленную проблему относительно разных категорий репрессированных лучше рассматривать самостоятельно [3]. Предметом проведенного исследования является потенциал одной из подсистем культуры сибирского села, которая «позволяет людям

поддерживать свое физическое существование и охраняет их от вредных воздействий среды» [2, с. 23]. В данном исследовании речь пойдет о пище, как компоненте культуры жизнеобеспечения и собирательстве, как процессе, обеспечивающим стратегию выживания с использованием ресурсов «кормящего ландшафта».

В качестве объективных, неблагоприятных, «меняющихся социальных условий», влиявших на систему жизнеобеспечения сибиряков выступали демографическая ситуация с доминированием в производственной сфере женщин; мобилизация финансовых, материальных и технических ресурсов колхозно-совхозного сектора для обеспечения фронта; отстранение государства от решения бытовых и повседневных проблем сельского общества и другие последствия военного положения страны.

К субъективным неблагоприятным факторам следует отнести ряд последствий советской социалистической модернизации, усугубивших положение сельского населения в ухудшившихся социально-экономических условиях военного времени. Это раскрестьянивание и ликвидация единоличного хозяйства с отстранением домохозяев от средств производства и уничтожением семейного земледелия и скотоводства; это коллективизация и незавершенность формирования новой модели колхозно-артельно-кооперативного и совхозного производства с перманентно низким материальным достатком домохозяев.

В качестве гипотезы выдвигается положение о сплетении благоприятных и неблагоприятных факторов в парадоксальную социально-экономическую ситуацию сибирской тыловой деревни, способствующую формированию успешной и результативной для условий военного времени стратегии выживания и системы самостоятельного жизнеобеспечения тылового населения Сибири. На это повлияло и то, что между «старой» крестьянской и «новой» советской деревней был небольшой временной разрыв. К началу войны деревня была представлена молодым поколением с модернизированным сознанием, которое в первую очередь попало под мобилизацию на фронт, и зрелым поколением крестьянской России с сохранившимися бытовыми привычками и повседневными трудовыми традициями. Устные материалы показывают, что война в этом смысле «укрепила» традиционную культуру, что проявилось в повышении значения института семьи; семейных и мирских традиций по обеспечению жильем, питанием, одеждой; развитию домашних занятий и др.

Методы и источники

Источниками по изучению данной проблемы преимущественно могут быть только устные исторические источники. Фонды государственных архивохранилищ практически не содержат источников о жизни человека или локальных сообществ; в них отложились, прежде всего, документы о жизни государства. Формирование устной истории (Oral History) как нового направления исторических исследований. По мнению исследователей, термин «устная история», отражающий самостоятельный вид деятельности, введен в 1948 г. А. Нэвинсом и закрепился в деятельности Колумбийского и Калифорнийского университета (Columbia University Oral History Research Office and University of California at Los Angeles) [4]. Что касается ее методов и источников, то они использовались в исследованиях с момента становления истории как науки. На опросах участников событий в античности писали свои работы Геродот, Тацит, Плиний; в раннее средневековье создавались хроники и летописи [5, с.5]. На материалах опросов строятся многие архивные делопроизводственные документы XVIII–XIX веков т.д. [6] Как указывает П. Томпсон: «...устная история существует столько же, сколько и сама история» [7, с.22]. В отечественной практике доказательством этому служит опыт 1920-х годов по созданию истории фабрик, заводов, революционного движения с опорой на опросы очевидцев.

Используемые в данной публикации устные исторические источники создавались автором с 1990 г. в ходе руководимых ею историко-этнографических экспедициях. Термин «устные исторические источник» автор вводит для соответствующих образом полученных и оформленных материалов интервью [8]. Материалы исследований оформлены архивом Центра устной истории и этнографии, созданным при Лаборатории исторического краеведения кафедры отечественной истории (ЦУИЭ ЛИК АлтГПА). На сегодняшний день обследовано более 30 сельских районов, 600 населенных пунктов, проведено свыше 3000 интервью. Часть использованных интервью реализованы в проекте «Живая история», посвященного Году истории в России [9]. Всего в архиве отложилось 3546 интервью (1190 часов записи на кассетах и свыше 1 тыс. часов цифровой записи), 4736 фотоснимков на фотопленке и 65212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи. Для решения поставленных задач в публикации привлекались материалы двух групп респондентов: 1. Из поколения детей и подростков (1926–1935 гг.р.), поставленных войной в условия выживания и приспособляющихся к неблагоприятным условиям; 2. Представителей трудоспособного населения (1915–1925 гг.р.), которые пытались адаптировать систему физического жизнеобеспечения к неблагоприятным условиям.

Исследование сюжета. Главными компонентами стратегии выживания для всех возрастных и социальных групп в тыловой деревни была борьба с голодом: «Голод, тогда, и мы ни об чём не думали, нам лишь бы наестся, да и спать» [10]. Борьба с голодом, прежде всего, нетрудоспособного населения мобилизовала традиционную культуру жизнеобеспечения, актуализировала навыки

жизни в экстремальных условиях. Речь идет о «самых маленьких» и «самых стареньких», т.к. трудоспособное население «мобилизованное» в колхозное или совхозное производств, находилось на производстве, особенно в летний период и «денно», и «ношно», лишь «иногда по субботам отпускали помыться в банях». Но, проживая «на бригадах» или полевых станах с «оборудованными» кухнями, в 10–25 км от дома, они получали организованное питание. И, в целом, их жизнь была и сытнее, и теплее, чем у остававшихся дома детей, разного возраста, от 1 месяца и до 11–12 лет; и самых пожилых – от 55–60 и выше. Как вспоминали бывшие колхозницы: «Бывало, прибегу домой, а избушку замело по самую крышу. Ни окон, ни дверей. Покричу детям в трубу, узнать, что живы, а сама опять на работу. И так несколько дней. Как они там сами, ели не ели?» [11, с. 17].

В этом деревенском коллективе вся тяжесть содержания дома и хозяйства, в том числе, и детей легла на плечи «бабушек», которые и спасли «тыловую деревню», установив покровительство над подрастающим поколением. Дедушек в деревне было мало, и, как правило, их тоже мобилизовали в «колхозное производство», если не для физической работы, то для руководства «женскими бригадами» и «мужского пригляда» за хозяйством. Они выступали в роли своеобразных «консультантов» в сельскохозяйственных работах и технико-тягловом обеспечении трудового процесса. Таким образом, крестьянский единоличный опыт, образ жизни и трудовые навыки стариков оказались востребованы военной деревней.

Стратегия выживания нетрудоспособного населения во главе с «бабушками» базировалась на знании окрестных мест и осознании ситуации самообеспечения. Нужно было спасти детей от голода, холода и болезней. Информанты, которые были в годы войны детьми, так говорят: «Недоедали, вечером придем все: «Мам, чё есть?» - «Да, нечего». Вот с этим и ляжешь спать...» [12]. Система физического жизнеобеспечения военной тыловой деревни опиралась на традиционные способы использования всех возможностей «кормящего ландшафта». Во многом это, также было связано с маломощностью сельского двора при колхозно-совхозном строе, чьи возможности, в основном, были ограничены огородами [13, с. 51]: «Картошкой жили, – огороды большие. Да и то почему-то в войну картошка плохо родилась. Почему? То ли уж так Господь дал... И урожай почему-то плохие были... То ли дождей не было. Не знаю почему?! Но так!» [14]; «Выручал огород, но времени на него не всегда хватало. Иногда приходилось картошку зелёную копать и варить, чтобы накормить детей» [15, с. 17].

При таких условиях семейного производства, маломощности колхозов и совхозов главным для нетрудоспособного населения стало собирательство дикорастущих съедобных трав, ягод, грибов: «Есть было особо нечего. Ели травку разную, да ягоду» [16, с. 17]. Актуализировало этот «рудимент» индивидуального крестьянского хозяйства регулирование государством в военное время размеров ЛПХ (личного подсобного хозяйства), которое «не должно было отвлекать от работы в «общественном» хозяйстве взрослых членов семьи [17, с. 61]. Исследователям необходимо изучать собирательство, как компонент системы жизнеобеспечения по многофункциональному использованию растений и в питании, и в санитарии, и в гигиене, и в лечении, и в отоплении и т.д. Так, только осока использовалась и для циновок, на которых спали, и для матрасов - сушили и набивали ею матрасы, и для отопления вместе со стеблевым сухостоем (полынь, борщевник и другие стеблевые травы) железных печек-буржук. Интересный вариант использования осоки в личной гигиене зафиксирован в селах Алтая «В полях работа на комбайнах и тракторах тяжелая и пыльная. Опять спасал радиатор: рвали осоку, макали в радиатор и помогали друг другу обтереть пыль со спины. Осока – трава острая, спины ею были всегда поранены, разъедены пылью и потом» [18, с. 46].

Таким образом, собирательство в борьбе с самыми большими проблемами тыловой деревни – голодом и холодом стало одним из основных процессов в стратегии выживания. Оно базировалось не на производящем, а на присваивающем хозяйстве и потому было доступно для нетрудоспособного населения. Война способствовала высокой горизонтальной мобильности в межпоколенном распределении обязанностей, начиная от самого раннего детского возраста и заканчивая самыми возрастными поколениями. Из активного занятия собирательством выпадали трудоспособные женщины и подростки, на плечи которых легла вся производственная нагрузка. Собирательство стало, в первую очередь, обязанностью и потребностью детей. По времени работ и собирательство, и массовые сельскохозяйственные работы совпали в силу своего сезонного характера.

Массовое собирательство привело к тому, что наиболее распространенными компонентами питания стала растительная пища, добытая из окружающего деревню природного пространства. При этом, собирательство обеспечивало семью почти круглый год, и включало широкий круг съедобных даров природы: и дикорастущие травы, и ягоды, и грибы, и орехи. Время же самого сбора охватывало период с апреля по октябрь – от снега до снега. Хотя в полевых исследованиях фиксируются и случаи сбора грибов из-под снега, и ягод (рябины, калины, боярки) «по снегу» и зерновых колосьев. Но массовые заготовки выпадали на период бесснежья. В Сибири, как и в России повсеместно существовали три способа заготовки результатов собирательства – сушка, заморозка или засолка. «Главным лакомством были полевые и лесные ягоды. Ели их летом свежими, а зимой сушеными»; «Ну а когда училась я в пятом классе – война-то началась. Летом – всё у нас грибы да ягоды. Все лето мы занимались этим делом! То в степь, то в бор. ... Раньше что – сушили, сахару ж не

было, варенье ж не варили, а только сушили эту ягоду. Ну а бруснику всегда морозили. Сначала замочут, а потом к осени сливают этот рассол и замораживали. Моченую морозили эту ягоду...» [19]

В занятии собирательством можно выделить его этапы, виды и формы. По формам, собирательство можно разделить на организованное (коллективное), как правило, со старшими членами семьи и на повседневное собирательство, которое можно назвать «пропитанием на подножном корму».

Первая форма организованного собирательства проводилась коллективно и под присмотром или участием взрослых. Как правило, такое собирательство либо сочеталась с определенной опасностью для детей, либо являлось важным сектором семейной экономики, результаты которого обеспечивали значительные запасы питания для всей семьи на весь зимний период. К таким занятиям относились сбор и заготовка грибов и ягод. По словам респондентов, смородину собирали в околках, «по лягам»; землянику (клубнику) в степи, на полях, в лугах; бруснику и клюкву в лесу или бору; ежевику, боярку, черемуху и калину «по забокам и т.д. Из грибов «собирали грузди, краснявки, синявки, рыжики. Солили, сушили. Сушили на улице, иногда в печке» [20]. Собирательство в военные годы, как и в ранний период существования человеческого сообщества, превратилось в средство добывания пропитания.

Вот как описывает организованный коллективный сбор и заготовку грибов В.Н. Бурматова: «А пойдешь по грибы, дак не выбираешь, а всех с червями соберёшь, чтоб больше было. Ходили пашком, и за Бурлу ходили пашком. У нас соседка [подружка], у их была избёнка своя, ну, и отец тоже на фронте был. А пойдём по грибы, а баба Аксинья нас насобирает девчонок в бор. А у ей корзина была такая здоровая, и нам повязки сделает через плечо. А мы с ведрами, сядем отдыхать на дороге: «Баба Аксинья, ну у тебя ж в корзинке, погляди какие черви-то вылазют» - «А девки, то не черви, что моемо [вымоем], а то будут черви, которые нас будут исть.» Вот зимой, у их избенка, все собирались. Ну, куды пойдешь? А у их три девчонки, мы к им все бегали. Побежим к им: «в колючку» [играть]. Играем, играем, а баба Аксинья наварит картошки, такой меленькой, на стол вывалит: «Девки, ну-ка слазейте за грибами!» Мы полезем. «Да возьмите поварешку, червей- то соберите, в кадлушке, а груздей накладите». Мы червей выбросим, накладём чашку деревянную, да так наделимся [наедимся] у их, картошки с груздями. Да на другой раз пойдём в бор, она и говорит: «Рвите все грибы!» Все! А то опять ко мне придёте жрать!» [21]. В этом рассказе участниками собирательства являются девочки во главе с женщиной. Сам поход сопровождался и попутным «пропитанием» детей по дороге, «на привалах» вокруг себя находили и ели «слизун и кислятку».

Подобные рассказы показывают и сложность грибного промысла для детей и женщин, которые уходили далеко и собирали помногу: «За Бурлу пойдём, нарвем. Там у нас была мельница, а там столбики, мы по этим столбикам пролезем по воде - там больше грибов-то. А баба Аксинья свою эту плятуху [плетеная корзина], лезет по столбам и плятуху эту тянет. У ей был ребёнок, болел, она дома, вот щас оставить с маленькими ребятишками, а нас насобираить с девчонками: «Пойдите девки за грибами» [22].

Таким же изнурительным трудом был и коллективный поход за ягодами для зимней заготовки. Вот как рассказывала об этом Н.Д. Черных: «...мой братишка, который меньший, и подружка... Она постарше меня на девять месяцев, и у неё тоже братишка был. И вот как лето, мы ходили по ягоды в степь. По клубнику и по смородину. Бывало, по смородину пойдёшь, - по колено воды было [ляги со стоячей водой]. Ходили прямо по воде. Как она, бедная, там росла?! Непонятно. Но смородину оттуда носили. Это километров шесть-семь. А то за клубничкой! Километров за пятнадцать в степь ходили. Пешочком всё это. Там ещё по дороге был один родничок. Вот подойдём, там маленько картошки, если поедем... Родничковой водички попьёшь. Пешком же всё ходили, вот. Ещё с мамой ходила и соседка у нас — женщина такая была, как «коновод», все называли [её]. Она все места знала, и в бору, и в степи знала. Всё! Один раз, помню, пошли за брусничкой. А брусники тогда было! Ждали, когда она уже коричневая станется, прямо тёмная. И вот, один раз пошли нас несколько человек, женщин. Набрали мы этой брусники: они по три ведра набрали, а я как раз, помню, после девятого класса — я набрала два ведра! Я бы ещё набрала, потому что я собирала ягоду быстро. Но, думаю: «Как же я её донесу до дому-то?» Ладно! А брали как? - Если уж берёшь ведро [полнехонькое]— Палку берёзовую, крепкую... Тут ведро на палку, а там — сумку сделали [на шею]. Друг к другу подойдешь сзади, через голову оденешь. Плечо-то отдавит. Ну ладно, выходим из бора. А по дороге...под шоссе, чтоб вода-то протекала,- трубы. Доходим, я говорю: «Женщины, я сяду туда в трубу». Осталось уж до дома там всего-то с полкилометра. Я говорю: «Маме скажите, пусть она меня встретит». Я уже идти не могла. Дак, они свои по три ведра тащили, мои схватили эти ведра, женщины и бегом» [23].

Более легкой «добычей» был повсеместно используемый в военные годы «паслен». Эта ягода была доступным лакомством для детей. Она прямо по огородам «по под заборами», «по за огородом» «поспевала осенью, ее сушили». Как правило, все ягоды использовался как начинки в пирогах, варениках: «Зимой стряпали пирожки с пасленом, стряпали пирожки с земляничкой, со смородиной. Сушили» [24]. Просто толкли и ели. Так, излюбленным продуктом была молотая сушеная черемуха - ее толкли в металлических или деревянных ступах, заливали кипятком и ели или пареная калина, из которой делали кулагу.

К коллективному собирательству, но без надзора старших относилось весеннее собирательство. Как правило, дети сбивались в небольшие стайки и промышляли по полям и огородам. Среди неорганизованного собирательства – сбор по пустым огородам прошлогодней мерзлой картошки. Дети войны часто вспоминают: «почти голодовали, а чё сделаешь. Картошку весной пойдёшь по огородам собираешь... мелкая, мёрзлая» [25], «ели мерзлую картошку» [26]. В целом, говоря о значительной роли картошки в рационе военной крестьянской семьи тыловой деревни, респонденты, как правило, подчеркивают две характерные черты «военной картошки» - она была мелкая и она была зеленая (современной практике ее отбраковывают при копке картофеля). Об одной из причин этого явления говорят сам респонденты: «во время войны ели целиком зажаренную картошку, мелкую, т.к. крупную отправляли на фронт» [27].

Коллективное собирательство без участия взрослых представлял и сбор по колхозным полям прошлогодних оставшихся после уборки и вытаявших из-под снега колосьев: «Пшеницу, вот, колоски собираем по полю. Принесёшь, разлушишь и на сковородку жарили...» [28]. После зимы, когда заканчивались все припасы, сбор колосьев являлся жизненной необходимостью. Как рассказывала М.И. Ковтун 1908 г.р. про свою семью: «Особенно голодали семьи к концу зимы, когда картошка заканчивалась ... Сын Алеша нашел просяное поле и из под снега достал колоски, сложил их в ведро и принес домой и на утро наварили просяной каши... И так каждую весну, дети в поле искали опавшие колоски пшеницы и проса, этим и спасались.» [29].

«Сбор колосков» хотя и занимал значительное место в семейном бюджете, но являлся крайне опасным делом в силу его известной «противоправности». Дети это осознавали: «А вот уборку делают, а мы колоски потом собирали [школьников использовали для сельхозработ] Потому что убирать такой техники хорошей-то не было. Опять ученики - мы собираем колоски все. А не дай Бог, если горстку домой принесешь зерна. Нельзя! Есть-то нечего было, а зерна горстку нельзя было взять. Никто не брал ничего. Тогда, где если добудет, где маленько, дак эти рушилки были. Вот там пригоршни смерит, да хоть на картошке больше, хоть чуть-чутьчку хлеб пекли» [30].

Собирательство на скошенных полях для взрослых являлось наказуемым. Многие респонденты из детей войны вспоминали случаи, когда наказывали односельчан: «У нас одна женщина, может быть, и простить бы ее, а та женщина сторожила зерностан. Ну, сторожила и взяла, тута подпоясалась и в пазуху насыпала пшенички. Муж уже погиб, пришла похоронная, и три девочки у ей осталось. Ну, откуда не возьмись, - уполномоченный. Райком посылает в каждый колхоз, как контролера. А она расстроилась, застеснялась. Туды-суды... Он: «Бабушка, а что с тобою?». Ну ...что? Он догадался. Она высыпала... Вот так вот подняла подол, вот так как было у ней привязано, - это все высыпалось. Смерили, свешали – три килограмма. Ну, три года и получила. Трое детей остались. Голод был» [31].

Однако голод был сильнее страха и запретов и дети «выходили на выпаса», чаще всего в ночное время, чтобы не попасться. Случаев и удачного, и неудачного сбора колосков записано много. По отношению к детям, участвующим в собирательстве колосков отношение было более мягким и взрослые не препятствовали, а иногда и подталкивали детей к этому. Как в следующем рассказе: «...сгорела полоса проса. Тогда сеяли просо. Полоса почему-то сгорела в поле, ну, а мы собрались, опять девчонки. Ну, и пошли мы в ночь туда по-за краями. Есть-то нечего было! По-за краями. Пособирали колоски какие остались, пошелушили. Ну и поскольку мы там нашелушили просо - переночевали там. И часа в четыре, [как] только начало брезжить - бегом домой. Из околка — в околок. Из околка через поле перебежали, в околок только выскочили, в самый последний вот околок за селом - вот тебе раз! Опять... [уполномоченные]. Ну и всё. Остановили нас и отобрали у нас это всё. А тогда колхозы, у нас четыре колхоза было и четыре конторы было у нас колхозных. Увезли [просо]. Мы — в слёзы... Вот мама пошла. Ну, хоть мешки отдали. Вот так вот! А это всё забрали. Вот даже это [колоски] не давали. Ну а что бы, ведь оно всё равно пропало бы там! Кто б его собирал бы ночью! Нет, нельзя было. Ничего не давали» [32].

Те дети, что были постарше самоорганизовывались в борьбе и с голодом, и с законами, и с взрослыми. Как рассказывала Бурматова: «в бригаде украдем у бригадира пшанички, у нас [ватага девчонок] рушилка была. Ага, ручная, деревянная. Ага, это в околках, в кустах [спрятали]. Это, в час ночи пойдем, накрутим. И оставляли эту рушилку в кустах, чтоб никто не нашел тут... Ну, наварим каши, а иде уваришь, иде не уваришь [варили тайком]» [33]. Но сбор колосьев был опасен и тем, что вел инфекционным заболеваниям или отравлениям, т.к. поля протравлялись от грызунов и химикаты благодаря талой воде пропитывали колосья. Записаны жизненные истории о гибели людей в результате отравления. Даже появился термин «волчья болезнь» [34].

Собирательство не только зерновых было запрещено. Под запрет, но по другим причинам попадали и «дары леса и лугов» - ягоды, хворост, засохшие деревья. Все эти объекты собирательства превращали само собирательство в опасное занятие. Та же Черных рассказывала о борьбе с детьми и женщинами, собирающими ягоды: «И вот верховые ездят вокруг околка: не давали смородину собирать! Понимаете!?! «Вы, - говорят, - ходите и топчите поля!». Ну, мы в околок зайдём, по колено в воде, — собирали смородину — кого там топтали? Что делали? Нет, нельзя и всё. Ладно. Потом уж, ладно, мы там клубнику собираем — мы конечно траву топчем, а её же, мол, косить надо. Ага, ладно... А бруснику? А.. мы здесь жили, а ходили ... в тот лес. Ну и набрали мы этой брусники. Выходим из леса, а...боимся, что у нас вот ягоду эту отберут. Бруснику!!! Отбирали... объездчики. Отберут ведра -

или высыпают, перетопчут ягоду или забирают с собой и увезут... Что мы там топчем-то [в бору]!? А? Уж там [луг] ладно..., уж мы там клубнику собирали, уж там вроде как траву топтали. Но тут-то мы кому мешали, в бору!?» [35].

К коллективному неорганизованному собирательству относились и «походы» детей «по колхозным амбарам». Особенно много воспоминаний о «подворовывании жмыха». В Сибирь, кроме собственного жмыха из подсолнечника, много завозилось хлопкового жмыха. Его использовали, в т.ч. и для выдачи на трудодни и для питания колхозников. «Было мне в это время семнадцать лет, мне и моим подружкам. Девчат в зиму 1943 года разделили на две бригады, одна бригада возила солому с полей на базы. А я и еще семь девчонок попали в другую бригаду, мы доставляли в совхоз горячее со станции Поспелиха. От Покровского до Поспелихи около 150 километров. Зимы были снежные, морозные. С собой из еды брали картошку, которая в дороге замерзала. Хлеба не было; иногда из жмыха пекли в дорогу лепешки, которые тоже оказывались мерзлые... Иногда в амбарах удавалось добыть жмых. Жмых был хлопковый, семечек в нем было очень мало. Жевали его в дороге вместе с мякиной, заедая снегом. Иногда под пай давали немного хлеба, настоящего. Морожена картошка, кусочек хлеба, жмых, чай и дальняя дорога» [36].

В семейной системе питания его добавляли в тесто для хлеба: «Снабжали нас хлопком. Масло, потом из семечек делали. Хлопок – это технический¹. Какая тогда мука была? Картошку еще варили. И это [жмых и картошку] туда [в тесто] все месила и хлеб пекла [мама]. Вот такие булочки посадит на «лист» [для выпечки в русской печи повсеместно использовали капустные листья], на этот, на «под» [дно] нельзя было [выкладывать лепные булки], потому что оно [тесто] рассыпалось. На листе спечет. И это ели.» [37].

Дети же искали способы проникновения в колхозные амбары, где хранился жмых: «Один раз, помню в воскресенье, позавтракали; что-то такое поели, что было дома. Я вышла на улицу, есть хочу. И дядя мой рядом жил. Мы вышли с сестрой – пойдем до склада, рядом с нами был. Пойдем на склад, может какое зерно упало или что, поднять и поесть. Когда только дошли до склада – он открытый. Приоткрыли, а там лежит хлопковый жмых. Мы вот по такому кусочку взяли и на огород в канаву побежали. Сели, там его сгрызли, чтобы никто нас не увидел и в воровстве не обвинил» [38].

Вторая форма – это ежедневное индивидуальное повседневное собирательство всего съедобного в окрестностях села. Своего рода содержание детей дошкольного и младшего школьного возраста на «подножном корму». Как определяли сами дети войны – собирали и ели «всяку всячину, лишь бы натолкать...» или «жили на траве» [39]. Описания своего рода «выпаса» детей в окрестных лугах и лесах содержатся во всех воспоминаниях респондентов. Изучение опыта собирательства и военной «кулинарии» может стать самостоятельным объектом изучения. «Рано весной мы гурьбой ходили за щавелем, гусиным луком. В окошках рвали борщевку, коренья разные [40, с.11]». «Кислятки нарвём. Это борщ варить кислятка. Она растет листьями такая, красный корешок. Сырую режут ее мы и слизуну нарвём. Слизун как лук. Вот нарвём, соли с собой возьмём, сядем на дороге, сядем отдыхать, в соль мачим, наядимся и пошли...» [41]. «Больше всего рагоза, кандык, слизун». [42] «Ели кандык, траву кашку, акацию... собирали бересту – делали жвачку [самодельная березовая сера] [43] «Трава козелька – как щавель. Крапиву и лебеду – борщ варили. Одуванчики так ели» [44]. «Кандык, лебеда, крапива, щавель, слизун». Как подшучивала Р.Д. Сычева «Наедимся... Вокруг рта зеленое всё и слюна зеленая. Пузыри пускаем!»

При этом многие из перечисленных трав заготавливали и впрок. Тот же слизун – дикий лук с сочными толстыми перьями, в описании респондентов: «как чеснок, только листья шире», был важнейшей составляющей не только питания, но и лечения детей в весенний период. Он спасал от зимнего ослабления организма и авитаминоза. Его использовали все лето до снегов, т.к. он рос повсеместно и был самой распространенной пищей путников за ягодами, по пути в бригаду или на полевой стан. Заготавливали на зиму: «слизун ели. Он растет в лесу. Его жарили, солили и так ели. Солили в банки. И окрошку делали с него. На зиму заготавливали в кадушки. [45].

Ежедневное индивидуальное повседневное собирательство («пропитание на подножном корму») также можно разделить на две формы. Это «выпас» детей на съедобных растениях в окрестностях, как ежедневное явление в повседневных практиках военной тыловой деревни. И сбор трав, служивших примесью к муке для выпечки хлеба, как самого большого лакомства военного времени.

Первую форму повседневного пропитания можно было условно разбить на виды в соответствии с тем, что собиралось. В повседневном собирательстве особенно популярны были клубневые растения, такие как кандык и растения с толстыми съедобными корнями в приречных, приозерных и приболотистых территориях. Среди них часто встречается растение, которое респонденты называют по-разному – «ригоза», «рагоза»: «тянули из воды, белый такой, сочный корень и сразу же ели». Вторую группу растений для «пропитания на подножном корму» составляли растения со съедобным стеблем или верхней части – различные виды лесного и полевого лука (вшивик, слизун и др.), щавелевые растения. Они до сих пор используются детьми и взрослыми, но уже «для баловства» при прогулках. Отдельную группу растений составляли дикорастущие, не употребляемые в

¹ Его плотами поставляли в села Алтайского края.

современной системе питания растения – медуница, одуванчики. Как говорили: «летом ели одуванчики, щавель, слизун. Заготавливали их в больших количествах и на хранение в погреб».

Вторая форма повседневного индивидуального собирательства заключалась в сборе трав, служивших примесями к каким-либо продуктам или основой для приготовления блюд. Как правило, они являлись своего рода «заменителями», например, муки и крупы – основ питания крестьянства. В их качестве выступали лебеда и крапива. Но из них же варили супы. Контент-анализ показывает, что лебеда несомненно являлась «королевой» такой «полевой» кухни. «Детьми войны» она сейчас вспоминается «лопушистой», большой, сочной, как капуста. Ее же сушили и добавляли в выпечку. В рассказах это выглядит так: «ели траву всякую. Заготавливали, сушили, а потом толкли ее и в хлеб добавляли» [46]. Заготовка таких пищевых суррогатов составляла важную отрасль военной экономики крестьянской семьи, поэтому и представляла важную разновидность собирательства. Список суррогатов по устным свидетельствам был весьма широк – это и «цурепка», и «рыжик», и «кашка», и «носки», и лебеда и другие растения. За народными названиями скрывались сурепка, пастушья сумка, и другие. Одним из суррогатных добавок в выпечку являлась сурепка: «Цурепку [например, туда добавляли]... Из чего она, цурепка? Она растет. Зернышки как толкли и пекли – цурепка. Зерна толкли их и ели» [47]. Распространенной добавкой в муку повсеместно служила «кашка». «А потом кака-то была кашка, росла мелкая мелкая. Как вот меньша конопля. Возле бора её много. Пойдём, намолотим ведрушечку, возьмем палочку намолотим, мама нам наварить на воде, она аж хрупотить на зубах, хруп хруп хруп хруп. Наедемся и пошли» [48].

При этом респонденты различают вкусовые особенности суррогатов. Так про «рыжик» говорили, что хлебобулочные изделия, часто пекли калачи, выглядели красиво, но на вкус уступали таким суррогатам как та же сурепка. Р.Д. Сычева так говорила об этом: «мама калачи напечет из рыжика – желтые ровненькие, красивы но не вкусны, с запахом. Я их не любила.» Среди примесей в муку были и сушеные толченные корни некоторых озерных растений. В.Н. Бурматова рассказывала «В войну ели лебяду, да вот «носки» драли ходили. Мама скажет: «Девчонки, надо седня итить за «носками!»» Камыш, носки, таки длинные белые. Толстый такой камыш, его с корнем вырываешь, а там вот такие отростки, белые. Носки называли.. Вот мы их наберём мешок, принёсем. Дак, мамка засушить, он становится хрупким как мука, в ступке натолкеть, насеит на решетцо, штуки две-три картошки туды очистить, сварить, каралек нам настряпать. Или лепешек катаить. [«Носки»] мягкие, сладкие. Дак, и надерём, дак, и так наедемси» [49].

Добавками в хлебное тесто служила и картошка в разных видах, и мерзлая, и зеленая, и картофельные очистки. Как говорила Н.Ф. Грачева, «Тогда не пропадало ничего. Очистки вот... картошку. Очистки сушишь, толкешь и в хлеб кладешь. Пекли такой хлебушко. Все равно считали, что это хлеб. Мама отрежет...» Вкусные «алябушки» – булочки получали с добавлением в муку жмыха: «Толкли, стряпали булочки», но чаще пекли «хлеб черный, наполовину с макухой» [50]. Макухой в Сибири, как и везде, называли прессованный жмых, полученный после отжима из семян масличных культур, таких как подсолнечник, рапс, рыжик, конопля, лен и др.

Но эти же зерна масляничных трав использовались и как самостоятельные блюда – каши: «Питались «кашкой» – толкли и варили на воде» (Р.Д. Сычева). При этом она говорит, «не любила я эту кашу – мелкие зернышки, смотрят как глазки из чашки. Не любила ее». И.А. Барсов так рассказывал: «Травы ели. Трава «рыжик» У него есть семена. Была трава «кашка». Тоже семена, обдирали и варили как кашу. Кипятили воду и траву шелушили. Рыжик – дикое растение, растет на степи и «кашка»... комбинировали травы. Вот мы и ели «кашку», и рыжик. На зиму заготавливали «кашку» [51].

Заключение

Таким образом, война оставила сибирское тыловое сельское общество без государственной помощи в повседневной жизни. Семейное хозяйство и семейный труд, как главные традиционные источники существования крестьянского общества, в силу предвоенных советско-социалистических трансформаций и военного положения страны уже не являлись главными средствами существования крестьянской семьи. Сельское общество, представленное поколениями, выросшими в условиях традиционной культуры и единоличного хозяйствования, адаптировалось к экстремальным условиям благодаря знаниям и навыкам решения проблем питания. Максимальное использование возможностей кормящего ландшафта в повседневных практиках сельской семьи стало жизненной стратегией нетрудоспособного населения. Именно поэтому в сибирской тыловой деревне на уровне семейной экономики наблюдался переход к архаичным присваивающим формам хозяйствования. Значительное место занимало семейное собирательство, наряду с такими занятиями как ловчие промыслы мелких грызунов и рыбалка. Рассмотрение этой проблемы показало необходимость дальнейшего исследования как основных, так и периферийных компонентов культуры жизнеобеспечения сельского населения Сибири в годы войны.

Примечания:

1. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 863 с.

2. Арутюнов С.А. Проблемы исследования культуры и жизнеобеспечения этноса / Арутюнов С.А., Маркарян Э.С., Мкртумян Ю.И. // Этнографическое обозрение. 1983. №3. С. 22-31.
3. Щеглова Т.К. Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920-1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам / Материалы научно-практической конференции «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х – начале 50-х годов XX века» 30-31 мая 2014 года. Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. С. 554-571.
4. Бэрг М.П. Устная история в Соединенных штатах // Новая и новейшая история. 1976. № 6. С. 213-216.
5. Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 5.
6. Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. 612 с.
7. Томпсон Пол. Голос прошлого. Устная история. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 366 с.
8. Щеглова Т.К. Устная история: Учебное пособие для студентов вузов. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.
9. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Щегловой Т.К., Дмитриевой Л.М.; под ред. Виганд Л.А. Барнаул: Алт. дом печати, 2012. 448 с.
10. Сагандык Николай Дмитриевич, 1937 г.р. Бор-Форпост, Волчихинский район. Архив Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии (ЦУиЭ ЛИК АлтГПА). Фонд ИЭЭ, 2011.
11. Алтайская деревня ... С. 17.
12. Валуйский Дмитрий Григорьевич, 1929 г. р. Зыково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
13. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы / Под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2001. 188 с. с.51.
14. Грачева Нина Федоровна, 1930 г.р. Селиверстово, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
15. Алтайская деревня ... С. 17.
16. Там же.
17. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х-1980-е годы / под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2001. 188 с.
18. Алтайская деревня ... С. 46.
19. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
20. Чемшикова Антонина Михайловна, 1934 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
21. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г.р. Конево, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
22. Там же.
23. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
24. Пожарских Гавриил Ильич, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2010.
25. Сагандык Николай Дмитриевич, 1937 г. р. Бор-Форпост, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
26. Ткачев Александр Афанасьевич, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
27. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
28. Сагандык Николай Дмитриевич, 1937 г. р. Бор-Форпост, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
29. Ковтун Марфа Иосиповна, 1908 г.р. Поселок Майский. Романовский район. Рукопись. Архивный отдел администрации Романовского района.
30. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
31. Сагандык Николай Дмитриевич, 1937 г. р. Бор-Форпост, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
32. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
33. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г.р. Конево, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.

34. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.
35. Черных Нина Дмитриевна, 1929 г.р. Подойниково, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012.
36. Алтайская деревня ... С. 43-44.
37. Алтайская деревня ... С. 95.
38. Там же.
39. Яковлева Мария Михайловна, 1935 г.р. Закладное, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
40. Алтайская деревня ... С. 11.
41. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г.р. Конево, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012
42. Ткачев Александр Афанасьевич, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014
43. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
44. Вышиденко Татьяна Герасимовна, 1936 г.р. Закладное, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
45. Чемшикова Антонина Михайловна, 1934 г.р. Гуселетово, Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.
46. Грачева Нина Федоровна, 1930 г.р. Селиверстово, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
47. Там же.
48. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г.р. Конево, Панкрушихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012
49. Там же.
50. Грачева Нина Федоровна, 1930 г.р. Селиверстово, Волчихинский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2011.
51. Барсов Иван Алексеевич, 1929 г.р. Гуселетово. Романовский район. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014.

References:

1. Senjavskaia E.S. The Psychology of war in the 20th century: the historic experience of Russia. M: ROSSPEN, 1999. 863 p.
2. Arutyunov S.A. Problems of research culture and life support system / Arutyunov S.A., Markarian E.S., Mkrtumian Y.I. // *Ethnographic Review*. 1983. №3. Pp. 22-31.
3. Shcheglova T.K. Housing of dispossessed peasants and deported under forced resettlements 1920-40s: material, technology and types as represented in oral historical sources / Proceedings of the International conference " Know in order not to forget: the totalitarian regime and the people in 1920s-1950s" 30-31 May 2014. Ust-Kamenogorsk: "Media Alliance", 2014. Pp. 554-571.
4. Berg M.P. Oral history in the United States // *Modern and Contemporary History*. 1976. № 6. Pp. 213-216.
5. Hubova D.N. Oral History and Archives: foreign concepts and experience. Synopsis of PhD in History thesis. M., 1992, p. 5.
6. Schmidt S.O. "Oral History" in the system of source study of historical knowledge // Schmidt S.O. The path of the historian. Selected works on source study and historiography. M., 1997. 612 p.
7. Thompson, Paul The voice of the past. Oral history. SPb.: Publishing House of Europe. St. Petersburg University, 2003. 366 p.
8. Shcheglova, T. K. Oral History: Textbook. Barnaul: AltSPA, 2010. 364 p.
9. Altai village in the stories of its inhabitants /Ed. In research: Shcheglova T.K., Dmitrieva L.M.; Ed. Wiegand L.A. Barnaul: Alt. Printing House, 2012. 448 p.
10. Saghandyk Nikolai, born in 1937. Bor-Forpost Volchihinsky district Archive of Center of Oral History and Ethnography (COH&E AltSPA). Collection: historical and ethnographic expedition (HEE). 2011.
11. Altai village... P. 17.
12. Valuysky Dmitry Grigorjevich, born in 1929. Zykovo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE , 2012.
13. Sketches on the history of the peasant household and family in West Siberia late 1920s-1980s / Ed. by VA Ilyinykh. Novosibirsk, 2001. 188 p. p. 51.
14. Gracheva Nina Fyodorovna, born 1930 Seliverstovo, Volchihinsky district Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE , 2011.
15. Altai village... p. 17.
16. Op. cit.
17. Sketches on the history of the peasant household and family in West Siberia late 1920s-1980s / Ed. by VA Ilyinykh. Novosibirsk, 2001. 188 p. p. 52.

18. Altai village... p. 46.
19. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA . Collection HEE , 2012.
20. Chemshikova Antonina Mihailovna, born in 1934 g.r. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA . Collection of HEE, 2014.
21. Burmatova Maria Nikiforovna, born in 1926. Konevo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2012.
22. Op. cit.
23. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
24. Pozharsky Gavriil Ilich, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2010.
25. Saghandyk Nikolai, born in 1937. Bor-Forpost Volchihinsky district Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2011.
26. Tkachev Alexander Afanasievich, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2014.
27. Sycheva Raisa Dmitrievna, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2014.
28. Saghandyk Nikolai, born in 1937. Bor-Forpost Volchihinsky district Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2011.
29. Kovtun Martha Iosipovna, born in 1908. Maisky, Romanovsky district. Manuscript. Archival department of administration of Romanovsky district.
30. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
31. Saghandyk Nikolai, born in 1937. Bor-Forpost Volchihinsky district Archive of COH&E AltSPA. Collection: HEE, 2011.
32. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
33. Burmatova Maria Nikiforovna, born in 1926. Konevo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
34. Shcheglova T.K. The Village and the Peasantry of the Altai Territory in the XXth Century. Oral History: Monography. Barnaul: BSPU, 2008. 528 p. with illustrations.
35. Chernyh Nina Dmitrievna born in 1929. Podojnikovo, Pankrushihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
36. Altai village... p. 43-44.
37. Altai village... p. 95.
38. op. Cit.
39. Jakovleva Maria Mihajlovna, born in 1935. Zakladnoe, Romanovsky district . Archive of COH&E AltSPA. Collection of HEE, 2014.
40. Altai village... p. 11.
41. Burmatova Maria Nikiforovna, born in 1926. Konevo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection of HEE, 2012.
42. Tkachev Alexander Afanasievich, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2014.
43. Sycheva Raisa Dmitrievna, born in 1927. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE , 2014.
44. Vyshidenko Tatiana Gerasimovna, born in 1936. Zakladnoe, Romanovsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2014.
45. Chemshikova Antonina Mihailovna, born in 1934. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2014.
46. Gracheva Nina Fyodorovna, born in 1930. Seleverstovo, Volchihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection of HEE, 2011.
47. op. cit.
48. Burmatova Maria Nikiforovna, born in 1926. Konevo, Pankrushikhinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2012.
49. op. cit.
50. Gracheva Nina Fyodorovna, born in 1930. Seleverstovo, Volchihinsky district. Archive of COH&E AltSPA. Collection HEE, 2011.
51. Barsov Ivan Alekseevich, born in 1929. Guseletovo, Romanovsky district. Archive of COH&E, AltSPA. Collection HEE, 2014.

УДК 94(571)

**Собирательство как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения
сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени
1941–1945 годов по устным историческим источникам**

Татьяна Кирилловна Щеглова

Алтайская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
656031, Алтайский край, г. Барнаул, улица Молодежная, 55
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: tk_altai@mail.ru

Аннотация. В статье система жизнеобеспечения нетрудоспособного населения сибирской тыловой деревни в период Великой Отечественной войны 1941-45 гг. рассматривается с помощью методов и источников устной истории и отечественной этнологии. Анализ полевых материалов за 1990-2014 гг. показывает, что, благодаря старшему поколению, несмотря на «раскрестьянивание» 1920-1930-х гг., в деревне сформировался комплекс поведенческих действий и занятий, которые способствовали формированию стратегии выживания крестьянской семьи, основанной на использовании ресурсов кормящего ландшафта и элементах традиционной культуры жизнеобеспечения. Собирательство стало одним из главных способов выживания детей, рассматриваются его виды и формы, характеризуются растения, плоды и грибы, употребляемые в пищу. Было установлено, что собирательство было коллективным организованным, под присмотром и с участием «бабушек» и индивидуальным собирательством, представлявшим собой своеобразное пропитание детей «на подножном корму». Предпринята попытка выделить формы и виды собирательства. Доказано, что наряду с употреблением съедобных растений непосредственно, в семейной экономике заготавливались «дары природы» в срок на длинную сибирскую зиму. Кроме грибов и ягод рассматриваются заготовки трав, служивших суррогатами (примесями в муку для выпечки хлеба), а также основой для каш. Показаны ограничения и наказания не только за собирательство осыпавшихся колосков на колхозных полях, но и случаи пресекания собирательства в окрестностях сел.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; тыловая сибирская деревня; нетрудоспособное население; система жизнеобеспечения; пища; собирательство; стратегия выживания; очевидцы; участники; респонденты.

Copyright © 2015 by Sochi State University

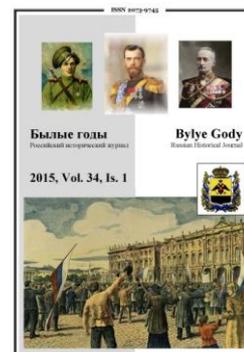
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 185-191, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(100) «1939145»

Gender Aspect of Soviet Citizens' Labour use on the Territory of the Third Reich During the World War II

Natalia A. Garazha

Novorossiysk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

PhD, Associate Professor

353907, Krasnodar region, Novorossiysk, Pionerskay str., 19/40

E-mail: ngarazha@yandex.ru

Abstract

This article is an attempt to consider the issues of the use of eastern worker's labour in the Third Reich during the World War II from the point of view of historical category of gender. The represented category is considered as social and cultural manifestations of gender in the conditions of captivity, transformation of sexuality and representation of gender system in the specific conditions of camp life and coercion and etc.

Keywords: gender; gender history; eastern workers; Ostarbaiter; prisoners of the war; World War II; the Krasnodar region; the Third Reich.

Введение

Гендерные отношения, как одни из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между индивидами (в том числе и внутригрупповые), осознающими свою гендерную принадлежность в специфическом культурно-историческом контексте. Исходя из этого особый акцент в исследовании был сделан на анализе выстраивания межполовых отношений в условиях неволи – комфортных/дискомфортных, сохранения/утраты своей гендерной идентичности, формирования отношения к мужчине/женщине под воздействием фактора пропаганды и условий подневольного быта и труда.

Материалы и методы

В статье был использован значительный круг источников личного происхождения, зафиксировавших характер гендерного взаимодействия или восприятия окружающей действительности, как в момент происходящего (письма), так и постфактум (воспоминания).

Центральным звеном в исследовании выступает «диалогическая» история гендерных отношений, т.е. история властных взаимозависимостей, взаимосвязей и иерархий между мужчинами и женщинами, мужчинами и мужчинами, женщинами и женщинами, конституирующими элементы социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности в специфических условиях подневольного труда, бесправного положения в концентрационном лагере, взаимодействия с автохтонным населением, выступающим в образе эксплуататора, врага, и с сотоварищами, выбирающими различные стратегии выживания в предлагаемых условиях.

Обсуждение

Первоначально подпитку промышленности рабочей силой в годы Второй мировой войны Германия осуществляла за счет мобилизации женщин и инвалидов на производство. Й. Геббельс писал в своем дневнике 4 апреля 1941 года: «...Для женщин должна быть введена трудовая повинность. Иначе мы не справимся с этой проблемой. Утонченные барышни и по призыву фюрера не пойдут на фабрики...» [9, с. 207].

Так, к середине 1944 года женщины в Третьем рейхе составляли 51 % всей местной рабочей силы, тогда как в Великобритании – только 37,9 %, а в США – 37,5 % [30, с. 118]. Эти цифры стали прямым результатом введения «обязательного года» трудовой повинности для «незамужней женской рабочей силы» от 18 до 25 лет и привлечения женщин на производство в порядке мобилизации, а также увеличения продолжительности рабочего дня с августа 1939 года для женщин до 10 часов.

В целом, немецкая женщина была ориентирована на иные ценности, которые НСДАП активно в ней культивировала. Й. Геббельс в присущей ему несколько экзальтированной манере сравнивал женщину с птицей, которая «прихорашивается ради самца и несет для него яйца» [17, с. 77], а А. Гитлер отчетливо указывал на то, что «у женщины есть собственное поле боя. Произведя на свет ребенка, она ведет битву за всю нацию» [21, с. 76]. При этом каждый делал оговорку, что власти не чинят никаких препятствий для профессиональной, социальной активности женщин, с одним исключением – не в ущерб интересам семьи.

Т.Ю. Тимофеева отмечает, что именно «материальные соображения наряду с пустившим определенными корнями национал-патриотическим воспитанием» способствовали лояльности самих женщин [29, с. 49]. И это естественно в ситуации, когда подавляющему большинству женщин пришлось заменить отцов и мужей в повседневной ответственности перед семьей.

А. Людтке идентифицировал этот процесс как значительное усиление мобилизации сверху «самомобилизацией». А ее следствием стало высокомерие, а то и беспощадность к подневольным рабочим [24, с. 71].

Справедливым на наш взгляд является то, что отношение немецкой женщины к происходящим в Германии событиям было столь же различным как многолика сама женщина, как многообразны ее характеры, темперамент, модели поведения и т.д., обусловленные воспитанием и уровнем образования, той социокультурной средой, в которой она выросла и созрела как личность, но также и особенностями восприятия и усвоения пропагандистских посылов, индивидуальными психологическими характеристиками адаптации или же сопротивления условиям, диктуемым извне. Поэтому и примеров отношения к остарбайтерам – женщинам, мужчинам, детям со стороны немок множество, иногда похожих, иногда диаметрально противоположных: исключительных в своей циничности, жестокости или, наоборот, доброте и человеколюбии.

Бывший советский военнопленный Дмитрий Чиров вспоминал, что в смущение его привели «не овчарки, а немецкие старухи», которые приветствовали друг друга «бодрыми возгласами «Хайль Гитлер!»», а в сторону военнопленных смотрели с нескрываемым презрением [31, с. 84-85].

В письмах на фронт некоторые немки, флиртуя, спрашивали: так же русские жизнерадостны и предприимчивы [3, л. 48], беспокоились, что во Франции больше нравилось, чем у русских [3, л. 52], но также активно обсуждали использование труда советских военнопленных и гражданских лиц. Таких циничных, жестоких, безнравственных свидетельств множество и они схожи в настроении и терминологии. Например, типичны негодующие письма жены и сестры солдата Карла Бишопа о несправедливом распределении работниц, с использованием такой лексики как «плохая партия», «девки», «штук» [26, с. 20, 24].

А вот еще одно из неслучайных совпадений. Жена унтер-офицера И. Виккерта писала мужу: «я купила на присланные тобой 60 марок четырех русских» [16, с. 9], а советская девушка Н. Степаненко в своем письме домой: «... одна [фрау] в один день сделала две покупки: купила меня и купила картину» [27, с. 36].

Риторика писем еще и еще раз доказывает и показывает очевидность объективной картины насилия над гуманностью и человечностью, бытовавших в Германии в отношении остарбайтеров и советских военнопленных, даже без ссылок на официальную документацию Третьего рейха, которая также была предельно откровенна.

Многие пленные и остарбайтеры задавались вполне естественным вопросом и часто не находили на него разумного ответа: как возможно, чтобы гражданское население испытывало такую активную неприязнь к ним, более того, считало своим долгом демонстративно проявлять жестокость и не милосердие?

«...При приближении к поселку женщины хватают детей, убегают по домам. Почему? По нашему твердому убеждению, прячутся немцы от стыда. Идет мимо них колонна женщин в рабских колодках, уставшие в обтрепанной одежде, выполняющие их работу. Может, правда, им стыдно?», - писала Р. Солоухина-Заседателева [28, с. 128-129].

Часть исследователей – К. Кунц, А. Кун – принципиально утверждает, что немецкие женщины в той же мере несли политическую ответственность за преступления национал-социалистического режима [18, с. 19-24].

С. Штейнбахер отмечает, что в одном только Освенциме сотни женщин неделями каждое воскресенье посещали служивших там мужей-эсэсовцев, а колония немецких переселенцев в строящемся «образцовом городе Аушвиц» постоянно жаловалась на запах, исходивший от перегруженных крематориев [30, с. 145-146].

Репрессивный аппарат нацистской Германии предпринимал адекватные меры и против ослабления доверия к власти и точноно против нарушений принятых правил и установлений, в отношении остарбайтеров в том числе. Стать «политически неблагонадежным» в Третьем рейхе было

просто. Лена Григоляйт (немка, замужем за литовцем) вспоминала, что во всех ситуациях, когда кто-то подозревал ее в нелояльности, она всегда могла сказать: «наша семья отдала за родину двух мужчин» (оба ее брата погибли в России) и эта фраза была чем-то вроде щита [23, с. 51].

Иностранцы составляли к 1944 году 20 % от общей рабочей силы рейха или более 7 миллионов человек [15, с. 365]. Более 50 % восточных рабочих – женщины. Среди других иностранных рабочих женщины занимали около 30 % [18].

Наиболее массовой категорией была возрастная категория от 17 до 21 года. Молодежь и подростки направлялись на работу в пущенные в эксплуатацию предприятия в качестве учеников, из которых в будущем планировалось восполнить отряд квалифицированных рабочих [4].

Вывоз населения целыми семьями применялся в партизанских районах и прифронтовой зоне. Людей расселяли в специализированных «семейных лагерях» и использовали, главным образом, в сельском хозяйстве, которое считалось одним из так называемых «русских производств» [2, л. 34]. Согласно постановлению Заукеля от 26 марта 1944 года из зарплаты восточного рабочего на питание детей до 10 летнего возраста предприниматель в день вычитал не менее 0,50 немецкой марки, а до 14 – 0,75 немецкой марки [14].

По гендерному признаку были разграничены сферы применения труда восточных рабочих:

А) мужские профессии: сельское хозяйство и лесное хозяйство (смешанные с женским), транспорт, ремесла не требующие особой квалификации, промышленность, служащие (смешанные с женским).

Б) женские профессии: сельское, лесное и домашнее хозяйство, ремесла и прочие профессии, служащие [2, л. 3].

Возвращаясь к теме отношения к оstarбайтерам, отметим, что германские власти, фиксируя выраженные семейные чувства и хорошую нравственность [20], не соответствующие контексту предшествующей пропаганды не скрывали факт насилий и глумлений над человеческим достоинством: «Учреждения по борьбе с вшивостью сообщают о следующих неполадках. Часто случается, что в этих заведениях (банных, душевых, санпунктах) обслуживающим персоналом являются мужчины, которые наряду с прочими мужчинами, безобразничают в душевых для женщин и девушек, намыливают их, фотографируют и т.д. В мужских банях, наоборот, работают женщины» [5, л. 415].

Васильева Изольда, угнанная в Германию в марте 1943 г. из Новороссийска в письмах подруге Фросе эмоционально, возможно грубо, но в тоже время повседневно пишет о сложностях сохранения своей чести и достоинства в рабстве: «...Издаются немцы над русскими как только хотят. Недавно один немец оттрахал Нину высокую, ты ее знаешь. Вообще, с каждым днем все хуже...» [8].

В лагерях для контроля над сексуальной жизнью и из опасений вспышек венерических заболеваний были свои публичные дома для охранников – пуфы, в которых находились женщины из числа заключенных. Безусловно, в них отбирали самых красивых, еще не изнуренных тяжелой работой и невыносимыми бытовыми условиями лагеря [26, с. 31]. Многие женщины специально уродовали свою внешность, чтобы избежать пуфа, некоторые же по собственному желанию шли туда [10, с. 99-100].

По данным службы безопасности СС для сексуальных потребностей иностранных рабочих (западных) к концу 1943 г. было открыто 60 борделей с 600 проститутками, которые добровольно прибыли из Франции, Польши и Чешского протектората [32, с. 385].

Для восточных рабочих это было не актуально. Бывший военнопленный Ю.А. Апель удивлялся «зачем женский блок так отгораживать от мужского: ведь доходяги, настоящие хронические доходяги – это человекоподобные существа, в сущности, совершенно бесполое». Он замечал, что в лагере они никогда не говорили о женщинах и не потому что были монахами, а постоянным голодом были доведены до состояния при котором образ женщины не вызывал никаких эмоций [11, с. 131, 142-143].

От последствий сексуальных контактов с врагом: в плену или оккупации, произошедших от насилия, по материальным соображениям или по любви более всего приходилось расплачиваться женщинам. Это и нежелательные беременности, насильственное прерывание беременности, отъем ребенка и, безусловно, послевоенные расправы соотечественников.

В архивах мы находим определенное количество жалоб о насилии над бывшими оstarбайтерами – женщинами и девушками со стороны военнослужащих Красной Армии в фильтрационных лагерях: «врывались, терроризировали, насильствовали, оскорбляли, устраивали пьяные дебоши» [7].

Это также выступало одной из причин уклонения от послевоенной репатриации. Не желающих возвращаться в СССР принимали многие страны Европы, Америки, Австралия. Но каждая страна выдвигала свои условия приема, в том числе гендерно обусловленные. Так, репатриантка А.Н. Сороко хотела уехать в Канаду, но комиссия «забраковала» ее: «... некрасивых сразу отправляют обратно...» [6, л. 148]. Эстонец Калласс Э.К. отмечал, что по условиям эмиграции, выезжающие в Австралию должны быть молодыми, здоровыми и трудоспособными. До июня 1949 года в Австралию принимали только холостых и бездетных, после не более чем с двумя детьми [6, л. 120]. Представитель Чили требовал как обязательные данные рост не менее 170 см [6, л. 98].

Особенно сложным в Германии было положение беременных, матерей и новорожденных. В условиях системы принудительного труда беременность и материнство снижали уровень трудовой эксплуатации женщин из СССР. В первые годы беременные женщины отправлялись обратно на родину, но с 1942 года Ф. Заукель наложил на это запрет.

Восточные работницы были желанной рабочей силой и в сельском хозяйстве и в промышленности Третьего рейха. Они не оказывали сопротивления, были прилежны, управляемы и беззащитны. Еще и поэтому оптимальным вариантом сохранить рабочую силу стал аборт, т.к. абсолютно препятствовать сексуальным отношениям было не реально, а браки в среде остарбайтеров были разрешены. Через 8-10 дней после аборта женщины возвращались на производство. Зачастую это были насильственные аборты, которые нередко сопровождалась стерилизацией.

Этим вопросом занималась консультация по производству абортов местного медицинского пункта, которая свое решение согласовывала с уполномоченным рейхскомиссара по укреплению германской нации. В случаях, когда речь шла об иностранном (не германском) отце консультации могли распорядиться сами о производстве такого аборта. Получения согласия старших начальников СС и полиции требовалось в тех случаях, когда речь шла об отце – немце или расово равноценном [5, л. 371].

Если выдавалось заключение, что ребенок может родиться расово «полноценным», то аборт запрещался, а после родов изымался у матери и передавался на воспитание в один из детских домов Национал-социалистического Народного Союза или же в организованных СС детдомах «Lebesborn».

«Неполноценные» дети подлежали переводу в специализированные учреждения. Никто не был заинтересован в жизни и здоровье этих детей. Поэтому условия их содержания были катастрофическими: дефицит питания, медицинского обслуживания. П. Полян отмечает, что по имеющимся данным наличествовало и намеренное убиение младенцев: детей остовок иногда намечали к так называемому «специальному обращению» (Sonderbehandlung), что применительно к евреям, например, всегда означало достаточно четкое понятие – ликвидацию [25, с. 165].

Сами восточные рабочие содержались в Германии в особых лагерях при заводах, либо это были лагеря-распределители, где происходили настоящие торги людьми и откуда рабочих покупатели увозили к себе на предприятия или домой. В.Н. Земсков приводит данные, что 40 % остарбайтеров содержалось в лагерях, а 60 % – по месту жительства хозяев [19, с. 40].

Неуместность нахождения женщин в лагерях вызывала у многих закономерный вопрос, вопрос-восклицание: «...почему же мы, женщины, в лагере для пленных? Нас, русских женщин, взяли в плен?» [28, с. 96].

Одной из мер устрашения в лагерях были публичные казни сопротивлявшихся охранникам, отказывающихся работать или уже совершенно истощенных узников. При неудовлетворительном питании заключенные вынуждены были выполнять непосильно тяжелую работу. Обычно рабочий день начинался в 6 утра и длился до 6-7 часов вечера с перерывом на 30 минут на обед. Рабский труд выводил из строя даже физически сильных и выносливых людей. И это при стандарте питания: завтрак – кофе, обед – 0,5 л супа из брюквы, ужин – кофе, 300 гр. хлеба, в 1944 г. – 200 гр. [1].

Наиболее выраженный характер тенденция к стиранию женственности, мужественности приобрела в концлагерях, которые стали местом формирования стереотипных представлений, как о сверхчеловеке, так и недочеловеке.

Лагерь не представлял собой единый организм, он был скорее пестрой мозаикой групп – этнических, религиозных, профессиональных, преступных. Каждая группа в свою очередь имела иерархию: элита, ядро и периферия.

Сохранение гендерной идентичности узниц и узников было очень важно в системе создания бесполого, покорного раба, это был своеобразный протест, вызов.

Добывание на «черном рынке» белья и косметики было стремлением хоть каким-то образом восстановить свой довоенный привычный облик; лесбийские отношения были попыткой восстановления чувства женственности; переписка, попытки установить отношения с мужчинами – это не что иное, как стремление получить поддержку.

Г. Моррисон верно замечает, что специфика пола оказывала бесспорное влияние на выбор стратегии выживания. Опыт ведения домашнего хозяйства до войны дал женщинам знания о том, как лучше экономить и распределить пищу, как следить за чистотой своей одежды и т.д., то есть навыки, ставшие особенно необходимыми в экстремальных условиях. С другой стороны, менструация, беременность и другие особенности женского организма делали их более чувствительными к пребыванию в неволе [12, с. 28-30].

Вл. Тутов, вспоминая свое пребывание в плену, описывает целый комплекс ухищрений, помогавших ему адаптироваться и выжить в нечеловеческих условиях: от аутотренинга (ежедневно по много раз повторял: «я должен жить, я обязан выжить...») до получения дополнительной пайки мастерством татуировки, выбора только выгодных, «хлебных» работ [13, с. 52-53].

Материалы писем и интервью показывают, что у работников принудительного труда, особенно задействованных в сельском хозяйстве, был выходной день и иногда они нелегально в вечернее время собирались на посиделки. Здесь знакомились, обменивались адресами, завязывались дружеские и любовные отношения.

Заключение

На основании проведенного исследования, можем утверждать, что в отношении к остарбайтерам чаще были ситуации презрения, насилия, стремления к максимальной эксплуатации в атмосфере постоянного унижения. И мужчины и женщины испытывали большое физическое и моральное напряжение. Отдушиной могли выступать как отношения – дружеские, романтические, товарищеские, так и собственно работа, увлечения, даже занятия спортом и творчеством. Но главная цель для большинства попавших в неволю, рабство – это было стремление выжить при этом не любой ценой, а сохранить себя, свою личность, честь, достоинство и убеждения.

Германское гражданское население в основной своей массе было настроено отрицательно, даже агрессивно по отношению к остарбайтерам. Следуя убеждениям, страху в обвинении в нелояльности режиму, солидарности с массовым поведением они усложняли и без того непростую жизнь советских людей на территории Третьего рейха. Безусловно, были и исключения и их мы также учитывали: в них и таится прорывающаяся на свет историческая справедливость и, конечно же, человечность – основное мерило нашего отношения к каждому гражданину мира.

Примечания:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-7021. Оп. 104. Д. 2 а. Л. 18.
2. ГАРФ. Ф.Р.-7021. Оп. 148. Д. 11. Л. 3, 34.
3. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 61. Л. 48, 52.
4. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 198. Л. 21.
5. ГАРФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 371, 415.
6. ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 146. Л. 98, 120, 148.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Л. 40, 43.
8. Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. НМ – 10045/5
9. Агапов А.Б. Дневники Й. Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М.: Издательство «Палестин»; Издательско-книготорговый дом «Логос», 2002. 504 с.
10. Анваер С. Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички / ред.-сост. Л. Кокин. М.: РОССПЭН, 2005. 208 с.
11. Апель Ю. Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945). М.: РОССПЭН, 2009. 256 с.
12. Аристов С.В. К вопросу о стратегиях выживания узников концентрационных лагерей (на примере нацистского женского лагеря Равенсбрюк) // Личный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания, интервью. Воронеж: ВГПУ, 2010. С. 22-31.
13. Беглецы из плена: Воспоминания танкиста и морского артиллериста / В.С. Тутов, А.С. Малофеев. М.: РОССПЭН, 2010. 304 с.
14. Белорусские остарбайтеры: ист.-аналит. исслед. / Под ред. Г.Д. Кнатько. Мн.: НАРБ, 2001. 336 с.
15. Булок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: в 2-х тт. Смоленск: Русич, 1998.
16. В немецком рабстве. М., 1943. 32 с.
17. Геббельс Й. Михель: Судьба немцев в дневниковых записях // Моссе, Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / пер. с англ. Ю.Д. Чупрова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 446 с.
18. Ермаков А.М. Антисемитская пропаганда в национал-социалистической женской организации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2010. № 5. С. 19-24.
19. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944-1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26-41.
20. Из аналитической записки, направленной местным отделением СС и СД. Берлин, 17.08.1942 г. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://bey.livejournal.com/171717.html>
21. Из выступления А. Гитлера на национал-социалистском женском конгрессе // Моссе, Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / пер. с англ. Ю.Д. Чупрова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 446 с.
22. Из обзора генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукеля об использовании рабочих из оккупированных областей по состоянию на 30 ноября 1942 г. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://wolfschanze.narod.ru/prest/4.htm>
23. Лахауэр У. Райская улица. Воспоминания Лены Григоляйт, крестьянки из Восточной Пруссии. М.: «Текст», Журнал «Дружба народов», 2003. 159 с.
24. Людтке А. Истории повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
25. Полян П. Остарбайтеры // Звезда. 2005. № 6. С. 159-168.
26. Севостьянова Т.В. На немецкой каторге (о жизни советских людей, увезенных немцами в Германию). Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1943. 50 с.

27. Советские люди на немецкой каторге. М.: Госполитиздат, 1943. 51 с.
28. Солоухина-Заседателева Р. На задворках Победы; Карпов Н. Маленький Ostarbaiter. М.: РОССПЭН, 2008. 272 с.
29. Тимофеева Т.Ю. «Мы жили обычной жизнью?» Семья в Берлине в 30-40-е гг. XX века. М.: РОССПЭН, 2011. 182 с.
30. Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1939-1945. М.: РОССПЭН; ГИИМ, 2009. 255 с.
31. Чиров Д. Среди без вести пропавших: Воспоминания советского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941-1945 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.
32. Эванс Р. Третий рейх. Дни войны. 1939-1945. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2011. 942 с.

References:

1. State Archives of the Russian Federation (SARF) [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F.R-7021. Op. 104. D. 2 a. L. 18.] F.R-7021. Op. 104. D. 2 a. P. 18.]
2. SARF [GARF. F.R.-7021. Op. 148. D. 11. L. 3, 34.] F.R.-7021. Op. 148. D. 11. P. 3, 34.
3. SARF [GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 61. L. 48, 52.] F. R-7021. Op. 148. D. 61. P. 48, 52.
4. SARF [GARF. F. R - 7021. Op. 148. D. 198. L. 21.] F. R - 7021. Op. 148. D. 198. P. 21.
5. SARF [GARF. F. R - 7021. Op. 148. D. 256. L. 371, 415.] F. R - 7021. Op. 148. D. 256. P. 371, 415.
6. SARF [GARF. F. 7317. Op. 20. D. 146. L. 98, 120, 148.] F. 7317. Op. 20. D. 146. P. 98, 120, 148.
7. Russian State Archive of Socio-Political History [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 17. Op. 125. D. 314. L. 40, 43.] F. 17. Op. 125. D. 314. P. 40, 43.]
8. Novorossiysk State Historical Museum [Novorossijskij Gosudarstvennyj istoricheskij muzej-zapovednik. NM - 10045/5] NM - 10045/5
9. Agapov A.B J. Goebbels diaries. Prelude "Barbarossa". [Dnevniki J. Gebbel'sa. Preljudija «Barbarossy»]. М.: Publisher «paleotypes»; Publishing and bookselling house «Logos», 2002. 504 p.
10. Anvaer S. Bleeds my memory. From the notes of the student-medichki. [Krovotochit moja pamjat'. Iz zapisok studentki-medichki] М.: ROSSPEN, 2005. 208 p.
11. Apel Y. Memories of former infantryman and a prisoner of war (September 1943 - February 1945). [Dohodjaga. Vospominanija byvshego pehotinca i voennoplennogo (sentjabr' 1943 - fevral' 1945)] М.: ROSSPEN, 2009. 256 p.
12. Aristov S.V. On the question of the survival strategies of concentration camp prisoners (for example, the Nazi women's camp Ravensbrück) [K voprosu o strategijah vyzhivaniya uznikov koncentracionnyh lagerej (na primere nacistского zhenskogo lagerja Ravensbrjuk)] // Personal experience in life and the memory of Russian and German - the possibilities and limits of joint memories: conference materials, memoirs, and interviews. Voronezh: SGMP, 2010. Pp. 22-31.
13. Escapees from captivity: Memories tanker and a sea artellirista / V.S. Tutov, A.S. Malofeev. [Beglecy iz plena: Vospominanija tankista i morskogo artellirista] М.: ROSSPEN, 2010. 304 p.
14. Belarusian Ostarbaiter: Faculty of History and the analyte. issled. / Ed. G.D. Knatko. [Belorusskie ostarbajtery: ist.-analit. issled] Mn.: NARB, 2001. 336 p.
15. Bullock A. Hitler and Stalin: The Life and power. Comparative biography: in 2 vols. [Gitler i Stalin: Zhizn' i vlast'. Sravnitel'noe zhizneopisanie: v 2-h tt.] Smolensk: Rusich, 1998.
16. In the German slavery [V nemeckom rabstve] М., 1943 32 p.
17. Goebbels J. Michael: The fate of the Germans in the diaries [Mihel': Sud'ba nemcev v dnevnikovovyh zapisjah] // Mosse J. Nazism and culture. Ideology and Culture of National Socialism. М.: Company Tsentrpoligraf, 2010. 446 p.
18. Ermakov A.M. Anti-Semitic propaganda in Nazi women's organization [Antisemitskaja propaganda v nacional-socialisticheskoj zhenskoj organizacii] // Herald Northern (Arctic) Federal University. 2010. № 5. P. 19-24.
19. Zemskov V.N. On the question of repatriation of Soviet citizens during 1944-1951 [K voprosu o repatriacii sovetskih grazhdan 1944-1951 gody] // History of the USSR. 1990. № 4. P. 26-41.
20. From an analytical note, directed to local branches of the SS and SD. Berlin, 08.17.1942 [Iz analiticheskoj zapiski, napravlennoj mestnym otdelenijam SS i SD. Berlin, 17.08.1942 g.] Available at: <http://bey.livejournal.com/171717.html>
21. From a speech by Adolf Hitler on National Socialist Women's Congress // [Iz vystuplenija A. Gitlera na nacional-socialistskom zhenskom kongresse] // Mosse J. Nazism and culture. Ideology and Culture of National Socialism. М.: Company Tsentrpoligraf, 2010. 446 p.
22. A review of the Plenipotentiary General for the use of labor Sauckel on the use of workers from the occupied territories as of November 30, 1942 [Iz obzora general'nogo upolnomochennogo po ispol'zovaniju rabochej sily Zaukelja ob ispol'zovanii rabochih iz okkupirovannyh oblastej po sostojaniju na 30 nojabrja 1942 g.] Available at: <http://wolfschanze.narod.ru/prest/4.htm>
23. Lahauer U. Paradise Street. Memories of Lena Grigolyayt, a farmer from East Prussia. [Rajskaja ulica. Vospominanija Leny Grigolajjt, krest'janki iz Vostochnoj Prussii] М.: "Text", Journal of "Friendship of Peoples", 2003. 159 p.

24. Ludtke A. Stories of everyday life in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and power. [Istorii povsednevnosti v Germanii: Novye podhody k izucheniju truda, vojny i vlasti] M.: ROSSPEN, 2010. 271 p.
25. Polian P. Ostarbeiters [Ostarbajtery] // Star. 2005. № 6. P. 159-168.
26. Sevostyanova T.V. At the German prison (about the life of the Soviet people, taken away by the Germans in Germany). [Na nemeckoj katorge (o zhizni sovetskih ljudej, uvezennyh nemcami v Germaniju)] Voronezh: Voronezh Oblasnaya publishing house, 1943. 50 p.
27. The Soviet people in the German prison. [Sovetskie ljudi na nemeckoj katorge] M.: Gospolitizdat, 1943. 51 p.
28. Soloukhina-Zasedateleva R. On the outskirts of Victory; Karpov N. Small Ostarbaiter. [Na zadvorkah Pobedy; Malen'kij Ostarbaiter] M.: ROSSPEN, 2008. 272 p.
29. Timofeeva T. «We lived a normal life?»/ Family in Berlin 30-40 of the twentieth century. [«My zhili obychnoj zhizn'ju?» Sem'ja v Berline v 30-40-e gg. XX veka] M.: ROSSPEN, 2011. 182 p.
30. Fry N. State Fuhrer: The National Socialists in power in Germany, 1939-1945. [Gosudarstvo fjurera: Nacional-socialisty u vlasti: Germanija, 1939-1945] M.: ROSSPEN; GIIM, 2009. 255 p.
31. Chirov D. Among the missing: Memories of Soviet POW Stalag XVII «B» Krems Gnayksendorf: 1941-1945. [Sred' bez vesti propavshih: Vospominaniya sovetskogo voennoplennogo o shtalage XVII «B» Krems-Gnajksendorf: 1941-1945 gg.] M.: ROSSPEN, 2010. 367 p.
32. Evans R. The Third Reich. Days of the war. 1939-1945. [Tretij rejh. Dni vojny. 1939-1945] Ekaterinburg: U-factors; M.: Astrel, 2011. 942 p.

УДК 94(100) «1939-1945»

Гендерный аспект трудоустройства советских граждан на территории Третьего рейха в период Второй мировой войны

Наталья Алексеевна Гаража

Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
353907, Краснодарский край, г. Новороссийск, ул. Пионерская, 19/40
E-mail: ngarazha@yandex.ru

Аннотация. Данная статья – это попытка рассмотрения вопросов трудоустройства восточных рабочих в Третьем рейхе в период Второй мировой войны с точки зрения исторической категории гендера, с пониманием его в таких вариантах как социально-культурные проявления пола в обстоятельствах неволи, трансформация сексуальности и репрезентация гендерно-половой системы в специфических условиях лагерного быта или принуждения к труду и т.д.

Ключевые слова: гендер; гендерная история; восточные рабочие; остарбайтеры; военнопленные; Вторая мировая война; Краснодарский край; Третий рейх.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 192-196, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Contemporary European historiography of Stalinism: Tradition and new Research Strategies for Central and Eastern Europe (Statement of the Problem)

¹Viachaslau Menkouski

²Michal Smigel

³Aleksandr A. Cherkasov

¹ Belarusian State University, Republic of Belarus

² Matej Bel University, Slovak Republic

³ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The authors reviews Central and Eastern European scholar's scientific papers of Soviet history and the history of communism in which Stalinism is treated as a special object of study or considered in the context of the other problems of Soviet, European and world history. The study focuses on the scientific literature (monographs, journal articles, collections of articles), prepared and published in the Central and Eastern Europe in the second half of the 1980s to the present day. Thus, it is possible to speak of a new component of the European historiography of Stalinism.

The conditions of modern methodological pluralism provide a choice of integrated multi-disciplinary approach as a concrete methodology of historiographical research. This allows attracting theoretical ideas and techniques of other fields of scientific knowledge for the study of historical processes. Today, the situation in science is such that it is necessary to hear different voices, to be able let in the "other" in your discourse. The study of European historiography of Stalinism enables us to connect the historical, political, anthropological, psychological, and cultural components. Each of them played a role in a particular segment of the discipline development, and in the formation of a collective historical memory.

Keywords: Social Sciences and Humanities; Stalinism; Historiography; Methodology of History; Contemporary History; Interdisciplinary; Polydisciplinary; Eastern and Central Europe.

Introduction

The article is supposed to follow the example of the analysis of Stalinism researchers in Central and Eastern Europe, the process of the formation on the basis of national historiography of modern European historiography of the problem, the output of scientific isolation and integration into the European scientific process of new countries, regions and scientific schools, the expansion process of interdisciplinary synthesis in the end of XX – beginning of XXI century, the transformation of research in Soviet history and the history of communism in one of the leading areas of modern social sciences and humanities.

Research methodology

The methodological basis of the study are scientific principles of historicism, the systematic and comprehensive approach to the subject. The principle of historicism requires the study of theories and models of European authors consider the intellectual and methodological background and conditions for the formation of the analyzed approaches. In the interpretation of concepts tailored to the particular author's intention, political and historiographical situation in which created analyzed historiographical sources. In the development of the research topic the author used a systematic approach involving the study of the national (regional) historiography as an integrated system where all the directions and trends related, perform specific functions and take the necessary space in the structure of the system. The development of the integrated system and its influencing factors are the focus of historiographical research. The principle of

comprehensiveness is based on the effects on problem-theoretical content and the development of historical science as immanent and external social, political and general scientific factors.

Results and discussion

Empowering knowledge of the past and the recognition of its active influence on the state and dynamics of social development requires the professional community more reflected in the activity of change. The search for new approaches to the study of historiography is, first, to the theoretical and methodological level (the definition of the structure, objectives and methods of historiographical studies), and secondly, at the level of studies of specific historiographical problems, and thirdly, in the direction of understanding the various historical concepts and their personalities, and fourthly, the study of the historical consciousness of the society.

The modern world has become a global world. This applies not only to the areas of high technology, communications, economics or supply, but also to the academic field. The academic community today is not divided by national borders, continents or languages.

Address to the European historiography, comparative analysis of schools, movements, scientific paradigms, it is one of the priority directions of development of modern historical science. And this is connected not only with the situation in Europe, but also with the global trends of accumulation and deepening of historical knowledge. European historiography is in this respect, absolute interest, as in European countries, there was organized system of "Soviet and Communist," and then "Post-Soviet and Post-Communist Studies" with certain traditions, theoretical concepts and methodological approaches [more info 1–15]. It should be noted, and the fact that the story of "Soviet and Communist studies" reflects not only the development of the humanities and social sciences, but also the changing political situation in Europe.

Subject to review became scientific papers of Central and Eastern European scholars of Soviet history and the history of communism in which Stalinism treated as a special object of study or considered in the context of the other problems of Soviet, European and world history. The study focuses on the scientific literature (monographs, journal articles, collections of articles), prepared and published in the Central and Eastern Europe in the second half of the 1980s. to the present day. Thus, it will be possible to speak of a new component of the European "historiography" of Stalinism.

"Historiography" is defined in scientific and reference literature as: 1) the history of historical science in general, as well as a set of studies on a particular era, subject, issue, and 2) a branch of historical science that studies the formation and development, the accumulation of historical knowledge and the source base, struggle and change of methodological trends, and 3) self-description of history, the historical process. As the term has a different interpretation, we believe it is necessary to clarify the meaning of the whole concept. We consider the historiography as a special historical discipline that studies the history of the accumulation of historical knowledge, the development of historical thinking and research methods, the history of historical works and biographies of scientists, the effect of the phenomena of social and political life in the work of historians and the impact of historical thought in the public mind, the history of scientific institutions organization of historical education and dissemination of historical knowledge.

The object of study is the European historiographical complex of the late XX century - the beginning of the XXI century. The subject of study is the establishment and development of "Soviet and Communist studies" in Central and Eastern Europe, the collection of works of European authors on the history of Stalinism, the change of methodological paradigms in European historiography, the infrastructure of academic research.

Sources base is amount to scientific academic works by Central and Eastern European researchers, in which Stalinism treated as a special object of study or considered in the context of other issues of European and world history. The chronological framework cover the period from the second half of the 1980s to the present day. Date of the lower boundary is determined by the dramatic changes in Central and Eastern Europe, which led to the transformation of all aspects of life in the region, including the field of social sciences and humanities. The upper limit is associated with the presence of the latest available to the author of academic works by European researchers.

During this time researchers in Central and Eastern Europe were looking for a place in the European system of human and social sciences. Due to the dramatic changes in the region, there was a restructuring of the organizational infrastructure, the rejection of "Marxism-Leninism" as an exclusive methodology of historical studies, the use of experts in the Stalinist period the achievements of world historiography. "Archival revolution" that began after 1991, was a turning point historiographical. Now European researchers, conducting research, could move freely within the territory of the former Soviet Union and the "Soviet bloc", combine the capabilities provided by these "oral history", the study of the Soviet and socialist political civilization with archival materials [16]. The changes coincided with the change of paradigms in the humanities. The focus has shifted to the problems of political and social history in the field of cultural history, for which the most important is the analysis of discourse, space, visual sources.

Interdisciplinary and multidisciplinary have special importance in modern European historiography. The proposed project can be considered a European historiography of Stalinism as an interdisciplinary field with a wide range of social sciences and humanities. To complete the task of studying the real Soviet society, the researchers used a methodology of history, political science, social history, sociology, anthropology, linguistics. Attempts to determine the exact list of subjects included in the multidisciplinary "Soviet and

Communist studies" were undertaken but the specialists were not able to reach a consensus. Affected the difficulty of determining disciplinary parameters in the study of any region, to which the specific problems of the terminology of Soviet history. Interdisciplinarity has been triggered by the forward movement of the disciplinary constraints and correcting the effects of excessive specialization of scientific disciplines. Polydisciplinary became a logical extension of this trend, when any object or phenomenon (in the proposed project - a history of Stalinism) is studied simultaneously from different directions by several scientific disciplines, and each discipline retains its own methodology.

Scholars are increasingly turning to the research at the boundaries of different disciplines: history and psychology, history and philology, history and cultural studies, history of science, etc. The key to the effectiveness of their application is complete understanding of each party's own problems, high studies interrogation culture. Priority in the interdisciplinary study of contemporary historians give cultural approach, defining its essence, as the inclusion of historiographical knowledge in the context of the existing types of the era in all its forms: the mentality of society, psychological environment, mentality, literature, style of thinking and language.

In recent years has changed not only the problems of historiography but the methodological tools of historians and their role in the process of writing a historical work. The authors declare today is not about the "objectivity" of his view of the historical problems, they tend to emphasize that, of course, prepare their work on representative sources, but the choice of sources, the wording of these problems, the conclusions to which they come, can not be completely objective because of the dependence on subjective circumstances such as scientific training, cultural and social base of the researcher.

The processes of formation of the modern historiographical space objects are the professional interests of the various sciences and research teams. At the same time, as the experience of the last 10-15 years, the main trend in the development of the social sciences is increasingly acting recognition of their active role in the life of modern society. Socio-colored knowledge is not only a fact of social consciousness, but also of activity-related factor in social development. Models of interaction history, memory and society, developed by Michel Foucault, Paul Ricoeur, John Tosh, Pierre Nora, find their extensive use in social studies and the humanities, and more persistently invade the area of traditional historiography. However, the complex developments in this area are not so many, and their local nature does not allow to enter the deeper and more comprehensive understanding of the changes taking place in modern historiographical practice.

As a research methodology used a systematic approach, which allows to consider the European historiography of Stalinism as a complex system composed of interconnected and interdependent subsystems (different research "schools" and the direction of the theoretical model, the identity of prominent researchers). This system is constantly evolving under the influence of the internal mechanisms of self-development and external factors. The conditions of modern methodological pluralism provide a choice of integrated multi-disciplinary approach as a concrete methodology of historical research. This allows to attract theoretical ideas and techniques of other fields of scientific knowledge for the study of historical processes. Today the situation in science is such that it is necessary to hear different voices, to be able let in the "other" in your discourse. The historiography of Central and Eastern Europe out of the state of "catching reflection", developed in accordance with the requirements of the times and modern trends in science.

The study of European historiography of Stalinism enables you to connect the historical, political, anthropological, psychological, and cultural components. Each of them played a role in a particular segment of the discipline development, and in the formation of a collective historical memory. We use the principle of the "look at the past", which was developed phenomenology of Edmund Husserl, philosophical hermeneutics Philipp Heinrich Dilthey and Hans-Georg Gadamer, "understanding sociology" of Max Weber, historical school "Annals."

Historical scholarship of Central and Eastern Europe has freed from ideological evaluations, outlines stronger role in the known historiographical problems, revise views on the relationship of history and politics. Historical knowledge is approved through the category of "intrinsic value", "national tradition", "interaction", "dialogue". There is a change of explanatory models of historical development. The focus of modern historiography is the question of the relationship between historical scholarship and historical self-consciousness of the people. Self-awareness is considered as a factor in determining the public interest in the science of history, as the link between science and culture. On the other hand, historical scholarship, as a form of social self-knowledge, forms the attitude of society to the past, that is forms the historical consciousness.

Millennium became the national historiography of Central and Eastern time changes our outlook and the resumption of discussions on almost the entire range of issues of national and European history. During this time historical scholarship was complex and contradictory way. Overall it was a gradual development, which led to the renewal of the theoretical foundations, methodologies and techniques of historiography.

Among the complex set of issues pursued by the latest Central and Eastern European historiography, one of the most important was the study of the history of the twentieth century [such as the publication one of the authors of this article, 17–21], and Stalinism, as it is an integral component of its place and role in European and world history. The scientific literature on this period includes a number of books and articles. But, we must admit that to this day the question of "what it was" no simple or single answer. Diagrams created explanation repeatedly depending on various circumstances viewpoints and experience.

History of Stalinism is the ideal object for historiographical research, since they involve a whole series of changes and transformations. In the Soviet Union five-year plans and forced collectivization were abroad between the period of the New Economic Policy and the time of a centralized economic system.

Industrialization, initiated by the state population mobility, the "cultural revolution", the massive state violence dramatically changed the social structure of Soviet society and created the basis for the system that later would be called "Stalinism". The Central Europe's states, part of the Soviet sphere of influence, essentially repeats the Soviet version.

Dynamics of changes in Central and Eastern Europe's "Soviet and Communist studies" has been linked to three major factors: 1) changing the internal situation in Europe as a whole, and in Central and Eastern Europe in particular, and 2) changes in the Soviet Union and its collapse and the formation of new independent states, and 3) the level of development of the social sciences and humanities. To allocate any one factor as the main seems counterproductive. It is a complex interaction of these factors determine development trends of "Soviet and Communist studies" as a phenomenon of scientific and political life in Central and Eastern Europe in the late XX - the beginning of the XXI century.

The first research model that has found wide application in studies of Stalinism, was the totalitarian paradigm. "Classical" totalitarian Stalinist model regarded the Soviet Union as a unique world phenomenon, comparable only to Nazi Germany and Fascist Italy. However, the academic community has expressed dissatisfaction with the static nature and politicization of the totalitarian model. Began the process of "revision", in which a prominent place occupied by historians. European "Soviet and Communist studies" enriched the methodology of social sciences and humanities, came out of the initial isolation of the academic world and began to use in the study of the "Soviet bloc" technique, characteristic for exploring other parts of the world.

There has been a strengthening of the position of social historians who have put in the center of attention of researchers of the Stalinist period the history of society, not government agencies. Social historians of Stalinism have focused on the study of history "from below", showed the randomness and lack of consistency in government at all levels, social support base isolated Stalinist regime, massive social mobility, overestimated the downward scale of state terror.

The turn of 1980-1990's created a fundamentally new situation by providing opportunities to deepen research in connection with the expansion of the source base, establishing direct contacts with scientists and scientific institutions of the study region. The collapse of the Soviet system has removed the need for the politicization and indoctrination of historiography of Soviet history. Along with the abandonment of the old paradigms study of Soviet history, the name of discipline ("Sovietology") no longer meets the reality and become an anachronism. Now you can use the new methodology, as specialists have been available previously classified, party and state archival documents from the Soviet time.

Intellectual explanation of recent history has been the work of generations. For each new generation of that time meant something else. Although the number of possible explanations is not unlimited, as the system is associated with certain specific historical components, it is extremely large and complex.

Modern European "Soviet and Communist studies" take their own rightful place in the social sciences and humanities. In European historiography of Stalinism was a lot of hypotheses and models. For a long time they were not and could not be properly documented. However, after the opening of the Soviet archives, in spite of the introduction to the scientific use of new materials, unsettled issues associated with this period of history. The field of research is still overwhelming.

The challenge is not that the researchers do not have enough empirical data, although, of course, the academic community welcomed, welcomes and would welcome the extension of the source base. The issue has more to do with the analytical capabilities of social sciences and humanities. History, in collaboration with other social sciences and humanities can give options for explaining the past and gives them. Theme remains in demand in European academia. There is a process of deepening the analysis, the expansion of the research subject. However, like any learning process, he not only increases the number of solved problems, but also constantly expanding area of the unknown. Many of the issues which were brought up by the researchers, are classified as "eternal questions". The answer to them can only be constantly deepening, "eternal" learning process.

Discussions about the phenomenon of Stalinism inevitably led to the question of historical necessity [discussed in detail in the publications of one of the co-authors, 22–25]. Historians began to use the concept of alternatives, allowing escape from the constraints of causation. This made it possible to conceptualize the recent history in terms of a series of crucial solutions. Thus, historians of Central and Eastern Europe refused an approach based on "the only truth" and approaching a freer methodology characteristic of world historical scholarship.

Conclusions

The changes that have occurred in the Central and Eastern European historiography, clearly show that the historical scholarship of Central and Eastern Europe took on a new shape. It has ceased to be a local, closed in their theoretical and methodological foundations. The sum of its new language, identifies the most important trends in the formation of truly scientific historiography of Stalinism.

The attention of scholars is directed to a deeper study of the nature and objectives of the historical-cognitive process, place of scientific historical knowledge of other forms of spiritual culture that existed and existing ideas about the past, the subjects themselves of historical science. Modern interest in the historiography by the needs of its identity, clarify the subject area of research methods, its tasks and functions in historical knowledge and consciousness of society.

Now researchers in Central and Eastern Europe in the development of problems in the history of Stalinism not only comply with the European and world level, but in some respects surpass it. This is due to the fact that the history of Stalinism for their "national history", in which the study of all the national historiography of the main effort is directed. The experience of the Central European (Slovak, Czech, Polish, Hungarian) and Eastern European (Belarusian, Russian, Ukrainian) historiography, can and should be integrated into the European historiography of modern history.

We know too little of each other in Central and Eastern Europe, too closed in our countries and regions. We believe that the scholars of Central and Eastern Europe need to move towards a kind of "Scientific Eastern Partnership", which will benefit the scientific community and society united Europe.

References:

1. After the fall: essays in Russian and Soviet historiography / edited by Michael David-Fox, Peter Holquist, Marshall Poe, 2004;
2. Beyond totalitarianism: Stalinism and Nazism compared / [edited by] Michael Geyer, Sheila Fitzpatrick, 2009;
3. Narratives unbound: historical studies in post-communist Eastern Europe / edited by Sorin Antohi, Balázs Trencsényi and Péter Apor, 2007.
4. Popular opinion in totalitarian regimes: fascism, Nazism, Communism / edited by Paul Corner, 2009.
5. Pullmann, Michal. Writing history in the Czech and Slovak republics // Social History. Vol. 37. No. 4. November. 2012.
6. Sherlock, Thomas. Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia: destroying the settled past, creating an uncertain future, 2007.
7. Stalin: a new history / edited by Sarah Davies and James Harris, 2005.
8. Stalinism: new directions / edited by Sheila Fitzpatrick, 1999.
9. Stalinism: Russian and Western views at the turn of the millennium / Alter Litvin and John Keep, 2005.
10. Stalinism in the Soviet Union: new research directions in Russia and abroad: proceedings of the Russian-German student research seminar, Konstanz, Germany July 4-6th, 2002 / [edited by Alexander Bezborodov ... et al.], 2006.
11. The black book of communism: crimes, terror, repression / Stéphane Courtois ... [et al.], 1999.
12. The leader cult in communist dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc / edited by Balázs Apor ... [et al.], 2004.
13. Warlands: population resettlement and state reconstruction in the Soviet-East European Borderlands, 1945-50 / edited by Peter Gatrell and Nick Baron, 2009.
14. Writing the Stalin era: Sheila Fitzpatrick and Soviet historiography / edited by Golfo Alexopoulos, Julie Hessler, and Kiril Tomoff, 2011.
15. Uhl, K. 'Oppressed and Brainwashed Soviet Subject' or 'Prisoners of the Soviet Self'? Recent Conceptions of Soviet Subjectivity // Bylye Gody. 2013. № 28 (2), pp. 4-10.
16. Menkouski, V. Contemporary Historiography of Social History of Stalinism in Belarus and Russia // Bylye Gody. 2013. № 28 (2), pp. 43-50
17. M. Šmigel' (ed.), The UPA in Light of Slovak and Czech documents (1945 – 1948). Book 1. The UPA Raids in the Army and State Security Documents of Czechoslovakia (1945 – 1946). Litopys UPA, vol. 48. Ed. M. Šmigel'. Toronto, Lviv : Published by Litopys UPA, 2010;
18. M. Šmigel' et al., Radical Socialism and Communism in Slovakia (1918 – 1989): the Society between the Democracy and Totalitarianism. Banská Bystrica, 2007;
19. M. Šmigel', Historical questions and background of the option and resettlement of Czechoslovak citizens into the Soviet Union in 1947. In: Historický časopis. Bratislava, 2004;
20. M. Šmigel', Anti-Communist and Anti-Soviet Aspects of Ukrainian Insurgent Army in the territory of Slovakia during 1945–1947. In Anti-Communist Resistance in Central and Eastern Europe. Bratislava, 2012;
21. M. Šmigel', On some activities of NKVD in Czechoslovakia in relation to Soviet Repatriation Operation in Slovakia (1945-1948). In NKVD/KGB Activities and its Cooperation with other Secret Services in Central and Eastern Europe 1945 - 1989, II. International conference, November 19–21, 2008. Prague, 2008.
22. Menkouski, V. Anglo-amerikanskaia sovetologija: istorija, sovremennost', akademicheskie resursy [Anglo-American Sovietology: Past, Present, and Academic Resources]/ V.I., Menkouski. Minsk, 2000.
23. Menkouski, V. Istorija i istoriografija: Sovetskij sojuz 1930-kh gg. v trudakh anglo-amerikanskikh istorikov i politologov [History and Historiography. The Soviet Union of the 1930s in the Writings of the Anglo-American Historians and Political Scientists] / V.I., Menkouski. Minsk, 2007.
24. Sovremennaya rossyskaya istoriografiya [Contemporary Russian Historiography] / V.I. Menkouski i dr.; pod red. V.I. Menkouski. V 2 ch. Minsk, 2009.
25. Menkouski, V., Ul K., Shabasova M. Sovetsky Soyuz 1930-kh godov v angloyazychnoy istoriografii [The Soviet Union of the 1930s in the English-language historiography] / V.I., Menkouski. - Syktyvkar, 2013.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 197-203, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 271.22-9:930.2

**Old-Believers and Soviet Reality of the middle of XX century:
materials of Tomsk State University Research Library**

Valeriya A. Esipova

Tomsk State University, Russian Federation
Lenina street, 34, Tomsk, 634050
Dr. (History), Head of Sector
E-mail: esipova_val@mail.ru

Abstract

The article is basing on materials of Manuscripts and Rare Books Department of Tomsk State University Research Library, which are introduced into scientific circulation at the first time. Specific features of old-believer's integration into Soviet society and methods of preservation of their internal autonomy are considered. It is demonstrated, that woman was a compiler of manuscripts under studying, and she was a member of old-believers community (stranniki – wonderers). The article shows range of sources, used by compiler. Assumptions have been made about the reasons for the use of Russian Orthodox Church editions by member of old-believers community. Socio-cultural context of manuscripts' preparation is reconstructed as a result of paleographical analysis (primarily, by studying of writing surface).

Keywords: Old-believers; stranniki (wonderers); Soviet Union; manuscript; paleography; writing surface.

Введение

Даже среди профессиональных историков до сих пор можно встретить представления о старообрядцах как об изолированной, самодостаточной социально-религиозной группе, нередко проживающей в отдалении от населенных пунктов и старающихся избегать каких-либо связей со светским миром. Однако уже имеется целый ряд публикаций, опровергающих это представление – и авторы их касаются не только общеизвестных фактов, вроде старообрядцев-промышленников начала XX в. Так, о знакомстве с современными техническими достижениями и включении их в контекст древнерусской традиции писал Н.Н. Покровский [1]. Н.Д. Зольникова описала использование енисейским старообрядцем-книжником Исаией Назаровичем марксистской формационной теории для эсхатологических построений [2, 3. С. 395-415]. Взгляды старообрядческого писателя А.К. Килина на проблемы взаимоотношений с современным миром подробно осветила Е.А. Агеева [4]. Этот список можно продолжать. При этом известны и противоположные примеры: так, Е.И. Дергачева Скоп и В.Н. Алексеев описывали, как еще в 60-е гг. XX в. наставник скрытников в Васюганской тайге Д.И. Врачов сбивал с нового лодочного мотора заводское клеймо – «знак антихриста» [5. С. 33]. В некоторых соглашениях существует запрет вообще на все, «что в антихристово время выдуманно» – именно поэтому, например, представители «пастуховщины» не ходили даже по каменной мостовой [5. С. 32]. Описаны также случаи уничтожения филиграней – водяных знаков – на бумаге старообрядческих рукописей [6].

Таким образом, уже сформировалось представление о сложном, противоречивом характере взаимоотношений старообрядцев различных согласий с современным светским миром, особенно в части использования новейших достижений техники. Пролить дополнительный свет на этот вопрос помогут три старообрядческих сборника, хранящихся в ОРКП НБ ТГУ.

Материалы и методы

В настоящей статье рассматриваются три старообрядческих сборника-«Цветника» середины XX в. [7, 8, 9] Они были приобретены в 2006 г. через посредника у старообрядцев-странников, проживавших на территории Томской области. К сожалению, о последних владельцах рукописей посредник не сообщил никаких подробностей. Однако реконструировать культурный и социальный контекст их создания позволяет палеографический анализ.

Все три рукописи достаточно объемистые (203, 369 и 209 листов), переплеты из картона и серой или черной ткани, без украшений. Все они написаны одним и тем же почерком: это крупный полуустав с выраженным наклоном вправо; использовались как чернила, так и цветные карандаши, в первую очередь – красный, для выделения заголовков. Особое внимание необходимо обратить на материал для письма: в двух случаях (В-26.305 и В-26.307) это тетрадная бумага в линейку, косую линейку и в клетку, иногда с полями, отпечатанными типографским способом. Однако материал рукописи В-26.306 весьма специфичен: помимо обычной бумаги машинной выделки (лл. 1-48, 66-69, 86-113, 128-167, 172-188, 193-363), писец использовал типографские бланки актов о сдаче-приеме работ за 1940-е гг. (лл. I-II, 114-117, 366-367), агитационные плакаты по выборам в Верховный Совет Казахской ССР Арыстанбекова Хайдара Арыстанбековича (1916-2008), в 1940-50-е гг. занимавшего высокие должности в министерстве сельского хозяйства Казахской ССР (лл. 49-64, 364-365). Отметим, что выборы в Верховный Совет Казахской ССР проводились в 1947, 1951 и 1955 гг.

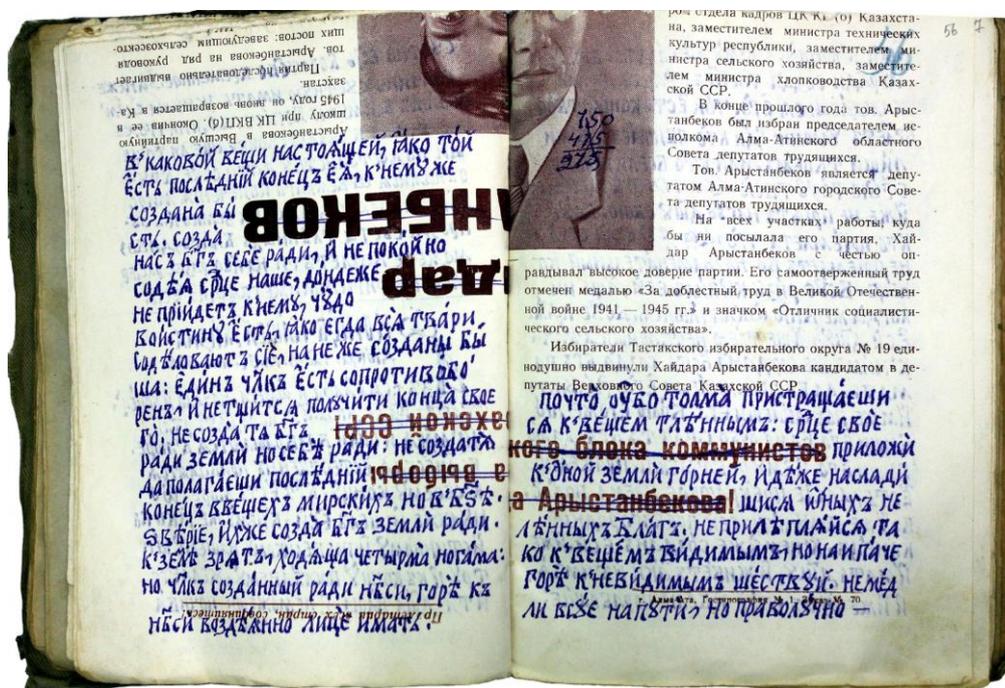

Рис. 1. ОРКП НБ ТГУ. В-26.306. Цветник №2. Л. 56

Также в качестве материала для письма использовались киноафиши (лл. 70-77, 189-192). Одна из них применена лишь фрагментарно, название фильма не сохранилось, зато присутствуют выходные данные: «Подписано к печати 25.09.1950 г., Москва, тип. «Гудок»». Кроме того, писец использовал афишу фильма «Свет в Коорди», снятого в 1951 г. на Таллиннской киностудии; на афише имеется дата публикации: 29.12.1950 г. Как видно, специфичный материал для письма позволяет не только уточнить датировку рукописи (очевидно, что это 1950-е гг.), но и дает информацию о социокультурном пространстве, окружавшем составителя рукописи – но подробнее об этом будет сказано ниже.

Необходимо сказать несколько слов и о содержании рассматриваемых рукописей. Два из сборников (В-26.305 и В-26.307) имеют ярлыки на верхней крышке переплета с надписями чернилами, почерком основной рукописи: «Цветник от еретиков №1. Ни крещения, ни молитва не прием. И о поклонех» (далее стерто) и «Цветник №3. О мантии и христианине ... (нрзб – В.Е.) Явственное ин. Дорофей и прочее» соответственно. Это позволяет заключить, что все три сборника представляют собой практически единое целое, т.е. рукопись в трех томах. Отсутствие ярлыка на второй рукописи может быть объяснено, например, ее более поздней реставрацией или простой утратой ярлыка.

Все три «Цветника» содержат выписки из текстов Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Мефодия Патрского, толкового Евангелия, Бесед апостольских и т.д. – все эти книги составляют

традиционный круг чтения старообрядцев. Отметим, что составитель пользовался изданиями XIX–XX вв.: так, творения Иоанна Златоуста конспектировались по изданию, выпущенному в Санкт-Петербурге в 1895–1906 гг. [10], а с текстами Ефрема Сирина составитель знакомился по изданию 1895 г., выпущенному в Сергиевом Посаде [11]. Выписки сгруппированы по тематическому принципу и обычно предваряются заголовками, например: «В странство как ийти», «О поклонах», «Змий, близкий к Адаму» и т.д. Тематика этих выписок также традиционна для старообрядческой картины мира: составителя сборника волновали вопросы эсхатологии, практики праведной жизни, взаимоотношений с мирскими людьми. При этом имеется ряд текстов, которые представляется важным рассмотреть более детально.

Обсуждение

В составе первого «Цветника (В-26.305) на лл. 30–310б переписан текст, озаглавленный «Вопросы и ответы». Это краткий катехизис, в котором изложены основы взглядов составителя «Цветников». Всего вопросов и ответов девять. Первый из них: «Кто ты такая?»; ответ на него звучит следующим образом: «Я истинная православная странствующая христианка-мироотречница» (л. 30). Из дальнейших ответов выясняется, что документов у отвечающей на вопросы не имеется, потому что она считает их «вредными для своих религиозных убеждений». Вред документов заключается в том, что они «приписывают к оседлому месту жительства и включают в число мирских жителей», так что «нарушается все мироотречение». Кроме того, в документах ставится «неправильный» год: «например, теперь от Рождества Христова 1964 г., а пишут 1956, а число пишут на 13 дней вперед» (л. 300б). Представление о том, что принятое летоисчисление отстает от истинного на 8 лет характерно для всех толков страннического согласия [12]; здесь же к нему добавилась разница по дням, произошедшая от календарной реформы 1918 г. Следующий вопрос касается отношения к власти; из ответа становится ясно, что «мироотречница» признает только те распоряжения власти, которые «не вредят ее веру», например, «если власть не велит воровать, убивать, пьянствовать – этому подчиняюсь». А если власть не велит веровать в Бога, не велит мне быть мироотречницей, этому не подчиняюсь» (л. 300б). Последующие вопросы относятся к области веры; в ответах объясняется, почему «мироотречница» верит в Бога, которого никогда не видела, в наличие души и в посмертное воздаяние (лл. 300б–310б).

Обращает на себя внимание также вложенный в Цветник (В-26.306) листок с текстом, отпечатанным на пишущей машинке. Особенностью использованной пишущей машинки являлась плохо пропечатанная буква «р»: она почти везде вписана от руки. Текст представляет собой стихотворение, озаглавленное «Ангелу»; оно адресовано ангелу-хранителю и завершается следующим четверостишием: «И свершая земной путь страданья, / Возложись ты на волю Творца, / И в благом на Его упованьи / Христианка, иди до конца!». Отметим, что пишущая машинка являлась скорее атрибутом городского образа жизни, но не отшельнического; по крайней мере, у «мироотречницы» должен был быть к ней доступ, что маловероятно в условиях проживания в скиту.

Приняв во внимание сказанное выше, можно считать установленным, что составителем всех трех Цветников, а также автором перепечатанного стихотворения была женщина. Отметим, что еще П.С. Смирнов указывал на особую роль женщины в старообрядческом сообществе [13, 14]; уделяют этому факту внимание и современные молодые исследователи [15, 16, 17]; последние не всегда подтверждают взгляды П.С. Смирнова, полагая, что не существовало особой разницы между положением женщины в православной и старообрядческой общине [16. С. 22–23].

Рассмотрим подробнее некоторые из приведенных выше фактов. Фильм «Свет в Коорди» представлял собой экранизацию одноименной повести Ганса Леберехта; он был посвящен организации первых колхозов в Эстонии. Авторами сценария были Ю. Герман и Г. Леберехт, режиссером-постановщиком – Герберт Раппапорт, а в главной роли снялся известный певец Георг Отс. Фильм получил Сталинскую премию 1952 г., а в 1955 г. на основе того же сценария была поставлена опера на музыку Лео Нормета. Современные исследователи рассматривают повесть Леберехта, как и одноименный кинофильм, в качестве «сталинского неомифа», однако признают и широкую популярность произведения, и наличие в нем различных (не только идеологических) дискурсов [18].

Что касается агитационных материалов по выборам в Верховный совет Казахской ССР Х.А. Арыстанбекова, об этом человеке необходимо также сказать пару слов. Он родился в 1916 г. в Коунрадском районе Карагандинской области, в ауле №2, в 1946 г. стал заместителем министра технических культур и сельского хозяйства Казахской ССР, с 1950 г. являлся первым заместителем в Министерстве хлопководства Казахской ССР, в 1954 г. был назначен министром сельского хозяйства Казахской ССР, занимал другие высокие должности [19]. А.Х. Арыстанбеков являлся также автором ряда публикаций по практике развития сельского хозяйства на территории Казахской ССР [20], а позже стал членом Национальной Академии наук Республики Казахстан.

Результаты

Таким образом, перед нами в лице рассматриваемых сборников предстает весьма интересное своим синкретизмом явление. С одной стороны, в «Цветниках» представлены традиционные

старобрядческие тексты, составительница сборника демонстрирует основные черты традиционного старобрядческого мировоззрения, что подтверждается не только выбором переписанных цитат, но и текстом «Вопросов и ответов», а также стихотворением, вероятно, сочиненным ею же. При этом в качестве источника составительница «Цветников» использует не рукописные или старопечатные книги, как это обычно принято в старобрядческой среде, а издания конца XIX – начала XX вв., в том числе, вышедшие из типографий, принадлежавших Русской православной церкви. Можно объяснить это явление размытием традиции, но нельзя не принять во внимание и другой вариант: в изменившихся условиях просто были сдвинуты «границы дозволенного». При невозможности получить доступ к текстам, каноническим не только по содержанию, но и по форме изготовления, составительница сборников использовала те книги, которые смогла достать. Учитывая реалии советских времен, чтение подобной литературы не приветствовалось, а хранение старопечатных и рукописных книг оставалось, скорее, прерогативой таежных отшельников и музеев.

Особое внимание привлекает материал для письма, использованный «мироотречницей»: тетрадная бумага, бланки, афиши. С одной стороны, это проявление «бумажного голода», характерного для послевоенного времени. С другой стороны, использование таких материалов для письма свидетельствует о вынужденной интегрированности «мироотречницы» в тот самый мир, которого она всячески старалась избежать – хотя бы частичной, в плане заимствования недостающей бумаги.

Именно этот материал для письма и показывает окружающие «мироотречницу» реалии. Если же обратить внимание на дату, указанную в «Вопросах и ответах», панорама жизни, окружающей составительницу сборников, становится еще более выпуклой. Как известно, именно в феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором Н.С. Хрущев выступил с критикой культа личности Сталина; 30 июня 1956 г. было обнародовано постановление Президиума ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», основанное на материалах этого доклада.

Если вернуться к тексту «Вопросов и ответов» с учетом этих фактов, обращает на себя внимание следующий момент. «Мироотречница» четко проводит границы своего подчинения власти: она согласна признавать авторитет государства ровно до того момента, пока государство не берется регулировать ее внутренний мир и свободу воли. С одной стороны, она признает законы, запрещающие убийство и воровство (что совершенно согласуется с евангельскими заповедями), с другой стороны, не приемлет запрета на исповедание веры. Таким образом, она готова частично принять законы светского мира, от которого в целом старается дистанцироваться, при условии обеспечения свободы воли. Заметим в скобках, что ни при Сталине, ни при Хрущеве никаких подобных предпочтений представителям старобрядчества не полагалось, а значит, им оставалось хранить свою веру исключительно «в душе», никак это не афишируя. При условии соблюдения советского законодательства (готовность к чему «мироотречница» частично демонстрирует) такая внутренняя «свобода для себя» вполне могла иметь – и, как известно, имела место; общая же атмосфера «оттепели» могла этому даже способствовать.

Кроме того, именно к 1956 г. относятся известные события в Тбилиси, явившиеся реакцией на речь Н.С. Хрущева на XX съезде. Также именно в 1956 г. были проведены наземные ядерные испытания на Семипалатинском полигоне (Казахская ССР). Если же говорить о международных событиях, то именно в 1956 г. советскими войсками было подавлено Венгерское восстание. Хотя эти события в сборниках не нашли никакого отражения, не исключено, что «мироотречница» могла о них слышать.

Знаковым являлся 1956 г. и в плане оплаты труда в колхозах. 6 марта 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, расширявшее самостоятельность колхозов в плане начисления и выплат. Это отсылает нас к использованным в качестве материала для письма типографским бланкам актов о сдаче-приемке работ от 1940-х гг.: после этого постановления они стали неактуальны.

Отметим и широкое использование в качестве материала для письма листов из школьных тетрадей. В среднем образовании в СССР в 1950-е гг. также произошел ряд перемен: в 1954 г. было отменено раздельное обучение мальчиков и девочек, с 1956 г. не взималась плата за обучение в старших классах средних школ. Перепись 1959 г. показала, что неграмотность в стране была практически полностью ликвидирована. В 1950 г. были введены стандарты на школьные тетради и тетрадную бумагу [21. С. 405].

Использование пишущей машинки с большой вероятностью указывает на место проживания составительницы сборников – это город или крупное село; кроме того, это свидетельство обращения к новым техническим средствам тиражирования текста. Для интерпретации этого факта значимым представляется рассуждение, приведенное К. Касьяновой в ее исследовании о русском национальном характере. Она описывает случай с установлением старобрядцами, проживавшими в Восточной Сибири, лодочных моторов на свои лодки; характерно, что все они сделали это одновременно. Как выяснилось, по поводу лодочных моторов состоялся целый собор; авторитетные старцы исследовали текст Кормчей, не нашли там прямого запрета на использование подобной техники, и дали разрешение моторы использовать. С точки зрения К. Касьяновой, «в этом процессе постоянного освоения новых фактов и эталонов культурой, организации их на основе культуры, очень важную

роль играют носители личностных статусов культурного типа. Принимаемое ими не разрушает культуры (важно также и то, как это новое принимается ими, в какой контекст ставится), следовательно, им можно безбоязненно пользоваться» [22]. Представляется вероятным, что подобное отношение существовало и к новым средствам тиражирования текста; тем более что, например, использование старообрядцами гектографа для распространения своих сочинений только на материалах НБ ТГУ видно с конца XIX – начала XX в. [23, 24, 25, 26, 27 и др.]

Заключение

Таким образом, анализ трех рукописных «Цветников» из фонда ОРКП НБ ТГУ позволяет реконструировать социокультурный контекст создания этих сборников. Перед нами предстает огромная страна, от Эстонии до Казахстана, в которой проходит знаковый XX съезд КПСС, смягчаются условия оплаты труда в колхозах, проходят выборы в Советы союзных республик, выпускаются фильмы, посвященные колхозному строительству. Сейчас мы знаем, что имели место и Тбилисские события, и подавление Венгерского восстания, и взрывы на Семипалатинском полигоне. Однако составительницу «Цветников» интересует другое: ее внутренняя автономия, право на сохранение своей веры, что проявляется в повышенном внимании к каноническим деталям традиционного вероучения. В условиях запрета на деятельность всех старообрядческих согласий «мироотречница» все же сохраняет свое традиционное мировоззрение, используя для этого все имеющиеся у нее возможности: священные тексты, пусть и изданные Православной церковью; новые технические средства (пишущую машинку) – для фиксирования своих религиозно-поэтических опытов, тетрадную бумагу, старые бланки и афиши – для выписок по животрепещущим для нее вопросам.

Примечания:

1. Покровский Н.Н. Гусли, патефоны и телевизоры / Н.Н. Покровский // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 446-450.
2. Зольникова Н.Д. Эсхатология енисейского старовера-книжника часовенного согласия Исаия Назаровича (1970-е гг.) / Н.Д. Зольникова // Отечественная история. 2000. № 5. С. 118-122.
3. Покровский Н.Н. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания / Н.Н. Покровский, Н.Д. Зольникова. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
4. Агеева Е.А. «Мысль и мышление староверов» на пороге XXI в. (по трудам старообрядческих писателей) / Е.А. Агеева // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. IV. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2001. С. 3-17.
5. Дергачева-Скоп Е.И. Книжная культура старообрядцев и их четья литература. К проблеме типологии чтения / Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев // Русская книга в дореволюционной Сибири. Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 1-40.
6. Esipova V. A watermark as «a mark of Antikhrist»: a viewpoint of Siberian old believers / V. Esipova // IPH Congressbook. 2006. Vol. 16. Barselona, IPH edition, 2009. P. 173–176.
7. ОРКП НБ ТГУ. В-26.305.
8. ОРКП НБ ТГУ. В-26.306.
9. ОРКП НБ ТГУ. В-26.307.
10. Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе / Иоанн Златоуст. СПб: изд. СПб духовной академии, 1895-1906. Т. I–XII.
11. Ефрем Сирин. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина / Ефрем Сирин. Сергиев Посад, 1895-1897. Ч. 1-3.
12. Мальцев А.И. Странники-безденежники в первой половине XIX в. / А.И. Мальцев // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск: Наука, 1989. С. 330-351.
13. Смирнов П.С. Значение женщины в истории возникновения раскола / П.С. Смирнов // Миссионерский сборник. 1891. №6; 1892. № 1, 2.
14. Смирнов П.С. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола: (Речь, произнесенная на торжественном годовичном акте С.-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1902г.) / П.С. Смирнов. СПб.: Тип. Лопухина, 1902. 24 с. (Отг. из: Христианское чтение. 1902. Вып. 3).
15. Чеперке Т.О. Старообрядческий гендерный строй – угроза общественному укладу царской России? / Т.О. Чеперке // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2011. Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1250/31077_5a94.pdf (дата обращения: 04.07.2014)
16. Чеперке Т.О. Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской и Олонецкой губерний). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2011. 24 с.

17. Литвин Ю.В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX века: социокультурный статус и гендерные роли. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.
18. Вейдемманн Р. Эстонско-русский литературно-коммуникативный курьез: повесть Г. Леберехта «Свет в Коорди» (1948-1949) / Р. Вейдемманн // Россия и Эстония в XIX-XX столетиях: диалог культур. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, 2010. С. 152-161.
19. Руководители области // Восточно-Казахстанская область (официальный сайт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.akimvko.gov.kz/ru/akim-vko/rukovoditeli-oblasti/aryistanbekov-hajdar-aryistanbekovich.html> (дата обращения 07.07.2014 г.).
20. Арыстанбеков А.Х. Список трудов в каталоге Рос. гос. б-ки (результат поиска) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.rsl.ru/table.jsp?f=1003&t=3&vo=%D0%90%D1%80%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%2C+%D0%A5%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B0%D1%80+%D0%90%D1%80%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87&f=1003&t=1&v1=&f=4&t=3&v2=&f=21&t=3&v3=&f=1016&t=3&v4=&f=1016&t=3&v5=&cc=a1&s=2&ss=1003&ce=4> (дата обращения: 07.07.2014 г.).
21. ГОСТ 204-50 «Тетради школьные и бумага тетрадная, обложечная и промокательная для тетрадей». Принят постановлением Совета Министров СССР от 18 октября 1950 г. // Указатель государственных общесоюзных стандартов. 1951 г. – М.: гос. изд-во стандартов «Стандартгиз», 1951. 566 с.
22. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с. Опубликовано: Хронос: всемирная история в Интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava15.php (дата обращения 08.07.2014 г.).
23. ОРКП НБ ТГУ. 312.030. Страхов Г. Сочинения. Б. м., 1895. 214 л.;
24. ОРКП НБ ТГУ. 1-729.946. Сборник старообрядческий полемический. Б.м.и г. 121 л.;
25. ОРКП НБ ТГУ. В-1237. Вопросы старообрядцев. Б. м. 1890. 28 с.;
26. ОРКП НБ ТГУ. В-1238. Открытое письмо священноиноку Игнатию, проживающему в селе Зуеве. Б. м. и г. 72 л.;
27. ОРКП НБ ТГУ. В-1239. Дела 4-го Всероссийского съезда старообрядцев. Б. м., 1902. 123 л.

References:

1. Pokrovskii N.N. Gusli, patefony i televizory / N.N. Pokrovskii // TODRL. Т. 48. SPb., 1993. S. 446-450.
2. Zol'nikova N.D. Eskhatologiya eniseiskogo starovera-knizhnika chasovennogo soglasiya Isaiya Nazarovicha (1970-e gg.) / N.D. Zol'nikova // Otechestvennaya istoriya. 2000. № 5. S. 118-122.
3. Pokrovskii N.N. Starovery-chasovennyye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya / N.N. Pokrovskii, N.D. Zol'nikova. М.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2002. 471 s.
4. Ageeva E.A. «Mysl' i myshlenie staroverov» na poroge XXI v. (po trudam staroobryadcheskikh pisatelei) / E.A. Ageeva // Ural'skii sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya. Vyp. IV. Ekaterinburg: Ural. gos. un-t, 2001. S. 3-17.
5. Dergacheva-Skop E.I. Knizhnaya kul'tura staroobryadtsev i ikh chet'ya literatura. K probleme tipologii chteniya / E.I. Dergacheva-Skop, V.N. Alekseev // Russkaya kniga v dorevol'yutsionnoi Sibiri. Arkheografiya knizhnykh pamyatnikov. Novosibirsk, 1996. S. 1-40.
6. Esipova V. A watermark as «a mark of Antikhrist»: a viewpoint of Siberian old believers / V. Esipova // IPH Congressbook. 2006. Vol. 16. Barselona, IPH edition, 2009. P. 173–176.
7. ОРКП НБ ТГУ. В-26.305.
8. ОРКП НБ ТГУ. В-26.306.
9. ОРКП НБ ТГУ. В-26.307.
10. Ioann Zlatoust. Tvoreniya svyatago ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skago, v russkom perevode / Ioann Zlatoust. SPb: izd. SPb dukhovnoi akademii, 1895-1906. Т. I-XII.
11. Efrem Sirin. Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Efrema Sirina / Efrem Sirin. Sergiev Posad, 1895-1897. Ch. 1-3.
12. Mal'tsev A.I. Stranniki-bezdenezhniki v pervoi polovine XIX v. / A.I. Mal'tsev // Khristianstvo i tserkov' v Rossii feodal'nogo perioda. Novosibirsk: Nauka, 1989. S. 330-351.
13. Smirnov P.S. Znachenie zhenshchiny v istorii vozniknoveniya raskola / P.S. Smirnov // Missionerskii sbornik. 1891. №6; 1892. № 1, 2.
14. Smirnov P.S. Znachenie zhenshchiny v istorii russkogo staroobryadcheskogo raskola: (Rech', proiznesennaya na torzhestvennom godichnom akte S.-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii 17 fevr. 1902 g.) / P.S. Smirnov. SPb.: Tip. Lopukhina, 1902. 24 s. (Ott. iz: Khristianskoe chtenie. 1902. Vyp. 3).
15. Cheperke T.O. Staroobryadcheskii gendernyi stroi – ugroza obshchestvennomu ukkladu tsarskoi Rossii? / T.O. Cheperke // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-

2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Elektronnyi resurs] M.: MAKS Press, 2011. Rezhim dostupa: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1250/31077_5a94.pdf (data obrashcheniya: 04.07.2014)

16. Cheperke T.O. Zhenshchina v bespopovskom staroobryadcheskom soobshchestve vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Sankt-Peterburgskoi, Novgorodskoi, Vologodskoi i Olonetskoii gubernii). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 2011. 24 s.

17. Litvin Yu.V. Povsednevnyaya zhizn' karel'skoi krest'yanki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: sotsiokul'turnyi status i gendernye roli. Avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 2013. 24 s.

18. Veidemann R. Estonsko-russkii literaturno-kommunikativnyi kur'ez: povest' G. Leberekhtha «Svet v Koordi» (1948-1949) / R. Veidemann // Rossiya i Estoniya v XIX-XX stoletiyakh: dialog kul'tur. Tartu: izd-vo Tartuskogo un-ta, 2010. S. 152-161.

19. Rukovoditeli oblasti // Vostochno-Kazakhstanskaya oblast' (ofitsial'nyi sait) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.akimvko.gov.kz/ru/akim-vko/rukovoditeli-oblasti/aryistanbekov-xajdar-aryistanbekovich.html> (data obrashcheniya 07.07.2014 g.).

20. Arystanbekov A.Kh. Spisok trudov v kataloge Ros. gos. b-ki (rezul'tat poiska) [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://old.rsl.ru/table.jsp?f=1003&t=3&vo=%D0%90%D1%80%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%2C+%D0%A5%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B0%D1%80+%D0%90%D1%80%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87&f=1003&t=1&v1=&f=4&t=3&v2=&f=21&t=3&v3=&f=1016&t=3&v4=&f=1016&t=3&v5=&cc=a1&s=2&ss=1003&ce=4> (data obrashcheniya: 07.07.2014 g.).

21. GOST 204-50 «Tetradi shkol'nye i bumaga tetradnaya, oblozhechnaya i promokatel'naya dlya tetradei». Prinyat postanovleniem Soveta Ministrov SSSR ot 18 oktyabrya 1950 g. // Ukazatel' gosudarstvennykh obshchesoyuznykh standartov. 1951 g. M.: gos. izd-vo standartov «Standartgiz», 1951. 566 s.

22. Kas'yanova K. O russkom natsional'nom kharaktere / K. Kas'yanova. M.: Institut natsional'noi modeli ekonomiki, 1994. 267 s. Opublikovano: Khronos: vseмирnaya istoriya v Internetе [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava15.php (data obrashcheniya 08.07.2014 g.).

23. ОРКП НБ ТГУ. 312.030. Strakhov G. Sochineniya. B. m., 1895. 214 l.;

24. ОРКП НБ ТГУ. 1-729.946. Sbornik staroobryadcheskii polemicheskii. B.m.i g. 121 l.;

25. ОРКП НБ ТГУ. V-1237. Voprosy staroobryadtsev. B. m. 1890. 28 s.;

26. ОРКП НБ ТГУ. V-1238. Otkrytoe pis'mo svyashchenoinoku Ignatiyu, prozhivayushchemu v sele Zueve. B. m. i g. 72 l.;

27. ОРКП НБ ТГУ. V-1239. Dela 4-go Vserossiiskogo s"ezda staroobryadtsev. B. m., 1902. 123 l.

УДК 271.22-9:930.2

**Старообрядцы и советская действительность середины XX в.:
по материалам научной библиотеки Томского государственного университета**

Валерия Анатольевна Есипова

Томский государственный университет, Российская Федерация

634050, г. Томск, пр. Ленина, 34

Доктор исторических наук

E-mail: esipova_val@mail.ru

Аннотация. В статье на основе документов, хранящихся в коллекции рукописей ОРКП НБ ТГУ, которые впервые вводятся в научный оборот, рассматриваются особенности интегрирования старообрядцев в советский социум и способы сохранения ими внутренней автономии. Доказано, что составителем исследуемых рукописей являлась женщина – представительница старообрядческого согласия странников. Раскрыт круг источников, использовавшихся составительницей рукописей, показана его специфика. Выдвинуты предположения о причинах использования представительницей старообрядцев-странников изданий Русской православной церкви. В результате палеографического анализа (в первую очередь, исследования материалов для письма) реконструирован социокультурный контекст составления рукописей.

Ключевые слова: старообрядчество; странники; СССР; рукописная книга; палеография; материал для письма.

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 204-210, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Nation state building in Tajikistan in 1988–2000-s. Search for "the backbone of the construct"

¹Abdullah K. Daudov

²Artyom A. Andreev

³Vladimir A. Shorohov

⁴Denis G. Yanchenko

¹⁻⁴ St. Petersburg State University, Russian Federation

199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya 5

¹ Doctor (History), Professor, Director of the Institute of History

E-mail: primdek@yandex.ru

² PhD (History), Researcher

E-mail: gal7gas@yandex.ru

³ assistant lecturer

E-mail: helveticw@bk.ru

⁴ PhD (History), senior lecturer

E-mail: deni_g_yanch@mail.ru

Abstract

The paper is devoted to some issues of nation state building in Tajikistan. Scholars highlight the history of searching for the backbone of national identity construct. Views on the relevant identity have been constantly changing for the last century. These mutations mostly influenced the perception of “paragons” from the past used for the current nation state building. As a matter of practice it comes to rise of interest to pre-Islamic past of the country that is perceived by the state elite as a starting point of nation polity history. However Samanid period stays the main symbolic pattern for Tajik nation state model.

Keywords: Tajikistan; nation state building; historical and cultural traditions; identity; the Iranian-speaking community; national delimitation in Soviet Central Asia; the political parties of Tajikistan.

Введение

После распада СССР каждая из его бывших республик стала проводить самостоятельную национальную политику. Чаще всего это выражалось в курсе на «этнократию» (усиление позиций «титულных» наций). Таджикистан в данном случае был трагическим исключением, поскольку разногласия местных элит по большинству социально-экономических вопросов имели фатальный характер, что привело к кровопролитной гражданской войне. Данное исследование посвящено истории формирования руководством Таджикистана официальной политики в сфере национальной идентичности.

Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали материалы, собранные в ходе архивной экспедиции сотрудников СПбГУ в Центральный государственный архив Республики Таджикистан и Национальную библиотеку Республики Таджикистан (г. Душанбе) в июле 2014 года. Первичная информация о данных событиях собиралась также в открытых ресурсах, на научных сайтах, в журнальных публикациях. Коллектив авторов пользовался свободным доступом к научной периодике баз данных Web of Science, Scopus, РИНЦ. В работе был использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Историко-антропологический

метод позволил провести анализ «конструкций» выстраиваемых различными социальными группами, относящихся и относившихся к политической элите, изучаемого региона. Историко-типологический метод позволил классифицировать различные объекты исследования в контексте их исторического развития: социальные практики, политические дискуссии, историографические споры и пр. Значительную помощь оказал использованный авторами классический метод полевого исследования, используемый в этнологии, основанный на достаточно длительном пребывании исследователя в изучаемой этнической среде.

Обсуждение

Различные аспекты данной проблемы неоднократно становились объектом исследования. Однако в большинстве случаев акцент смещался в сторону «возрождения» религиозной идентичности таджикского общества, роли в этом процессе государственной власти, внутренних и внешних политических игроков [1-4]. Значительное внимание исследователей также привлекали некоторые измерения культурной (прежде всего, образовательной и языковой) политики республиканских и местных властей и формы ее реализации в сложных географических, социальных и экономических условиях [5-11]. Рассмотрение обозначенной в заглавии темы представляется актуальным в свете ее недостаточной изученности.

В Таджикистане, как и в большинстве постсоветских стран, основные контуры будущей национальной политики были определены еще в советский период. При этом было бы ошибкой утверждать, что современная официальная точка зрения на происхождение таджикской государственности изобретена республиканской номенклатурой в период перестройки, когда в рамках языковой реформы и программы по «десоветизации» топонимики в обществе активно обсуждалась тема таджикской идентичности и ее критериев. Дискуссия уходит корнями в период национально-территориального размежевания в советской Средней Азии. Тогда она шла параллельно в рамках новообразованных комитетов и комиссий Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ВКПб) и в научной востоковедческой среде. Одним из самых обсуждаемых вопросов была тема многовекового тюрко-иранского этнокультурного взаимодействия и роль тюркских племен в этногенезе таджиков. Ярким примером этого взаимодействия, по мнению ряда ученых, является происхождение этнонима «таджик».

Согласно одной из самых распространенных версий, название персоязычных земледельцев имеет тюркское происхождение. Его исходный вариант, в свою очередь, возник как версия экзоэтнонима бедуинского племени, находившегося на одной из южных границ Сасанидской Персии – «тай» [12]. Данная точка зрения достаточно популярна и среди зарубежных исследователей [13-14].

Ранее в отечественной дореволюционной историографии бытовало мнение об иранском происхождении этнонима от слова «тадж» (تاج) (корона). В подтверждение приводились китайские источники, датируемые более ранним периодом [15].

По «классической» (бедуинской) версии именем «тазик» или «теджик» тюрки стали в эпоху мусульманских завоеваний обозначать представителей ираноязычных общностей, принявших ислам. Следует отметить, что великий востоковед В.В. Бартольд, придерживавшийся вышеописанной теории, не подразумевал под термином «таджик» некой нации. Об этом свидетельствует его известное замечание, имеющее особую значимость для нашей работы и опубликованное только после распада СССР. Оценивая политику национально-территориального размежевания, проводимой советским руководством, В.В. Бартольд констатировал, что «национальный принцип в том виде, как он был проведен в жизнь при национально-государственном размежевании Средней Азии в 1924 г., был выработан западноевропейской историей XIX века и совершенно чужд местным историческим традициям» [16].

Тем не менее, советской властью было принято решение о создании таджикской автономии в рамках Узбекской ССР. Одной из причин ее создания была угроза утверждения «пантюркизма» [17] в регионе. В зарубежной историографии бытует мнение, что «таджикский проект» был необходим для дальнейшего экспорта революции в ираноязычные государства региона и создания «Большой Центральной Азии» [18]. По мнению С.Н. Абашина, союзная республика Таджикистан – это «Малый Таджикистан» (т.е. незавершенный проект «Большого Таджикистана») и именно в его рамках формировался таджикский национализм [19].

В 1930-е гг. большинство членов руководства союзной республики Таджикистан, стоявших у истоков национальной политики, были репрессированы. В основном дела заводили по сфабрикованным обвинениям в участии в «националистических организациях». Репрессиям подверглись Ширино Шотемор, Нусратулло Махсум, Чинор Имомов и другие.

В послевоенное время в Таджикистане проходили те же социальные процессы, что и в остальных республиках. С 1946 по 1956 гг. руководство республикой осуществлял Б.Г. Гафуров. Это был редкий случай, когда первый секретарь союзной республики уделял значительную часть времени исторической науке. В 1949 г. он опубликовал монографию «История таджикского народа. В кратком изложении» [20]. Продолжая изучение истории таджиков, он определил период правления в Центральной Азии династии Саманидов как эпоху завершения складывания таджикского народа [21]. Впоследствии эта теория окажет серьезное влияние на политику

«нацстроительства» (national state building) таджикского руководства в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

В послевоенное время, помимо исследования и «оценки» различных аспектов таджикской истории, руководство Таджикской ССР проводило преобразования в топонимике страны. На волне десталинизации было возвращено прежнее имя столице республики – Душанбе. В 1978 г. родной поселок Б.Г. Гафурова был переименован в Гафуров, а город Регар стал Турсонзаде (в память о современном таджикском поэте).

Накануне распада СССР, в условиях «гласности» и роста национального самосознания, обозначились серьезные расхождения среди набиравших популярность общественно-политических движений по проблеме «возрождения» национальной идентичности. Представители правящей номенклатуры, про-правительственной и оппозиционной интеллигенции, сторонники исламского пути развития и продвижения интересов Горно-Бадахшанской Автономной области имели различные взгляды на будущее Таджикистана и, как показали будущие события, не стремились к компромиссу. Пожалуй, главным было отсутствие общего представления об «идентичности», прежде всего, в ее этническом измерении, в условиях свойственного Таджикистану «субэтнического» регионального деления.

Официальное руководство республики в лице К.М. Махкамова в период «перестройки» следовало в русле общесоюзной политики. В 1988–1989 гг. в Таджикистане «горячо» обсуждался вопрос о придании таджикскому языку статуса государственного. Изученные авторами работы материалы Центрального государственного архива республики Таджикистан и периодика того времени позволяют выявить степень актуальности вопроса в то время, позиции различных сторон и их аргументацию.

Точка зрения о необходимости закрепления одного государственного языка была преобладающей среди представителей таджикской номенклатуры. В официальной прессе того времени публиковали письма, в том числе, и не от «этнических» таджиков, с одобрением языковой реформы [22]. В проекте закона, который был передан участникам действовавшей при Верховном Совете «Комиссии по подготовке предложений о статусе государственного языка Таджикской ССР» [23], видны «следы» активного обсуждения статусов ягнобского и памирских языков [24]. Более того, были опубликованы радикальные проекты «возрождения» в Таджикистане письменности на основе арабской графики и планы ее внедрения в высших учебных заведениях республики [25].

Проект «Закона ТССР о языке» был одобрен и принят в 1989 г. в достаточно компромиссной форме. В частности, предусматривался особый статус русского в качестве языка «межнационального общения народов СССР» (ст. 2), на который, в частности, должно были переводиться все официальные документы (Глава III).

По всей видимости, К.М. Махкамов в условиях центробежных процессов в Советском Союзе стремился форсировать процессы «нацстроительства». В 1990 г. он сделал заявление о том, что «народ стал терять свою культуру» и что «многое необходимо поправить» [26]. В этом с коммунистическим лидером были солидарны представители демократической оппозиции. Дискутировались только методы, скорость и право на реализацию национальной политики в новых условиях.

Получившее первоначально широкую поддержку среди таджикского населения республики демократическое движение «Растохез», выступало за возрождение «персидской культурной традиции» в Таджикистане [27]. Программа «Растохеза» была сфокусирована на национально-освободительную борьбу и возрождение культурных традиций таджикского народа [28]. При этом попытки реализовать программные установки на практике оказались неудачными. Сказались межрегиональные, межконфессиональные и межклановые противоречия, обозначившиеся после снижения влияния Центра на союзную республику. Среди участников «Растохез» большинство составляли представители городского населения севера страны, преимущественно с высшим образованием. У жителей других районов они ассоциировались с так называемым «ленинабадским» кланом, широко представленным в местной партийной номенклатуре.

Представители «Партии исламского возрождения Таджикистана» пытались сгладить межрегиональные разногласия путем объединения таджикского общества на основе ислама. При этом движение активно сотрудничало с остальными оппозиционными организациями и группами.

Движение «Лали Бадахшон», как гласил устав организации, выражало интересы населения Горно-Бадахшанской автономной области. Примеру памирцев последовали и другие области бывшей Таджикской ССР. Появились такие региональные политические группы как «Хамдилон», «Мехри Хатлон», «Хисори Шодмон», «Истаравшан» и «Зарафшон».

Одним из способов противодействия официальных властных структур оппозиционным движениям в условиях политики гласности и демократических преобразований стала их критика в средствах массовой информации. В частности, руководитель городского отдела Комитета Государственной Безопасности (КГБ) республики М. Чакканов, обвиняя оппозиционные силы в росте националистических настроений и контактах с прибалтийскими националистическими организациями, призывал «дать отпор» провокациям на этно-конфессиональной почве [29].

После прихода к власти в Таджикистане Э.Ш. Рахмонова (конец 1992 г.) официальное руководство стало придерживаться в политике национального строительства направления, заданного первыми секретарями республики послевоенного времени. Фактически было провозглашено восстановление таджикской государственности, «утерянной» со времени упадка державы Саманидов. Небезосновательный тезис о «древнейшем народе Средней Азии» неизменно присутствовал в научных и популярных изданиях, выходявших в постсоветском Таджикистане [30-32].

Параллельно, в ходе реализации данного курса был принят ряд мер, направленных на восстановление историко-культурных традиций, прежде всего, в сфере топонимии. Так, инициированная демократической общественностью кампания по возвращению городу Ленинабаду его исторического названия завершилась в феврале 1991 г. переименованием населенного пункта в Худжанд.

В 1991 г. Президиум Верховного совета республики постановил провести конкурс на лучшие текст и музыку для государственного гимна, лучший эскиз государственного флага и государственного герба [33].

Победителям предусматривались премии в размерах: 50 000 рублей за первое место, 30 000 рублей за второе и 15 000 рублей за третье [34], - суммы весьма солидные по тем временам.

В 1992 г. был проведен международный форум таджиков, опубликован сборник «Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации», а два года спустя было отпраздновано тысячелетие «Шахнаме» [35]. Навруз был объявлен государственным праздником и стал широко отмечаться на государственном уровне.

Заключение

В условиях острого политического кризиса, накануне гражданской войны, правительство республики уделяло серьезное внимание проблемам нацстроительства, разрабатывая базовые стандарты для конструирования национальной идентичности таджиков. В значительной степени реализовывались «наработки» послевоенного руководства республики. Ярким свидетельством этому является определение державы Саманидов как самостоятельного таджикского государства и исторического ориентира. 26 октября 2000 г. в честь Исмаила Сомони была названа национальная валюта Таджикистана [36].

В последние годы у политической элиты наблюдается усиление интереса к доисламскому прошлому республики. В частности, это выражается в обращении к образу Спитамена, легендарного согдийского аристократа, бросившего вызов Александру Македонскому. В его честь в 2003 г. был переименован город Нау, а целый район Согдийской области стал носить название Спитаменский. С 2001 г. одной из государственных наград республики является орден Спитамена (двух степеней) [37]. Вторым значимым национальным героем доисламского периода стал согдийский аристократ Деваштич, долгое время оказывавший серьезное сопротивление арабским завоевателям.

Обращение к «выдающимся личностям прошлого» демонстрирует возрастание «практического» интереса к доисламской истории Таджикистана с целью дальнейшего конструирования модели государственно-национального строительства. Однако на данный момент историческим ориентиром для официальной элиты в значительной степени остается неплохо известная по письменным и археологическим данным эпоха Саманидов. Тем не менее, попытки «размыть» границу между исламским и доисламским прошлым, тем самым выдвинув на первый план этно-языковую составляющую таджикской идентичности, отразились в официальной «Истории таджикского народа». Второй том издания «охватывает важнейший период (VI–X вв. до н. э.) – период этнического формирования самого таджикского народа, его современного языка, собственной государственности и этнической территории – Исторического Таджикистана» [38].

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта», шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.279.2014.

Примечания:

1. *Collins K.* Ideas, networks, and islamist movements - Evidence from central Asia and the Caucasus // October 2007. Volume: 60. Issue: 1. P. 64-96.
2. *Акилова М.М.* Религия как часть культуры и ее роль в общественной жизни Таджикистана // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Худжанд, 2013. № 4(37). С. 261-269.
3. *Thibault H.* The Secular and the Religious in Tajikistan: Contested Political Spaces // Studies in Religion – Sciences Religieuses. June 2013. Volume: 42. Issue: 2. P. 173-189.
4. *Олкотт М. Б.* Таджикистан: Трудный путь развития. М.: Время, 2014. С. 47-61.
5. *Алиев С.Н., Гусейнова Т.В.* Социально-правовой контекст обучения русскому и английскому языкам в системе образования Таджикистана // Вопросы филологии. М., 2007. № 3. С. 75–80.

6. *Семенова Е.В.* Языковая политика в современном Таджикистане (по материалам центральной Таджикской прессы) // Восток. Афро-азиатские общества: История и Современность. М., 2007. № 5. С. 143–146.
7. *Нозимов А.А.* Языковая ситуация в Таджикистане: оценка эффективности языкового планирования // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск. 2009. № 3. С. 250–252.
8. *Нозимов А.А.* Языки диаспор и иммигрантские языки Таджикистана: к характеристике полисубъективности языковой политики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск. 2009. № 4. С. 240–243.
9. *Нозимов А.А.* Политика «языкового ренессанса» в Таджикистане // Россия и Мусульманский мир. М., 2010. № 9. С. 79–84.
10. *Салимов Р.Д.* Проблемы языковой политики и развития языков в многоязычном Таджикистане // Слово. РУ: Балтийский акцент. Калининград. 2012. № 2. С. 56–60.
11. *Хабибова Н.Ш.* Толерантная культура на образовательном пространстве в республике Таджикистан // Вестник института языков. Душанбе, 2012. Т. 1. № 5-1. С. 69-72.
12. *Бартольд В.В.* Таджики. Исторический очерк. Собрание сочинений. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 455-456.
13. *Wood J., Yule H.* A Journey to the Source of the River Oxus. London, 1872. P. 193.
14. *Soucek S.* A history of inner Asia. Cambridge University press. 2000. P. 32.
15. *Ханьков Н.В.* Записки по этнографии Персии. М. Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 85.
16. *Бартольд В.В.* О национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991. № 5. С. 165.
17. *Масов Р.М.* История топорного разделения. Душанбе, 1991. С. 35.
18. *Rakowska-Harmstone T.* Russia and Nationalism in Central Asia. The Case of Tadjhikistan. Baltimore, London: The John Hopkins Press, 1970. P. 72–74.
19. *Абашии С.Н.* Национализмы в Средней Азии: В поисках идентичности. СПб., 2007. С. 195.
20. *Гафуров Б.Г.* История таджикского народа в кратком изложении. М., 1949.
21. *Гафуров Б.Г.* Таджики древнейшая, древняя и средневековая история. Второе издание. Душанбе, 1989. С. 86.
22. По принципам взаимоуважения // Вечерний Душанбе. № 128 (5268). 1989. 5 июля.
23. Создана в январе 1989 г. В состав комиссии вошли представители власти во главе с председателем Президиума ВС ТССР Г. П. Паллаевым и деятели науки, культуры и искусства (Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. 297. Оп. 41. Д. 333. Л. 1-3).
24. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. 297 Оп. 41. Д. 355 Л. 154.
25. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. 297 Оп. 41. Д. 356. Л. 25.
26. Известия ЦК КПСС. 1990 № 8. С. 26.
27. *Шозимов П.Д.* Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане. Душанбе, 2003.
28. *Низзов Д.* Из истории развития демократического движения в Таджикистане. URL: http://www.ca-c.org/journal/09-1997/st_16_niezov.shtml (дата обращения: 29.08.14).
29. *Чакканов М.* Не допустить экстремизма на национальной почве // Вечерний Душанбе. 9 октября 1989 г.
30. *Масов Р.М.* История топорного разделения. Душанбе, 1991.
31. *Негматов Н.Н.* Таджикский феномен: теория и история. Душанбе, 1997.
32. *Рахмон Э.* Таджики в зеркале истории. Кн. 1. От арийцев до Саманидов. Лондон, 1999.
33. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). Ф. 297. Оп. 40. Д. 1538. Л. 241.
34. Там же.
35. *Гусейнова И.* От форума таджиков до тысячелетия Шахнаме // Вечерний Душанбе. 15 февраля 1993 г.
36. *Солиев Х.Х.* Республика Таджикистан – 15 лет независимого экономического развития. Душанбе, 2007. С. 21.
37. *Рахмонов Э., Фаттоев С.* Независимость Таджикистана и возрождение нации. В 5 томах. Т. 5. Душанбе, 2006. С. 73.
38. История таджикского народа. Т. II: Эпоха формирования таджикского народа. Душанбе, 1999. С. 3.

References:

1. Collins K. Ideas, networks, and islamist movements - Evidence from central Asia and the Caucasus // October 2007. Volume: 60. Issue: 1. P. 64-96.

2. *Akilova M.M.* Religion as a part of the culture and its role in the social life of Tajikistan // Scientific notes of Khujand State University by the name of Academician B. Gafurov. Khujand, 2013. № 4 (37). P. 261-269.
3. *Thibault H.* The Secular and the Religious in Tajikistan: Contested Political Spaces // Studies in Religion - Sciences Religieuses. June 2013. Volume: 42. Issue: 2. P. 173-189.
4. *Olcott M.B.* Tajikistan: Difficult path of development. M.: Time, 2014. P. 47-61.
5. *Aliyev S.N., Huseynov T.V.* Social and legal contexts of learning Russian and English languages in the education system in Tajikistan // Philology. M., 2007. № 3. P. 75-80.
6. *Semenova E.V.* Language policy in modern Tajikistan (based on the central Tajik press) // East. Afro-Asian Society: Past and Present. M., 2007. № 5. P. 143-146.
7. *Nozimov A.A.* The language situation in Tajikistan: evaluation of the effectiveness of language planning // Vestnik of Pyatigorsk State Linguistic University. Pyatigorsk. 2009. № 3. P. 250-252.
8. *Nozimov A.A.* Languages diasporas and immigrant languages in Tajikistan: the characterization of multi subjections of language policy // Vestnik of Pyatigorsk State Linguistic University. Pyatigorsk. 2009. № 4. P. 240-243.
9. *Nozimov A.A.* The policy of "linguistic renaissance" in Tajikistan // Russia and the Muslim world. M., 2010. № 9. P. 79-84.
10. *Salimov R.D.* Problems of language policy and language development in multilingual Tajikistan // Word. RW: The Baltic accent. Kaliningrad. 2012. № 2. S. 56-60.
11. *Habibova N.S.* Tolerant culture on the educational environment in the Republic of Tajikistan // Vestnik of Institute of Languages. Dushanbe, 2012. Vol. 1. № 5-1. P. 69-72.
12. *Bartold V.V.* Tajiks. Historical Sketch. Works. Vol. II. Part I. M., 1963. P. 455-456.
13. *Wood J., Yule H.* A Journey to the Source of the River Oxus. London, 1872. P. 193.
14. *Soucek S.* A history of inner Asia. Cambridge University press. 2000. P. 32.
15. *Khanykov N.V.* Notes on the ethnography of Persia. M.: Oriental Literature, 1977. P. 85.
16. *Bartold V.V.* On the national delimitation in Central Asia // East. 1991. № 5. P. 165.
17. *Masov R.M.* History clumsy separation. Dushanbe, 1991. P. 35.
18. *Rakowska-Harmstone T.* Russia and Nationalism in Central Asia. The Case of Tadzhikistan. Baltimore, London: The John Hopkins Press, 1970. P. 72-74.
19. *Abashin S.N.* Nationalism in Central Asia: In Search of Identity. St. Petersburg, 2007. P. 195.
20. *Gafurov B.G.* The history of the Tajik people in summary. M. 1949.
21. *Gafurov B.G.* Tajiks ancient, ancient and medieval history. Second edition. Dushanbe, 1989. P. 86.
22. According to the principles of mutual respect // Evening Dushanbe. Number 128 (5268). 1989. July 5.
23. Established in January 1989. The commission includes representatives of government, headed by the chairman of the Presidium of the Supreme TSSR G.P. Pallaev and persons of science, culture and art. (Central State Archive of the Republic of Tajikistan (CSA RT). F. 297. Op. 41. D. 333. L. 1-3).
24. Central State Archive of the Republic of Tajikistan (CSA RT). F. 297. Inv. 41. D. 355. L. 154.
25. Central State Archive of the Republic of Tajikistan (CSA RT). F. 297. Inv. 41. D. 356. L. 25.
26. Proceedings of the CPSU Central Committee. 1990. № 8. P. 26.
27. *Shozimov P.D.* Tajik identity and nation-building in Tajikistan. Dushanbe, 2003.
28. *Niazi D.* From the history of the democratic movement in Tajikistan. URL: http://www.ca-c.org/journal/09-1997/st_16_niezov.shtml (date accessed: 29/08/14).
29. *Chakkanov M.* Not allow extremism on a national basis // Evening Dushanbe. October 9, 1989.
30. *Masov R.M.* History clumsy separation. Dushanbe, 1991.
31. *Negmatov N.N.* Tajik phenomenon: Theory and History. Dushanbe, 1997.
32. *Rahmon E.* Tajiks in the Mirror of History. Book 1. From the Aryans to the Samanids. London, 1999.
33. Central State Archive of the Republic of Tajikistan (CSA RT). F. 297. Inv. № 40. D. 1538. L. 241.
34. Ibid.
35. *Huseynov I.* From offline Tajiks to Shahnameh Millennium // Evening Dushanbe. February 15, 1993.
36. *Soliyev H.H.* Tajikistan - 15 years of independent economic development. Dushanbe, 2007. P. 21.
37. *Rahmon E., Fattoev C.* Independence of Tajikistan and the rebirth of the nation. In 5 volumes. Vol. 5. Dushanbe, 2006. P. 73.
38. The history of the Tajik people. Vol. II: The Age of the formation of the Tajik people. Dushanbe, 1999. P. 3.

**Национальное строительство в Таджикистане в 1988–2000-е гг.
Поиск «основы конструкта»**

¹ Абдулла Хамидович Даудов

² Артем Алексеевич Андреев

³ Владимир Андреевич Шорохов

⁴ Денис Геннадьевич Янченко

¹⁻⁴ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

¹ Доктор исторических наук, профессор, директор Института истории

E-mail: grimdek@yandex.ru

² Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: gal7gas@yandex.ru

³ Ассистент

E-mail: helveticw@bk.ru

⁴ Кандидат исторических наук, старший преподаватель

E-mail: deni_g_yanch@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам национально-государственного строительства Таджикистана, в частности проблеме поиска «конструкта» национальной идентичности. Взгляды на национальную идентичность в республике претерпели ряд изменений в течение XX века. В значительной степени это коснулось моделей «прошлого» для государственно-национального строительства настоящего. В практическом отношении это выразилось в повышении интереса современной политической элиты к доисламскому прошлому региона как началу политической истории при сохранении основной «модели – конструкта» таджикской государственности, датируемой периодом правления Саманидов.

Ключевые слова: Таджикистан; национальное строительство; историко-культурные традиции; идентичность; ираноязычная общность; территориальное размежевание в советской Средней Азии; политические партии Таджикистана.

Copyright © 2015 by Sochi State University

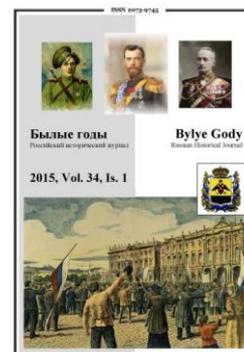
Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 211-214, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 002.2

Book in the Sociocultural History of the East of the Russian Empire

^{1, 2} Timur A. Magsumov

² Irina V. Kornilova

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

² Naberezhnochelmskiy Institute of socio-pedagogical technologies and resources, Russian Federation
423806, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, Nizametdinov St., 28

PhD (History), Assistant Professors

E-mail: nabonid1@yandex.ru, ivkornilova@list.ru

Abstract

The monograph by Doctor of Historical Sciences E.N. Valeev "History of book industry in the Volga-Kama region (1773-1917)" (Kazan, 2012. 408 p.) is devoted to the underinvestigated chapters of book history of the Russian province in the context of multinational Volga-Kama region. The author pays particular attention to the establishment and development of book culture of the peoples living in the region in the context of understanding the long historical path of national culture development on the rich historical background of the late XVIII - early XX centuries.

Keywords: review; monograph; booklore; book publishing; book culture; Volga-Kama region.

В основу монографии Эмиля Наильевича Валеева положена диссертация «Становление и развитие книжной культуры многонационального народа Волго-Камского края (конец XVIII – начало XX века)», представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук Диссертационному Совету Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана [2]. Диссертация была успешно защищена 25 мая 2012 года.

Автор уже успел зарекомендовать себя серьезными научными трудами по истории литературы, книги и книжного дела [3, 4]. Рецензируемая монография [1] представляет собой основательное исследование на стыке ряда направлений социогуманитарных наук – отечественной истории, историографии, источниковедения, книговедения, и комплекса специальных историко-филологических дисциплин. Она являет собой пример комплексного использования методики всех этих наук.

Монография, безусловно, интересна широкой палитрой рассматриваемых исторических проблем, в той или иной мере затронутых в работе и отобразивших духовное наследие народов Волго-Камского края. Свое научное воплощение получили проблемы истории просвещения, печати и книгоиздательства, различные аспекты национального и религиозного вопроса, специфики функционирования провинциальной науки. Внимание уделено научному изучению истории книжного дела Волго-Камского края в контексте важнейших социокультурных процессов, протекавших в Российской империи. В трех главах книги убедительно доказывается насыщенность книгоиздательской жизни в Волго-Камском крае, высвечивается ее специфика в сравнении с другими регионами и двумя столицами империи.

Заслуживает уважения хронологическая глубина проведенного исследования – почти полтора столетия: с 1773 по 1917 год. Зарождение книжного дела в Волго-Камском крае автор соотносит с созданием по указу императрицы Екатерины II казенных типографий, поскольку частное книгоиздательство еще только возникало в двух столицах, а в провинции оно не могло появиться по многим факторам. События рубежного 1917 года внесли свою лепту и в этнокультурное развитие края, изменив вектора эволюции книжного дела.

Интересным для читателя может оказаться широкий охват источниковой базы, показывающий всю масштабность поисковой и научной работы по теме исследования. Он воистину внушителен: автор решил не заикливаться на отдельном федеральном субъекте и даже регионе, а сразу задействовал весь потенциал тематики, находящийся в различных местах хранения исторического материала. Среди них Российский государственный исторический архив, Государственный архив РФ, Национальный архив Республики Татарстан, Сибирское отделение Российской академии наук, материалы библиотечных собраний. Автору присуща научная корректность по отношению к исследованиям предшественников, аккуратность при цитировании всех значимых работ других ученых.

Широкая проблематика монографии доказывает авторский подход к пониманию книжного дела и книжности как сложной многоуровневой системы.

Сочинение Э.Н. Валеева обнаруживает, что именно в раннеимперском периоде российской культуры следует искать основания того интеллектуального выбора, который был в дальнейшем совершен Востоком в пользу европейской науки, образования и становления нового типа человека отечественной культуры нового времени.

Автор отмечает, что в ходе исследования был обнаружен возросший с начала XIX века интерес российского провинциального общества к книгам, обусловленный доминантным влиянием на рост духовно-культурного развития края открывшихся университетов, а также решением правительства об учреждении типографий в уездных городах, расширивших книжное пространство российской провинции.

Во второй главе дан подробнейший анализ общественных и частных книжных собраний, а также стационарных книготорговых учреждений. Автор убедительно демонстрирует расширение социальной базы библиофильства в российской провинции, развеивая бытующее мнение о невежестве российского крестьянства на примере конкретных исторических сюжетов, связанных с библиотеками П.Л. Ухтомского в селе Макулове Свяжского уезда Казанской губернии, Н.Н. Галкина-Враскина в селе Полянки Спасского уезда Казанской губернии и др.

В качестве одной из первостепенных задач исследования являлось выявление на основе переосмысления архивных материалов идеологических наслоений советской эпохи о низости внутренних потребностей, а также безграмотности подавляющего большинства населения империи, и освобождение от оных некоторых сегментов отечественного исторического знания. Полученные статистические данные впечатляют: одних только изданных книг, переведенных на родные местные языки Православным миссионерским обществом при Братстве святителя Гурия в период с 1877 по 1891 годы было 84, а всего общий тираж (включая переизданные книги) составил 408 350 единиц. И это только деятельность переводчиков-миссионеров духовных книг! Плодотворная работа Переводческой комиссии не ограничивалась территорией Волго-Камского края: распространение книг религиозного и научного содержания происходило на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Авторы из упомянутых провинций также приезжали в Казань по вопросу рецензирования своих сочинений.

Заметный вклад в поток книжного дела внесла и официальная наука: в Волго-Камском крае действовали три университета, – Казанский, Саратовский и Пермский, – подарившие множество монографических исследований. Нельзя не согласиться с авторским заключением о том, что формирование книгоиздательства в крае шло именно при непосредственном влиянии университетов, причем доминантное воздействие оказывал императорский Казанский университет, имевший длительные образовательные и просветительские традиции.

Актуализирован момент, связанный с издательством литературы религиозного характера в Казанской губернии: фактически, она единственная издавала на территории Российской империи кораническую литературу. Отмечено, что в Казани выпускалась публицистика на татарском, а также турецком, арабском и других восточных языках. Для татарской интеллигенции Восток, а особенно Турция, являлась религиозным идеалом. С развитием национального самосознания мусульманским сообществом станет востребованной не только исламская, но и историческая литература.

История книгоиздательства в Волго-Камском крае запечатлела становление в татарской общественной мысли на рубеже XIX-XX веков религиозной и социальной полемики идеологов кадимизма и джадидизма. Автор сделал вывод, что непримиримость идейных противоречий упомянутых двух течений оказала серьезное и прямое воздействие на выпуск научной, учебной и популярной книги в крае.

Несомненно, что в монографии прослеживается мысль о постепенной эволюции книжного дела в Волго-Камском крае, смене его задач и приоритетов. Если в XVIII веке книга в глазах дворянства была инструментом Просвещения, то в начале XX столетия она превратилась, не иначе, как в важнейшее средство политического воспитания масс. От развития внутри- и внешнеполитических событий также менялось и отношение к книжному делу и библиотекам. Характерно то, что в политических сочинениях либералов и консерваторов ислам был и оставался незыблемой истиной, отклонение от которой не допускалось. Автор приводит в пример историю с изданием и дальнейшей судьбой книги «Исабет» изданной под авторством муллы М.Г. Чеготая в 1908 году, которого широкая полемика в мусульманском сообществе, а также давление духовенства привело к письменному покаянию и просьбе вернуть все экземпляры для уничтожения.

Не менее интересен в плане новизны научного подхода еще один сюжет монографии, посвященный переоценке личности преподавателя императорского Казанского университета А.П. Шапова (1831-1876). Автор, внимательно изучив персональное дело «О профессоре Казанской Духовной академии» в ГА РФ, предпринял смелую попытку пересмотра тенденциозной оценки листовки «Други, за народ убиенные...», данной советскими исследователями. В частности, автор убедительно и логично доказывает, что А.П. Шапов никогда не имел ученого звания профессора, не являлся автором данной прокламации, а только озвучил в своем выступлении коллегиально составленную политическими оппонентами царского режима речь. Утверждения «об отсутствии в речи призывов к борьбе, к топору против правящего режима, воззвания и приветствия принятия демократической конституции» доказывают факт интерпретации советскими историками именно этого аспекта публичного выступления А.П. Шапова, наполненного революционным содержанием. Этот вывод автора имеет самостоятельное научное значение и думается, прочно войдет в исследовательский обиход.

Э.Н. Валеевым определена богатая палитра имен исследуемых персоналий столичных и региональных ученых, общественных деятелей, писателей, просветителей, любителей старины, коллекционеров и др., оживляющих и одушевляющих современную науку новыми именами.

Вполне естественно, что в такой многоплановой по содержанию и полемичной по выводам работе не все положения бесспорны, ряд мыслей и фактологических убеждений автора нуждаются в дальнейшем развитии и уточнении. И этим, на наш взгляд, и достигнута цель данного исследования – новыми суждениями положить начало для дальнейших размышлений в среде научного сообщества.

В целом, монография Эмиля Наильевича Валеева представляет собой серьезный научный труд, позволяющий составить целостное представление феномена духовной культуры нации – книги, книжной традиции и культуры в связи с историческими судьбами народов Волго-Камского края, восполнить имевшиеся в науке пробелы и способствовать дальнейшим изысканиям и размышлениям об имперской эпохе Отечественной истории.

Примечания:

1. Валеев Э.Н. История книжного дела в Волго-Камском крае (1773–1917). Казань: Казан. ун-т, 2012. 408 с.
2. Валеев Э.Н. Становление и развитие книжной культуры многонационального народа Волго-Камского края (конец XVIII – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Казань, 2012. 493 с.
3. Валеев Э.Н. «Судьбою прерванный полет...»: Г.П. Каменев в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. Казань: Наследие, 2001. 136 с.
4. Валеев Э.Н. Эволюция книжности многонационального народа Волго-Камского края (конец XVIII – начало XX века). Казань: Изд-во «Фэн» (Наука) Академии наук Республики Татарстан, 2011. 248 с.

References:

1. Valeev E.N. Istoriya knizhnogo dela v Volgo-Kamskom krae (1773–1917). Kazan: Kazan. un-t, 2012. 408 p.
2. Valeev E.N. Stanovlenie i razvitie knizhnoy kultury mnogonatsionalnogo naroda Volgo-Kamskogo kraya (konets XVIII – nachalo XX veka): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Kazan, 2012. 493 p.
3. Valeev E.N. «Sudboyu prervannyu polet...»: G.P. Kamenev v russkoy literature rubezha XVIII–XIX vekov. Kazan: Nasledie, 2001. 136 p.
4. Valeev E.N. Evolyutsiya knizhnosti mnogonatsionalnogo naroda Volgo-Kamskogo kraya (konets XVIII – nachalo XX veka). Kazan: Izd-vo «Fen» (Nauka) Akademii nauk respublikli Tatarstan, 2011. 248 p.

УДК 002.2

Книга в социокультурной истории Востока Российской империи

^{1, 2}Тимур Альбертович Магсумов

²Ирина Валерьевна Корнилова

¹ Международной сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

² Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, Российская Федерация

423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28

Кандидаты исторических наук, доценты

E-mail: nabonid1@yandex.ru, ivkornilova@list.ru

Аннотация. Рецензируется монография доктора исторических наук Э.Н. Валева «История книжного дела в Волго-Камском крае (1773-1917)» (Казань, 2012. 408 с.), посвященная малоизученным страницам книжной истории российской провинции на примере многонационального Волго-Камского региона. Особое внимание в работе уделено становлению и развитию книжной культуры народов края в контексте осмысления долгого исторического пути развития национальных культур на богатом историческом фоне конца XVIII – начала XX столетий.

Ключевые слова: рецензия; монография; книжность; книжное дело; книжная культура; Волго-Камский край.